

Евгений Францевич Шурло
(1853–1934)

СЕРИЯ
БИБЛИОТЕКА РУССКОЙ ПЕДАГОГИКИ

КУРС РУССКОЙ ИСТОРИИ РУСЬ И ЛИТВА

Ответственный редактор: академик РАО
Корольков А. А.

Допущено учебно-методическим объединением ВУЗов Российской Федерации по педагогическому образованию Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов высших и средних специальных учебных заведений.

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
1999

ББК ТЗ(2)43-6
УДК 947.03

*Редакционный совет серии
«Библиотека русской педагогики»:
Г. А. Бордовский, В. А. Бордовский, В. П. Борисенков,
Л. А. Вербицкая, А. А. Корольков, Н. Д. Никандров,
О. Л. Абышко, И. А. Савкин*

«Курс русской истории» — главная, итоговая работа выдающегося русского историка Евгения Францевича Шмурло (1853-1934). Основу курса лекций составляет так называемое догматическое изложение твердо установленных наукой основных фактов русской истории с 862 по 1725 гг.

Второй том «Курса русской истории» называется «Русь и Литва» и посвящена многогранным отношениям молодого русского государства с его западными соседями, преимущественно с Литвой.

Издание снабжено современным научным аппаратом.

Для самого широкого круга читателей.

ISBN 5-89329-029-1

9 785893 290295

© Издательство «Алетейя» (г. СПб), составление, научная редакция текста, художественное оформление — 1999 г.

Е. ШМУРЛО

КУРС РУССКОЙ ИСТОРИИ

Том второй

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий выпуск, как и первый том «Курса», появляется в свет при доброжелательном содействии Славянского института в Праге, взявшего на себя часть необходимых расходов по изданию. Что касается второго выпуска, то он вполне приготовлен к печати и появится в свет, как скоро позволят тому обстоятельства. Он охватывает те же 1462—1613 гг. и посвящен, как и в первом томе, «Спорным и невыясненным вопросам русской истории». Названия этих «вопросов» (№ 1—38) читаются на соответствующих страницах настоящего выпуска.

Литографический способ печатания исключал возможность исправления допущенных ошибок. Эти ошибки, а также пропуски некоторых слов отмечены в конце книги, вслед за оглавлением, и желательно, чтобы читатель прежде чем приступить к чтению, ознакомился предварительно с ними.

NB. В указаниях на литературу предмета встречаются ссылки на «Известия» и «Чтения» — они всегда означают: «Известия отделения русского языка и словесности имп. Академии наук» (это так называемая шахматовская серия «Известий», начавшая выходить с 1897 г.) и «Чтения общества истории и древностей российских» при Московском университете.

Настоящая книга напечатана в количестве ста экземпляров.

Прага
май 1933 г.

Е. Ш.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОБЩИЙ ОБЗОР 1462—1613 гг.

К середине XV в., т. е. ко времени, на котором оборвалось изложение русской истории в первом томе нашего «Курса», окончательно завершилось обособление Юго-Западной, Литовской Руси от Северо-Восточной, Московской. Войдя в круговорот государственной жизни Польши, а следовательно, политически и без того уже давно оторванная от родной своей сестры, Русь Литовская отделилась от нее еще и церковно, образовав свою собственную митрополию, Киевскую, независимую от митрополии Московской (1458). С этой поры жизнь русского народа не только политически, но и культурно пошла по двум резко обособленным руслам; главные этапы, по которым определяются эпохи народной жизни, перестали совпадать хронологически, и вмещать их в одни и те же рамки стало теперь невозможно. Вот почему, если содержание настоящего тома и определено периодом в полтора столетия, с 1462 по 1613 г., то такое определение приложимо к одной лишь Московской Руси — для Руси Литовской придется подыскать рамки или более узкие (до 1569 г.), или более широкие (до 1654 г.).

При всем, однако, отличии, при всем внедрении постороннего элемента Русь Литовская и в этот период продолжает оставаться русской, и если она меняет свои государственные и социальные устои, то по-прежнему продолжает — в языке, в быте, в правовых понятиях, в литературе, в отношении своих религиозных связей с Русью Московской — исходить, как и та, из тех же начал, какие заложены были в сознании русского народа еще на самой заре его политического существования.

А. МОСКВА

(МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО)

Создание государства

1. Превращение московской вотчины в Московское государство и политическое объединение Северо-Восточной Руси под

властью московских государей завершили собою длительный процесс, начало которого восходит к середине XII в. Дом, начатый постройкой за несколько веков перед тем, достроен теперь окончательно.

2. Отдельным частям этого дома на первых порах еще недостает внутренней скрепы; еще не сразу определилась и выявилась наружу та воля, что будет направлять жизнь и действия обитателей этого дома. Выработать для этой воли соответствующие формы, иными словами, прежнее единодержавие, сохранения его неизменным, превратить в самодержавие стало очередной задачей ближайших преемников Василия Темного.

Политические задачи

1. Государство, самым фактом своего существования, определило те особенности политической жизни, какими она будет отличаться в 1462—1613 гг. от предыдущей эпохи. В новой атмосфере государства, выросшего из вотчины, выросла и окрепла новая идея государственности. Благо и интересы целого; жертвенность (если бы в таковой оказалась необходимость) интересов частных во имя этого Целого — Государства — вот то мерило, по которому стала теперь производиться оценка сил и поступков человека, признание их за положительные, полезные, или отрицательные, вредные.

2. Этот основной принцип проходит красной нитью через все наиболее важные явления государственного значения в рассматриваемый период полутора столетий: освобождение от татарского ига, расширение границ на восток и юго-восток; сношения с Западной Европой, продвижение к Балтийскому морю, притязания на Зарубежную Русь, превращение старой дружины в государевых подданных, прикрепление крестьян, борьба центростремительных сил с внутренними и внешними врагами в Смутные годы — все эти явления одухотворены идеей государственного блага, как бы, подчас довольно сильно, ни выступали в этих явлениях старые, еще не вполне омертвевшие формы вотчинного начала.

3. Конец татарского ига — явление знаменательное в русской истории: это исходный пункт целого ряда новых явлений, если и не вызванных, не порожденных, то в значительной степени обусловленных им. Возникают три, в первое время еще не всегда достаточно ясно осознанные, грандиозные задачи, которые надолго, на целые века, определяют политическую деятельность России на Востоке и Западе. Эти задачи были:

а) продвижение к Балтийскому морю: борьба со шведами и поляками за обладание его восточным побережьем (1558—1809);

б) воссоединение русской народности под одним скипетром — длинная и мучительная по содержанию глава из русской истории под названием «Зарубежная Русь: литовско-польские войны (1561—1795)»;

в) выяснение границ в целях прочно отмежеваться от мусульманского Востока и полудикой азиатчины — новая глава русской истории, полная драматизма и внутренних противоречий: отбрасывая Азию к Востоку, мы сами вынуждены были продвигаться вслед за ней и ознаменовали свое продвижение внедрением русской культуры в эту азиатчину. Последовательные этапы этого продвижения: Нижнее Поволжье, Заволжье, Сибирь, Северный Кавказ, Крым, Закавказье, Средняя Азия, Туркменский край, Маньчжурия, Порт-Артур (1469—1905).

Присмотримся несколько ближе к каждой из этих задач.

ПЕРВАЯ ЗАДАЧА: БАЛТИЙСКИЙ (КУЛЬТУРНЫЙ) ВОПРОС

С падением татарского ига Москва выходит из прежней изолированности и возобновляет прерванные было политические и культурные связи с христианским миром. К началу периода, т. е. к середине XV ст., православной Византии уже не существовало, ее сменила мусульманская Турция; оставался мир романо-германский и западное славянство, т. е. Западная Европа. Войти в круговорот международной (европейской) жизни Москве немало содействовало одно обстоятельство: образование московской монархии по времени совпало с аналогичным образованием монархий на Западе; жизненные интересы каждого государства или сближали его с другими государствами, или отталкивали, вели или к борьбе (к войнам), или к совместной работе (к политическому союзу, мирному соседству). В Москве с особой остротой почувствовались пробелы культурные — печальное следствие двух с половиной векового владычества монголов и отчуждения от остальной Европы — и уже Иван III старается посылно парализовать этот пробел. Тем сознательнее и энергичнее действуют в этом направлении его преемники (особенно Грозный и Годунов).

Сильное государство, независимое политически, способное обеспечить себе свободное культурное общение с другими народностями, немыслимо без морских берегов, без свободного Доступа к свободному морю. В этом отношении Московское государство XV—XVI вв. находилось в исключительно небла-

гоприятных условиях: Каспийское море, внутреннее, было, в сущности, озером; к тому же оно вело в мусульманскую или языческую Азию, к культуре чуждой; вместо того чтобы сблизить, отдаляло нас от Западной Европы и потому не могло ответить на потребности нового времени. Оставалось Белое море, но оно и географически, и по климатическим условиям удовлетворяло этим потребностям лишь в самой малой степени. Довольствоваться им одним было нельзя. Надлежало поэтому пробиваться к морю Балтийскому. В рассматриваемый нами период 1462—1613 гг. продвижение в этом направлении велось с большим напряжением, стоило громадных жертв, но бесплодных: цель достигнута не была. Мы не только не продвинулись вперед, но, наоборот, были отброшены назад. По договору 1617 г. (Вечный мир в Столбове) русско-шведская граница была еще далее отодвинута к востоку сравнительно с тем, как она проходила при Иване III (потеря узенькой полоски финского побережья с городами Ям, Ивангород, Копорье и города Орешка на истоках р. Невы). Более успешные действия на балтийско-шведском фронте предстояли позднейшим поколениям в последующий затем период русской истории (1613—1725), да и то лишь перед самым концом его.

ВТОРАЯ ЗАДАЧА: ПОЛЬСКИЙ (НАЦИОНАЛЬНЫЙ) ВОПРОС

ЗАРУБЕЖНАЯ РУСЬ

Медленный процесс объединения Северо-Восточной Руси московскими князьями, Калитой и его преемниками, совершался одновременно с другим аналогичным процессом — объединением Западной и Юго-Западной Руси вокруг литовской Вильны. Каждый центр, и Москва и Вильна, обладал, более или менее, моральным правом на роль такого объединителя. Напомним, что Великое княжество Литовское уже при Витовте почти сплошь (девять на десять) состояло из коренного русского населения, что русская культура сделала большие успехи в деле ассимиляции двух народностей, наложила свой национальный отпечаток на церковь, на суд, организацию управления, военного дела, вообще на весь государственный и общественный строй Литовского княжества (см. «Курс». Т. I).

Но с той поры как литовско-русские земли стали входить в орбиту польской жизни, особенно когда Люблинская уния 1569 г. еще сильнее связала Литву с Польшей общими политическими узами, — положение существенно изменилось и мо-

ральное право объединения всецело перешло к Москве. За литовским рубежом жил единоплеменный, единоверный народ, в полном смысле родные братья; великий же князь литовский, став одновременно и королем польским, лишен был возможности сказать, что по ту сторону его владений живут его единоплеменники и единоверцы; для него московское зарубежье являлось страной чужой, и сам он по отношению к нему из прежнего объединителя превращался в завоевателя. Польша настолько заслонила собой Литву, что и самое соперничество получило теперь иной смысл: прежний спор о том, которому из двух русских государств удастся захватить больше русских земель, кто в собственной среде захватит гегемонию и объединит все русские земли, — превратился в распрю двух национальностей, от исхода которой будет зависеть: Москва ли поглотит Польшу или Польша Москву.

Такой вопрос, хотя и не в столь заостренной форме, поставлен был уже в конце XV в., т. е. прежде даже, чем закончилось собиране земель на Северо-Востоке. Приняв титул «государя всея Руси», Иван III и его преемники ясно показали, чего они домогаются. Война Ивана Грозного за Ливонию неизбежно свелась к состязанию со Стефаном Баторием, так как победа Москвы сделала бы непрочным положение и Великого ства Литовского и нанесла бы серьезный удар самой Польше. Благоприятный для поляков исход этого состязания породил у Батория и Римской курии грандиозный план завоевания всего Московского царства.

Успех, окрыливший польского короля, для самой России представлял тем больше опасности, что он открывал католической пропаганде дверь, в которую давно уже, но до сей поры безрезультатно, стучалась Римская курия. Таким образом национальный вопрос осложнялся религиозным, и с той поры в русско-польских отношениях оба они останутся навсегда тесно связанными один с другим. На первых порах все, казалось, складывалось в пользу этого грандиозного плана: смерть Грозного, ничтожная фигура худоумного его преемника, царя Федора, жалкой куклы на московском престоле, неизбежное впереди прекращение династии создавали условия чрезвычайно благоприятные для его осуществления. Развивая этот план дальше, польский король уже мечтал соединенными усилиями поляков и русских нанести решительный удар Османской империи, разгромить турок и, навсегда изгнав их из Европы, исторгнуть христианские народы из-под пяты ненавистных мусульман.

Недаром в выработке этого плана деятельное участие принимал Антоний Поссевин, один из умнейших и даровитейших членов Иезуитского ордена: его цели на редкость совпадали с программой короля; недаром в ее составлении главным вдохновителем являлся он сам. Папский престол переживал трудные времена и особенно нуждался в талантливых и энергичных борцах. Вторая половина XVI в. известна в истории под именем «католической реакции». Проповедь Лютера, Цвингли и Кальвина в первой половине этого века отторгла от Римской церкви целые области и народы, тяжелые потери заставили католиков очнуться и отдать себе отчет в недостатках и пороках, проникших в церковь; лучшие силы в католическом мире загорелись пламенным, благородным желанием посылить исправить зло, приложив все усилия к тому, чтобы вернуть в лоно Римской церкви уклонившихся от ее учения. При этом имелись в виду не только новые «еретики» (протестанты), но и старые «схизматики», как обыкновенно называли на Западе исповедующих православную веру. Тридентский собор (1545—1563) приложил старания к тому, чтобы очистить католическую церковь от искажений, озаботился восстановить среди духовенства чистоту нравов, строгую дисциплину, поднял авторитет папы, а Игнатий Лойола, сжигаемый пламенной верой, создал духовное братство с железной, чисто военной дисциплиной, с тем чтобы духовным оружием, путем убеждения — воспитанием, школой, проповедью и в печатном слове — защищать церковь и папу, оспаривая все, что противно духу и учению католической церкви.

Посевин, горячий и талантливый последователь Лойолы, был послан Римской курией на Восток; можно сказать, он-то и вдохновил Стефана Батория и выработал главные основы завоевательного плана, и в то время как один, вооруженный мечом, мечтал превратить Московское государство в польскую провинцию, другой мечтал, с крестом в руках, сделать из Русской земли покорную и верную дочь Римского престола.

Мечтам этим, однако, не суждено было сбыться: их разбила преждевременная смерть Батория (1586). Впрочем, чего не удалось католической церкви в Московской Руси, того она добилась в Русской Польше: Брестская уния 1596 г. ввела значительную часть западно-русского населения в духовное общение с Римом и открыла ему впереди новые возможности. Мало того, уже в ближайшие за смертью Батория десятилетия, в тягостные для России Смутные годы для старого плана, неожиданно для самих поляков и иезуитов, настали лучшие дни. Завоевание Сигизмундом III Смоленска, избрание, хотя и не всенародное, коро-

левича Владислава в цари снова стали грозить Московскому государству политической смертью. Прекращение смуты, избрание новой династии хотя и повернуло руль в обратную сторону, однако от непосредственной опасности еще не избавило, и лишь при втором Романове Россия из обороны могла перейти сама в наступление, а Вечный мир с Польшей 1686 г. открыл дорогу Екатерине II.

ТРЕТЬЯ ЗАДАЧА: ВОПРОС ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ — БОРЬБА С «АЗИЕЙ»

С этой «Азией» русский народ столкнулся не на одном азиатском материке: он нашел ее и в Европе, на той самой Великой равнине, где сам впервые появился на исторической сцене.

Борьба с европейской половиной «Азии» проходит яркой полосой через первые века нашей истории, начиная с обров, хазар и кончая монголами (IX—XIII); в последующие два века она принимает форму тяжелого татарского ига (XII—XV). Но с его падением она возобновляется с прежним напряжением и силой. Мы уже видели, что именно делало ее столь напряженной («Курс». Т. I): отсутствие естественных границ, противоречия двух несходных культур; невозможность мирного размежевания между ними. Столкновение было неизбежно, и в 1462—1613 гг. борьба велась на два фронта: на юге оборонительно, на востоке наступательно. На юге мы ставим ряд засечных линий, сторожевых пунктов, пока еще не особенно продвигаясь вглубь черноморских степей; зато на востоке захватываем все Поволжье вплоть до Каспийского моря, внедряемся за Волгой в Среднее Предуралье (башкирский край) и переваливаем через каменный пояс (Уральский хребет) в Сибирь. Так приступил русский народ к выполнению своей многовековой исторической миссии: приобщить кочевые и малокультурные народы азиатского Востока к мировой (европейской) культуре.

Дела внутренние

Указанные три проблемы уже теперь, в первоначальной своей стадии, потребовали от русского народа громадного и Упорного напряжения сил, духовных и материальных, что обусловило, в свою очередь, два явления, характерных не для одного только периода 1462—1613 гг.: выросло самодержавие,^a население превратилось в подданных, распределенных на классы по признаку скорее обязанностей, чем занятий;

слуги вольные превратились в подневольных, земледелец стал прикреплен к той земле, на которой жил и работал. В тесной связи с этим стала складываться новая организация военного дела: выросла поместная система, новые виды службы (стрельцы); прежний боярско-дружинный характер управления сменился самодержавно-приказным, и как реакция этому последнему — земское самоуправление и отмена системы кормлений. Самодержавие единовластного государя обеспечивало населению достижение поставленных жизнью целей, и в этом достижении нашло оправдание тем отрицательным явлениям, какими нередко оно сопровождалось.

Москва — Третий Рим

Пробудившееся после Флорентийской унии и падения Византии чувство национального самосознания породило горделивую мысль о высоком призвании русского народа охранять Божественную истину, выраженную в учении православной церкви, со всеми вытекающими отсюда высокими обязанностями и правами. Идея «Москва — Третий Рим» совершенно изменила в глазах Москвы ее положение в христианском мире, а впоследствии внесла в ее политическую деятельность особую ноту религиозного мессианства.

Культурная жизнь

1. Лицом к Западу. Освобождение от татарского ига позволяет Москве если не стать совершенно тылом к азиатскому Востоку (для нее такой момент никогда не настанет), но все же с большим спокойствием обернуться лицом к европейскому Западу: отношения с ним возобновлены и с каждым поколением становятся все оживленнее и содержательнее.

2. Конец «Средним векам». Подобно Западной Европе, Россия с середины XV в. покончила со своими «средними веками»; для нее с этой поры тоже начались «новые века». Мы только что видели, в чем они выразились политически; культурно же это было:

а) переоценка старых устоев жизни, сомнение в их истинности, вместо преклонения перед авторитетом — критика его; возбуждаются и решаются вопросы, глубоко захватывающие общество;

б) критические стрелы, как и на Западе (Виклеф, Гус, Лютер) направлены прежде всего на церковь (стригольники, жидовствующие; вопрос об аллилуйе);

в) вопросы церкви неразрывно слиты с вопросами государственной и общественной жизни: там Савонарола, Лютер, Фома Мюнцер и анабаптисты — у нас Нил Сорский, Иосиф Волоцкий, поп Скрипица, Максим Грек, митрополит Даниил; вопросы о монастырских имуществах, о вдовых священниках, о поставлении в духовный сан за мзду, о совместной жизни монахов и монахинь, о несоответствии духовенства своему пастырскому назначению и т. п.

3. Аналогия и отличия от Западной Европы. Говоря об аналогии с Западной Европой, необходимо оговориться: культурный ренессанс на Западе проявился значительно ярче; он глубже и прочнее захватил современное общество, проник в более широкие слои, пустил там более прочные корни, наконец, он длился по времени дольше, а потому и сказался результатами более важными: он круто повернул колесо жизни западноевропейских народов. Кроме того, там он был действительно ренессансом, возрождением: что теплилось под пеплом, вспыхнуло с новой силой; что было запрятано в глубоких тайниках, то воспрянуло, вновь зажило и расцвело. В России нечему было возрождаться: здесь только приподнялась завеса, раскрылись более широкие горизонты, возникли новые представления. При всем том вызваны были они причинами более или менее однородными: сознанием (пусть не всегда отчетливым) несовершенств существующего порядка, недовольством, какое порядок этот вызывал, смутным исканием иного, более совершенного. Если не «возрождение» на западноевропейский лад, то все же известное движение мысли, духовный подъем (хотя бы и в очень ограниченных пределах). Видно, что мысль заработала, двинулась на поиски нового.

Примечание. Надо оговориться. Сказанное не приложимо к одной области — к русскому искусству: оно ни «возрождается», ни «зарождается». Как раз в XV в. оно достигает своего апогея (Андрей Рублев и его школа; иконник Дионисий) — явление, до сих пор достаточно еще не разъясненное.

Но, говоря о движении, необходимо помнить, что это одни лишь зачатки, слабые зародыши, до победы ему еще далеко; процесс совершается крайне медленно, старое начало, косное, еще в полной силе; однако важно уже и то, что бродить русская мысль начала. Старое же начало не только еще преобладает надо всем, но возводится чуть ли не в степень Догмата (Стоглавый собор). Тем не менее брешь пробита, Смут-

ные годы раздвинул ее еще шире, и для романовского XVII в. почва окажется значительно более разрыхленной и подготовленной.

4. Два идейных направления. Таким образом, духовная жизнь русского общества уже с этой поры пошла по двум направлениям, в ней уже с XV—XVI ст. обозначились те два противоположных течения, которые такими и останутся на протяжении всей последующей истории русского народа, под какими бы названиями они не выступали: течение латинское и течение греческое, реформаторское и охранительное, либеральное и консервативное, западничество и славянофильское, конституционное и старорежимное. Будущие расхождения патриарха Никона с Аввакумом, Сильвестра Медведева с патриархом Иоахимом, Петра Великого с царевичем Алексеем; екатерининские петиметры и стародумы; декабристы и Карамзин; Чаадаев и министр Уваров; Герцен, Белинский и Хомяков; «отцы» и «дети» шестидесятых годов; Достоевский и герои его «Бесов» и т. д. — все это в зародыше обозначилось уже и теперь.

С одной стороны:

1. Горячие споры об аллилуйе и троеперстии, нарушившие духовный мир верующих людей.

2. Стригольники и жидовствующие, подкапывающиеся под самые основы православной веры.

3. Заволжские старцы с их необычным для того времени критическим подходом к порядкам и явлениям церковной жизни.

4. Вопрос о монастырских имуществах, столь обостривший отношения и разделивший монашеский мир на два непримиримых лагеря.

5. Общение с иностранцами, открывшее новым обычаям и воззрениям гостеприимную дверь в Россию.

6. Пользование этой дверью самими русскими; частый выход за порог ее; знакомство с иноземными порядками и обычаями не по случайным примерам, а в обстановке их обыденного, нормального проявления, в их подлинном виде.

7. Пропаганда католичества, какую ведет в Москве Николай Немчин (Булев).

8. Первые «западники», первые по-европейски воспитанные люди, как Дмитрий Герасимов («Митя Малый»).

9. Геннадиева Библия, самая возможность некоторые отделы ее предложить читателю по тексту латинской Вульгаты — и это после целого ряда писавшихся в прежнее время обличений «против латинян».

10. Заведение типографии.

11. Занос с Запада светских «латинских» мотивов в отечественное иконописание.

12. Меры Бориса Годунова к насаждению просвещения.

13. Критика социальных порядков, опирающаяся на евангельское учение: Матвей Башкин, утверждающий, что рабство противно христианскому учению; Федор Косой, доказывающий, что «не треба начальству быть в христианстве», т. е. что с учением Христа несовместима какая бы то ни было власть одного человека над другим.

С другой стороны:

1. Суровые голоса архиепископа Геннадия, Иосифа Волоцкого, не знавших пощады при расправе с еретиками.

2. Строго охранительные начала «Просветителя».

3. Жалобы Беклемишева-Берсена на то, что Русская земля «переставливает свои обычаи».

4. Сильвестровский Домострой с его усилиями закрепить старину.

5. Четьи-Минеи и десятки новых житий, составленных по мысли митрополита Макария и по самому содержанию своему долженствовавшие закрепить в сознании русского читателя его славное прошлое.

6. Жалобы Стоглавого собора на то, что «прежние обычаи поисшатались и прежние законы порушены».

7. Его старания утвердить «древнее предание нашей христианской веры».

8. Его правила (заклятия) о небритии бород и усов.

9. Строгий надзор, установленный собором, за иконописанием, лишавший кисть художника необходимой для него свободы.

10. Провозглашенный Стоглавым собором принцип: «каждая страна имеет свой закон и свои порядки; их она должна хранить, не перенимая из чуждых стран», — принцип этот расходился с убеждениями Нила Сорского, который говорил: «Непеременяемы лишь догматы, основы жизни, но не внешние обычаи, порядки и обряды».

11. Дикое обвинение в ереси первых наших печатников, Ивана Федорова и Петра Мстиславца; сожжение Печатного Двора; вынужденное бегство за границу тех самых людей, благодаря которым русская земля впервые увидела у себя свою собственную печатную книгу.

Б. ЛИТВА**(Литовско-Русское государство)**

В начале этой главы мы напомним, что, наряду с политическим раздвоением, Северо-Восточная и Юго-Западная Русь отмежевались в середине XV в. одна от другой еще и церковно. Но в то время как политическая связь Литвы с Польшей, переходя в зависимость, вызывает в течение долгого времени посильный отпор, самостоятельность церковная кончается для нее церковной унией с Римской церковью.

- В политической истории Литовско-Русского государства со времени Кревского договора 1385 г. ярко выступили два основных явления: 1) борьба за сохранение государственной независимости в целях парализовать действие названного договора, так как в силу его Литва, как государственный организм, переставала существовать, утрачивала собственную независимость и тонула в поглотившей ее Польше; 2) постепенный, но неуклонный рост политических прав и привилегий высшего сословия (панов-рады), сперва католиков, а потом и православных, в явный ущерб правам и положению великого князя Литовского. То и другое, как мы видели («Курс». Т. I), нашло свое выражение в договорах и привилегиях 1392, 1401, 1413, 1432, 1434 и 1447 гг.

При Казимире и его преемниках Литва вынуждена, как и раньше, зорко следить за Москвой, татарами и немцами. «Зарубежная Русь», как ее понимали в Москве, являлась постоянным яблоком раздора, и объединительная политика Московских князей вызывала в ответ завоевательные планы польских королей (Стефан Баторий, Сигизмунд III).

Было бы странно отношение Литовско-Русского государства к Москве заносить в рубрику «внешних» событий; но одинаково плохо укладываются они и в отдел событий «внутренних». Отпор Польше, отстаивание своей политической независимости идет с переменным счастьем; конечная победа, однако, досталась Польше (Люблинская уния 1569 г.), хотя и далеко не в тех размерах и не в том виде, как того добивались поляки. В процессе этой борьбы власть великого князя была еще в большей степени ограничена теми широкими политическими привилегиями, которых добилась на этот раз уже не одна знать, но и все остальное дворянство: шляхта-рыцарство. Но тем самым, создав из себя привилегированную аристократию, она резче

прежнего отгородила себя от среднего и нижнего классов: мещанства и крестьянства, что впоследствии явилось источником и бедственного положения последних, и политической беспочвенности верхних слоев.

Еще две особенности выступают в истории Литвы за указанный период: церковная Брестская уния (1596) и казачество. То и другое оказалось для государства явлением отрицательным: будущая политическая немощь Литвы и Польши в немалой степени вызвана была ими: уния вырыла пропасть религиозную между католической и православной частью населения, а казачество, порождение ненормального строя социального, явилось в Польше тем «внутренним врагом», который впоследствии вконец истощил ее силы.

Основным пособием при ознакомлении с настоящим периодом остаются те же сочинения (общие курсы), что указаны в первом томе настоящего «Курса»: по общей истории России — Карамзин, Соловьев, Бестужев-Рюмин, Костомаров, Иловайский, Ключевский, Милюков, Платонов, Любавский; по истории права Сергеевич (Лекции о Русской Юридической Древности), Владимирский-Буданов, Филиппов, Дьяконов; по истории церкви — митрополит Макарий, Голубинский, Знаменский; по истории литературы — Порфирьев, Пыпин, Петухов; по истории искусства — Новицкий, Грабарь, Никольский.

Сюда надо присоединить еще: 1) *Суворов Н. С.* Курс церковного права. Т. I. Ч. 1-я и 2-я. Ярославль, 1899; 2) *Павлов А. С.* Курс церковного права. Посмертное издание. Сергиев Посад, 1902; 3) *Сперанский М. Н.* История древнерусской литературы. Московский период. Изд. 3-е. М., 1921; 4) *Архангельский А. С.* Из лекций по истории русской литературы Московского государства. Казань, 1913.

Монографии и отдельные статьи будут указаны на своем месте.

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ПЕРВЫЕ ПОЛТОРАСТА ЛЕТ (1462—1613)

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СОЗДАНИЕ САМОДЕРЖАВНОЙ МОНАРХИИ (1462—1584)

I. ВРЕМЯ ПОСЛЕДНИХ КНЯЗЕЙ (1462—1533) ОБЪЕДИНЕНИЕ СВ. РУСИ

I. Конец уделам

Дело, оставленное Василием Темным своему сыну, если судить о нем по признакам внешним, было еще далеко до окончания. Собираение Святой Руси совершалось медленно, и даже 200 лет спустя (1263—1462) территория Московского княжества по размерам продолжала быть довольно скромной: превосходя Тверь и Рязань, она все же значительно уступала и Литовскому княжеству, и Новгородской области. Зато Москва была сильнее их духовно: начатый процесс объединения уже нельзя было ни остановить, ни свести с поставленных рельсов. И действительно, от Ивана III процесс этот пошел особенно быстрым темпом: в течение 60 лет, при нем и при сыне его, Василии III, территория Московского княжества выросла почти вчетверо, поглотила и Новгород с Псковом, и Тверь, и Рязань, подошла своими границами к Финскому заливу на Балтийском море, на севере к Белому морю и Ледовитому океану, включив обширные области по рекам Вятке и Каме, коснулась Уральского хребта и вошла в непосредственное соприкосновение с Литовским государством, что тогда же ознаменовалось серьезным успехом — присоединением Смоленской области (1514). Успехи Ивана и Василия

Границы территории Московского княжества к 1462 г. отстояли от города Москвы: на запад и юг не далее 100—170 верст (Клин, Калуга, Коломна), на восток на 400 верст (Нижний Новгород), и только на севере рубеж Московской земли вклинивался довольно далеко, уходя на северо-запад в Заозерский край (Белоозеро, 700 верст), на северо-восток в зарянские леса и болота (Устюг, 900 верст).

наглядно свидетельствовали, что плод созрел и что достаточно легкого прикосновения к дереву, чтобы он упал. С 1523 г. на всем пространстве Святой Руси не осталось иной власти, кроме власти московского князя. Удельный князь-собственник превратился в князя-государя, а прежняя вотчина в государство.

77. Земли, присоединенные при Иване III и Василии III

1. Уделы братьев и других родственников: Дмитров, Можайск, Серпухов — как выморочные (1472); Вологда — в уплату за долг (1481); Верея — по вынужденному завещанию (1485); Углич — захвачен силой (1492); Волоколамск — как выморочный (1513).

2. Мелкие уделы других князей: Ярославское княжество — по добровольному соглашению (1462); Ростовское — покупкой (1474); часть Рязанского — по завещанию (1503); Северская область — насильственно (1523).

3. Крупные области: отняты силой или под угрозой применить ее: Пермский край (1472); Новгород с его «пятинами» и «землями» (1478); Тверь (1485); Вятка (1489); Псков (1510); Рязань (1517).

III. Падение Новгорода

Что содействовало падению Новгорода

1. Недочеты его государственного строя: непримиримые противоречия интересов высших и низших классов; перевес богатых над бедными, «вящих» людей над «меньшими» (местных оптиматов над пролетариями). Простой народ сам тянулся к Москве, ища у нее управы и защиты от притеснения сильных бояр.

2. Союз Новгорода с иноверной Литвой: Иван III умело воспользовался этой «изменой православию» и придал своему походу на Новгород характер крестового, как защитник истинной веры.

3. Экономическая зависимость от Москвы (подвоз хлеба от Волги, провоз товаров с Востока).

4. По мере того как Новгород втягивался в сферу московских Дел, несоответствие его республиканского строя с монархическим строем Москвы все резче било в глаза, неизбежно обостряя отношения; мирно ужиться вместе эти два порядка не могли.

Как произошло самое падение

1) 1471 г. После Яжелбицкого договора (1456) новгородцам оставалось одно из двух: или покорно ждать последнего удара, или искать помощи у Литвы (никто другой не мог бы подать ее). Трагизм положения состоял в том, что литовский князь, хотя и русский князь (т. е. владевший такими же русскими областями, как и князь московский), был католиком и одновременно королем польским: союз с ним становился действием не только враждебным Москве, но и изменой православию. В Новгороде ярко обозначились две враждебные партии: литовская (боярская: Марфа-Посадница) и московская (народная). Та руководилась мотивами государственно-политическими, эта — национально-религиозными. Восторжествовала партия литовская: новгородцы отдалась под покровительство Казимира, заключили с ним союз, и тот обязался соблюдать их старые порядки и вольности и защищать от московского князя (1471). Но самым своим торжеством литовская партия вырывала почву у себя из-под ног: народ не мог примириться с мыслью идти рука об руку с латинником против православного государя. Иван III искусно использовал такое настроение. Своему походу на Новгород он придал характер защиты веры и народности. Казимир помощи не подал, а новгородцы понесли поражение на реке Шелони и должны были принять тяжелые условия мира: уплатить контрибуцию (15 500 руб.); совершенно порвать с Литвой; восстановить прежние связи с Москвой; посылать своего владыку в Москву ставиться у митрополита (1471).

2) 1471—1477. Дальнейший, предпоследний этап подчинения: по жалобам обиженных Иван III отправлял суд и чинил новгородцам расправу непосредственно сам, сперва приезжая для этого в Новгород, а позже вызывая жалобщиков и ответчиков к себе в Москву. Произвольный поступок новгородских посланцев, назвавших его государем (в значении верховного владыки, самовластного распорядителя) вместо обычного почетного титула Господин, послужил Ивану предлогом к новому походу (1477): ссылка новгородцев на обмолвку не помогла; Иван потребовал себе государственования во всей Новгородской земле. Осада Новгорода доставила ему бескровную победу: город сдался и присягнул Ивану как государю. По выражению летописи, великий князь привел Новгород «во всю свою волю и учинился в нем государем, как и на Москве». Политическому существованию Новгорода был по-

ложен конец: вечевой колокол и Марфа-Посадница увезены в Москву (1478, январь).

3) 1479 г. Попытка к восстанию вызвала крутую расправу: казни бояр; вывод лучших людей (несколько тысяч человек) из Новгорода и переселение их в восточные области; на их земли посажены московские служилые люди. Мера жестокая, но большого государственного значения: вырвана была с корнем самая идея новгородской «вольности и свободы»; теперь некому было больше носить ее: новое боярство пришло с другими убеждениями — покорности и подчинения Москве. Те же цели преследовала и другая мера: новгородский владыка был смещен и заменен ставленником Ивана из иерархов московских.

Примечание. Позже Иван III найдет себе подражателей в лице сына и внука: Василий III также выведет лучших жителей из Пскова, а Иван Грозный станет выдворять княжат и опальных бояр из их наследственных гнезд и заселять их вотчины новыми людьми. Сравни аналогичные действия в Древнем Риме: основание колоний из римских граждан в покоренных областях.

4) Выселение немецких купцов из Новгорода довершает удар: упадок новгородской торговли совершенно подорвал экономическое благосостояние Новгорода.

IV. Роль Новгорода в русской истории

1. Новгород колонизовал Русский Север, проделав большую работу по созданию русской государственной территории.

2. Благодаря торговым сношениям со скандинавскими и немецкими землями, у России никогда, даже в самые темные, глухие времена татарщины, путь к культурным сношениям с Западом полностью не закрывался.

3. Эти культурные сношения сделали Новгород в XIV—XV вв. центром духовной просветительной работы — плоды этой работы позже использует Москва, а вслед за нею и через нее они войдут в оборот всей русской жизни. В XV и XVI вв. Новгород вместе с Псковом для Москвы был тем, чем позже Киев в XVII в. (Буслаев).

¹ См. Приложения. № 1: «Разгром Ганзейской торговли в Новгороде, 1494 г.».

4. Идеино для позднейших поколений Новгород стал символом политической независимости. Отсюда противопоставление: Новгород, свободная община, своего рода республика, и — Московское царство (Российская империя), монархия с абсолютной властью государя, не ограниченного в своих действиях по отношению к стране и населению. На почве такого противопоставления выросла трагедия Княжнина «Вадим Новгородский» (1789) и неоконченная поэма Пушкина «Вадим» (1822). В открытом виде однородная мысль лежит и в историческом труде Н. И. Костомарова «Северно-русские народоправства» (1861).

У. Псков и Москва

Давление на Псков со стороны Москвы

К середине XV ст. «Господин Псков» продолжал по-прежнему отбиваться от ливонских немцев и литовских князей, но к этому времени политическая обстановка изменилась для него значительно к худшему. На Востоке выросла грозная и не менее опасная сила Московского государства. Москву нельзя было назвать врагом, ставить в один ряд с литовцами и немцами. Выполняя, не всегда даже сознательно, свою историческую миссию, Москва вводила в круг своей государственной жизни русское наследие Владимира Великого и Ярослава Мудрого; объединив ближайшие области и княжества, всосав в свою орбиту обширнейшие земли новгородские, она, рано или поздно, неизбежно должна была наложить руку и на политическую самостоятельность Пскова. Процесс этот, как и все, что творилось в Москве, совершался медленно, но неуклонно. Уже с первых лет XV ст. Москва начинает сажать в Пскове князей по своему выбору; с 1443 г. псковские князья стали присягать, кроме веча, также и московскому князю; если когда и выберут князя сами, то все же обратятся в Москву за его утверждением; удалят его, пригласят другого, вернут прежнего — а все же и в этом случае не сочтут возможным обойтись без одобрения московского.

Чем держалось московское влияние в Пскове

1. Опасность от Немецкого ордена не ослабевала, собственных же сил у Пскова не всегда хватало; приходилось обращаться к Москве. Та в помощи не отказывала, понимая, что дело Псковское есть дело Московское, т. е. общерусское (1463—1474,

1480—1481, 1501—1503), но эта помощь, конечно, лишним узлом закрепляла псковитян, превращая прежнюю добровольную связь в подневольную.

2. Нелады псковского духовенства со своим непосредственным начальством, с новгородским владыкой, зачастую побуждали псковитян переносить свои споры на решение митрополита и, значит, в той же Москве искать себе точки опоры.

Падение Пскова

Помощь, неосторожно оказанная Новгороду в его войне с Москвой (1456), много напортила псковичам: пошла расколodka, да и сама Москва с той поры значительно окрепла, что позволило ей еще осязательнее проявить свое верховенство: допускать в Пскове князей, лишь ею выбранных, и хозяйничать там, постоянно вмешиваясь во внутренние распорядки. Пскову не оставалось ничего иного, как подчиниться. Номинально, при Иване III, он еще независим, остается еще «Господином Псковом», фактически же уже теперь превратился в послушного исполнителя воли московского князя. Окончательное присоединение Псковской области к Москве произошло при Василии III: вечевой колокол, символ псковской вольности, был спущен с Троицкой звонницы, увезен в Москву, и Псковом стали править наместники московского князя (1510).

Меры прикрепления

К Пскову, после его присоединения, была применена та же суровая мера, что и раньше к Новгороду: 300 человек из наиболее влиятельных (посадники, бояре, купцы и житьи люди) вместе со своими семьями переведены на жительство в московские пределы, а на их место поселили московских людей, роздав им деревни и земли увезенных псковичей. Этой мерой вырывалась почти с корнем возможность в будущем злоумышлять против великого князя, пытаться вернуть старую вольность: новые люди приходили с московским понятием о подданстве, чуждые традиций вольного города. Кроме того, Василий посадил в Пскове московский военный отряд, своих наместников, отменил вольную торговлю, установил таможенные пошлины на товары, а из центральных кварталов города выселил жителей в другие части, на посад, взяв их Дома на себя (под хлебные житницы) или отдав переселенцам Из Москвы.

VI. *Превращение князя-вотчинника в князя-государя*

Процесс собирания Святой Руси закончился в 1523 г.; московская вотчина разрослась до размеров, превративших ее в государство, что тем самым превратило и самого князя-вотчинника в князя-государя. Перерождение было полное, хотя совершилось оно постепенно и незаметно: никакими внешними признаками нельзя было бы установить с желаемой точностью ни начала ни конца этого перерождения.

В чем отличие князя-вотчинника от князя-государя

1. Удельный князь-собственник многими чертами напоминает позднейших помещиков XVIII и XIX вв., это такой же частный владелец своих угодий, пашен, лесов, размерами у одних очень большими, у других более чем скромными; на их земле также жили селами и деревнями крестьяне, ее обрабатывавшие и обложенные в пользу владельца разного рода данями. Удельный князь, как и помещик позднейшего времени, смотрел на свой удел как на частную собственность и потому распоряжался ею как таковой: закладывал, продавал, отдавал по завещанию. Вокруг себя он видел таких же хозяев-помещиков; все это были близкая или дальняя родня, свои Рюриковичи, и всякий спор, вооруженное столкновение или соглашение с ними носили характер то домашней распри, то мирной сделки, совершаемой ради личного блага в том виде, как понималось таковое: под давлением ли родственного чувства или желания не портить добрососедских отношений. Об интересах государственных, об обязанностях, с ними связанных, здесь не могло быть и речи.

2. Помещичий характер города Москвы. Печать большого поместья лежала и на самой Москве. Городом, т. е. поселением, где живут разные и притом чужие друг другу люди, местом, индивидуально никому не принадлежащим, а одинаково для всех доступным, стала она только впоследствии; первоначально же, как и все Московское княжество, Москва носила все черты помещичьего уклада.

В центре лежала барская усадьба — княжеский Кремль, а вокруг — всякого рода дворовые постройки, населенные дворней, обязанной обслуживать ее хозяйственные нужды. Сохранившиеся до нашего времени названия многих московских улиц, переулков и кварталов наглядно указывают на чисто

хозяйственное назначение слобод, возникших в старое время подле Кремля: Поварская, Гончарная, Житная улицы; Хлебный, Калашный, Столовый, Скатертный переулки; Остоженка, Кречетники, Хамовники (хамовое дело — изготовление полотен, скатертей, убрисов); Прудки; Кузнецкий мост; Животинный двор (иначе: Коровий вал); Басманная (хлебная) слобода. Сравн. церковь Никола-на-Щепахе (прежде тут находился Дровяной двор).

3. Князь-государь, в отличие от князя-собственника, возглавляет не личные или семейные интересы, а интересы целой Земли, целого народа. Собрав Северо-Восточную Русь, московские князья очутились в иной обстановке, чем в какой раньше жили их предшественники, князья-собиратели: вокруг, соседями, все стали чужие люди, не одни татары и литва, но и Ливонский орден, шведы, поляки. Татарское иго пало, но борьба с татарами не прекратилась; от вторжений литовских лично сама Москва более не страдает, но оборону ей приходится заменить теперь собственным вторжением в пределы Литвы. И защита, и нападение стали теперь делом не личным, а все-народным.

Эта государственная работа обогатила московских князей правами, которые впоследствии позволят им стать полноправными властелинами своей земли и наложить на них особый отпечаток, допускающий сближение их скорее с современностью, чем с недавним прошлым, потому что по духу, по всему характеру своей деятельности Иван III или сын его дальше отстоят от своих предшественников XIV в., чем от государей XVIII, даже XIX в.: они такие же ГОСУДАРИ, как Екатерина II или Александр III, и перестали быть ВОТЧИННИКАМИ, какими еще были Дмитрий Донской или его отец и дядя.

ПАДЕНИЕ ТАТАРСКОГО ИГА

Как оно пало

Государю, собравшему вокруг себя почти все великорусское Племя и вдобавок очутившемуся, правда, довольно неожиданно для себя (после Флорентийской унии и падения Константинополя), в положении верховного защитника православия и тем самым в роли наследника высоких прав византийских императоров, — такому государю естественно было стать политически независимым; положение данника и улусника татарского

хана перестало соответствовать новой обстановке. Политическая зависимость с ее унижительными формами и тяжелыми обязательствами теперь, в конце XV в., совершенно не укладывалась ни в сложившиеся жизненные рамки, ни в понимание и требования современников. К тому же само иго, несмотря на живучесть своих форм, давно уже дышало на ладан, лучшим доказательством чего служит самый факт его безболезненного прекращения, потому что оно пало без особой борьбы и напряжения со стороны Москвы, именно пало, так сказать, само собой, без потрясений, совсем нечувствительно, незаметно (1480), задолго до полного объединения Северо-Восточной Руси (1523), на целое поколение раньше, и тем более значительно прежде, чем византийское «наследство» успело найти себе соответственные устойчивые формы.

Золотая Орда доживала в ту пору последние годы самостоятельного существования; одно за другим откололись от нее и образовали самостоятельные единицы царство Казанское на берегах Средней Волги и Крымское в пределах нынешней южной России, с политическим центром внутри Крымского полуострова (Бахчисарай). Литовский князь Казимир, враждующий с Москвой, поднял золотоордынского хана Ахмета на Ивана III, но этот сумел найти противовес в крымском Менгли-Гирее. На реке Угре, на границе Московской земли, сошлись татарские и русские войска, ни то ни другое не решаясь перейти реку и вступить в бой. Военного пыла не было ни у русского, ни у татарского вождя. Напрасно духовник Ивана, пылкий Вассиан, архиепископ Ростовский, слал ему красноречивые послания, стыдя за нерешительность и уговаривая напасть на татар; напрасно напоминал ему о доблестном поведении его предка, Дмитрия Донского, победителя татар на Куликовом поле — московский князь выставил большое и хорошо вооруженное войско, но этим и ограничился; военные лавры его не прельщали. К тому же ему надлежало вести себя с сугубой осторожностью: он находился в ссоре со своими братьями, не доверял им, и хотя примирение состоялось, но братья, прежде чем подать ему помощь, должны были предварительно идти на выручку Пскову, находившемуся тогда под угрозой Ливонского ордена. Тем временем Менгли-Гирей напал на литовские земли. Вынужденный отражать нанесенный ему удар, Казимир уже не мог прийти к Ахмету на помощь, как то было условлено между ними. Приближалась зима с ее морозами. Видя себя одиноким, хан покинул берега Угры и ушел со всем своим войском обратно в степи. До битвы дело так и не дошло (1480).

С той поры Москва перестала платить татарам дань, а вскоре (1502) и сама Золотая Орда прекратила свое существование; на ее месте возникли слабосильное Астраханское царство, Ногайская Орда, а остальное отошло к Крыму. Последствия оправдали осторожную политику Ивана III: без пролития крови, без напрасных жертв он достиг своей цели: можно сказать, не он сбросил татарское иго, а оно само свалилось с его плеч. Это иго пало подобно тому, как падает старое подгнившее дерево, лишенное питательных соков: прежде чем занесенный топор успеет нанести ему решительный удар и повалить его на землю.

Татарское иго в освещении всемирной истории. Заслуга России перед Западной Европой

Шестивековая борьба с Востоком (862—1462: авары, угры, печенеги, половцы, монголы) потребовала от русского народа значительных жертв и явилась «великим бедствием для русского племени: она разорвала национальную целостность Северной и Южной Руси, задержала умственное развитие, отняв много сил на материальную защиту национальности и отдалив Россию от европейского Запада; наконец, вследствие долгого соседства, оставила свой след на самом национальном характере». Но в то же время, борясь за свою национальность, Древняя Русь оказала неоценимую услугу всей Западной Европе: она вынесла «на своих плечах страшные азиатские нашествия, и при всем невысоком уровне ее культуры она боролась против Востока во имя общего европейского начала, так как это была борьба не только за свою независимость, но и борьба за христианство против неверных. Европа почти не видела этого врага, до нее мало или совсем не достигали бедствия борьбы, поэтому она редко оценивала это положение вещей — несправедливость, которая и до нашего времени не давала европейской историографии и обществу правильно определить исторические судьбы России и существенный источник ее сравнительной запоздалости» (Пыпин).

ВНЕШНИЕ СНОШЕНИЯ

Со времен Ивана III в жизни русского народа с особой силой и яркостью стала обозначаться та ее особенность, которую мы назвали «раздвоенностью» (см. «Курс». Т. I). С каждым новым

поколением эта раздвоенность будет обозначаться все ярче и убедительнее, все более и более внося диссонанс в русскую жизнь. Вступив на путь международных отношений, восстанавливая свои порванные татарским игом культурные связи с Европой, Московское государство вынуждено будет одновременно постоянно оглядываться назад, вести борьбу на два фронта: на Западе и на Востоке, разбрасывая свои силы и тем тормозя свое дело. История внешних отношений при последних двух великих князьях определилась тремя факторами, имя которым: Зарубежная Русь, Западная Европа и Европа татарская.

І. ЗАРУБЕЖНАЯ РУСЬ

Мы уже видели («Курс». Т. I), как с превращения московской вотчины в Московское государство стало очевидным, что в новопостроенном доме собралась далеко не вся русская семья, что часть родни, и немалая, осталась за домовою оградой. Это была Зарубежная Русь, входившая в состав Великого княжества Литовского и польской Речи Посполитой. Сознание своего духовного и племенного родства с ней у Руси Московской никогда не угасало, и зависимость зарубежной братии от людей другого языка, другой веры воспринималась как несправедливое нарушение внутренней правды. В сознании родства московские князья черпали одновременно и право свое, и обязанность собрать разрозненных членов семьи под один общий кров. В их глазах Зарубежная Русь была такой же, как и их собственное княжество, вотчиной Владимира Святого, а следовательно, таким же законным наследием его прямых потомков. Иван III открыто заявлял, что владеть зарубежными русскими людьми должны не Гедиминовичи, а Рюриковичи; что польские и литовские государи — государи в одних лишь своих наследственных землях, «а Русская земля от наших предков, из старины, наша вотчина». При всяком удобном случае Иван и его сын напоминают литовским князьям, что Киев, Смоленск, Витебск и другие русские города, лежащие в Литовском государстве, — их вотчина и что они имеют все основания заботиться и «жалеть» их. Свои притязания на всю Русь, не на одну Московскую, Иван III выразил еще и тем, что в сношениях с Литвой стал титуловаться «государем всея Руси». С той поры это выражение — всероссийский — навсегда приросло к титулу русских государей.

Борьба с Литвой и Польшей

1. Первая война Ивана III с великим князем литовским Александром (1492—1494); уступка Москве мелких уделов в Чернигово-Северской области. Брак Елены, дочери Ивана III, с Александром (1495).

2. Вторая война (1500—1503); битва на реке Ведрож: воевода Даниил Щеня наносит поражение литовцам и берет в плен литовского гетмана Константина Острожского (1500 г., 14 июля).

3. Первая война Василия III с Сигизмундом Польским (1507—1508). Михаил Глинский, по личным счетам с польским королем, изменяет ему и переходит на сторону Москвы. Перемирие 1508 г.: Сигизмунд уступил Василию завоевания Ивана III.

4. Вторая война (1512—1522). Крупным успехом было завоевание Смоленска (1514 г., 29 июля). Город со времени Витовта, весь XV в., находился в литовских руках. Значение Смоленска, политическое и стратегическое, было огромным: на верховьях Днепра, он ключ к обладанию всем бассейном реки; в русских руках — угроза всей Литве, в руках польских — угроза Москве, от которой лежал всего в 300 верстах. На этот раз Смоленск останется русским владением целое столетие (1514—1611).

5. В 1514 г. (14 августа) состоялось соглашение между германским императором Максимилианом I и Василием III действовать заодно против Польши. В договорной грамоте Максимилиан дал Василию титул императора (Kaiser). Большой пользы союз с цесарем Василию не принес: непосредственно вслед за ним Константин Острожский нанес тяжкое поражение русским войскам под Оршей (1514 г., 8 сентября). Император преследовал свои цели: союзом с Москвой он рассчитывал оказать давление на Сигизмунда и его брата Владислава, короля чешского и венгерского. Цель была достигнута, и император отступил от союза с Василием и заключил другой договор — с братьями Ягеллонами, приняв на себя посредничество в русско-польской распре. По соглашению с ними внук Максимилиана, Фердинанд (будущий император) был обручен с Анной, дочерью Владислава, а внучка Мария — с Людовиком, сыном Владислава (1515). Эти брачные союзы впоследствии обеспечили Габсбургскому дому обладание чешской и венгерской коронами (1526). Такой «брачный» способ увеличения своей государственной территории породил ироническое замечание: *Bella gerant alii, Tu felix, Austria, nube.*

6. Посредничество Максимилиана выразилось в посылке в Москву послов Герберштейна (1517) и да Колло (1518). Перемирие состоялось в 1522 г. Из-за Смоленска не могли договориться о вечном мире: вечный мир между Россией и Польшей будет заключен не раньше 1686 г.

Отношения к Ливонскому ордену

Московские князья и на территории Ливонского ордена некоторые области считали своей вотчиной. В 1224 г. новгородцы вынуждены были уступить ордену город Юрьев (Дерпт), построенный Ярославом Мудрым в чудской земле; однако взамен они сохранили за собой право получать по-прежнему и в прежнем размере дань, шедшую им раньше с Юрьевской округи. Дань эта, впрочем, выплачивалась не всегда аккуратно. Теперь Иван III, договорившись в 1463 г. с орденом об уступке Пскову некоторых спорных мест, выговорил, чтобы уплата Юрьевской дани была возобновлена и передавалась ему. Позже, когда Москва добилась по миру 1474 г. новых выгодных для Пскова условий (по спорному делу о ловле рыбы в Чудском озере), Юрьевская дань была подтверждена и выдана за все неуплаченные восемь лет. Тогда же орден обязался «честно» держать в городе Юрьеве Русский конец и его церкви. Последнее обязательство подтверждено было в 1481 и 1493 гг. Эта «Юрьевская дань» явится позже поводом к продолжительной и упорной войне Ивана Грозного с Ливонским орденом.

Программа будущего

Взгляд на Зарубежную Русь как на свою землю определил политику не только Ивана III, но и всех его преемников вплоть до императрицы Екатерины II. Вопрос, поставленный Иваном, никогда не терял своей остроты. Обстоятельства могли тормозить его разрешение, снимать его с очереди, но едва только они начинали складываться благоприятно, вопрос поднимался снова. Совершенно снят он был лишь в конце XVIII в., с присоединением русско-польских и русско-литовских земель, одновременно с падением политической самостоятельности Польского государства.

Примечание. Снят — да, но самое дело вполне до конца доведено не было: XIX в. совершенно забыл о существовании Галицкой земли и Закарпатья — земель тоже исконно русских, составляющих и поныне тоже часть Зарубежной Руси.

II. ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

Политическая независимость как результат падения татарского ига и непосредственное соприкосновение с территориями иноземных владетелей повели к возобновлению сношений с Западной Европой, которая как раз в это время переживала крупные события, составившие эпоху в ее истории. Возникновение Московского государства, сплотившего вокруг себя русские земли на северо-востоке, завершение объединительного процесса, конец уделам совпали на Западе с концом феодального строя и с рождением тоже крупных государственных единиц. Там и тут пробил общий для всех час международной жизни. Время Ивана III и Василия III было порой Людовика XI французского, Фердинанда Католика испанского, Генриха VII и Генриха VIII Тюдоров, королей английских. При этих государствах во Франции, Испании и Англии, подобно Москве, тоже завершилось объединение государственное. Жизнь европейских государств доселе протекала преимущественно в тесной сфере домашних дел и расчетов; теперь народы Западной Европы начинают чаще соприкасаться между собой, причем это соприкосновение проявляется или в форме мирного обмена в области культурных достижений, или в виде вооруженных столкновений, в которые, кроме главных участников (так сказать, зачинщиков) борьбы, сплошь и рядом втягиваются второстепенные: одни более или менее вынуждено, из чувства самосохранения, другие — по собственному почину, руководясь эгоистическим желанием поддержать *status quo*, сохранить так называемое политическое равновесие или, наоборот, нарушить его в свою пользу. Достаточно вспомнить походы французских королей (Карла VIII, Людовика XII, Франциска I) в Италию (1498—1525) и отпор, данный им Испанией, Германией и самими итальянцами, с римским папой во главе, важные последствия, вызванные открытием Америки и морского пути в Индию; гуманистическое, а затем религиозное движение, охватившее современников, — вообще тот духовный пожар, что зажгли Гутенберг, Эразм Роттердамский, Рейхлин, Савонарола, Лютер, Марсилио Фиччино, Пико делла Мирандола, Колумб, Васко да Гама, Кортес, Писарро, чтобы признать, что для Западной Европы с середины XV в. настали новые дни: новая обстановка и новое содержание.

Россия, если бы даже и хотела, не могла остаться в стороне от этого движения: оно, как могучий поток, засасывало ее, втягивало в свой водоворот. Едва только глазам Европы пред-

стало на дальней ее окраине выступившее на свет Божий из неведомых лесов и болот Московское государство, как она уже идет к нему искать рынков для сбыта своих товаров и закупки местных продуктов, стараясь вовлечь в круг своих политических интересов. Венецианская республика просит московского князя поддержать ее в войне с турками; римский папа, преследуя свои религиозные цели, предлагает ему руку племянницы последнего византийского императора, и брак Ивана III с Зоей (Софьей) Палеолог кладет начало сношениям Святого Престола с Москвой; критическая мысль в области религиозных верований проникает в Русскую землю и порождает здесь так называемую «ересь жидовствующих». Мелкие пограничные споры со Швецией, границ которой Москва коснулась в восточном углу Финского залива, вызывают сближение с Данией: эта последняя, соперница Швеции, предлагает Ивану III свое содействие, и ему нет никакого основания отказываться от него.

В свою очередь, почин в некоторых сношениях берет на себя и сам великий князь московский: Иван вызывает мастеров и архитекторов из Италии (Милан) для постройки нового дворца и новых церквей в своей резиденции; в Австрии ищет жениха для своей дочери, в Молдавии находит невесту для сына, в Венгрии — посредничество в своей распре с Литвой.

Василий III продолжал дело отца. Особенно деятельны были сношения его с императором германским (посольства Герберштейна и да Колло; см. выше) и с Римом. Сделана была попытка завязать сношения и с Францией.

БРАК ИВАНА III С СОФЬЕЙ ПАЛЕОЛОГ

Этот брак совпал с тревожной порой, когда над всей Европой висела, еще свежая, угроза мусульманства. Захватив Константинополь и покончив с Византийской империей (1453), турки, гордые своим успехом, энергично продвигались к западу, в направлении к Венгрии, Венеции и побережью Адриатического моря. Наиболее всего опасность грозила Венецианской республике, по ее географическому положению, и Святому престолу, как блюстителю интересов церкви, которая в любом пункте

¹ В 1496—1497 гг. русское войско неудачно осаждало Выборг, но прошло по южной Финляндии до Тавастгуса, опустошив страну.

² В княжение Ивана III торговые сношения завязались с Турцией, а вне Европы — с Персией и Хорасаном. Грузинский царь Александр просил его о покровительстве.

христианской Европы могла сильно пострадать от успехов полу-месяца. Искать поэтому помощи и союзников и сдержать разрушительный поток, создав ему преграду, было совершенно естественно в положении и той и другого. Дальновидные политики, Венецианский сенат и Римская курия не могли игнорировать факт образования крупного Московского княжества, объединившего значительную часть русских земель, и тогда же поспешили ввести новую народившуюся силу в орбиту своей политики.

В 1468 г. к Ивану III был послан в Москву специальный посланец, «грек Юрий», с предложением от имени кардинала Виссариона руки Зои (или, как ее обыкновенно зовут русские источники, — Софьи), дочери морейского деспота Фомы Палеолога, брата последнего византийского императора Константина XI. Спасаясь от турок, семейство Фомы бежало в Италию, где и нашло себе приют у папы Пия II. Деспот явился первым, его дети — два сына и дочь — несколько позже, уже в понтификат Павла II; но дети, приехав в Рим (1465), не застали отца в живых: он скончался за несколько дней до их приезда. Семнадцатилетняя Софья была отдана на попечение кардинала Виссариона, одного из образованнейших людей того времени, родом тоже грека и неутомимого поборника религиозной унии Греческой церкви с Латинской.

В Москве предложение Виссариона не было отклонено, — наоборот: оно льстило самолюбию московского князя, и Иван III, недавно потерявший свою первую жену, Марию Тверскую (1467), не мог не оценить положительных сторон нового брака. Родство с византийским императорским домом выдвигало его, в ту пору еще данника татарского хана, в первые ряды государей Европы, давало новую точку опоры его политической программе. Вести дело поручено было некоему Джанбаттисту делла Вольпе, итальянскому дворянину из Виченцы. Профессиональный авантюрист, делла Вольпе первоначально жил в Золотой Орде, а оттуда, приняв православие, перешел на службу к московскому князю на должность монетного мастера. Иван Дарил его своим доверием и в 1469 г. отправил в Рим сватать византийскую принцессу и договариваться об условиях.¹

Вернувшись, делла Вольпе вновь был послан в Вечный город и в этот второй приезд окончательно сладил дело. 1 июня 1472 г. под величавыми сводами собора святого Петра совершалось торжество обручения. Вольпе заменял жениха; обряд

¹ См. Приложения. № 2: «Кому принадлежит почин сватовства Софьи Палеолог?».

совершал один из римских епископов. Невеста явилась в церковь в сопровождении блестящей свиты.¹ При совершении обряда произошло маленькое замешательство, вызвавшее толки и немало смутившее Римскую курию. Когда потребовались кольца, то оказалось, что делла Вольпе не привез их, ссылаясь на отсутствие у русских обычая обмениваться ими. Конечно, это было простой оговоркой: отсутствие колец не было случайным. Если для католиков акт 1 июня являлся венчанием, то в Москве, наоборот, ему не придавали законной силы таинства, но, не видя возможности избежать церемонии с участием латинского духовенства, озаботились придать ей «нелегальный» характер и посылить свести к простой формальности, в ожидании предстоящего, на этот раз уже настоящего, священнодействия в Успенском соборе в Кремле.

Три недели спустя после обручения, 24 июня, Зоя Палеолог покинула Рим. Ее вез делла Вольпе; в свите находился папский легат, епископ Антонио Бонумбрэ. Путь лежал на Витербо, Сиену, Флоренцию, Болонью, Виченцу — во всех этих городах невесту московского князя встречали с большими почестями: в ее честь устраивались пиршества; она въезжала обыкновенно в сопровождении нарядно и богато убранной кавалькады; молодая знать спорила за честь держать узду ее лошади. Сама она появлялась в публике одетая в пурпурное платье и в парчовой мантии, подбитой горностаем. На голове была повязка, блиставшая золотом и жемчугами. Из Виченцы ехали через Тренто и Инсбрук, на Нюремберг и Любек. Отсюда Софья поехала морем до Ревеля и, проехав Дерпт, Псков и Новгород, прибыла, наконец, к месту назначения.

Чем ближе подъезжала греческая царевна к местам, которые должны были стать ее второй родиной, тем, несомненно, ярче выступала перед ней щекотливость ее положения и неизбежность дать тот или иной, во всяком случае определенный, категорический ответ. В Риме она исповедовала католическую веру; по всей вероятности, и обрядов она держалась Западной, а не Восточной церкви; в Москву ее отправляли как католичку и в этом смысле, несомненно, снабдили определенными инструкциями. Но ей предстоял брак с государем православной веры — какой же явится она в Москву? Отношение русских к Флорентийской унии Софье, конечно, было хорошо известно, и ей не

¹ Екатерина, вдова Стефана, короля Боснии, подобно Зое, тоже беженка на иждивении папского двора; Клариса Орсини, мать Лоренцо Медичи, и много других патрицианок из наиболее видных фамилий Рима, Флоренции и Сиены. Кардиналы прислали своих представителей.

трудно было понять, что о компромиссе нечего и думать; что ясизнь, хочешь не хочешь, предъявляет к ней неумолимое *aut-
aut* и что малейшее колебание, пустая неосторожность или по-
ступок, способный вызвать подозрение, погубят ее навсегда. Все
это, нет сомнения, она хорошо обдумала во время долгого пути
в далекую Московию и, можно сказать с уверенностью, не только
во время пути, но еще и раньше, в самом Риме. Принять
определенное решение помогло ей и то, что оно не расходилось
с ее убеждениями и не противоречило голосу совести.

Едва ли можно сомневаться в том, что католичество было
навязано Софье. Приставляя к ней, по приезде ее в Италию
из Греции, католического священника, кардинал Виссарион
ссылался на желание ее отца, деспота Фомы, якобы выразившего
желание, чтобы дочь воспитывалась в правилах Римской цер-
кви. Эта ссылка — лучшее свидетельство в пользу того, что
раньше Софья была православной. Кроме того, оказывается,
когда в церкви провозглашали молитву за папу, то она и ее
братья демонстративно вышли из храма. В предупреждение
повторения чего-либо подобного Виссарион поставил молодым
принцам суровую дилемму: или согласовать свои поступки с
правилами, принятыми у католиков: склонять колени перед
кардиналами, выполнять весь ритуал, положенный для выра-
жения оббедиенции папе, вплоть до приветственной речи, ко-
торую им предлагалось произнести на первой аудиенции у
святого отца, или же — убраться вон.

Иного выбора у бедных сирот не оказалось. Они подчинились
предъявленному требованию; но излишне пояснять, с каким
чувством: в 17 лет перемена религии, если только она не
сводится к наружному виду или к обману, может совершиться
только по убеждению.

Лишь только Софья вступила на территорию Московского
государства, она открыто и без колебаний заявила себя верной
Дщерью Греческой церкви. В Пскове, где местные власти устро-
или ей торжественную встречу и где духовенство вышло к ней
с крестами, она приняла преподанное ей благословение, напра-
вилась в церковь и приложилась, вместе с греками своей свиты,
^к иконам, чем сразу отгородила себя от Антонио Бонумбра,
который тщательно избегал креститься в православном храме
^и к иконам совсем не подходил и не прикладывался.

12 ноября 1472 г. Софья прибыла в Москву и в тот же день
состоялось ее бракосочетание с великим князем. Никогда потом,
^в течение остальных 30 лет своей жизни в Москве (она умерла
⁸ 1503 г.), Софья не подавала повода сомневаться в искренности

и твердости своих религиозных воззрений. Ее такт проявился и в том, что она не пыталась возобновлять сношений с Римом и не настаивала на приглашении в Москву своего брата Андрея, который жил на пенсии у папы и, конечно, держал себя в Риме католиком.

Софья принесла с собой в Москву многие предания и понятия византийского двора; брак ее с Иваном III ускорил процесс той смены старых форм новыми, что начался еще до нее в отношениях и обращении великого князя с окружающими: присутствие Софьи сильнее прежнего укрепило Ивана в сознании, что из прежнего удельного князя он превратился в государя и властелина.

III. ТАТАРСКАЯ ЕВРОПА

Разрыв с Золотой Ордой и отказ в уплате дани (1480), естественно, сблизил Ивана III с крымским ханом Менгли-Гиреем, который, став с 1478 г. в вассальные отношения к турецкому султану, старался окончательно обособиться от Золотой Орды. Союз Москвы с Крымом определил позицию Казимира литовского: в Золотой Орде он искал и нашел противовес Ивану и потому действовал рука об руку с ней.

Впрочем, добрые отношения к Крыму продолжались недолго. Падение Золотой Орды (1502) развязало руки Орде Крымской: разбойничье гнездо по существу, она могла теперь беспрепятственно совершать свои набеги одинаково как на Польшу, так и на Москву (Махмет-Гирей в 1521 г. под Москвой). Чтобы предотвратить их, приходится откупаться богатыми дарами («поминками»). По существу мало чем отличаясь от прежней обязательной дани, эти «поминки» наглядно свидетельствовали о том, как еще слабо было Московское государство на своей южной окраине.

Отношения к Крыму осложнялись еще отношениями к Казани: каждая сторона домогалась иметь там своих ставленников. Частые вторжения казанских татар повели к укреплению Нижнего Новгорода: его Кремль был обведен каменными стенами (1510), а для предупреждения самих вторжений государственная граница отодвинута далее к востоку, основан город Васильсурск (1523); неоднократно русские военные силы подходили и к самой Казани.

ГОСУДАРСТВО В БОРЬБЕ С ДРУЖИНЫМ НАЧАЛОМ

Превращение вольных слуг в подневольных. Утрата права отъезда. Превращение князя-вотчинника в князя-государя и, еще более, новые тяготы, возложенные на государство борьбой с западными и восточными соседями, повлекли за собой и дали оправдание одной важной перемене, совершившейся в то время: превращению вольных слуг князя (его дружины) в слуг подневольных. Выросло право князя требовать себе службы, запрещать переход вольных слуг на службу к другому князю. Такое право закрепощения, лишения полной свободы неизбежно превратило старых дружинников из вольных слуг в подданных государя.

Первоначально, как мы знаем («Курс». Т. I), дружина служила добровольно, сохраняя за собой право покинуть своего князя и перейти к другому. Право это, обычное на всей Руси, нашло свое выражение в междукняжеских договорах: «а боярам и слугам межн нас вольным — воля». Покидая князя, дружина не лишалась тех вотчин и земельных угодий, какими успела обзавестись на его земле; но с течением времени, чем больше крепла Москва, чем уже становился круг княжеств, куда мог бы отъехать служилый человек; чем дольше он служил на одном месте, — тем прочнее складывалось убеждение в его обязанности оставаться на месте и служить именно в Москве, а не в другом месте. Право отъезда было отменено, и случаи перехода становились все реже.

Это сознание своей прикрепленности к Москве вкоренялось тем прочнее, чем быстрее совершался процесс превращения князя-вотчинника в князя-государя, иными словами, чем очевиднее становилось, что самая служба приобретает теперь государственный смысл и характер.

Преимущества московской службы. Помимо сказанного, на службу московского князя вообще шли охотно: он сосредоточивал в своих руках богатые вотчины и мог наделять ими щедрее других удельных князей. Кроме того, он мог вернее, чем кто иной, оказать защиту своим людям. Наконец, на московского князя, как сильнейшего, не всегда легко было найти Управу: невзирая на договоры, он всегда имел полную возможность выместить свое неудовольствие на отъехавшего и нередко просто грабил его села и дома, которыми тот успел обзавестись в его владениях. При Иване III у московских и тверских вотчинников зачастую возникали распри из-за пограничных

меж на землях по ту и другую сторону в том и другом княжестве, и если жаловался, например, тверянин, то напрасно было искать суда в Москве: московскому вотчиннику все извинялось; но стоило пожаловаться москвичу, и из Москвы летели грозные требования удовлетворить его жалобу. Под таким давлением много тверян в ту пору, даже и те, кто дорожил своей службой в Твери и желал бы продолжать ее там, сочли меньшим злом для себя перейти на службу в Москву.

Отсутствие мест для отъезда. Да и куда, в самом деле, отъезжать? Со времени Ивана III, Василия III отъезд возможным стал только в Орду либо в Литву; но к татарам не уходили: басурманиться никто не решился бы, а отъезд в Литву получил характер измены тому же православию и, вдобавок, Русскому государству, в которое превратилось вчерашнее княжество Московское. Хотя в Литве и много было своих, русских, но и она наполовину была «латинской веры».

Прикрепление к земле и к лицу. Это оседание служилых людей, прикрепление их к земле, постепенно стало превращаться в прикрепление к лицу. Первое совершалось по собственному почину и желанию того, кто оседал; второе — против его воли и желания. Добровольное прикрепление к земле совершалось легко, само собой, потому что совпадало с интересами обеих сторон: и дружинника, и князя-вотчинника, тем более что дружинник всегда мог раскрепостить себя, если только желал того; прикрепление же к лицу (потеря права отъезда), естественно, вызывало отпор с одной и насилie с другой стороны.

Наказания и крестоцеловальные записи. Уже со времен Дмитрия Донского московские князья начинают называть служилых людей за их отъезд, отнимать у них имена и, чтобы вернее удержать их у себя, договариваются с другими князьями, чтобы те, если и примут покинувших московскую службу, то без вотчин. Иван III сделал большой шаг вперед на пути закрепощения служилых людей: к лицу, подозреваемому в желании отъехать, применялась весьма нехитрая мера — грубое насилie. Его брали под стражу и выпускали не раньше того, как он даст на себя крестоцеловальную запись, т. е. клятвенно обяжется не отъезжать, а служить московскому князю и его детям до конца дней своих. Для большей верности брали еще поручителей: в случае нарушения клятвы и отъезда лица, за которое ручались, они платились заранее оговоренной суммой денег. Древнейшая запись такого рода — 1474 г. Позже, не довольствуясь поручителями, брали

еще подручников, т. е. поручителей за поручителей. Бывали случаи, когда одно лицо выставляло за себя 118 поручителей, число же подпоручителей достигало еще большей цифры. Вот примеры: на одно лицо 1) 32 пор. и 12 подпор.; 2) 3 пор. и 283 подпор.; 3) в 1562 г. за князя Ивана Дмитр. Вельского поручилось 29 бояр, да за этих бояр еще, надо думать, несколько сотен других лиц.

Оправдание этой меры. Утрата права отъезда, вообще превращение дружинника в слугу совершится не сразу, притом не безболезненно; борьба за сохранение старинных прав (вернее: борьба государственной власти за уничтожение их) при Иване Грозном достигнет высшего напряжения: с утратой личной свободы никто ведь легко не мирится; однако внутренняя правда такой перемены обеспечит ей конечное торжество, рано или поздно общество поймет, что подневольная служба не есть служба лично князю ради его личных выгод, а служба всей Земле, т. е. в интересах самих же «подневольных», и примирится с ней.

Тем же путем закрепощения пойдет позже и превращение вольного насельника-работника (крестьянина) в «крепкого земле» и еще позже — в «крепостного».

СЕМЕЙНЫЕ ДЕЛА ИВАНА III И ВАСИЛИЯ III

ИВАН III (род. 1440)

Мария Тверская, первая жена Софья Палеолог, вторая жена
Иван Молодой, умер в 1480 г. Василий III, родился в 1479 г.
Женат на Елене Молдавской
Дмитрий I

1. Семейная распря. Софья (Зоя) Палеолог — «царевна Царегородская» — так **называла** она сама себя; «чародейца греческая» — так звали ее враги (Курбский). После брака при Дворе пошли перемены, бояре винили Софью в том, что она **Привезла** с собой порядки **византийского** двора и что под ее будто бы **влиянием** великий князь **изменил** свое обращение с **Ними**, держал себя гордо, властно и недоступно. Насколько справедливо это обвинение? Всегда ли *post hoc* бывает и *propter*

нос? Недоброжелателям удалось поссорить Софью с мужем (причины ссоры нам неизвестны), но в конце концов Софья сумела восстановить прежнее положение. Семейная драма разыгралась в трех последовательных актах. 1. Опала на Софью. Сын Василий заключен под стражу. Внук Дмитрий коронован на великокняжение (1498).¹ 2. Примирение Ивана с женой и сыном. Гнев на недоброжелателей Софьи: князь Ряполовский-Стародубский (потомок Всеволода III) казнен; князья Патрикеевы (литовские выходцы, потомки Гедимины) пострижены (отец и сын) в монахи (1499). Дмитрий и его мать Елена посажены под стражу. 3. Василий провозглашен наследником престола со званием великого князя и самодержца всея Руси.

Софья умерла в 1503 г.; Елена умерла в 1504 г.; Дмитрий умер (в темнице) в 1509 г.

2. Развод Василия III с Соломонией Сабуровой. Развод был делом чисто личных интересов; настоятельной нужды государственной в нем не было, но соображения государственной пользы, по мнению инициаторов развода, совпадали с интересом личным: великий князь желал передать престол в свой род в нисходящем поколении, т. е. непременно сыну, поддерживая установившиеся со времен Ивана Калиты традиции наследования по прямой линии, от отца к сыну, обходя боковые ветви (братьев-дядей). К тому же Василий находился в неладах с своими братьями, Юрием и Андреем, и нашел поддержку в своем окружении: лица, возвысившиеся при нем, опасались утратить свое влиятельное положение в случае вокняжения Юрия или Андрея.

Основания к разводу (неплодие) с церковной точки зрения были сомнительны; однако он нашел себе авторитетную поддержку именно у представителя церкви — у «потаковника» митрополита Даниила. Позже, с вокняжением Ивана Грозного, единственным выходом (по понятиям того времени) из создавшегося положения, во избежание повторения распри, что некогда Василий Темный вел со своим дядей Юрием и двоюродными братьями Юрьевичами, Василием Косым и Дмитрием Шемякой, была насильственная смерть: Юрий и Андрей были посажены в темницу и там уморены голодом.

¹ См. Приложения. № 4: «Каков был чин венчания Дмитрия, внука Ивана III, в 1498 г.?»

Короче говоря, Иван III вывел Россию на новый путь международной жизни.

7. Зависимость от старины. Зато в делах домашних, в пределах своего Московского княжества Иван полон противоречий. Сознав себя национальным, независимым государем и определив себе место наряду с такими же, как он, независимыми государями, Иван, конечно, не мог не сознавать своей «государственности» и по отношению к самой России, к ее населению; однако старые образы врослись так крепко, так вкоренились, что ему оказалось не по силам совсем отрешиться от них и перестать видеть в Московском княжестве прежнее частное владение, а в себе ее «хозяина-примыслителя».

Иван понимает, что он могущественнее своего отца или деда, сознает свою силу и проявит ее резче, убедительнее: строже накажет заслушание, пустит в ход кнут — небывалую раньше на Руси позорную казнь; отрубит Ряполовскому голову, — потому-то и падают женщины в обморок от его гневного взгляда; потому-то так и боятся его бояре и, не шевелясь, ждут его пробуждения, опасаясь неосторожным движением нарушить покой своего грозного повелителя; но во всех этих действиях слышится чаще разгневанный хозяин, грозный отец, чем государь, глава большого народа.

Что Иван еще не вырос в государя во весь рост, свидетельствуют те уделы, которые он оставил своим младшим сыновьям: государь — должен был бы обделить младшее свое поколение; отец — он не решается на такой шаг: это было бы противно старинным правилам морали, завету дедов и отцов.

8. Противоречия во внутренней деятельности. Новое и старое постоянно борются в нем. Переселение непокорных новгородцев из их родного города на Волгу — мера суровая, но ее еще можно оправдать соображениями государственной пользы: к подобной мере прибегали государи и раньше, и позже, не один Иван; но зачем было при этом разорять тысячи и тысячи людей! Ведь разоряя новгородские семьи, он зорил не только ненавистный ему город, но также и национальное русское добро! То же самое можно сказать и о мерах, погубивших новгородскую торговлю с Ганзой.

Сегодня он коронует на царство внука и сажает под стражу ^{сь} ша, а завтра низложит внука и лишит его свободы, а на его Место поставит сына. Чувствуй себя в эту минуту Иван государем, он, наверно, поостерегся бы от подобного шага: ведь он Наносил удар не только внуку, но и самой идее государства — Идее столь молодой, едва начинавшей пускать первые ростки.

Подобный опыт еще мог безнаказанно проделать Петр Великий со своим сыном, но там вся обстановка была иная: идея государства в сознании общественном уже окрепла, да и на самую казнь посылал царевича Алексея не отец, а государь, в заботе о благе государственном.

9. Двойственность. Таким образом, личность Ивана двояка: одной ногой он стоит уже в новом, будущем мире, другой еще завяз в старом. Первое делает его видной исторической личностью, с чертами, несомненно, положительными, а второе держит на прежнем уровне. Там его фигура облита зарей нового света, тут она вся еще в сумерках догорающего дня. Там им сказано новое слово, здесь он все еще сбивается на проторенную дорогу. Во всяком случае, на этой дороге Иван ничего не растерял из доставшегося ему наследия; скорее наоборот, прочно спаял его и таким хорошо спаянным передал своим преемникам. Будущие поколения в достижении новых целей, поставленных русской жизнью, будут нуждаться в новых средствах, но им не обойтись и без средств, завещанных Иваном.

10. Заключение. Ум не творческий, Иван едва ли заслужил название Великого, каким награждают его некоторые историки; но это не отнимает у него права занимать одно из выдающихся мест среди деятелей русской старины. Это типичный представитель переходного времени. Уходя из прошлого, он еще не затворил за собой окончательно дверей, но он первый приотворил дверь туда, куда потом пришлось идти всей России.

ЛИТЕРАТУРА

I. Восемь сочинений по общей истории России: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. VI, VII; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. II; *Костомаров Н. И.* Гл. XIII—XVII; *Иловайский Д. И.* История России. Т. II, III; *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций. Т. II; *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. Курс лекций; *Любавский М. К.* Древнейшая российская истории до конца XVI в.

П. *Чечулин Н. Д.* Иоанн III // Русское богатство. Словарь (библ.); *Мякотин В. А.* Иоанн III // Энци. слов. Т. XIII; Нов. энци. слов. Т. XX; *Успенский Ф. И.* Брак царя Ивана Васильевича с Софьей Палеолог // Исторический вестник. 1887, XII; *Клочков.* Софья Палеолог // Русское богатство. Слов. (библ). *Тураева-*

¹ См. Приложения. № 5: «Иван III. Суд истории».

Цертели. Елена Иоанновна, великая княгиня литовская, королева польская. СПб., 1898; *Бережков Н. М.*, Елена Ивановна, великая княгиня литовская, королева польская // Труды IX Археол. съезда в Вильне. М., 1897. Т. П. С. 1—44. *Пресняков А. Е.* Завещание Василия III. Сборник статей... Платонову. СПб., 1922; Труды Костомарова Н. И. и Никитского о Новгороде; Иловайского Д. И. о Рязанском и Борзаковского о Тверском княжестве — см. «Курс». Т. I. *Ключевский В. О.* Боярская Дума. М., 1883. *Бауэр В.* Сношения России с германскими императорами в конце XV и начале XVI в. // ЖМНП. 1870, март; *Карпов.* История борьбы Москов. государства с Польско-Литовским. М., 1867. Чтения 1866. Кн. 3—4. — *Пресняков А. Е.* Иван III на Угре. Сборник статей... Платонову. СПб., 1911.

III. *Pierling P. K.* 1) La Russie et l'Orient. Mariage d'un Tsar au Vatican. Ivan III et Sophie Paleologue. Paris, 1891; есть русский перевод; 2) L'Italie et la Russie au XVI siecle. Paris, 1882; 2) La Russie et le Saint-Stega, vol. 11, 2-eme edit, Paris, 1906; *Успенский Ф. И.* Сношение Рима с Москвой (разбор трудов по р. истории о. Павла Пирлинга) // ЖМНП. 1884, август, октябрь, 1885, август; *H. Uebersberger.* Oesterreich und Russians seit den Ende des 15 Jahrhunderts. Erster Band von 1488—1605. Wien u. Lpzg., 1906; *J. Fiedler.* Die Allianz zwischen Kaiser Maximilian J. u. Vasilij Jvanovic, Grossfursten v. Russland von den Jahre 1514. Wien, 1863 (Sitzungsberichte der phil.-hist. Cl. der K. Akad. d. Wiss., Bd. XLIII); *W. Buddes.* Zur Geschichte der diplomatischen Missionen des Dominikaners Nikolaus von Schonberg bis zum Jahre 1519. Greifswalder-Dissertation, 1891.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СОЗДАНИЕ САМОДЕРЖАВНОЙ МОНАРХИИ (1462—1584)

II. ВРЕМЯ ПЕРВОГО ЦАРЯ (153?,—1584)

Характеристика этих лет

1) В царствовании Ивана Грозного нераздельно слиты ДЕЛО и ЛИЦО. ДЕЛО — продолжение начатого в предыдущие два княжения; ЛИЦО — по своей яркости и индивидуальности, не всегда укладывалось в рамки Дела; следуя программе отца и деда, Иван Грозный вносит в нее много субъективного и в силу своей неуравновешенности временами противоречит ей: созидание идет тогда рука об руку с разрушением.

2) Борьба Ивана IV с княжатами и боярством, а также опричнина, порожденная этой борьбой, — явления едва ли не самые яркие за все время его царствования. Своей яркостью они обязаны тому, что Дело и Лицо выступили в них на этот раз слитыми воедино неразрывными, пагубными узлами: при полном, однако, противоречии исходных побуждений того и другого.

3) Если иметь в виду одно Лицо, то деятельность Ивана Грозного придется разделить на два периода: на светлый, тринадцатилетний (1547—1560), и мрачный: последний тянулся на протяжении 24 лет (1560—1584). Годы детства (1533—1547) в счет не идут: это простое «введение к книге». Однако пройти мимо них, исключить их из поля своего зрения значило бы сознательно выпустить из рук драгоценный ключ к разгадке и пониманию самой «книги».

4) Если, наоборот, сосредоточить свое внимание на Деле, забыв о Лице, то необходимо привлечь все 50 с половиной лет государственного Ивана Грозного и взять их целиком. Время первого царя органически связано с непосредственным прошлым. Иван IV работал в том же духе и направлении, что отец и дед. Поэтому Дело его есть лишь дальнейшее развитие задач, поставленных на очередь при Иване III и Василии III.

5) *Светлая полоса царствования.* Молодой царь полон энергии и добрых начинаний; под влиянием Избранной рады, он охвачен деятельной мыслью о благе страны, предпринимает ряд большей частью удачных правительственных мер, полезных и необходимых. Благоприятное влияние Сильвестра и жены Анастасии Романовны сдерживает до поры до времени дурные наклонности, заложенные в детстве.

6) К этой светлой поре относятся:

1. Коронавание на царство (1547).
2. Посылка немца Шлитте в Европу для найма в русскую службу опытных мастеров, техников, типографщиков, врачей и проч. (1547).
3. Канонизация русских святых (1547, 1549).
4. Намечены: 1) реформа местного самоуправления; 2) исправление и дополнение старого Судебника 1497 г. (1550).
5. Учреждение «Тысячного» полка — царской гвардии (1550).
6. Первая попытка уничтожения местничества (1551).
7. Созыв Стоглавого церковно-земского собора (1551).
8. Завоевание Казанского царства (1552).
9. Устройство первой в России типографии (1553).
10. Начало торговых сношений с Англией (1553).
11. Завоевание Астраханского царства (1554—1556).
12. Господство на Волге сейчас же отозвалось за Уралом: под непосредственным впечатлением торжества русского оружия в Казани и в Астрахани сибирский царь Едигер признал себя данником русского царя (1555).
13. Уничтожение отяготительной системы кормления; населению предоставлено право самоуправления, с выборными головами, земскими судьями и губными старостами (1556).
14. Поместная система, обслуживавшая военные нужды государства, получила большую стройность и законченность, будучи основана теперь на точно определенных и постоянно действующих правилах (1556).
15. Удачное начало Ливонской войны (1558): русское войско доходит до Риги (1559), а Ливонский орден под ударами русского оружия распадается и теряет свою самостоятельность (1559—1561).

7) *Мрачная полоса царствования.* Не часто встретишь в истории за краткий период (13 лет) такую кипучую и плодотворную деятельность в столь разнообразных отраслях государствен-

ной жизни, как вышеуказанная.¹ Но светлой полосе царствования с 1560 г. наступает конец: небосклон быстро затягивается тучами, гроза подходит, растет; воздух насыщается электричеством, и достаточно неосторожного прикосновения, чтобы зажечь пожар, который опалит чуть не всю Русскую землю. Курбский бежит в Литву — и гроза разражается с небывалой силой: возникает опричнина, почти без перерыва следуют одна за другой опалы, пытки, кровавые казни. Правда, работа, начатая в предыдущий период, продолжается и теперь: государственная машина не приостановилась; война за Ливонию ведется по-прежнему, но она потеряла свою устойчивость; нет прежних сил, бодрости духа и, главное, веры в самих себя: борьба с «изменой» подсекает эту веру в корне, вынуждая к бесславному соглашению со шведами, к тяжелому, унижительному миру с поляками. Все силы уходят на злосчастную борьбу с внутренним врагом, с княжатами и боярами; на всем лежит отталкивающий отпечаток «эпохи казней и гонений». В эти годы ближайшими советниками царя были все опричники: Малюта Скуратов, кн. Вяземский, Басмановы, Василий Грязной — с именем каждого из них связана память о насилии и убийствах.

8) Этот мрачный период, лишенный всякого творчества, ознаменован событиями такого рода:

1. Насильственной смертью погиб двоюродный брат царя, Владимир Андреевич Старицкий, со своей матерью, женой и дочерью (1569).
2. Задушен митрополит Филипп за смелое слово правды (1569).
3. Подвергся беспощадному разгрому древний Новгород: вся его округа опустошена; тут не остановились и перед тысячами жертв, точно это была чужая, вражеская земля, а не своя, «отчина» и «дедина», не свое родное добро.
4. Беспощадному истреблению подверглись княжата и боярство: десятки их казнены; десятки насильно пострижены или заточены, отправлены в ссылку.
5. Разгромлено крупное и мелкое землевладение: разорены, кроме высшего класса, также и средний (служилые люди), и низший (крестьянство), что создало горючий материал, без которого не бывает бы Смуте в начале XVII ст.

Не только государственной жизни и деятельности, но и общественной.
См. ниже § 9, пункт в).

6. Благородный облик первой жены Ивана Грозного, Анастасии Романовны, заслонен дикой, кровожадной черкешенкой Марией Темрюковной; одна «жена» сменяется другой в противность всякой морали и законам церкви.
7. Кошунство опричников и самого царя; припадки садизма.
8. Глумение над Русской землей: в «великие князья всея Руси» ей дают крещеного татарина, касимовского царя Симеона Бекбулатовича (1575).
9. Набег на Москву Девлет-Гирея (1571), напомнивший худшие времена Батыя и Тохтамыша.
10. Бесславная война с польским королем Стефаном Баторием и унижения, какие пришлось вынести царю, а с ним и всей России, от гордого победителя.
11. Убийство собственными руками родного сына (1581).

Среди этой мрачной вереницы событий немного найдется светлых картин вроде устройства на южной границе засечных линий или завоевания Сибири; да и то, одно явилось действием вынужденным, под давлением явной опасности, а другое обязано частной инициативе и совершено ослушником царской власти, действовавшим на собственный риск и страх.

9) В таких рамках протекала деятельность Лица; совсем в иных разворачивается история Дела: в ней особенно выпукло выступают три характерные черты:

а) Размеры правительственной деятельности: по сравнению с предыдущей эпохой (1462—1533), они значительно шире; сама работа ведется гораздо напряженнее, зато и результаты дает более осязательные (наступательное движение на восточной окраине; реформы пятидесятих годов; литературная деятельность). Даже там, где работа осталась безрезультатна, все же диапазон ее, ее напряженность не менее сильны (продвижение к Балтийскому морю; борьба с Польшей).

б) Торжество государственного начала. Государственная идея и без того была накануне своего торжества; недаром во время малолетства Ивана ни один из бояр не сумел и не задумался подняться выше личных интересов и использовать Доставшуюся им власть в интересах целого класса — теперь, принизив и изнищив княжат и бояр, Иван сломил последние силы, опасные его самодержавию.

в) На идее торжествующего государства воспиталась литература того времени и пошла на службу ему. Блестящие Успехи на Востоке, победа над двумя татарскими ханствами и

горделивое сознание своей государственной мощи явились своего рода итогом всей прежней деятельности — вот почему наиболее выдающиеся произведения, появившиеся в царствование Ивана Грозного, содержания исторического. Возникает:

1. Степенная книга в том законченном виде, в каком она дошла до нас.
2. С новой энергией берутся за летописное дело.
3. Приступлено к осуществлению грандиозного замысла — составить Царственный Летописец: иллюстрированную историю России, не стесняясь ни размерами труда, ни затратами на него.
4. Расширение границ на Востоке наводит на мысль о составлении «Книги Большого Чертежа», географического описания нового Русского царства.
5. Заканчивается составление Четий-Миней, обширнейшей энциклопедии духовно-религиозного содержания.
6. Ведется энергичная работа по составлению житий русских святых.
7. К той же поре относится составление «Домостроя» — свода правил «мирского строения» и кодекса семейно-общественной морали.
8. Явилась первая печатная в России книга «Апостол».
9. Составлена «История Казанского царства», получившая широкое распространение среди грамотного люда.
10. Содержание до известной степени исторического был и «Государев Родословец», из 43 глав, составленный в 1555 г. Это была генеалогия московского царствующего дома (происхождение велось от Прусса, брата римского кесаря Августа) и знатных служилых людей. Сюда вошли: 1) Рюриковичи, т. е. потомки владетельных удельных князей; 2) роды царей Астраханских и Казанских; 3) Гедиминовичи; 4) нетитулованные роды боярские: русские и выезжие из чужих земель. Последним записан (гл. 43-я) род Адашевых.

Примечание. Впоследствии, после уничтожения местничества (1682), «Государев Родословец» был дополнен позднейшими представителями занесенных в него родов (1687) и составил так называемую «Бархатную книгу» (переплет из бархата) и издан в 1787 г. Н. И. Новиковым под названием «Родословная книга князей и дворян российских и выезжих» (Москва, 1787).

10. Вопросам государственного порядка посвящена и литература политическая: не упоминая тех произведений, точная датировка которых ускользает от исследователя и, всего вероятнее, относится к более раннему времени (по крайней мере, в их первых редакциях), здесь могут быть упомянуты: 1) Сочинения Ивана Пересветова; 2) «Беседа преп. Сергия и Германа, валаамских чудотворцев»; 3) «Послание к царю Ивану Васильевичу», неизвестного автора; 4) переписка Грозного с князем Андреем Курбским; 5) сочинение этого последнего: «История князя великого московского»; наконец, 6) некоторые Жития и Похвальные слова русским святым.

11) Исконный факт русской истории: Россия есть держава европейская, — при Иване III и его сыне несколько заслоненная недавними узами Золотой Орды, теперь, при Иване IV, выступает с большей очевидностью и убедительностью. Россия стала важным фактором в сложной жизни Восточной Европы (Швеция, Ливонский орден, Литва, Польша). Не в стороне стоит она и от Англии, Голландии, Дании, Германии, Рима и Турции. Узел завязался с тем, чтобы навсегда связать Россию с остальным европейским миром.

12) К области Дела, а не Лица относится и перемена во взаимных отношениях церкви и государства. Перемена началась еще при отце и деде Ивана Грозного, но теперь выступила наружу особенно заметно. Раньше, в «догосударственный» период, церковь была покровительницей светской верховной власти, защитницей ее интересов — в течение последнего столетия она превратилась в подчиненный ей орган. Прежнее добровольное служение светской власти стало теперь для нее обязательным, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО ИВАНА ГРОЗНОГО

Семейная обстановка детских и отроческих лет Ивана сложилась крайне неблагоприятно: семьи он почти не знал, рос без призора, воспитания не получил никакого, если не считать воспитанием насилие, кровавые сцены, жестокие и распущенные нравы, окружавшие его в эти годы. Ему еще не исполнилось восьми лет, когда он потерял мать, а остальную родню, двух Дядей (правда, не тронув их детей), та же мать еще раньше постаралась убрать с дороги. Их насильственная смерть обезпечила мальчику и во время его сиротства неоспариваемое

положение государя и великого князя; зато сам он остался на руках посторонних людей-бояр, которые могли быть для него чем угодно, но только не педагогами, не воспитателями. Они сделали его свидетелем своих распрей, грубых и грязных сцен, приучили не ценить человеческую жизнь и равнодушно смотреть на льющуюся кровь.

За первое десятилетие великокняжения Ивана IV (1533—1543) можно указать на следующие факты (ему в это время 3—13 лет):

1) 1533 г., декабрь 11-е — дядя Юрий, удельный князь Дмитровский, схвачен и лишен свободы, всего неделю спустя после смерти своего брата, великого князя Василия III (3 декабря).

2) 1534 г., август 19-е — Михаил Глинский, дядя матери, схвачен и вскоре умер в заточении.

3) 1536 г., август 3-е — дядя Юрий умер в тюрьме.

4) 1537 г., май — другой дядя, Андрей, заточен и через полгода умер, как и тот, голодной смертью; похоронен в головах у брата Юрия.

5) 1538 г., апрель 3-е — умерла мать, отравленная.

6) 1538 г., апрель 9-е — схвачен и обречен на голодную смерть любимец матери кн. Иван Овчина-Телепнев-Оболенский; мамка Аграфена Челяднина (сестра Овчины) силой оторвана от ребенка и сослана в Каргополь.

7) 1539 г., февраль 2-е — насильственно низведен с митрополии митрополит Даниил.

8) 1542 г., январь 3-е — одиннадцатилетний мальчик был страшно напуган в эту ночь: бояре ворвались в его комнаты, гонясь за боярином Вельским и митрополитом Иоасафом. «И бысть мятеж велик в то время на Москве, и государя в страховании учиниша». Одни бояре хватили Вельского, другие же • пришли к государю в постельные хоромы не по времени, за три часа до света, и пети у крестов заставили» (т. е. читать утренние молитвы). Иоасаф прибежал в спальню спавшего Ивана, а бояре с шумом ворвались за ним. Митрополит был насильственно низложен и сослан в Кирилло-Белозерский монастырь, а Вельский на Белоозеро, где через несколько месяцев умерщвлен.

9) 1543 г., сентябрь 9-е — на глазах Ивана в столовой избе во время совещания бояре схватили его любимца, молодого Федора Воронцова, стали бить по щекам, оборвали на нем платье. Иван заступает, но Воронцова сводят с позором с дворцовых сеней, бьют, толкают и отдают под стражу. Новые просьбы мальчика: уж если не хотят оставлять его в Москве, пусть сошлют, но на Коломну — бояре сослали в Кострому.

Конечно, ребенок не был и не мог быть непосредственным свидетелем всех перечисленных фактов, но все они, в той или иной форме, стали ему известны, и в какой бы ни дошли до него, на всех на них лежал один и тот же отпечаток — жестокого насилия и несправедливости. Воспитывался Иван в обстановке самой нездоровой.

ГОСУДАРСТВОВАНИЕ ИВАНА В ДЕТСКИЕ И ОТРОЧЕСКИЕ ГОДЫ

Подобно Людовику XIV, Иван не помнил себя иначе как государем. Французский король вступил на престол пятилетним ребенком (1643), его детские игры смешались с торжественными парадными выходами, наставления и ласковые упреки матери с униженными поклонами и льстивою речью его подданных; с самых малых лет Людовик привык видеть себя в центре совершавшихся событий, их первоисточником и завершением. Совершенно естественно, если в такой обстановке потом, когда он вырос, у него сложилось представление о себе, как о «короле-солнце», повелителе-самодержце, с прирожденным правом требовать себе беспрекословного повиновения во имя того, что «*tel est notre bon plaisir**».

В положении Ивана много сходного. Государем — на деле и в собственном сознании — он стал даже раньше. Ему еще нет пяти лет, а архиепископ Новгородский Макарий «бьет ему челом», подносит великие дары: сапфировый крест, обложенный золотом, хрустальную шкатулку, окованную позолоченным серебром, с финифтью, и много чего иного (1535 г., январь 11-е). Тот же Макарий в течение 18 дней своего пребывания в Москве ездит через день к великому князю, печалуясь за опальных. Самое «печалование» направлено, разумеется, не к ребенку, а к матери-правительнице, но все же чисто обрядовая сторона — обращение к государю — едва ли была совершенно при этом обойдена. Положение вдовствующей княгини в роли правительницы прочным назвать было нельзя; врагов у Елены было немало. Недаром так торопилась она избавиться от деверей, братьев покойного мужа. Прикрыться в своих действиях именем сына, пользоваться случаем выдвинуть его на первый план должно было входить в ее расчеты. Поэтому вполне допустимо, что и «печалования» Макария декоративно прошли не без Участия ребенка.

Тогда же (1535 г., февраль 1-е) Иван вместе с матерью участвует в Успенском соборе на торжестве переложения мощей Алексея-чудотворца, и присутствует не в толпе, а на самом видном месте, первоначально, вероятно, еще не без некоторого удивления подмечая то особое внимание, каким его окружали. В другой раз, несколько позже, он участвует вместе с братом Юрием в торжественной встрече двух чудотворных икон, перенесенных из Киева (1540 г., февраль 3-е). Подобное участие тоже входило в круг обязанностей московского государя.

Ивану пошел всего шестой год, а он уже видит себя воочию, на деле, государем, да еще каким государем! Незадолго до своей смерти Василий III, в наказание за тайные сношения с казанцами, лишил бывшего казанского царя Шихалея пожалованного ему Серпуховского уезда и сослал его на Белоозеро. Но два года спустя Шихалей стал нужен Москве: его намеревались снова посадить в Казани, вызвали поэтому с Белоозера и приняли в торжественной аудиенции как настоящего государя. И вот на этой-то аудиенции Шихалей падает перед Иваном на колени, просит забыть его прегрешения, ребенок же, сидя на скамье, приказывает ему встать, зовет к себе «карашеваться» (поздороваться) и в знак милости садит подле себя справа на отдельной скамье, а отпуская, жалует шубу (1535 г., декабрь 12-е). Конечно, ребенка предварительно наставили, что ему следовало делать и говорить, подсказывали его роль, но это и была та школа, которая воспитывала в Иване государя-самодержца.

Государем встречает Иван того же Шихалея на аудиенции у своей матери. Окруженный боярами, он встречает царя в сенях, а тот, вступив в комнату, бьет челом в землю ему и великой княгине, говорит речь. Шихалею и здесь оказывают честь: «приказывают» сесть (1536 г., январь 9-е). Если не в тот же день, то в том же январе состоялся прием жены Шихалея, царицы Фатимы. Елена встречала ее в сенях и с ней вернулась в комнаты. «И как великая княгиня вошла в палату, и князь великий вшел в палату к матери своей, с царицею виделся; и царица против его встала и с места своего отступила, и князь великий молвил царице: „Табугсалам“ и с ней карашевался. И сел князь великий на своем месте у матери, и у царицы с правой руки, а бояре с ним по обе стороны... И ела того дни Фатима-Салтан царица у великие государыни в палате у Лазаря Святого, а князь великий и бояры в материи избе».

Несколько позже, но все еще не достигши полных шести лет, Иван дает аудиенцию литовским послам и неукоснительно

продельывает все предписания церемониала, обращаясь к ним с обычным в этих случаях вопросом: «брат наш Жигимонт король по здорову ль?», и потом зовет их к руке (1536 г., август 13-е). Тем же послам полгода спустя он даст, на отпуске, торжественную клятву в соблюдении договора (1537 г., февраль 18-е). А затем пойдут, из года в год, приемы послов ногайских (1541 г., сентябрь 12-е), астраханских (1542 г., декабрь 23-е), снова литовских (1542 г., марта 1-е), послов казанской царевны Ковгоршад (1542 г., марта 8-е). Помимо того, Москва видела в своих стенах за эти годы посланцев воеводы волошского, царя казанского, хана крымского.

Посещение монастырей с благочестивой целью вообще входило в круг обязанностей московского государя, и Иван еще мальчиком выполняет эту повинность, лежавшую на его сане: неоднократно ездит он (обыкновенно с родным братом Юрием, а то и с двоюродным — Владимиром Старицким) к Троице-Сергию, в Можайск, в монастыри Волоколамский, Боровский. Его свита — князья и бояре; он слушает всенощную, заутреню, молебен, литургию, и везде, в пути — при встрече, в храме, за трапезой — он на первом месте, всегда предмет общего внимания и почета (1541—1543).

Ощутил Иван за эти ранние годы и тесную связь церкви с государством; и не одну связь, но и подчиненное положение ее, зависимость ее действий от власти мирской. Участием в церковных торжествах великий князь освящал последние, придавал им юридическую силу. Он присутствует на церемонии наречения игумена Иоасафа в митрополиты в Успенском соборе, откуда отправляется на митрополичий двор, где старший из иерархов, новгородский архиепископ, во главе других епископов, вводит Иоасафа на приготовленное для него место (1539, февраль 6-е). Три дня спустя после литургии, в том же Успенском соборе, Иван вручает новопоставленному митрополиту пастырский посох, символически подчеркивая государево право восьмилетнего мальчика санкционировать постановление духовных властей. Церемония заканчивается визитом нового митрополита к государю. Современник говорит, что целью визита было преподать великому князю благословение; но, конечно, посещение это являлось также и выражением благодарности. Три года спустя место Иоасафа занял митрополит Макарий; Позволительно думать, что и в этот раз поставление не обошлось без участия Ивана (1542 г., март 19-е). Мирская власть не только утверждает избрание митрополитов всероссийских, «киевских и всяя Руси», но по собственному почину и низлагает

их: разве поставлению Иоасафа не предшествовало насильственное удаление с престола его предшественника, митрополита Даниила?

Хотя мальчику, по самому возрасту, посильна одна лишь декоративная сторона государствования, однако любое постановление государственного значения нуждалось в его имени, не могло обойтись без видимости его санкции. По смерти княгини-матери государственный корабль московский очутился в положении исключительно ненормальном. Сам править им Иван, за малолетством, не мог, а между тем регентства, правительственного органа, правильно и законно действующего, создано не было. Делами государства распоряжался тот, кто сумел или успел захватить власть. Сила, однако, сознавала необходимость найти себе оправдание и точку опоры в праве — вот почему распри и споры боярских фамилий за власть, не прекращавшиеся за все время малолетства Ивана, неизбежно втягивали в борьбу и его самого. Как ни молод был Иван, он все же являлся для спорящих желанной и притом единственной твердой точкой опоры. Можно сказать, бояре сами предупредили его совершеннолетие.

Ивану всего восемь лет, а боярин Вельский «советует» ему пожаловать боярством князя Голицына, в противность желанию Шуйских (1538 г., осенью). Правительница-мать скончалась полгода назад, и мальчик уже теперь вынужден заменить ее. Два года спустя тот же Вельский, успевший за это время попасть в ссылку, снова появился во дворце (1540 г., июня 6-е). За него ходатайствовал митрополит Иоасаф, но судьбу старого заслуженного боярина решил десятилетний мальчик. Неудивительно, если впоследствии, возмужав, правительственные действия того времени Иван припишет своей инициативе: «Войдя в возраст, — вспоминал он, — я не восхотел рабской властью быть, отослал от себя князя Ивана Васильевича Шуйского и велел быть у себя князю Ивану Федоровичу Вельскому». А в возрасте Ивану в ту пору не было еще и полных тринадцати лет.

Пришло известие о приближении крымского хана Саип-Гирея с ордой к реке Оке, служившей в ту пору защитной границей на юге. Положение серьезное; опасность грозит самой Москве, и первое, что делает мальчик; первое, что он обязан сделать, как государь, — он идет в Успенский собор молить Царицу Небесную о заступничестве, и молится с братом Юрием также у гроба святителя Петра. Затем он присутствует на заседании, где митрополит и бояре обсуждают вопрос, как поступить при данных обстоятельствах: оставаться ли великому

князю в Москве или уехать? Решено было положиться на Пречистую и на чудотворцев Петра и Алексея, т. е. столицы не покидать (1541 г., июля 28-е?). Вполне допустимо, что заседание было простой формальностью и постановление было предпринято заранее и, в таком случае, конечно, без участия (спроса) Ивана; однако оформить его, придать ему надлежащий авторитет было необходимо, а потому необходимо и присутствие государя, хотя ему и было всего 11 лет.

Иван в своей детской. А между тем государь в Грановитой палате, в Успенском соборе, вообще в официальные минуты жизни, он далеко не чувствует себя на положении такого в обыденной обстановке. Там — он предмет всеобщего почитания, центр для всех, всегда первое лицо; в своей же детской, наоборот, он еще такой маленький, бессильный, беспомощный! Здесь старшие обращаются с ним небрежно, совсем не хотят считаться с его желаниями. Любимую мамку, по смерти матери, отняли у него силой; стоило ему сдружиться с Федором Воронцовым, и бояре, опасаясь найти в нем соперника, не задумались на глазах великого князя наброситься на нового любимца, чуть не убили его. А что переиспытал он ночью, когда бояре ворвались в его комнату, гонясь за боярином Вельским и митрополитом Иоасафом!

Иван рос в забросе, предоставленный самому себе, не всегда заботливо накормленный и хорошо одетый. Мальчик видел вокруг себя, как посторонние люди бесцеремонно расхищали его добро, оставшееся после отца. Легко представить себе чувство маленького Ивана, привыкшего видеть в себе государя, — чувство одновременно и оскорбления, и бессильной злобы при виде того, как ничтожный Тучков пихал ногами вещи его покойной матери. «Мы с братом Юрьем играем, а князь Иван Шуйский сидит на лавке, локтем оперся на постели отца нашего и ногу положил на нее», — вспоминал впоследствии Грозный. «Ребе-

«И казну матери наша перенесли в Большую казну, неистово ногами пающе и осны (т. е. спицами, острыми палками) колюще; а иноежь себе разъяма: а дед твой Михайло Тучков то сотворил... Нас же, со едиnorodным братом, святопочившим Георгием, питати начата яко иностранных, или убожайшую чадь. Яковаж пострадах во одеянии и во алкании! Во всем бо сем воли несть, но вся не по своей воле и не по времени юности. Едино воспомяну: нам бо во юности детства играюще, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, локтем опершися, отца нашего о постелю ногу положив, к нам же не преклонялся не токмо яко родительски, но еже властелински, яко рабскоеж, ниже начало обрется... А казну деда и отца нашего бесчисленную себе поймаша; и тако той нашей казне исковаши себе сосуды злати и сребряни и имена на

нок видел перед собой врагов, похитителей его прав, но бороться с ними на деле не мог; вся борьба должна была сосредоточиться у него в голове и в сердце — самая тяжелая, самая страшная, разрушительная для человека борьба, особенно в том возрасте!» (Соловьев С. М. VI. 40).

Каким воспитала Ивана такая обстановка. Последовательно ребенок, мальчик, подросток, Иван видел вокруг себя одно насилие, жестокость и бессердечие; ничего облагораживающего, возвышающего и достойного примера; пролитая кровь никого не смущала; чужая боль никого не тревожила. Неудивительно, если он сам стал таким же жестоким, бессердечным, таким же насильником, равнодушным к чужим слезам. Уже 12-ти лет он находил наслаждение бросать с высокого терема животных и смотреть, как они разбивались при падении; на 15-м году он скакал со сверстниками по улицам, топтал людей, бил и грабил попадавшихся навстречу мужчин и женщин. Зверь уже тогда сидел в нем. И зверь не замедлил проявиться наружу.

Каким «государем» проявил себя Иван на первых порах, еще до коронации на царство.

1) Три-четыре месяца спустя после случая с Воронцовым 13-летний мальчик, неожиданно для всех, показал себя на деле государем и самовластным повелителем, приказав схватить первосоветника боярского, князя Андрея Шуйского, и отдать его псарям, — те, волоча его в тюрьму, прикончили по дороге (1543 г., декабря 29-е). «С тех пор, — говорит летопись, — начали бояре от государя страх иметь и послушание». И страх был основателен: опалы идут теперь за опалой.

2) Сослан князь Кубенский (1544 г., декабря 16-е).

3) Отрезан язык Бутурлину (1545 г., сентября 3-е).

4) Едва успел Иван вернуть из ссылки князя Кубенского, как снова наложил на него опалу, на этот раз вместе с другими князьями: с Шуйским, Палецким и Горбатым, не удержался и любимец, Федор Воронцов (1545 г., октября 5-е).

5) Через два месяца всех их вернули ко дворцу (1545 г., декабрь). Иван скор и на гнев, и на милость; он действует под первым впечатлением; анализ и вопрос: «хорошо ли это или дурно?» приходит уже потом. И таким, по существу, останется Грозный на всю жизнь.

них родителей своих подписаша, будто их родительское стяжание; а всем людям ведомо: при матери нашей и у князя Ивана Шуйского шуба была мухояр зелен на кунницах, да и те ветхи» (Письмо Грозного князю Курбскому в 1564 году; Сказания, 159).

6) Заподозренные в подговоре новгородских пищальников на жалобу князя Кубенский и двое Воронцовых казнены, другие заточены.

7) Сохранилось известие (может быть, несколько преувеличенное), что, будучи в Новгороде и разыскивая место, где в Софийском соборе замурована была церковная «казна», Иван пытал людей и, найдя большие сокровища в серебряных слитках, увез их к себе в Москву.

8) Есть показания о казни еще четырех лиц (Курбский).

Примечание. В первые же месяцы по короновании на царство псковичей, «осмелившихся» пожаловаться на своего наместника, Иван облил горячим вином, спалил им бороды, жег свечью волосы и велел их раздеть догола.

За три года (1544—1547), еще не начавши по-настоящему государствовать и править, Иван уже успел казнить восемь человек, в том числе трех заслуженных бояр и двух молоденьких князей, таких же еще мальчиков, как он сам: Трубецкого, 15-ти лет, и Овчину-Телепнева-Оболенского, сына любимца его матери. Восемь человек! Это больше, чем отец его и дед возвели на плаху за все продолжительное княжение свое! Недаром Иван сам сознавался на Стоглавом соборе: «Нельзя ни описать, ни языком человеческим пересказать всего того, что я сделал дурного по грехам молодости своей („еже не можно писанием исписати и человеческим языком изглаголати содеянная нами злая согрешения и законопреступления грехом")».

Выводы, сделанные Иваном из жизненного опыта. Из детской поры Иван вынес две аксиомы, ставшие потом руководящим началом всей его жизни: 1) он есть государь-властелин и имеет право делать все, что захочет; 2) бояре — это люди, от которых ему нечего ждать ничего хорошего.

ИЗБРАННАЯ РАДА И ЕЕ ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В январе 1547 г. Иван торжественно короновался на царство, а месяцем позже женился на Анастасии, дочери окольного Романа Юрьевича Захарьина, и хотя с этой поры начинается его Царствование, но о самостоятельном управлении государством пока говорить еще не приходится, и это не потому, что молодому царю всего семнадцатый год и в «возраст» войдет он

лишь несколько лет спустя, не раньше, но и потому, что управление страной действительно попало в другие руки. Из положения малолетнего Иван еще не вышел, и время регентства, опеки, хотя бы и в своеобразной форме, для него еще не прошло.

Летом того же года сгорела Москва. Бедствие было такое ужасающее, приняло такие небывалые размеры, несчастный город тонул в таком безумном море огня, что пожар убедительнее, чем когда-нибудь подтверждал издавна сложившееся в народе убеждение, что бедствия подобного рода — это кара небесная за людские грехи, неотвратимый наказующий перст Божий. Искали виновных и легко нашли их в лице Глинских, царской родни. В последние годы Глинские, оттеснив Шуйских, стояли у кормила правления и доброй славой в народе не пользовались. Старую княгиню Анну, бабку царя, обвинили в чародействе: она вынимала-де у мертвых сердца и, настояв на воде, поливала этой водой улицы — оттого и пожар загорелся. Москва взбунтовалась, одного из Глинских, царского дядю, убили; в поисках Анны народ бросился в Воробьево, подмосковное село, где в те дни находился Иван; у него потребовали ее выдачи. Бабку царь отстоял, но с Глинскими вынужден был расстаться.

Если верить Курбскому («История о князе великом московском»), к царю в это время явился поп Сильвестр, сумел пробудить его совесть, затронуть лучшие стороны его души и овладеть его душой. Сильвестр стал руководителем и наставником молодого царя.

Несомненно, Сильвестр помог юноше оглянуться назад; оглянуться же следовало. В своем прошлом Иван не увидел ничего светлого, чистого: одни боярские ссоры, насилие, жестокий произвол, убийства и кровь. Он сам уже успел загрязниться телесно и духовно; ему едва исполнилось 16 лет, а на душе у него уже лежала тяжесть сознания о казненных и замученных по его приказанию, о годах разнузданной жизни, жестоких забав, бессердечного эгоизма. Позволительно думать, что искреннее желание очистить себя от загрязнившей его скверны охватило Ивана. Точно откровением могла явиться для него мысль: он поставлен «Божией милостью царем всея Руси» не только царствовать и властвовать, но также и пещись о благе своих подданных.

Иван легко дал увлечь себя и охотно пошел по пути, указанному сгруппировавшейся вокруг него «Избранной радою» (выражение Курбского), ближайшими советниками и сотрудниками в первые годы после коронавания. «Воодушевленные же-

данием общего блага, они поставили своей задачей нравственное исправление самого Грозного и улучшение управления. В митрополите Макарий они получили помощника и нередко вдохновителя. Так около Грозного, видевшего до сей поры вокруг себя только зло и произвол, образовалась впервые идейная среда. Она оказала могучее влияние не только на ход государственных дел, но и на развитие личных правительственных способностей, которыми бесспорно был одарен Грозный. Но ей не под силу было истребить в нем укоренившиеся с детства дурные инстинкты и привычки» (Платонов). В состав рады входили: священник Благовещенского собора Сильвестр, душа всего дела; комнатный спальник царя Алексей Адашев; князя Андрей Курбский, Дмитрий Курлятев и несколько других лиц. Полный состав ее остался, к сожалению, неизвестен.¹ Время рады — это медовый месяц Ивана, пора, когда мир Божий гляделся ему через розовые очки. Это был медовый месяц и для всей России.²

Выше дан был перечень того, что делалось и было сделано правительством в «светлую» полосу царствования Ивана IV. В области внутренней политики и распоряжений, следуя хронологическому порядку, остановимся прежде всего на церковных соборах 1547 и 1549 гг.

ЦЕРКОВНЫЕ СОБОРЫ 1547 и 1549 гг. И КАНОНИЗАЦИЯ СВЯТЫХ

До 1547 г. общее число святых Русской церкви доходило до 67, из них 45 пользовались местным почитанием, а 22

Сильвестр и Адашев «сошлись с князем Дмитрием Курлятевым, а потом приблизили к себе кружок князей и бояр, которые образовали около государя совет, управлявший его именем всеми государственными и земскими делами. Мы не можем сказать, из кого именно состоял этот кружок советников, руководимых Адашевым и Сильвестром... По ходу тогдашних Дел можно указать как на лиц более деятельных в эту эпоху на князей Курлятевых, особенно на Дмитрия, на князя Куракина, князя Михаила Репнина, князя Турунтая, князя Пронского, князя Юрия Кашина, князей Воротынских, Одоевских, князя Дмитрия Палецкого, князя Курбского, князя Петра Шуйского, князя Горбатова, Сабурова, Шереметева, Морозовых. Но определить степень влияния каждого из них — нельзя» (Костомаров Н. И. Начало единой державы).

См. Приложения. № 6: «Историческое значение Избранной рады».

общецерковным, причем большая часть последних с положения местных на общецерковное была переведена, надо думать, лишь в самое последнее время, уже при митрополите Макарии (1542—1547); наиболее же ранними было всего 7 святых: Борис и Глеб, Феодосий Печерский, митрополиты Петр и Алексей, Сергей Радонежский и Кирилл Белозерский. В 1547 и 1549 гг. были созваны два церковных собора и на них, в два приема, канонизовано еще 39 новых святых, так что общая цифра их возросла до 106.¹

1. Роль церкви. Русская церковь есть центр православия; единственная хранительница истинного учения Христова, она имеет полное право занимать первенствующее место. Естественно не только поставить ее на это место, но и наглядно показать ее права на него. Слава церкви — ее святые. Угодники Божий суть явные свидетели Божией благодати, почивающей в церкви. Поэтому, если мы соберем в одно целое все местные предания о святых и сделаем почитание их общим, то наглядно покажем ту степень высоты, до какой доросла наша церковь — вот идея, заложенная в основу соборов 1547 и 1549 гг. (Васильев А. А. 162—4). А как этого достигнуть? Показав ее неисчерпаемую святость, все богатство тех сил, которыми она держится.

2. Роль государства. Если для церкви особенно ценной была канонизация новых святых как наглядное выражение почивающей в ней благодати Божией, самых размеров ее, то для государства преимущественное значение приобрело сообщение местным святым характера общерусской святости. Раньше, в удельный период, до объединения Северо-Восточной Руси, каждая область, как мы видели («Курс». Т. I), старалась обзавестись собственной святыней, собственными чудотворцами и чудотворными иконами, дорожа ими как защитой и опорой своей политической независимости и обособленности от Москвы. Теперь Москва при Грозном была достаточно сильна, чтобы заглушить областной сепаратизм и вести политическое воспитание народа в духе государственного единения. Действительно,

¹ Определить, сколько именно из этой цифры 39 приходится на долю общецерковных и сколько местночтимых, невозможно: точная цифра учету не поддается. Одно и то же лицо, пользуясь первоисточниками, указывает ее различно. Голубинский, ИРЦ, II/1, 772 (М., 1900), говорит, что общецерковных прибавилось 8, и с прежними их стало 30; Он же. История канонизации святых в Русской церкви, изд. 2-е, 99 (М., 1903), на основании трех разных списков, достоверность которых им не отвергается, дает гораздо большие цифры: 11, 12, 14.

превращение прежних местных удельных святых в святых общерусских духовно объединяло русский народ, воспитывало население прежних княжеств и уделов в сознании их принадлежности к общей великой русской семье, приучало к мысли, что Москва и ее царь — их общая столица и общий всем владыка и защитник. Раньше местные святые праздновались только у себя дома — теперь они благодетели всей Русской земли и так же пекутся о всех одинаково, как печется о них верховная светская власть. В этом отношении митрополит Макарий и Иван Грозный действовали рука об руку, в одном духе, в одном направлении — укреплении русского единогодержавия.

Громадное значение их дела выступит еще нагляднее, если вспомнить, с чем пришлось им бороться. Раньше в Новгороде долгое время отказывались почитать преподобного Сергия Радонежского за святого — а между тем он был одним из немногих, кого Москва особенно чтит как основоположника своей государственной мощи! Другим краеугольным камнем московского державного величия являлся митрополит Петр: в глазах московского населения его окружал, пожалуй, еще больший ореол славы и святости — а между тем понадобилось вмешательство константинопольского патриарха для того, чтобы его начали чествовать не в одной Москве: настолько для населения других областей его москвофильство представлялось явлением чуждым, посторонним, а то и прямо враждебным! Теперь старая психология должна была уступить место новой: московская святыня превращалась в общерусскую, святыня областная тоже поднималась до уровня всероссийской, теряла прежнюю свою обособленность. Теперь обе они получали всеобщее признание, обе служили охраной и залогом лучших дней богоспасаемой Русской земли во всей ее целокупности.

3. Жития и Похвальные слова русским святым. Логическим дополнением к постановлениям соборным явилось составление житий и похвальных слов святым: новых и пересмотр или переделка старых. При митрополите Макарий было заново изготовлено до 60 житий, причем и на новых, и на новой редакции старых одинаково наложен был штемпель московского происхождения: не говоря уже о составленных заново, но и переделанные одинаково служат государственно-объединительным целям в духе московского самодержавия. События описаны под углом зрения раньше, в редакции первоначальной, совершенно им чуждой: теперь в них постоянно воздается хвала городу Москве как первопрестольному месту княжения великого государя, как матери городов русских, другие же города ставят-

³ Зак. 3164

ся в положение «вотчин великого государя», а сам угодник восхваляется за то, что учил «работать государю» и т. п. Особенно ярко выступает политическая тенденция в житиях русских князей, вообще лиц княжеского происхождения. «Во всех них проглядывают мысль и желание возвысить значение Московского царства в глазах его подданных, показать, что русские цари ничем не ниже государей древних, что они их потомки, преемники их власти и величия и что они выше всех князей удельных и западнорусских, особенно литовских, с которыми русские удельные князья дружились. Как бы в посрамление удельных князей, в житие преподобного Пафнутия Боровского внесен рассказ о видении одной инокини на небе после ее смерти, как великий князь Иван Данилович Калита за свою любовь к бедным блаженствовал в раю, а Витовт, князь литовский, к которому под предлогом жестокости московских государей переходили удельные князья, был мучим муринами в аду за исповедание им латинской веры» (Николаевский).

ЦАРСКИЙ СУДЕБНИК

Задуманный в 1549-м, составленный в 1550-м и одобренный на Стоглавом соборе 1551 г., этот Судебник разнообразнее и богаче содержанием по сравнению с Княжеским судебником 1497 г. Он охватил не только судопроизводство-наказание, но и отношения общественные (крестьяне; холопы), область материального права (вотчины; правила о выкупе), да и самые преступления определил значительно точнее (взяточничество; отказ в правосудии). Царским судебником сделан первый шаг к введению института присяжных: согласно ему, правительственные судьи должны были творить свой суд совместно с выборными от народа. При всем том основная черта старого Судебника осталась неизменной: новый Судебник по-прежнему памятник преимущественно процессуального права; область гражданского права едва-едва им затронута, по-прежнему не получила юридического определения.

МЕСТНИЧЕСТВО

Профессор В. И. Сергеевич так определяет понятие местничества: «Местничество было правом служилого человека отказаться от чина, должности и всякой награды, которые он на-

ходил ниже своей отеческой чести. В основе местничества лежит представление об отеческой чести» (Сергеевич В. И. Лекции по истории права. С. 676). Честь эту служилый человек приносил с собой на службу; она не являлась его личной принадлежностью, но наследием, которое росло и мало-помалу накапливалось от прадеда, деда и отца — отсюда и ее название: отеческая честь. Священной обязанностью служилого человека было хранить эту честь, а потом передать ее нерушимой своим детям и внукам; и поэтому, принимая ту или другую должность, он зорко следил за тем, чтобы не переуменьшить ее, не нанести ей неосмотрительно какого-либо ущерба.

В чем же, собственно, заключалась охрана этой отеческой чести и каким путем, каким неловким, неосторожным шагом можно было нанести ей ущерб? Когда Северо-Восточная Русь стала собираться воедино и вырастать в Московское княжество, когда удельные князья, теряя свои уделы, равно и служилые люди (бояре), покидая прежних князей, стали переходить на службу к московскому князю, то каждый старался «заехать» другого, занять при московском дворе возможно более влиятельное место и, раз заняв его, передать потом детям и внукам. Несомненно, бывшим удельным князьям, теперь титулованным слугам великого князя, удалось это в большей степени, чем другим; старинные бояре были ими оттеснены (хотя и не все) на второй план, зато тем более усилил прилагали они, чтобы другие пришельцы не «заехали» их. Исход этой борьбы за места в значительной степени зависел от удельного веса данного лица, его ловкости, способности пробивать себе дорогу, от личного влияния, какое он умел завоевать при поступлении на московскую службу. В конечном результате борьба эта выработала своеобразный распорядок мест, в основе которого лежало соотношение между двумя лицами.

На широкой многоступенной лестнице толпятся люди, и каждый ведет счет (для этого заведены так называемые *Рядные книги*) тем, кто с ним рядом, на той же ступени, что и он, а кто на верхних ступеньках и кто ниже его стоит. Совместная служба с другим лицом в одном и том же ведомстве считалась допустимой, не нарушала отеческой чести лишь в том случае, если эти должности стояли одна к другой в том же соотношении, как и лица, их занимающие, — в противном случае долг чести требовал отказа от должности (конечно, тому ^{И₃} двух, чья честь страдала от понижения). Сама по себе низкая Должность ущерба отеческой чести не наносила. Назначение на такую должность могло быть неприятным, обидным, но слу-

жилый человек принимал его как выражение царской немилости и готов был примириться с ним, так как сама по себе опала чести его не затрагивала потому, что, согласно ходячему выражению, «государь жалует поместьями, деньгами, но не отечеством».

«Боярин согласен был ехать товарищем воеводы во второ-степенный город, если только воеводой назначался человек, ниже которого он мог быть по установившемся взаимному отношению их фамилий; но он не принял бы назначения товарищем воеводы (даже) в один из главнейших городов, если только первый воевода был ниже его одним или двумя местами» (*Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в Древней Руси. С. 74).

Те же соображения при назначении воеводой в полку, при пожаловании наград, при рассаживании за парадным обедом у царя. Одна и та же награда могла стать или действительно наградой, или жестоко оскорбить, задев отеческую честь. Почетной бархатной или золотой шубой жалуемый стал бы гордиться и низко кланяться за нее царю, если она давалась единолично; но от тех же соборей, даже более ценных, он счел бы долгом отказаться, будь одновременно такая же шуба пожалована лицу, стоящему на иерархической лестнице ниже его. Эта иерархия, т. е. соотношение между двумя лицами, передавалась от отца к сыну по наследству как в прямой линии — от отца к сыну, так и в боковой — к родственникам.

«Бояре обнаружили удивительное упорство, неослабевающую твердость в постоянной изо дня в день защите своих родовых отеческих прав. Они смело противились воле государя, навлекали на себя опалу, сидели недели и месяцы в тюремном заключении, жертвовали существенными материальными интересами, когда отказывались из-за местничества ехать на какое-либо воеводское кормление — жертвовали всем, чтобы отстоять высокое место своего рода и не принять невместного назначения» (*Павлов-Сильванский Н. П.* Указ. соч. С. 83).

«Местничество было институтом чисто аристократическим. Оно допускалось только между членами родословных фамилий, и неродословным людям с родословными „суда и счета в отечестве не давалось“. Оно ограждало членов родословных фамилий от принижения их по службе случайными людьми темного происхождения и вынуждало правительство подбирать себе слуг на важнейшие места по военной и гражданской службе из среды титулованной знати. Этим самым местничество существенно ограничивало власть московских государей» (*Дьяконов М. А.* Очерки. С. 281). Они вынуждены были, назначая

{сто-нибудь на должность, считаться не со способностями и знаниями человека, а с его местом на служебной лестнице. Попович Сперанский, статс-секретарь императора Александра I и правая его рука, или, позднее, худародный дворянин Витте, могущественный министр в царствование Александра III, никогда в XVI ст. не могли бы рассчитывать на высокий служебный пост: вся родовитая знать, занимавшая первые ступени лестницы, отказалась бы служить под началом тех, кто по отеческой чести своей стоял на самом низу этой лестницы, или, вернее, совсем до нее не допускался.

В 1500 г. правительство сделало было попытку запретить служащим в полках местничать с воеводами, установило ограничительные правила местничества и для самих воевод между собой, а также правила для определения старшинства родственников в роде (счет по «Родословцу»); неоднократно, в отдельных случаях, предписывало на службе «быть без мест», не решаясь, однако, на всеобщую отмену местничества, но эти частичные меры помогали мало, указы выполнялись плохо.

При Грозном идея местничества была еще очень жива, и само местничество считалось одним из основных устоев общественного и государственного порядка. В 1547 г., венчая царя Ивана на царство, митрополит Макарий счел необходимым, в числе других преподанных ему наставлений, обратиться и с таким поучением: «боляр же своих и велмож жалуй и бреги по их отечеству». Местничались даже духовные лица. В царствование Федора, сына Грозного, рязанский епископ Леонид жаловался царю на ростовского архиепископа Евфимия: «мне с собой ести з блюда не дал и меня конечно позоровал. А преж того при отце твоём и яз, богомолец твой, едал со архиепископом с новгородским с одново блюда». Ссылка на новгородского архиепископа должна была представляться особенно убедительной: первое после митрополита духовное лицо в государстве, и тот не гнушался есть со мной с одного блюда, **Не** то что ростовский, который и сам ниже его по рангу!.. Местничество слишком вросло в нравы XVI в., и искоренить его могло одно время: культура, постепенная эволюция социальных отношений, политическое воспитание народное. Приходилось дожидаться Петра Великого, чтобы нанести ему решительный удар.

¹ См. Приложения. № 7: «Местничество».

СТОГЛАВЫЙ СОБОР 1551 г.

1. Стоглавый собор — собор поместный. Отличия поместного собора от вселенского: его постановления обязательны в пределах лишь местной церкви, в данном случае русской православной в Московском государстве. Для другой русской православной церкви в Литовско-Польском государстве, как имевшей свою самостоятельную митрополию (Киевскую), постановления Стоглавого собора обязательными не были.

2. Сравнительно с другими русскими церковными соборами, Стоглавый собор особенно выделяется широтой своей программы, многообразием вопросов, подлежащих его обсуждению. В России ни раньше, ни позже не бывало другого подобного ему. В круг своего обсуждения он включил чуть не все вопросы тогдашнего церковного и общественного быта; не обошел он и вопросов государственного порядка. Собор как бы подвел итоги духовно-религиозной жизни России в середине XVI в. и установил, что жизнь эта страдала очень большими недочетами и уклонением от прямого пути. И как бы ни судить о деятельности собора, историку он оставил яркую картину современных нравов и быта и сознанной (хотя бы лишь незначительным меньшинством общества) необходимости преобразований.

Собор собрался по почину и под воздействием того кружка реформаторов, который с 1547 г. группировался вокруг молодого царя и состоял главным образом из членов Избранной рады. Но и царь не был пассивным участником задуманного предприятия; необходимость обновления церкви хорошо сознавалась также и им.

Недостатками русской жизни названный кружок считал:

1. Отступление от догматов и обрядов православной церкви.
2. Непорядки церковной жизни.
3. Низкий уровень образования не только мирян, но и духовенства.
4. Противоречия в жизни мирян и духовенства с требованиями церкви и нравственности.
5. Внешнее понимание религии: обряд заслонял содержание.

Примечание. «Достоинство молитвы определялось не силой душевного умиления, а счетом поклонов, милосердие — числом поданных нищему алтынов; усердие к церкви числом жертвований в монастыри. Выразительным памятником этого благочестия остался Синодик Грозного, который он послал в Кириллов монастырь для вечного поминовения, заплатив

за него 2 200 руб; это огромное поминание в двух томах, в которых записано 3 470 душ убитых царем людей: царь даже и не знал всех их по именам, а записывал по местам огулом: „помяни, Господи, столько-то убиенных там-то, их же имена Ты Сам, Господи, веши» (Знаменский).

Перечень исправлений или изменений, намеченных собором, является одновременно и перечнем отрицательных явлений, которые составляли зло тогдашней жизни и были признаны современниками как таковое. Предметы, предложенные собору на обсуждение, можно свести в три основные группы: вопросы церковной, общественной и государственной жизни.

I. ВОПРОСЫ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ. *Собор наметил упорядочить:*

А. Церковное богослужение: соблюдение устава, надзор за исправлением книг, правила для писания икон. Особенно важными по своим последствиям оказались два постановления: обязательное двоение аллилуйи и двоякое перстосложение: двуперстное — при возложении на себя крестного знамения; именованное — при благословении. За троение аллилуйи и троеперстие налагалась анафема. Постановление это вошло с той поры в обиход церковный и житейский и укрепилось в сознании православного люда как единственно правильное и законное; но когда сто лет спустя, при царе Алексее Михайловиче, патриарх Никон ввел обязательным троеперстие и троение аллилуйи, в свою очередь наложив проклятие на отступление от этой новой формы, то последняя встретила сильный отпор со стороны значительной части православного населения и явилась одной из главных причин так называемого раскола Русской церкви. Об этом будет сказано в своем месте (т. III настоящего «Курса»).

Б. Церковное управление и суд: выбор поповских старост для надзора за приходским духовенством; ограничение произвола архиереев в взимании пошлин; **ограждение** низшего **Духовенства** от незаконных поборов со стороны **высших духовных** властей. Отменены несудимые грамоты, розданные в прежнее время монастырям, и последние поставлены под непосредственное **ведение** местной архиерейской власти. Впрочем, постановление это осталось мертвой буквой и в жизнь не вошло: **Монастырям** удалось сохранить судебный иммунитет — ценное право самим вершить свои судебные дела, не допуская вмешательства в них местного архиерея.

В. Нравственный уровень духовенства. Неуклонное, по возможности ежедневное и притом чинное отправление церковных служб: запрет попам и дьяконам появляться в церкви в пьяном виде, драться в ней, браниться и сквернословить «и до кровопролития» биться. Запрещено духовенству отдавать деньги в рост, придерживаться суеверных обычаев: не держать шесть недель в алтаре на церковном престоле сорочку новорожденного; не класть под престол в четверг на Страстной неделе соль и не держать ее там до седьмого четверга по Пасхе как лечебное средство людям и скоту.

Г. Монастырский быт. Запреты и требования, предъявленные к монастырям собором, характерны не сами по себе (успеха имели они мало), а тем, что дают довольно отчетливое представление о самом быте тогдашних монастырей. Собор запрещал пьянство и разврат, держание в монастырях «робят голоусов», совместную жизнь монахов и монахинь в одном и том же монастыре (что было запрещено, но, очевидно, безрезультатно, еще собором 1503 г.), бесчинное шатанье со святыми иконами по миру со сборами на подаяние, на сооружение храмов. Кроме того, собор запретил настоятелям обедать в своих кельях отдельно от остальной братии, пользоваться столом с «брашнами» (едой), отличными от других. Исключение допускалось лишь в случае «немощи и старости».

П. ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. Внимание собора обращено на исправление нравов, но и здесь историческое значение его постановлений преимущественно в их документальном свидетельстве о самых нравах, подлежащих исправлению, так как достигнутые результаты, сами по себе, были весьма ничтожны.

А. Нравственность: ложная клятва на суде, содомский грех, ругань в церкви во время богослужения, мытье в банях, совместное, мужчин и женщин, без различия, мирян и монашеского чина. Собор установил печальный факт: значительное число людей шло в монастырь «покоя ради телесного, чтобы всегда бражничать».

Б. Двоеверие и остатки язычества.

1. Из Стоглава видно, что двоеверие продолжало еще глубоко корениться в сознании народном, обладало еще полной жизненностью: люди сходились «на ночное плещевание и на бесчинный говор». Всякого рода игрища, «бесовские песни и плясание» в форме неприкрытой распушенности приурочивались к христианским праздникам и отправлялись пре-

имущественно в ночь на Рождество, на Крещение, на Пасху, в Троицыну субботу, на Иванов день (Иван-Купала), в первый понедельник после Петрова дня.

2. Юродствование с обманными целями: по погостам и селам бродили «лживые пророки, мужики и женки, и девки, и старые бабы, наги и босы» с отрошенными и распущенными волосами и якобы от имени святой Пятницы и святой Настасьи требовали, чтобы никто не занимался ручным делом по средам и пятницам.
3. Участие скоморохов в свадебных поездах: священник с крестом в руках сопровождал жениха и невесту в церковь, а впереди его «играют глумотворцы и арганники, и гусельники, и смехотворцы и бесовские песни поют».
4. Гадание по звездам, планетам, по гадательным книгам.

В. Что еще считал Стоглав грехом. Стояние в церкви в татарских тафьях (тюбетейках) на голове; игру в зернь, в шахматы и в тавлеи (шашки), потому что это «игрища еллинского беснования»; еду удавленины, кровяной колбасы. Стоглав запретил водить хороводы, петь песни, стричь бороду и усы, даже подстригать их: брадобрец по смерти лишился отпевания, права на сорокоуст; по нем нельзя было приносить в церковь ни просфор, ни свечи.

III. ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

1. Духовенство изъято из ведения мирского суда, а по искам духовных лиц на светские или светских на духовные создавался суд смешный из органов духовного и светского суда.

2. Во всех городах надлежало выбрать «добрых» священников и дьяконов и при их домах завести училища, где преподавать грамоту, книжное письмо, церковное пение и чтение аналойное.

3. Жгучий вопрос о монастырском землевладении надлежащего разрешения не получил. Собор не пошел дальше некоторых второстепенных мер (см. ниже главу IX, параграф «Общество и государство»).

РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОБОРА

Результаты деятельности Стоглавого собора были весьма незначительными. Грандиозная задача обновить Русскую церковь, очистить ее от внедрившейся в нее скверны, исправить заодно и мирскую среду, по тесной связи ее с церковной жизнью, Указать на язвы, какими страдало современное общество, и

изыскать средства для их врачевания, — задача эта осталась не выполненной. Гора родила мышь. «Целый ряд важнейших вопросов, затрагивавших самые существенные стороны московского государственного быта, оставлен был собором без ответа и решения. Собор не оправдал надежд царя и его тогдашних советников, которые в соборных решениях искали опоры и освящения для своих действий» (Жданов, I, 239).

Что было причиной неуспеха?

1. На соборе все время шла глухая борьба двух направлений: инициаторы дела вместо сочувствия своей реформаторской программе встретили противодействие со стороны высшего духовенства. Влиятельное по самому положению своему (епископы, архимандриты), косное вообще, оно при обсуждении темных сторон жизни духовенства зачастую чувствовало себя лично задетым, не говоря уже про то, что отступить от порядков, лично ему выгодных (несудные грамоты, взимание пошлин, владение вотчинами и т. п.), ему не хотелось. Митрополит же Макарий, «характер почтенный, но не яркий», не без «излишней слабости, уступчивости и податливости на влияния других», занял неотчетливую позицию между этими двумя направлениями.

2. Помимо того, задача сама по себе оказалась не по силам ни церкви, ни светской власти. Чтобы поучать, исправлять, следовало самим учителям стоять на надлежащем уровне образования; между тем, наложив проклятие на трегубую алилуйю и на троеперстие, собор придал обряду чрезмерное значение, не подозревая, что и та и другая форма славословия и крестосложения были одинаково закономерны, и тем причинил последующим поколениям много зла, вырыв глубокую (до сей поры еще не вполне засыпанную) пропасть между старообрядцами и «никонианами». Такую опасность представляла собой и анафема на брадобритие.

Неудачны были (опять же по недостаточной осведомленности) и некоторые поправки текста богослужебных книг. Так, в Символе Веры восьмой член собор читал: 1) «и в Духа Святого Господа ИСТИННОГО и животворящего» — впоследствии собор 1666 г. восстановил правильное чтение: «и в Духа Святого, Господа, животворящего», без «истинного и»; 2) в ектений:

¹ Впоследствии, во времена Никона, это дало основание его противникам обвинять правительственную церковь в отрицании Духа Святого как истинного Бога, как истинную ипостась Святой Троицы.

«сами СЕБЕ и друг ДРУГУ и весь живот наш Христу Богу предадим», вместо правильного: «сами СЕБЯ и друг ДРУГА...».

3. Неразрешенной осталась задача также и по отсутствию необходимых для ее выполнения средств. «Исправить богослужебные книги!» — а кто стал бы их исправлять? «Наблюдать за нераспространением богослужебных книг с испорченным текстом!» — а много ли было таких, кому по силам было бы, самому не ошибаясь, определить, какая книга искажена, какая нет? Мы сейчас видели, как собор сам допускал такие искажения. «Создать во всех городах училища!» — а где было набрать столько «добрых» священников для такого дела? «Оградить низших от произвола старших!» — но для этого надо было создать соответствующие органы, сами по себе достаточно независимые и проникнутые сознанием своего долга.

4. Задача оказалась непосильной и потому, что для ее выполнения приходилось бороться с нравами и обычаями народными, вкоренившимися испокон веков; обычаи же и нравы изменяются не предписанием, а самой жизнью, временем, просвещением; между тем именно просвещения-то и не хватало; сознание его необходимости было уделом еще весьма немногих.

ОБЛАСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

1. Областное управление до реформы. Оно находилось в руках наместников и волостелей, назначаемых правительством. Для управления областями, отправления суда, сбора пошлин правительство выдавало так называемые уставные грамоты. Наиболее ранними из дошедших до нас была грамота Двинская (1398) и Белозерская (1488). Разница между наместниками и волостелями заключалась в том, что первые правили областью и ведали в ней суд гражданский и уголовный, а там, где это могло иметь место, то управляли еще и военными делами края (и в этом последнем случае назывались не наместниками, а воеводами), волостели же ведали только гражданские и уголовные дела. Наместники обыкновенно ведали города (большей частью большие, крупные) и их округу, а волостели — волости. Звание первых было почетнее (их можно сравнить с посадниками киевского периода); но те и другие одинаково подчинялись непосредственно самому государю: волостели были совершенно независимы от наместника.

¹ См. Приложения. № 8. «Стоглав и его происхождение».

Назначались наместники (и волостели) не только для управления и суда, но и для кормления, в награду за их прежние заслуги или вообще по милости великого князя. Размеры кормления определялись законом, что, однако, не уберегало население от вымогательств и злоупотреблений. Эти злоупотребления и вызвали необходимость реформы, появление губных и уставных земских грамот.

2. Губные грамоты стали выдаваться с 1539 г., может быть, даже при Василии III. На основании этих грамот данный округ, губа, получал право самостоятельно ведать и расправляться с разбойниками, душегубцами (уголовными преступниками), ворами, захваченными с поличным: ловить их, судить и наказывать. Во главе губы стояли губные старосты, избираемые из местных детей боярских. Жалую такие грамоты, правительство, в сущности, расписывалось в собственном бессилии охранить интересы населения. Самую привилегию оно превратило в повинность: губа обязана была бороться со злом и не оставлять преступление без наказания.

3. Уставные земские грамоты. Первая дана была в 1551 г.; повсеместно новый закон введен в 1555 г. В чем он состоял? Суд и управа, мирские дела, сбор дани, распределение оброков и цодатей ведаются, если волость того пожелает, самим населением, ее выборными. Это: излюбленные головы (иначе: земские старосты), их помощники-целовальники, земские судьи. Суд и управление наместников и волостелей отменялись. Зато вместо прежних расходов на кормление население было обложено оброком в пользу правительства и ответственностью в исправном исполнении своих повинностей. Для населения это было во всяком случае большим облегчением.

Реформа 1555 г. шла навстречу желаниям не только земщины, но и самих кормленщиков: земский мир «она освобождала от непосредственного гнета корыстных и часто самовольных управителей, последним давала возможность с большими удобствами, без затруднений и неприятностей, соединенных с кормлениями, получать в виде постоянного оклада жалованья прежний доход и даже больше. Главное удобство нового порядка состояло в том, что размер этого дохода теперь поставлен был в зависимость не от случайной удачи в получении более или менее сытного кормления, а от условий, находившихся в распоряжении самих служилых людей».

Впрочем, не все области захотели воспользоваться предоставленным им правом, не все считали его для себя выгодным. Право это было «очень колючее, обоюдоострое: оно больше

обязывало и пугало ответственностью, чем уполномочивало и соблазняло властью. Неудобства, какие приносил с собой правитель, назначенный правительством, уравнивались риском ответственного выборного управления» (*Ключевский В. О. Опыты.* 461, 468).

4. Отличие губного управления от земского. Правительственное управление при губном устройстве не отменялось: наместники и волостели продолжали существовать и при введении губного права, с тем лишь отличием, что из их ведомства изъята была теперь высшая уголовная полиция: она передана была в ведение земских выборных лиц. Все же остальные судебные и административные дела оставались по-прежнему в руках местных правительственных органов. Между тем самоуправление, предоставленное земщинам, — оно «уже всецело, по всем ветвям управления, отменило власть наместников и волостелей; оно объявило уничтоженными самые должности наместников и волостелей, передав все предметы ведомства их в руки выборных земских управителей. Следовательно, это самоуправление является несравненно более широким сравнительно с губным правом: оно поглощает в себе губное право, которое относится к нему как часть к целому» (*Загоскин Н. Г. I, 55*).

Закон 1556 г. не был повсеместно обязательным: вводить его в жизнь или не вводить, предоставлялось решению самого населения; бытовые же и социальные условия жизни на громадном пространстве территории Московского государства оказывались настолько несходными, что наряду с земщинами, охотно использовавшими его, некоторые области совсем отказались вводить его у себя, а другие вскоре стали хлопотать о восстановлении старого порядка.

5. Кто пользовался самоуправлением? Исключительно тяглые люди: посадские и черносошные крестьяне, т. е. сидевшие на государственных землях; крестьяне же помещные (у помещиков, т. е. у военно-служилого класса), а также дворцовые и монастырские были выделены и остались под управлением наместников и волостелей — там и старая система кормления осталась, как была и раньше.

ЗАВОЕВАНИЕ КАЗАНИ

Взятие Казани. Постепенное продвижение русских сил вниз по Волге, по направлению к Казани, продолжалось и в Малолетство Ивана IV, но пока больших результатов оно не

давало. При Избранной раде оно пошло быстрее и толковее. Постройкой Васильурска (1523) не ограничились, но подошли к татарской столице еще ближе, чуть не вплотную заложив в 35 верстах от нее, тоже на берегу Волги, город Свияжск (1550). Его назначением было выполнить роль тыла на войне. Изолируя Казань от соседних дружественных инородцев, Свияжск служил в то же время складочным местом для продовольствия войска, для склада военных запасов и важной точкой опоры при ведении осады самой Казани.

Походы 1546, 1549 и 1551 гг. (в последних участвовал лично царь) решительных успехов не имели — Казань отсиделась за своими стенами, — но они послужили хорошей военной школой и подготовили успех последующего похода 1552 г. 2 октября Казань пала, и Иван торжественно въехал в покоренный город. Царь московский, он стал теперь и царем казанским.

Татары с ожесточением защищали свой город. «Здесь Средняя Азия под знаменем Магомета билась за свой последний оплот против Европы, шедшей под христианским знаменем Московского государства» (С. М. Соловьев). Победа досталась дорого, зато тем ценнее были ее результаты. Напряжение, понадобившееся на то, чтобы сломить этот оплот, напоминает усилия 1380 г., времена Мамая и битву на Куликовом поле, только результаты на этот раз были несравненно значительнее: там татар лишь отразили, теперь их завоевали и подчинили. Кроме того, множество православных русских людей, томившихся в татарском плену, получили свободу; плененный царь казанский Едигер, а с ним и множество татар должны были принять православие. Таким образом успех русского оружия был вместе с тем и священным подвигом защиты христианства от басурман, торжеством Креста над Полумесяцем.

Моральное значение победы. Казань из всех трех татарских царств первая признала над собой власть русского царя; победа над врагом, вчера еще страшным и, казалось, неодолимым, досталась с гораздо большим напряжением сил, чем того потребовали потом Астрахань и Сибирь: в ту пору Казань была самым беспокойным соседом, ее близость особенно ощутительно и тяжело отзывалась на восточных окраинах, постоянно подвергавшихся опустошениям. Вот почему падение Казани произвело на современников громадное впечатление.

Прежде всего это было первое настоящее завоевание чужой земли: раньше Москва только присоединяла вотчинные земли, росла за счет своих же собратьев; притом это было завоевание не какой-нибудь простой земли, а целого го с у-

царства! В наше время уже требуется известное усилие, чтобы с **Надлежащей** отчетливостью уразуметь, что значило для русского человека XVI в. **выражение:** завоевать татарское царство, какой глубокий смысл вкладывался в эти слова. В России царями величали тогда только византийских императоров да татарских ханов; этим титулом означали только государей стабших, обладающих особой властью и преимуществами.

Недаром князья московские преклонялись перед ордынскими ханами, покорно признавали свое княжество их улусом, терпеливо ^носили унижительные обряды на приеме ханских послов. Приниженное положение забывается не сразу, и, даже освободившись от платежа дани, став государями независимыми, князья московские еще не освободились от обаяния той власти, **И**которой они подчинялись в течение двух с половиной веков. Иван III требовал себе равенства с султаном, с германским императором, но еще не смел и думать о равенстве с крымским ханом **й** в грамотах своих бил ему челом.

И врт внук этого Ивана решил принять титул царя, т. е. поставил себя на равную с ханом высоту, — это была своего рода политическая дерзость, и завоевание Казани блестящим образом оправдало ее. Русская земля могла теперь свободно вздохнуть и с законной гордостью, в сознании своей мощи и доблести смотрела, как ее государь попирает пятой вчерашнего грозного владыку. Вспоминались счастливые времена Святослава, Владимира Великого, Ярослава Мудрого, наших первых князей-завоевателей.

Как отразилось завоевание Казани на народном сознании. Под живым впечатлением великой победы заработало воображение. Народ воспел завоевание Казани в своих песнях, прозвал победителя Грозным за то, что грозно, т. е. с достоинством, держал русское знамя. В народных представлениях царем стал Иван лишь с завоевания Казани, не раньше; да и самое основание Москвы отнесено тоже к этой поре: народная мудрость хотела этим выразить, что только теперь приобрела Цосква настоящую силу и право на первое место:

И в то время князь воцарился
И насел в Московское царство.
Что тогда-де Москва основалась,
И с тех пор великая слава.

Василий Блаженный. По издавна установившемуся обычаю **в** память победы воздвигался **храм**. Так и теперь по-

строен был собор Покрова Богородицы на Красной площади в Москве, более известный под именем Василия Блаженного. Воздвигая его, хотели создать нечто особенное, выделить новый церковный памятник из ряда других, подобно тому, как выделялась сама победа, столь не похожая на другие победы. Цель была достигнута. Василий Блаженный полон оригинальности, своеобразного творчества и не похож на другие церкви. Чисто русские мотивы овеваны в нем мотивами восточными, точно художник желал воочию представить столкновение двух миров, христианского и мусульманского, и торжество первого над вторым.

Ближайшие последствия завоевания Казани

1. Русские границы с Востока обеспечены от прежних татарских вторжений.

2. Астрахань. Открылись новые пути, и прежде всего вниз по Волге: плывя по ней, мы в каких-нибудь четыре года завоевали другое татарское царство — Астраханское, расположенное на низовьях великой реки.

3. Северный Кавказ. Астрахань привела к непосредственному соседству с племенами Северного Кавказа: распри кавказских инородцев неизбежно стали втягивать Россию в их дела и еще при Иване Грозном вызвали постройку укрепления на р. Терек.

4. Заволжье. Открылся свободный доступ для колонизации Заволжья и утверждения там русской власти — новые области для деятельности промышленника и земледельца.

5. Волга. Весь бассейн Волги вошел в русские пределы. «Куда реки текут, туда глядит (идет) и человек, живущий на их берегах». Раньше одно лишь бессилие не позволяло ввести нижнее течение Волги в орбиту русской жизни; а насколько это было необходимо и отвечало настоящим потребностям, можно судить по тому, что река, изначала инородческая, вскоре стала в глазах русского человека родной русской рекой, «Волгой-матушкой».

6. Пермский край и Сибирь. Еще при Иване III в состав Московского государства вошел Пермский край (древняя Биармия), расположенный в верхнем и среднем бассейне многоводной Камы. Однако до самого последнего времени обладание этой обширной областью было недостаточно устойчивым, пока в тылу, на низовьях этой реки, существовала самостоятельная Казань. Теперь, с падением последней, мы не только стали

твердой ногой в Пермском крае] но и пошли дальше, перешагнули через Уральский хребет и без особых усилий покорили (1582) Сибирское царство (бассейн рек Тобола и Иртыша).

Завоевание Казани открыло «охочим людям» свободный путь по реке Каме за Урал. На этой реке и ее притоках, Чердыню и Чусовой, «именитые люди» Строгановы положили прочное основание русской колонизации Северного Предуралья (1558). В скором времени на московском рынке появился ценный пермский соболь. Сибирь и в ту пору уже не была страной неизвестной: в Югорскую землю (по ту сторону Каменного пояса) ходили за сбором ясака еще новгородцы; Югорскую дань одно время брал и Иван III; его воеводы плавали по Иртышу и по Оби, а в 1555 г., непосредственно вслед за падением Казани и под впечатлением торжества русского оружия, сибирский царек Едигер признал себя данником московского государя. Осев на Каме, Строгановы не замедлили перевалить за Камень и еще в 70-х гг. поставили несколько укрепленных городков по Тоболу и Иртышу. Наконец, пользуясь услугами Ермака и его сотоварищей, они наложили руку и на владения Кучума, преемника Едигера. С неожиданным завоеванием Сибирского царства вотчина Строгановых переросла размеры частного владения и неизбежно должна была превратиться в государственную собственность. С той поры дальнейшее продвижение на Восток, не исключая частного почина, стало делом самого государства.

Примечание. Подвиги вольного казака Ермака, бежавшего от царских воевод с родного Дона на Урал, к тамошним промышленникам Строгановым^ и с небольшой горстью людей одолевшего сибирского хана Кучума, по их характеру и последствиям роднят его с Кортесом и Писарро: у этих богатырей и авантюристов много общего между собой.

НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НА ВОСТОКЕ

Успешная борьба с татарской «Азией» составляет одну из наиболее блестящих страниц царствования Ивана Грозного: пределы государственной территории раздвинулись до небывалых размеров; сметена самая память о недавнем иге. С этой поры начинается новая эра в отношениях к Азиатскому Востоку: Раньше мы только оборонялись, теперь сами переходим в наступление.

Это новое явление в русской жизни было чревато последствиями. В том натиске, какому впервые подвергся Восток со стороны России при Грозном, содержится вся программа будущих поколений: царством Кучума Ермак открывает дверь нашим «землепроходам», а они в какую-нибудь сотню лет пройдут через всю Сибирь вплоть до Тихого океана, до Берингова пролива и присоединят ее к русскому царству: город Уфа, построенный в 1586 г. в центре Башкирского края, — первый этап на том пути, который при Петре Великом и Анне Иоанновне приведет нас за Яик, на Иртыш, при Александре II — в Коканд, Хиву и Бухару, а при Александре III — в туркменские степи. Наконец, небольшая крепость, воздвигнутая Иваном Грозным на берегах Терека, послужит исходным пунктом последующего завоевания Кавказа; а поход Адашева на Крым (1559) — лишь преддверие к походам Петра, Миниха, к покорению Крыма при Екатерине II и, как венец всего дела, к прочному утверждению на берегах Черного моря.

КРЫМ ИЛИ ЛИВОНИЯ?

Завоевание Казанского и Астраханского царств, резко нарушив прежнее равновесие в ущерб татарскому миру, неизбежно должно было обострить отношения к Москве Крымской Орды: ей могла грозить та же участь. Не осталась равнодушной и Турция. То была блестящая пора Солимана Великолепного, мусульманский полумесяц с успехом для себя боролся в Европе с христианским крестом, и утверждение московского царя на протяжении всего течения Волги, добрая половина которого до сей поры всецело входила в сферу влияния мусульман, принято было султаном как посягновение на его законные права. Жизнь выдвигала очередной вопрос: продолжать ли свой натиск на татарский мир, идти ли после Казани и Астрахани также и на Крым, доканчивать ли теперь же борьбу, корни которой уходили в далекое прошлое, освобождать ли Великую равнину, что протянулась от Белого до Черного и Азовского морей, от кочевой Азии, или повременить с этим? Хватит ли сил на такое «освобождение»? Своевременна ли попытка завоевания Крыма? Вопрос этот в Москве не получил единогласного ответа.

Избранная рада, особенно поп Сильвестр и Алексей Адашев, считала решительную борьбу с Крымом желательной и своевременной. Члены рады были правы, поскольку дело шло о необходимости покончить возможно скорее с Ордой; но

они ошибались, допуская возможность теперь же осуществить свой план в тех размерах, в каких пришлось бы ей осуществлять. Их соблазнили удачные набеги последних лет на черноморское и азовское побережье: на низовья Днепра, на турецкие крепости Ислам-Кермен и Очаков (1566), под Перекоп (1558), набеги донских казаков. Но рада не учла трудностей осуществления своего плана. Громадные пространства «дикого поля», широкая полоса совершенно безлюдной степи в несколько сотен верст длиной отделяла тогдашнюю Россию от Крыма. Гиперболически выражаясь, можно сказать, Крым лежал тогда за тридевять земель от Москвы. И если трудно было добраться до него, то в случае успеха, пожалуй, еще труднее удержаться. Одно было — крымцам совершать свои набеги на русские области: неожиданно появиться, разорить край и потом торопливо убраться восвояси с пленниками и награбленным богатством; другое дело — прийти в самую Орду и там остаться, наложить на нее свою руку, покончить с ней навсегда. Современная обстановка говорила скорее в пользу обороны, чем наступления.

Крым не был Казанью. Добраться до Казани было многим легче и удобнее уже по одному тому, что путь к ней шел водой и сама она лежала много ближе; а все же сколько бесплодных попыток овладеть ей делалось прежде чем не убедились в необходимости предвительно укрепиться на подходах к вражескому городу — построить Свяжск! Таких подходов, опорных пунктов на пути в Крым у Москвы еще не было: не только Свяжска, но и Васильсурска. Неудача позднейших походов князя Голицына в XVII и Миниха в XVIII вв., если бы предвидеть ее, могла бы послужить Сильвестру и его единомышленникам хорошим предостережением. Между тем в XVII и тем более в XVIII в. Русское государство в военном отношении было много сильнее, да и самые границы подходили к Крыму тогда много ближе, чем теперь.

Царь Иван разошелся во взглядах со своей радой: он решил идти войной не на Крым, а на Ливонский орден, попытаться продвинуться к Балтийскому морю, обзавестись на нем гаванью. Его манила торговая Нарва. Крохотная полоска финского побережья, входившая в состав русской территории (Ивангород, Ям и Копорье), к торговым сношениям приспособлена не была. Между тем необходимо было пробить себе путь к морю, иными словами, силой заставить меченосцев очистить дорогу, тоже была несомненной: орден еще недавно загородил этот путь, помешав партии нанятых (иноземцем Шлитте) в Германии тех-

Франция, Голландия, Англия, Шотландия, Гамбург, Висмар, Данциг, Бреславль, Аугсбург, Нюрнберг, Лейпциг.

В самой Ливонии не было ясного понимания своего критического положения; Фюрстенберг, магистр ордена, враждовал со своим коадьютором Кетлером; все ждали помощи со стороны, не рассчитывая на собственные силы. Помощь оказала Польша: по Виленскому договору 16 сентября 1559 г. король Сигизмунд-Август обязался перед орденом охранять его владения от Москвы. Но прежде чем эта помощь пришла, русские войска заняли Мариенбург (1560 г., 14 февраля) и в кровопролитном бою при Эрмессе разбили наголову немецких рыцарей (2 августа). Фелинн, лучшая крепость в Ливонии, сдалась вместе с Фюрстенбергом (конец августа).

Этим закончилась первая фаза войны, русско-ливонская; началась вторая: в поединок царя с меченосцами вмешались соседи, спеша, каждый, урвать, что мог, из хозяйства, оставшегося беспризорным. Датчане (Магнус, брат короля Фридриха III) заняли Эзель и Пернов (1560), шведы захватили Ревель, изгнав оттуда польский отряд (1561 г., 4 июня) и наложив свою руку на всю Эстонию. Вступление польских войск в Ливонию с целью противодействия русским и шведам (1561 г., июль) послужило сигналом к окончательному распадению ордена.

Ливония подчинилась Польше и вошла в состав Речи Посполитой как ее неотъемлемая часть (1561 г., 28 ноября; Рига — по особому договору: 1562 г., 17 марта); Курляндия образовала светское герцогство, как польский лен; его пожизненным герцогом стал Кетлер, последний магистр ордена. С этой поры собственно Ливонский вопрос превращается в вопрос Балтийский, в общеевропейский. Для России это борьба с Польшей и особенно с Швецией — борьба, которая затянется на целые столетия, благополучно завершится в императорский период русской истории, но в наши дни снова и неожиданно вырастет в тяжелое наследие будущим поколениям.

БОРЬБА ЗА ЛИВониЮ (1561—1583)

1. Первые семь лет война ведется с одной Польшей. Царь лично берет у поляков Полоцк (1563 г., 18 февраля). Это крупный военный и моральный успех. Полоцк лежит в Литве; это коренной, издавший русский город. Таким образом, продвигаясь к Балтийскому морю, сильно разрешая задачу культурную, Иван IV практически подходит и к другой проблеме — воссоединению Зарубежной Руси.

2. Мирные сношения с Данией и Швецией за это время не нарушались. Дания и Швеция, будучи в войне между собой (1563—1570), заискивают в Москве; пока царь ладит с обеими, скрепляя доброе соседство договорами. Швеция обязывается соблюдать в русско-польской распри нейтралитет (1561), не враждовать в течение ближайших семи лет (1563); договор с Данией выговаривает обоим государствам взаимное право держать свои торговые дворы (конторы): русские — в Готландии и в Копенгагене; датские — в Новгороде и Ивангороде, а также обещание действовать совместно, если понадобится, против Польши и Швеции (1562).

3. Густав Ваза, король шведский (умер в 1560 г., 27 сентября) держался по отношению Москвы, заключив с ней сорокалетний мир в 1557 г., мирной политики; преемник Густава, Эрик XIV шел по его стопам; иначе повел себя новый король Иоанн (1668), чем и вынудил русского царя теснее сойтись с Фридериком датским. Сохраняя все свои «права» на Ливонию как на «отчину», Иван ставит Магнуса, королевского брата, «ливонским королем» и женит его на своей двоюродной племяннице, дочери Владимира Андреевича Старицкого; в свою очередь, Магнус признает себя вассалом («голддрвником») московского царя (1570). Совместно идут они на шведов. Магнус неуспешно осаждает Ревель (1570—1571), а Царь принимает личное участие в осаде города Пайды, в Эстляндии, и берет его (1573 г., 1 января) — это «первая крепость, взятая московитами штурмом».

4. Трехлетнее перемирие с Польшей (1570) фактически протянулось до 1578 г.: внутренние дела Речи Посполитой парализовали ее внешние силы, а Ивану IV дали возможность, когда испортились его отношения с Швецией, действовать свободнее против нее. 7 августа 1572 г. умер Сигизмунд-Август, и с ним прекратился дом Ягеллонов; польский престол стал избирательным. Царь явился одним из кандидатов на вакантную корону. Дорогу перебил французский принц Генрих Валуа; но когда он после кратковременного царствования покинул Польшу, переговоры с поляками возобновились. Избрание **Стефана** Батория тоже не сразу ведет к разрыву: война с Данцигом пока задержала нового короля. Иван пользуется этим временем для вторжения в Эстляндию и захвата у шведов Гапоаля и других городов. Впрочем, осада Ревеля кончилась, как и для Магнуса, неудачей (1577). Зато в Лифляндии царь захватил города и крепости Режицу, Динабург, Кокенгаузен, Венден и много других. «Иоанн торжествовал: Ливония покорилась ему. истоптана была

ногами его коней, по его собственному выражению. Завоевание страны он не считал нарушением договора с Речью Посполитой, ибо „николи того слова не было имянвано, что с Лифляндской землей мир“. Цель была достигнута: о дальнейших завоеваниях Иоанн не думал и готов был заключить с Речью Посполитой мир, лишь бы только Ливония признана была за ним. Баторий смотрел иначе» (Новрдовский А. О., 63).

5. Покончив с Данцигом, Стефан Баторий набросился на Ивана. С этой порь! счастье отвернулось от русского царя. Сперва изменил Магнус, перейдя на сторону поляков (1570), потом шведы и поляки совместно нанесли поражение русскому войску под Венденом (1578). В последующие годы Баторий отвоевал обратно Полоцк, взял крепость Сокол (1579), Велиж, Великие Луки (1580), и только Псков остановил его: осада и попытки взять эту крепость штурмом успехом не увенчались (1581). Одновременно шведы берут Везенберг, Кексгольм в Карелии (1580), Нарву (1581 г., 15 сентября), Ивангород, Ям, Копорье, Вейсенштейн.

6. В войне на два фронта Иван изнемог; зло опричнины расшатало все и внутри государства; царь искал мира, и прежде всего с главным противником — Польшей. При посредничестве папы Григория XIII (посольство в Польшу и Москву иезуита Антония Поссевина) он получил его, но на тяжелых и унижительных условиях. Все усилия последних двадцати с лишком лет пошли насмарку. По десятилетнему перемирию у Запольского яма (1582 г., 15 января) царь отказался от своих притязаний на Ливонию и вернул все, что еще оставалось там у него в руках; оставил за поляками Полоцк и Велиж, т. е. ушел обратно из Литвы; обязался не завоевывать Эстляндии (Баторий сам намеревался брать ее у шведов).

С отказом от Эстляндии теряла смысл и война со шведами. В 1583 г. с ними было заключено трехлетнее перемирие, позже продолженное. Но Ивану пришлось не только отказаться от Нарвы, от притязаний на Дерпт, но и поступиться собственной землей: уступить морское побережье от устьев Наровы до устьев Невы (Ивангород, Ям и Копорье). Так полностью рухнули планы Ивана Грозного стать твердой ногой на берегах Балтийского моря.

Балтийский вопрос

Войной с Ливонским орденом, а после его распада с Польшей и Швецией, открывается новая эра в жизни России: с этой поры для нее началась международная жизнь. Рань-

те отношения Московской Руси к Западной Европе определялись явлениями более или менее случайными, спорадическими, все равно, была ли это пересылка с Римом по случаю женитьбы Ивана III на Софье Пал«юлог, посредничество ли германских императоров в русско-литовской распре, — теперь Россия органически втягивается в дела Европы и сама втягивает ее в свои; раньше она лишь вступала в круг международных отношений, теперь, с Ливонской войны — вступила окончательно и никогда уже более из него не выйдет: европейские дела станут для нее своими, и, обоюдно, то, что будет с тех пор совершаться в России, станет и для Западной Европы делом тоже не безразличным, подчас затронет самые близкие и жгучие ее интересы.

Балтийский вопрос, в том виде, как он сложился, мог возникнуть только в XVI ст., когда с окончанием средних веков государственный строй Европы, одинаково Восточной и Западной, подвергся коренным переменам и вотчинные владения феодального (удельного) характера уступили место единодержавным монархиям — государствам.¹ Раньше, в средние века, Европа не знала государств, а потому в ней не могло быть места для европейских держав; теперь эти державы приходят в соприкосновение между собой; возникает борьба за интересы территориальные, религиозные, экономические; возникает то, что принято называть борьбой за политическое равновесие или политическое преобладание.

И вот как на Западе походы французских королей в Италию (1498—1525) вызывают отпор со стороны Испании и Германии; как Филипп II Испанский и Елизавета Английская ведут длительную и напряженную борьбу, домогаясь первенства на море (1558—1598), причем и там и тут в их распрю втягиваются и другие государства, — так и на Востоке Европы Россия, Швеция и Польша борются за Балтийское море; в этой борьбе примут участие, прямо или косвенно, Германия, Венгрия, Пруссия; не останутся безучастными к ней ни Турция, ни Англия, ни Франция. Жизненные интересы государств, оказывается, на-

¹ Пусть единодержавие осуществлено в XVI ст. еще не везде (Италия и Германия объединились не раньше XIX ст.), но самое стремление к замене старых форм новыми наблюдается повсюду: Иван III московский, Людовик XI французский, Фердинанд Католик и Изабелла Кастильская в Испании; Генрихи VII и VIII Тюдоры в Англии; германские императоры Фридрих III и Максимилиан I; цесарь Борджиа в Италии; Христиан II в Дании, как государи, преследуют однородные цели. См. выше, гл. V, Параграф «Западная Европа».

столько теперь переплелись, что поток событий захватывает в себя и тех, кто предпочел бы стоять от него в стороне и, на первый взгляд, казалось, имел бы полную возможность сохранить свой нейтралитет. В действительности же соперничество становится роковым, неизбежным, и России Ивана Грозного выпало на долю впервые принять активное участие в общем споре. С этой поры, в силу этого участия, она стала европейской державой.

ИДЕЙНАЯ СТОРОНА БОРЬБЫ ЗА ЛИВонию

Каковы были побудительные причины, заставившие царя взяться за оружие и с таким упорством пробиваться к Балтийскому морю? Корни войны за Ливонию следует искать не только в современном положении Московского государства: помимо этого они лежали также и в далеком прошлом.

1. Еще на заре своей истории, при первых князьях, Россия находилась в тесном общении с тогдашним образованным миром. Ее купцы торговали на рынках Константинополя; в Киев свозились товары из Византии, из далекого Регенсбурга (в нынешней Баварии); сюда наезжали, кроме иностранных купцов, также и иноземные послы, миссионеры, разные искатели счастья и приключений; брачные союзы ввязывали княжескую семью с иностранными государями. С отливом населения южных областей и особенно с появлением татар связь с Западом прекратилась — теперь война за Ливонию была первой серьезной попыткой ввести русскую жизнь в прежнее русло, восстановить общение, когда-то насильственно прерванное.

2. Международная жизнь, открывшаяся для Европы с конца XV—начала XVI ст., ставила для всякого европейского государства одинаковую дилемму: обеспечить себе в сфере международных отношений самостоятельное, вполне независимое положение или плестись в хвосте других держав, служить простым объектом их интересов. Распря из-за Балтийского моря началась у побережных государств еще до Ивана Грозного, и держать себя в стороне от нее Московская Русь не могла, так как от исхода борьбы зависело все ее будущее: войдет ли она или нет в общую семью европейских народов, получит ли возможность самостоятельно сноситься с государствами Западной Европы,

свободно, без помехи со стороны недоброжелателей провозить свои товары в обмен на другие, ей необходимые; обеспечит ли себя от повторения таких неприятностей, как случай с немцем Шлитте, когда мастера и техники, нанятые на службу русскому царю, не могли попасть в Москву именно из-за этих недоброжелателей, заградивших им туда путь. Торговля с англичанами северным путем удовлетворить Грозного не могла: Белое море лежало далеко от Европы и свободно для плавания было лишь меньшую часть года.

3. Попытка Грозного кончилась неудачей: Швеция и Польша встали ему на пути; но важная заслуга Ивана IV в том, что он указал на этот путь и первый пошел по нему. Что путь был правильный, доказательством служит то, что по нему стараются идти все его преемники: Борис Годунов, Михаил Федорович, царь Алексей. По этому пути пойдет и Петр Великий, пока не дойдет, наконец, до желанной цели.

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС

Наряду с Балтийским вопросом вырос и другой вопрос — Польский, обозначив еще отчетливее новое положение России как европейской державы. Вопрос Польский сложился из притязаний Москвы на Зарубежную Русь. Раньше притязания эти предъявлялись Москвой к Литве; теперь же, после того как Люблинская уния, соединив Литву с Польшей, отодвинула ее на второй план, Москве пришлось иметь дело преимущественно с поляками, главной помехой в достижении: намеченной цели.

Таким образом, Польша и Москва столкнулись не на одном, а на двух путях: на Балтийском море и в пределах литовско-русских земель. Уже вскоре, через 40 лет (Смутное время) эта двойная распря достигнет наивысшего своего напряжения и на долгие годы определит нездоровые взаимоотношения двух народов — конечно, к их обоюдному вреду. Особенно пагубно даст себя почувствовать русско-польская рознь на южных границах двух государств: там, где против них стоял общий им враг — крымские татары и турки. Действуя разобщенно, без взаимного Доверия, вечно подозревая одна другую, Москва и Польша сами отняли у себя возможность дать общему врагу надлежащий отпор и вынуждены были зплоть до середины XVIII в. сносить пагубные следствия такого разлада.

КРЫМ И ЗАСЕЧНЫЕ ЛИНИИ

Борьба за Ливонию, потребовав громадного напряжения военных сил, связала действия Грозного на южной окраине. Этим воспользовались турки и Крымская Орда. Впрочем, что касается турок, то попытка султана Селима отвоевать Астрахань успехом не увенчалась: посланное им сбродное по составу войско вернулось с полдороги, не дойдя до Астрахани. Зато много успешнее действовал крымский хан Девлет-Гирей. Он дважды вторгался в русские пределы, в 1571 и 1572 гг., и много зла причинил населению, особенно в первый набег.

Набег 1571 г. Главные русские силы стояли в это время в Ливонии и Литве; в стране свирепствовали голод и чума, породившие большое безнарядье. Сведения об этом доставили хану русские изменники; они же указали ему возможность перейти реку Оку, прежде чем стоявшие там воеводы успели помешать переправе. Спасаясь от татар, масса народа сбегалась в Москву, единственное тогда прочное убежище; однако Кремль, за теснотой, укрыть всех не мог. Предместья уже были в огне. Паника охватила сбежавшихся; безумно, но тщетно пытались они ворваться насильно. Перебивая друг у друга дорогу, люди так стеснились в воротах и прилегавших к ним улицах, что в три ряда шли по головам, и верхние давили нижних. В несколько часов выгорели все слободы, Земляной город с множеством церквей и монастырей; погиб в огне Китай-город; огонь забрался и в самый Кремль. Колокола церковные попадали, разбились и глубоко вошли в землю. Взорвались пороховые погреба, а с ними взлетели на воздух и те, кто искал там спасения. От дыма и огня негде было укрыться. В одном из погребов оказалось, что спрятавшиеся там все задохнулись и обуглились, хотя в самом погребе стояла вода по колено (Записки Штадена).

По иностранным известиям, вероятно преувеличенным, войска и народа погибло до 800 000 человек. По русским — «людей погорело бесчисленное множество; митрополит с духовенством просидели в соборной церкви Успения; первый боярин, князь Иван Дмитриевич Вельский, задохнулся на своем дворе в каменном погребе; других князей, княгинь, боярынь и всяких людей кто перечтет? Москва-река мертвых не пронесла: нарочно поставлены были люди опускать трупы вниз по реке; хоронили только тех, у кого были приятели» (Соловьев С. М.).

Девлет-Гирей ушел в свои степи, нагруженный добычей, уводя в плен 150 000 человек. i

Набег 1572 г. Летом следующего 1572 г. Москва снова очутилась на волоске от смертельной опасности. Окрыленный успехом, Девлет-Гирей опять пошел на Москву. Заранее уверенный в успехе и хвастаясь, что приведет в Крым самого царя, а землю его всю поцленил, превратит в свой улус и займет ее своими мурзами, он пригласил сопровождать его в походе турецких посланцев, желая сделать их свидетелями будущего своего торжества. Действительно, и на этот раз он безнаказанно перешел через Оку и уже был всего в 50 верстах от Москвы, у реки Лопасни, как его нагнал там князь Михаил Иванович Воротынский, нанес поражение и принудил бежать обратно в степь. Такому благополучному исходу, кажется, немало способствовала и обманная грамота, которую царь Иван послал Воротынскому из Новгорода, с извещением, будто в помощь ему идут 40 000 конницы от короля Магнуса. Грамоту нарочно дали возможность перехватить. Напуганный Девлет оробел и поспешил уйти обратно к себе в Крым.

Засечные (сторожевые) линии. Эти два вторжения побудили русское правительство неотложно озаботиться охраной южной границы. С этой целью стали усиленной прежнего воздвигать города-укрепления, рубить засеки, т. е. копать рвы, рыть волчьи ямы, валить лес (все, чтобы затруднить движение татарской конницы), ставить в степи сторожи и станицы. Назначение укреплений было по возможности дольше задержать неприятеля на его пути, принять на себя его первый удар, дать время главным силам собраться и выступить против врага; на сторожевую и станичную службу возлагалась обязанность предупредить внезапное нападение татар, выследить их движение. Сторожи выдвигались впереди укреплений на далекое расстояние: реже одно- или двухдневного, чаще четырех- даже пятидневного перехода; еще дальше сторож производились разъезды станичников.

Засечные линии в условиях тогдашней организации военного Дела являлись настоятельной необходимостью, продолжали поэтому воздвигаться в продолжение еще целого столетия и, постепенно продвигаясь в направлении к югу, этап за этапом, вбирали в себя степную полосу «дикого поля», расчищая дорогу мирному пахарю и отважному промышленнику.

Долгое время охранной линией служила, как ее называли, береговая линия, шедшая по изломам течения реки Оки (города Калуга, Серпухов, Рязань, Касимов, Муром, Нижний Новгород). «Береговой» стала она потому, что река Ока с прилегающей к ней прибрежной полосой представлялась берегом, краем

беспредельного степного моря: здесь кончалась заселенная полоса земли, а там дальше к югу начинался совершенно иной мир, открытая степная пустыня, Божья земля, никому не принадлежащая и где, следовательно, каждый мог считать себя хозяином и господином. Первоначально опасались слишком углубляться в степь; теперь, для лучшей охраны центральных областей, вышли за «берег» и продвинулись в «поле».

Эту береговую линию в военное время охраняли пять полков, расположенных следующим образом: большой полк стоял в Серпухове — это была штаб-квартира главнокомандующего; правая рука — в Тарусе и Алексине; передовой полк — в Калуге; сторожевой полк — в Коломне, и левая рука на Кашире.

За береговой линией позже выдвинута была другая линия — передовая: города Алатырь, Рязск, Тула, Орел, Новгород-Северский. Много городов построили в царствование Федора: Ливны, Воронеж, Елец, Белгород, Сокол, Валуйки. Подле этих городов с военным населением постепенно оседает мирное население: городские дворяне на положении помещиков стараются заселить свои поместья, обратить «дикое поле» в заселенное и обработанное. В Смутные годы, однако, оседлая колонизация затормозилась, зато много простора открылось колонизации «казацкой», вольной, передвижной. С восстановлением порядка при новой династии продвижение в степь возобновится, и при царе Алексее Михайловиче засечная линия (цепь укрепленных городов) с 55—54°, продвинется до 50°, т. е. верст на 600 вглубь сравнительно с тем, как она стояла при Грозном.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННЫХ СИЛ ГОСУДАРСТВА

ПОМЕСТНАЯ СИСТЕМА И ПРИКРЕПЛЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Что породило эти явления. Время двух последних московских князей и время первого царя можно назвать порой непрерывных войн с соседями: борьба с Литвой, с Казанью и Крымом велась годами, лишь с временными передышками; разделавшись с Казанью, Ивану Грозному пришлось почти сплошь все последние 30 лет своего царствования простоять во всеоружии на западных границах государства. Таким образом, от страны с громадной территорией и редким населением требовалось постоянное и притом значительное напряжение сил — это-то и породило два характерных явления русской жизни: поместную систему и прикрепление крестьян. Поместная система, получив свое начало еще при Иване III, достигла при его внуке полного развития, удержавшись вплоть до времен Петра Великого; крепостное же право, в значительной степени как следствие этой системы, зародившись в XVI ст., вполне определилось лишь при первых Романовых и просуществовало, с искажением своего первоначального смысла, вплоть до Александра П.

А. ПОМЕСТНАЯ СИСТЕМА

1. В чем состояла поместная система. В наше время, нуждаясь в войске и в средствах на его содержание и вооружение, правительство созывает людей, подлежащих воинской повинности, и, располагая готовым денежным запасом, ежегодно, установленным порядком, в форме разного рода налогов и пошлин, поступающих в государственную казну, принимает исключительно на себя заботу содержать рекрутов, обучить их военному искусству, организовать войско и заготовить ему все необходимое: оружие, артиллерию, провиант, амуницию, лазареты, к рекрутам оно предъявляет лишь одно требование: «верой и правдой» служить своей родине.

В старину такая система отправления военной службы была невозможна: центральное управление было еще слабо связано с областным, а главное, размеры податей и сама система их

поступления не позволяли московскому правительству располагать в достаточной мере необходимыми средствами. В силу этого военное бремя почти полностью, в натуре, было переложено непосредственно на тех, кто нес военную службу. Располагая обширными, часто совсем незаселенными и необработанными землями («казенными землями», по-нынешнему), правительство отдавало их в пользование служилым людям, с обязательством нести военную службу. Такие отданные в пользование земли назывались поместьями, а лица, получившие их, помещиками. Помещик, пока служил, был полным хозяином поместья; зато призванный на войну, он должен был явиться в сопровождении нескольких человек, снабженных полным вооружением и продовольствием на время военных действий. Количество людей, которых приводил с собой помещик, зависело от размеров поместья. Крупные помещики выставляли иногда целые отряды. На языке того времени говорилось: они явились на службу «конны, людны и оружны». Переставал почему-либо служить помещик, лишал государство своих услуг — кончалось владение и поместьем: оно отходило «в казну» и передавалось другому. Поместье как форма условного и временного владения упоминается впервые под 1470 г.; развитие же самой поместной системы относится, как было сказано, к царствованию Ивана Грозного.

С начала XVI ст., сперва как подспорье, а потом как награда за исправное исполнение службы, помещик стал получать денежное жалованье, размеры которого были различны, в зависимости от размеров поместья, личной боевой готовности помещика и главным образом «от состояния того вооружения, с каким он являлся на смотр к верстанию. При господстве натурального хозяйства и отсутствии денежных капиталов служилым людям трудно было приобретать сложное и дорогостоящее вооружение на доходы со своих хозяйств. Поэтому денежное жалованье явилось необходимым средством обеспечения исправного вооружения служилых людей» (*Рождественский*. Служение земле. 334, 335).

2. Отличие поместья от вотчины. Отличие существенное: вотчина считалась полной собственностью вотчинника, постоянным, извечным его владением; вотчину он мог продать, подарить, передать по наследству своему сыну; поместья же находились во временном и условном пользовании, оставаясь всегда собственностью государства. Выражаясь юридическими терминами, вотчинник был собственником своей вотчины, а помещик — владельцем поместья. Жизнь,

однако, начала постепенно сглаживать это отличие. Продолжая оставаться собственником, вотчинник скоро стал нести те же обязанности военной службы, что и помещик. Сперва у служилых людей отнято было, в случае отъезда, право на вотчину — она отписывалась на государя, — а позже, когда утратилось и самое право отъезда, вотчинники, все без исключения, должны были нести свою службу и в этом отношении ни в чем не отличались от помещиков. Окончательно такой порядок сложился тоже при Иване Грозном.

Служебные функции вотчины окончательно определились по уложению 1556 г. С этой поры всякое новое пожалование землею в наследственную собственность (т. е. вотчиною) производилось под непременным условием отправления службы, а для измерения самой службы с вотчины и с поместья установлена с 1587 г. однообразная единица, именно 100 четей доброй угодной земли, «вотчина должна была доставлять боевую силу в том же количестве и такого же качества, как и поместье» (*Рождественский*. Служение земле, 60).

Военное дело при Иване Грозном

1. *Дворяне*. Не все служилые люди были вотчинниками, но чтобы стать помещиком, надлежало нести военную повинность, т. е. служить, стать служилым человеком. Ядро помещичьего класса составили дворяне и боярские люди. Прежний дворянин во дворе князя принадлежал к категории низших слуг и работников; теперь, когда, с Ивана III, князь превратился в государя и когда самое слово двор получило более высокое значение, поднялся и дворянин: его служба стала многим почетнее. Новый взгляд на дворянина отразился на положении последнего и в самой служилой среде. Если верхний слой служилого класса, бояре, сохранили свое прежнее название, то слой низший, дети боярские, в новом положении помещиков, зачастую стали называться дворянами. Сын боярский по положению сначала еще считался выше дворянина, но после того как оба слоя при Иване Грозном слились в один класс, «дворянин» (при составлении служилых списков) оказывается уже на первом месте, а «сын боярский» на втором. Это торжество одного термина над другим наглядно свидетельствует о торжестве новых московских порядков над старыми, отжившими.

2. *Московские дворяне*. В Московском и в смежных с ним уездах, на расстоянии не далее 140 верст от столицы,

⁴ Зак. 3164

в 1550 г. нарезано было 1078 участков (до 180 000 десятин пахотной земли) и розданы: а) рядовым дворянам и боярским детям из «лучших людей»; б) тем из княжеских и боярских родов, у кого под Москвой совсем не было своих поместий и вотчин. Эта избранная «Тысяча» получила название московских дворян, в отличие от дворян городовых, провинциальных. Она предназначалась к постоянной службе в столице и составила своего рода царскую гвардию. Быть записанным по «московскому списку» значило попасть в привилегированные люди в военном мире.

Примечания: 1. Согласно царскому приговору 1 октября 1550 г., боярам и окольниковым, а также детям боярским первой статьи нарезывалось по 200 четей (четвертей) земли; детям боярским второй статьи — по 150, а третьей — по 100 четей. Вскоре, однако, уже после Грозного (1587), размер надела установлен был для всех одинаковый, именно по низшей статье: 100 четей. Эти «100 четей» считались «в одном поле», что предполагало еще другую добавочную цифру, в двойном размере: «ив дву потому ж»; таким образом, размер надела в действительности был не в 100, а в 300 четей, которые при переводе на современную меру означают 150 десятин.

2. «Обедневший сын боярина оставался на всю жизнь в качестве сына знатного отца, боярского сына. Наименования сын боярский, дети боярские присваивались всем членам упавших боярских родов; со времени Василия Темного эти названия получают широкое распространение; первоначально они присвоились по преимуществу потомкам бояр, затем распространились на всех слуг второго разряда» (*Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм... С. 98*).

Звание московского дворянина было наследственным, но оно приобреталось и выслугой. По служебной иерархии место московского дворянина было за придворными чинами и всегда впереди дворян городовых. Преимущество московских дворян перед городовыми в том, что они столичные, а те провинциальные: их служба проходила поблизости московского двора и зачастую на глазах государя. Московские дворяне по преимуществу назначались в стольники, стряпчие и другие придворные чины; они состояли на службе при царицах, участвовали в посольствах, назначались в приказы и на воеводства, посылались с разными поручениями по городам, предводительствовали

полками (*Сергеевич В. И.* Россия в юридических документах. Т. I. С. 453).

3. Городовые дворяне (дети боярские). По сравнению с дворянами московскими, это армейские полки — самая обширная группа служилых людей. Их вотчины и поместья лежали в других уездах, не в Московском; особенно много городовых было расположено в уездах пограничных, по тамошним городам-укреплениям, откуда произошло и самое их название. Это были рядовые воины, и на должности командного состава их не назначали. Вся военная сила Московского государства зиждилась на них и на дворянах московских.

4. Организация поместной службы. Указом 1550 г. положено начало военной организации служилого класса. В 1556 г. принята общая мера: приступлено к равномерной разверстке поместий между всеми вообще служилыми людьми. Тогда же, если, впрочем, еще не раньше, к несению воинской повинности привлечены были и вотчинники, на одинаковых с помещиками основаниях: те и другие выставляли с каждых 100 четвертей (50 десятин) земли по одному вооруженному человеку. Кто являлся на службу в полном снаряжении, какое ему полагалось, тому выдавалось небольшое денежное жалованье.

5. Стрельцы. В те же годы положено было начало и постоянному войску — стрельцам, конным и пешим. Стрельцы были вооружены тяжелыми пищальями (ружьями), выделяясь из остальной военной массы, вооруженной исключительно одним холодным оружием (сабля, копьё, лук со стрелами). При Грозном число их доходило до 12 000 человек, из них почти половина (5 000) в столице, остальные в пограничных городах. Столичные стрельцы селились слободами вокруг города Москвы на привилегированном положении: содержались они на счет казны; кроме земельного надела пользовались правом заниматься торговлей и брать подряды. Главной их обязанностью была охрана порядка.

6. Иностранная войска. При всем том ни служилые дворяне, ни стрельцы по степени боевой подготовки не могли идти в сравнение с военными силами Швеции, Ливонского ордена или Польши. «Превосходство иноземного военного искусства было так очевидно, что Московское правительство еще в XV в. стало приглашать иностранцев на свою службу. В начале XVI в. в Москве уже был целый полк иностранцев численностью в 1 500 человек. В конце того же века немецкой пехоты было 4 300 человек». (Богоявленский С. К., 75).

7. Сторожевые (засечные) линии. Об устройстве их сказано выше. Сторожевую службу на южной степной окраине государства несли помещики пограничных уездов.

8. Военные приказы. Еще в 1535 г. возник Разряд (Разрядный приказ, Военное министерство) как особое ведомство, в котором сосредоточивалось все военное дело. Позже положено было основание приказу Поместному. Разряд ведал службу, определял размер поместий, кому сколько нарезать земли; Поместный приказ производил самый надел **Землей** по окладам, определенным в Разряде, испомещал, как выражались тогда, детей боярских. От Поместного приказа зависело, на какой участок посадить того или иного служилого человека — в это Разряд не вмешивался, лишь бы Поместная изба не переходила установленных норм испомещения. Таким образом, автономия Поместного приказа не выходила за рамки, продиктованные ему Разрядом.

Б. СТЕСНЕНИЕ ВОТЧИННЫХ ПРАВ

1. Потребность в военных людях побудила правительство, как было сейчас указано (см. выше, пункт 4-й), обязать и вотчинника наравне с помещиком нести военную повинность. Это был первый шаг по пути позднейшего окончательного слияния вотчины с поместьем и возложения на оба рода землевладения общей тяготы государственной. Этот же смысл ограничения вотчинника в его правах имел и указ 1562 г. 'Согласно ему: а) женщина лишена была права владеть родовой вотчиной, так как вотчина могла исполнять свое назначение лишь в руках мужского потомства; б) в случае отсутствия наследников на княжескую вотчину она становится выморочной и переходит в собственность государя (т. е. становится казенным, государственным достоянием). Соборные приговоры 1573 и 1580 гг. подтвердили постановления 1562 г.; вотчины бездетных бояр и детей боярских тоже отписывались на имя государя.

2. Скопление боярских и дворянских **Земель** в руках духовенства. Иван Грозный не ограничился названными мерами. Вотчинные земли в большом количестве ускользали от правительственного контроля и несения государственной службы путем перехода их в достояние церкви — следовало поставить этому предел. Благочестивый обычай завещать по смерти свои вотчины, полностью или частью, церквам и монастырям для вечного поминовения («устроения») души

заносил большой ущерб военному делу, так как, согласно обычаю и издавна укоренившемуся порядку, церковная недвижимая собственность была изъята от налогов и пошлин, и потому завещанная земля, как «отданная Богу», «выходила из службы» и освобождалась от несения военной повинности. Ущерб становился тем чувствительнее, что нередко жертвователю, перенося в церковь или монастырь свои юридические права еще при жизни, продолжал (согласно уговору) пользоваться своим вкладом, пока не умирал, и, следовательно, совершенно преждевременно выводил его из службы.

3. Мысль о секуляризации церковных земель. «Богатства монастырей и льготы, предоставленные им, вызывали сильное раздражение против старцев-монахов в других классах общества. "Мы, — говорили служилые люди, — кровь свою проливаем, а они, старцы, живут, ни в какую службу государю не помогают". Знаменитый Троице-Сергиев монастырь, владевший громадными землями, вел нескончаемые тяжбы с соседними землевладельцами. Дворяне, как и крестьяне, иногда даже вооружались против построения новых монастырей. Когда преподобный Макарий основывал Калязинский монастырь, один из соседних землевладельцев грозил его убить, опасаясь, как бы Макарий не присоединил его вотчины к своей пустыни. Среди бояр образовалась партия, требовавшая секуляризации церковных имений во имя идеала скитской монашеской жизни. Эта партия, так называемые „нестяжатели" (Нил Сорский, Вассиан кн. Патрикеев и Максим Грек), приписывала сребролюбию и алчности иноков разрушение боярских вотчин и переход их в монастыри. Указывая на упадок нравственности среди духовенства, она требовала изъятия церковных имуществ из ведения духовенства и обращения их на благотворительные дела» (*Павлов-Сильванский Н. 27. Феодализм...*).

4. Меры и бессилие правительства. В целях приостановить опасное скопление земельного богатства в монастырских руках правительство Ивана Грозного приняло ряд мер: в 1551 г. на Стоглавом соборе, затем в 1573, 1580, 1584 гг. (см. о них гл. X, § «Общество и государство»), но с очень малым успехом: громадное большинство общества государственного вреда в передаче земель монастырям не видело, заботу эке о спасении своей души, и притом заботу именно таким **Материальным** путем, как передача «Богу» известной части своего имущества, считало делом необходимым. Как было бороться с понятиями века, когда запрещения всячески обходились как несправедливое насилие, мешающее людям спастись

свою душу? «Вотчины отдавались иногда монастырям в полном сознании противоречия закону, но с надеждой на нравственную силу последней воли человека», и надежда не всегда обманывала. Трудность задачи заключалась еще и в том, что общество одной «из главных и наиболее ответственных обязанностей верховной светской власти» считало именно покровительство церкви (Рождественский С. В.), да и среди самого правительства (а ведь оно тоже вышло из того же общества!) царило подобное же убеждение. Вот почему хотя власть и принимала соответственные меры, но остановить прилив земель во владение церкви она оказалась бессильной.

В. ПРИКРЕПЛЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Земля, чтобы стать доходной, нуждалась в обработке: пашни, рыбные ловли, леса, богатые строительным материалом, где можно было ставить пчелиные борти, гнать деготь, — все это требовало рабочих рук; поэтому необходимо было, чтобы на земле жили, «сидели» крестьяне-земледельцы, звероловы, лесники. За крестьянами в ту пору было право свободного перехода с одной земли на другую, и они широко пользовались им. Земли везде было вдоволь; шли туда, где казалось лучше и выгоднее.

«Понятно, что вотчинник старался удержать у себя поселенных на земле его хлебопашцев и перезвать к себе новых поселенцев, обещая им всевозможные льготы. Они платили ему подати, оброки, несли повинности за владение землей, а в этом состояла его сила. Но при бродячем духе народонаселения удержать их было невозможно. Земля по своей обширности имела для них слишком мало значения и не могла служить крепким звеном между хозяином и поселенцем» (Чичерин Б. Н.). Поэтому на вотчинной, а позже и на помещичьей земле крестьянин был, в силу сказанного, желанным гостем. Нуждаясь в рабочих руках, вотчинник (помещик) не только охотно предоставлял крестьянам разные льготы, но и помогал им деньгами, хлебом, скотом, лишь бы заманить к себе рабочего человека, так как чем больше распахивалось земли, чем шире велось хозяйство, тем больше давало оно дохода.

Вот почему для землевладельца свободный переход крестьянина выгоден был лишь при условии перехода на ЕГО землю; напротив, он становился убыточен, если крестьянин уходил с нее. Поэтому каждый старался задержать у себя крестьянина, прикрепить его к своей земле; правительство же, по сооб-

ражениям военным, держало сторону землевладельца, так как потеря необходимых рабочих рук лишала последнего способности выполнять принятые им на себя обязанности. Наоборот, крестьянину было выгодно сохранить свое право перехода и свободного выбора. Особенно охотно переходил земледелец от мелкого владельца к крупному: у крупного и земли больше, крупный помещик мог снабдить на более льготных условиях семенами для посева, необходимыми орудиями производства; да и по своему положению и влиянию он мог оказать в тогдашний век самоуправления и слабости местных правительственных органов управления более верную защиту и поддержку. Зато от перехода, или, как его тогда называли, «вывоза» («перевоза») особенно страдали мелкие землевладельцы; к их жалобам правительство не могло не прислушаться в силу общего интереса; ущерб, нанесенный хозяйству помещика, вредно отражался на его боевой способности, а следовательно, и на военных силах государства. Нельзя было не стать на сторону «мелкоты»: представляя собой количественно большинство служилого люда, она совсем обнищала бы и перестала быть годной к несению военной службы.

Частые «вывозы» приносили вред, кроме военного дела, также и экономическому благосостоянию страны, и уже со времен Василия Темного переходу стали ставить препятствия: для выхода с земли указан был определенный срок — осенний Юрьев день (26 ноября). Раньше этого дня, приблизительно совпадавшего с окончанием полевых работ, крестьянин не имел права покинуть помещичью землю. Судебники 1547 и 1550 гг. окончательно установили такой порядок.

Наряду с правительственными мерами крестьянин прикреплялся к земле и самим ходом жизни: сядясь на землю, большинство крестьян, не обладая достаточно собственными средствами для обзаведения хозяйством, получало необходимую ссуду деньгами или инвентарем от хозяина земли, обязывалось выплачивать ее в условленные сроки. Обе стороны заключали так называемую порядную запись, крестьянин обязывался ею не сходить с земли до выплаты долга, иными словами, прикреплялся на это время к земле, в случае же неоплатности своей временное обязательство превращалось в вечное. Такому должнику оставалось одно из двух: или примириться с необходимостью продолжать оставаться на своем участке, постепенно превратиться в старожильца, т. е. в силу простой давности действительно стать крепким земле, или покинуть землю до срока выплаты.

Последний исход допускал два пути: законный и незаконный. Первый — когда с согласия хозяина-кредитора неисправного должника перевозил на свою землю другой землевладелец, выплачивая за него его долг, — так обыкновенно крупные, богатые вотчинники и помещики переманивали крестьян, сидевших у мелкопоместных. Однако такой исход, выгодный для того, кто перевез к себе лишнюю рабочую силу, часто закабалял последнюю не меньше прежнего. Вот почему крестьянин все чаще и чаще прибегал к другому выходу, к незаконному: он порывал всякую связь с местным краем, бежал от одних, не льстился на зов других и уходил на новые, еще никем не занятые места, на вольный простор «дикого поля», где, свободный (пока!) от всякого рода обязательств, начинал новую жизнь, но уже на положении беглого. А таких вольных мест, начиная со второй половины XVI в., открылся ему непочатый край. Завоевание Казани и Астрахани отодвинуло на восток и юго-восток границу не только государственную, но и земельно-деловую, открыло широкие пространства, готовые принять пахаря с его сохой и вознаграждать труд зверолова и промышленника в своих реках и лесах. По верхнему течению Оки и Дона, по Среднему Поволжью, а вскоре и на далеких окраинах Заволжья можно было устроиться относительно безопасно, и народ не замедлил туда хлынуть.

Так, на двоякий лад прикреплялся крестьянский люд: путем законодательным и путем частной экономической зависимости; так началась одновременно и борьба с этим прикреплением путем бегства на окраины государства.

Г. ПРИКРЕПЛЕНИЕ ПОМЕЩИКОВ

Те же государственные нужды заставили прикреплять, кроме крестьян, также и помещиков: государству было выгоднее удерживать помещика на данной ему земле: этим обеспечивалась ему поставка войска, и если садили на землю крестьян, то логика требовала «посадить» на нее и помещика. Впрочем, о таком прикреплении теперь говорить еще рано. Лишь в XVII в., с усиленным нарастанием потребностей военных, идея прикрепления получит более широкое развитие и, дойдя при Петре Великом до своего апогея, охватит все классы общества, не исключая и помещичьего.

БОЯРСТВО ПЕРЕД ЛИЦОМ НОВОЙ НАРОДИВШЕЙСЯ СИЛЫ - САМОДЕРЖАВИЯ

1. Княжата. Их общественное положение. Выше мы видели (гл. VI), как вольные слуги, потеряв право отъезда, превратились в слуг подневольных, причем и самый высший их слой, при всей привилегированности своего положения, оказался навсегда прикрепленным ко двору московского князя. Не избегли такой участи и княжата, эти сливки московского боярства XV и XVI вв. В княжение Ивана III и его сына состав московского боярства непомерно возрос количественно: появилось свыше 150 новых фамилий, притом самых родовитых. Большинство их состояло из бывших удельных князей или их потомков. Этим княжатам по установившемуся за ними прозвищу некуда было теперь деваться: распродав свои уделы московскому князю или вынужденно отказавшись от них в его пользу, им не оставалось теперь ничего иного, как тоже перейти на службу к московскому государю и встать на положение его служилых бояр. «С тех пор во всех отраслях московского управления, в государевой думе советниками, в приказах судьями, т. е. министрами, в областях наместниками, в полках воеводами являются все князья и князья. Служилое княжье если не задавило, то закрыло старый слой московского нетитулованного боярства. Эти князья, за немногими исключениями, были наши Рюриковичи или литовские Гедиминовичи. Вслед за князьями шли в Москву ростовские, ярославские, рязанские бояре».

Соответственно значению своих уделов, княжата становились или в первые ряды боярства, наравне с самыми славными старшими фамилиями, или степенью-двумя ниже; но и в том и в другом случае они всегда принадлежали к высшему правительственному слою, и отблеск недавнего «царственного» (выразились бы мы нынче) положения еще продолжал сиять над их развенчанной головой. Тем более помнили они сами, что еще только вчера были такими же, по титулу и положению, вотчинниками-государями, как и счастливый соперник их, князь московский. К тому же, переходя на службу в Москву, многие из княжат продолжали фактически управлять своими Уделами и, превратившись из вотчинников-государей в простых вотчинников-землевладельцев, «продолжали пользоваться долей своей прежней правительственной власти, судили и рядили по

старым местным обычаям и законам, сохранили свои удельные полки, иные даже официально назывались удельными, а не служебными князьями» [*Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций (далее: Курс). Т. II. С. 174, 177*].

Слуги по отношению к московскому государю, княжата в своих вотчинах «имели все атрибуты государственования: у них был свой двор, свое „воинство“, которое они выводили на службу великого князя московского; они были свободны от поземельных налогов: юрисдикция их была почти не ограничена; свои земли они „жаловали“ монастырям в вотчины и своим служилым людям в поместья» [*Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XII—XVII вв. (далее: Очерки). С. 132*].

2. Столкновение двух идеалов. Потеряв свои уделы, княжата претендовали, однако, на первенствующее положение в государстве, домогались быть не только советниками, но и соправителями царя. В свою очередь и нетитулованные бояре живо помнили завет Дмитрия Донского и считали себя вправе ждать от московского князя действительной «любви» и готовности поступать во всем по их «воле». Мог ли Иван Грозный допустить подобное ограничение своих действий? Воля теперь была одна — государева: теперь великий князь «сам-третьей у постели» вершал все дела государственные, на долю же бояр оставалось только покорно исполнять его приказания. В результате — две могущественные силы, так много поработавшие над созданием сильного Московского государства и раньше действовавшие всегда согласно, теперь, в середине XVI ст., совершенно разошлись и превратились в двух непримиримых врагов. Бояре, домогаясь властного положения царских советников, видели в своем боярстве не пожалование, а наследственное право, смотрели на себя как на своего рода суверенных обладателей боярского достоинства, как на «извечных» бояр — Грозный требовал от них подданства, хотел сделать их послушным орудием своей воли.

Положение княжат до некоторой степени напоминает феодальные отношения в том виде, как они сложились в Западной Европе. Против этого-то «русского феодализма» и повел энергичную борьбу Иван Грозный. Насильственно переводя княжат с прадедовских уделов на новые, совершенно чуждые земли, он старался этой мерой порвать ту духовную связь, которая у них сохранялась на старых местах с местным населением. Цели своей Грозный достиг, и потому тем легче было для его преемников в XVII ст. превратить все слои служилого сословия в покорных слуг своего государя.

Превращение вольных слуг в подданных явилось логическим последствием превращения вотчинного князя в самодержавного государя; идея старого боярства отжила свой век, не соответствовала более духу времени — вот почему победу одержала не она. Самодержавие выросло в русской жизни органически; его никто не прививал искусственно; его победа поэтому знаменовала торжество исторической правды, закономерного хода событий; но мирный эволюционный путь, каким до сей поры шло нарастание самодержавия и гибель дружинного начала, грубо нарушен был Грозным. Сопротивление было сломлено путем опричнины, и никогда еще русский государь не вел борьбы с такой страстью, с таким ожесточением и такой прямолинейностью. Опричина, омрачив вторую половину царствования Грозного, стоила бездны жертв, массы пролитой крови и заставила всю страну пережить одну из наиболее мрачных эпох в своей истории — эпоху казней и правительственного террора.

П Е Р Е Л О М

Опричнины, что породило ее — как могла она возникнуть и явиться перед лицом истории кровавым чудищем, сеющим вокруг себя ужас и страдания, сгладить которые не в силах самое время, — опричнины не понять, если предварительно не вдуматься в сложный характер царя Ивана и упустить из виду потрясающую трагедию, пережитую им в 1553 г. во время своей болезни, — сердечную боль, вызванную горьким разочарованием в людях, обидным сознанием «обмана», каким «отплатили» за его дружбу и доверие.

1. Характер Ивана Грозного. Натура неуравновешенная, болезненно-нервная, Грозный весь соткан из порывов и минутных страстей: ему не дано спокойно и хладнокровно взвешивать поступки, свои и чужие. Увлекающийся, он легко поддавался первому сильному впечатлению, все равно, породило ли оно хорошую мысль, здоровую, благородную или — дурную, низкую, вредную. Вот почему в его царствование добро смешано со злом, привлекательное с отталкивающим.

Воспитание не выработало в нем ни сильной воли, ни твердого характера, не дало ему никаких нравственных устоев. Да и воспитания он не получил никакого. На жизненное поприще он вышел не стойким, не сильным, легко поддавался чужим влияниям, и в этом трагизм его жизни. Впечатления воспринимал он пылко и нервно, но глубоких корней в его душу

пустить они не могли: сама душа его была не из глубоких, а корни, едва они начинали укрепляться в ней, сметал порыв новых впечатлений, столь же пламенных, бурных и столь же преходящих. Вот почему для Ивана возможны были такие скачки: от Избранной рады, где он держал себя покорным учеником, к опричнине, ища в ней выхода охватившей его подозрительности и мести, от сдержанно-наставительного Сильвестра к низменному, покладистому Малюте Скуратову.

2. Трагедия 1553 г. В марте 1553 г. Иван тяжело захворал. Смерть стучалась к нему в дверь; не надеясь выжить, царь торопился объявить наследником своего сына Дмитрия, еще не вышедшего из пеленок, — и что же? Люди, самые близкие, на которых он всего более располагал, отказались присягнуть! Опасаясь повторения боярских козней в малолетство государя-ребенка, они предпочли видеть преемником Ивана его двоюродного брата, Владимира Андреевича Старицкого. У постели умирающего разыгрались сцены, глубоко оскорбившие царя. Иван был уязвлен в самое сердце. Благо бы еще одни бояре — их вражде он не удивился бы; но ведь против поднялись даже те, кого он считал за самых близких своих, — люди, обязанные всем исключительно ему одному: Сильвестр и Адашев! Он любил и уважал их, видел в них не слуг, а друзей. Адашева взял он «от гноища», облагодетельствовал, вывел в люди; Сильвестра почитал за отца. Разве они не понимают, какая участь ждет ребенка с воцарением Владимира? Разве не знают, как при деде, при отце, даже в само его малолетство отделялись от родни, предупреждая ее посягательство на трон: голодная смерть, пожизненное заточение — вот что ожидало возможного соперника!

В требованиях, какие предъявил царь Иван друзьям и боярам, в страстности, с какой он реагировал на их поведение, нетрудно видеть, насколько в нем, в государе, еще глубоко сидел вотчинник, как трудно было ему встать на чисто государственную точку зрения, понять мотивы, руководившие Сильвестром и его единомышленниками: вручить власть в руки человека, действительно способного править и стать выше партийных соображений и фамильных, родовых счетов.

3. Надрыв. Смерть на этот раз пощадила Ивана: он выздоровел, и щекотливый вопрос отпал сам собой; но в душе молодого царя совершился перелом: что-то порвалось в ней. Горькую обиду он пока затаил, но прежнему доверию уже не было более места. Доверие сменилось подозрительностью, мыслью об измене. Червяк сомнения сосет его сердце. Пора про-

шлого увлечения проходит; Иван начинает присматриваться к окружающим его людям, к ближайшим советникам, анализирует их поступки; самолюбивый и гордый своим «царством», он начинает догадываться, что во многом из того, что, казалось, сделано по его мысли и почину, действовала и творила чужая рука; сам же он служил пешкой в руках других. Самолюбие его несказанно задето. Как! Он, самодержавный государь — и вдруг оказывается, что правит государством не он, а кто-то другой, существо, ему же подчиненное!

Постепенно Иван выходит из-под опеки Избранной рады, но от чужих влияний ему, безвольному, впечатлительному, слабому душой, все равно не уйти. Подобно светочувствительной фотографической пластинке, он живо зафиксирует в своей душе даже случайно брошенную мысль, осторожный намек, слабую тень намека. По дороге в Кирилло-Белозерский монастырь, куда он ехал благодарить за дарованное ему исцеление, Иван заезжает в Песношскую обитель к старцу Вассиану Топоркову и с восторгом выслушивает коварный совет: «Если хочешь сберечь свое самодержавие, не держи подле себя советников мудрее себя». — «Сам отец, будь он жив, не мог бы дать мне лучшего совета», — восклицает восхищенный Иван, и всю жизнь он будет руководиться этим правилом: в течение остальных 30 лет своего царствования он действительно не приблизил к себе советника «ни единого мудрейшего себя».

Даже допустив, что беседа Ивана со старцем Вассианом исторически недостоверна, все же в советниках подобного рода у молодого царя недостатка не было. Иван Пересветов еще задолго до драмы, разыгравшейся у постели умиравшего Ивана, высказывал в своих сочинениях подобные мысли и подавал такие же советы, что и песношский старец: вся беда, утверждал он, идет от вельмож, из-за их лихоимства и несправедливого суда, избавить нас от зла может лишь неограниченная власть, грозно охраняющая правду и справедливость: царю надлежит быть грозным и мудрым, иначе правду не ввести в государстве; добрый же слуга царю тот, кто выдвинут личными достоинствами, а не родовитостью.

Эти советы, в которых было так много опасного, пали на восприимчивую почву: рожденный в порфире, с малых лет привыкший видеть в себе государя, первого и старшего над всеми, Иван всем воспитанием своим как нельзя лучше подготовлен был к речам Вассиана и Пересветова; еще ребенком он привык смотреть на окружающих снизу вверх и относиться к ним недоверчиво, с опаской.

4. Окончательный разрыв с радой. У нас нет достаточных данных, чтобы проследить последовательные фазы разрыва; несомненно, однако, что отношения сильно ухудшились из-за Крыма и Ливонии. Рада настаивала на более энергичных действиях против татар, утверждала, что, покончив с Казанью и Астраханью, следует покончить и с Крымом, что теперь это не будет стоить особенно больших усилий — Иван, наоборот, хотел сосредоточить силы против Ливонии и настоял на своем.

Духовная опека, в какой его держали, тяготила, раздражала Ивана; он сознавал себя, как говорил потом князю Курбскому, «в летах совершенных и не захотел быть младенцем», а между тем у него не было своей воли в решении даже таких пустяков: как одеваться, сколько спать — даже и это приходилось делать по чужой указке; и чем более тяготел Сильвестр над его душой, тем сильнее говорило в нем обиженное самолюбие. Впоследствии, уже после разрыва, впечатления недавнего прошлого суммировались у него в такой яркой форме: «Я не смею слова сказать ни одному из самых последних его советников; а советники его могли говорить мне что им было угодно, обращались со мной не как со владыкой или даже с братом, но как с низким; кто нас послушается, сделает по-нашему, тому гонение и мука; кто раздражит нас, тому богатство, слава и честь; попробую прекословить — и вот мне кричат, что и душа-то моя погибнет, и царство-то разорится».

Много горечи внесло отношение рады к царице Анастасии. Чем сильнее привязан был Иван к своей жене, тем больше кололо его недоброжелательство к ней Сильвестра и Адашева. «За одно малое слово с ее стороны явилась она им негодна; за одно малое слово ее они рассердились». Разрыв наступил. Сильвестр отошел добровольно, предупреждая грозу; Адашева удалили от двора, отправив на театр военных действий. Почти вслед за этим умерла царица, и тотчас же пошли слухи о насильственной ее смерти. Отдаляя недавних любимцев, царь

¹ Пересказ Соловьева С. М. (*Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. VI. С. 175*). В подлиннике: «Еще нам сотворити словие ни единому же от худейших советников его тогда потребовавши, но сия вся аки злочестива творяхуся... от его же советников аще кто худейших нам не яко ко владыце или яко к брату, — яко к худейшему чесому надменная словеса неистове изношаху, и сия вся благочестиве вменяхуся; кто убо мало послушание Или покой нам сотворит, тому убо гонение и мучение; аще ли же кто раздражит нас чем или кое принесет нам утеснение, тому богатство, слава и честь; и аще не тако, то души пагуба и царству разорение!» (Сказания, 164—165).

потребовал, чтобы окружающие прервали с ними сношения; недоверчивый, он хотел присягой обеспечить исполнение своей воли: присягу дали, но не исполнили; опальным старались вернуть прежнее положение — это только подлило масла в огонь.

5. Побег бояр в Литву. Между тем уже с 1554 г. начались бегства бояр в Литву. Иван и в этом видел измену, бояре же смотрели на отъезд как на свое исконное право. Те и другие были правы и неправы в одно и то же время. Никакой закон не запрещал отъезда, формальное право существовало, но условия его осуществления, вся житейская обстановка были теперь уже иные. Иван и бояре переживали ту переходную эпоху, когда одно понятие, один порядок замирает, а другой нарождается; старый еще не погиб окончательно, а новый еще не настолько окреп, чтобы иметь силу задушить другой. Недоверчивый с детства, с впечатлительными нервами, легко раздражающийся, Иван начал видеть вокруг себя одну только крамолу, измену; это болезненное чувство постепенно овладело им, и он, незаметно для себя, из одного духовного рабства попал в другое, не менее тяжкое. Такому неуравновешенному человеку, как Иван, достаточно было однажды вступить на наклонную плоскость, чтобы покатиться по ней с возрастающей скоростью.

6. Учреждение опричнины. И он действительно покатился. Бегство князя Андрея Михайловича Курбского в Литву явилось последней каплей, переполнившей чашу. 3 декабря 1564 г. царь неожиданно для всех покинул Москву, увозя с собой не только семью, но и все добро свое; деньги, платье, иконы, золотую и серебряную утварь; боярам и дворянам, назначенным сопровождать его, приказано было ехать тоже семейно: с женами, детьми и прислугой, взять весь «служебный порядок». В Александровскую слободу медленно потянулся обоз за обозом. Это было настоящее переселение. Обыкновенно в такой обстановке уезжают, покидая старое насиженное место навсегда, с тем, чтобы никогда уже более не возвращаться.

Месяц спустя удивленная и напуганная Москва получила две царские грамоты: одна, на имя митрополита, обвиняла поголовно весь высший служилый класс: бояр, воевод, приказных людей в измене; а потому он, царь, государство свое покидает; вторая — на имя «всего православного христианства города Москвы», с заверением, что царского гнева и опалы на него нет никакой.

К царю немедленно полетели просьбы не бросать государства: пусть правит им на всей своей воле, казнит и истребляет

виновных в измене по своему усмотрению. Все ли поверили в серьезность намерений Ивана покинуть государство? Театральность была в характере Грозного, и, прибегая в данном случае к ней, он рассчитывал, не без основания, ошеломить таким дешевым эффектом, напугать и тем вернее достичь своей цели: вырвать из рук ошеломленных подданных открытый лист на будущие свои действия, заранее получить санкцию и моральное на них право. Иван принял всенародное «моление» Москвы, вернулся в столицу и — создал опричнину.

«Измена» стала манией Ивана Грозного. Он «изводил» ее, казня «изменников» подчас совсем без разбора, направо и налево. Опричникам дозволен был полный произвол во всем, и они не замедлили широко использовать его. Насилия всякого рода, подчас переходящие в настоящее зверство, стали с той поры обычным явлением в Московском государстве.

О П Р И Ч Н И Н А

1. В какой обстановке возникла опричнина. Выше уже было отмечено, как две могущественные силы, княжеская власть и боярство, так много поработавшие над созданием сильного государства Московского и раньше действовавшие всегда согласно, в сознании общности своих интересов, теперь, в середине XVI ст., совершенно разошлись и превратились в двух непримиримых врагов. Начавшееся давно, еще при последних князьях, расхождение приняло теперь особенно острые формы. К тому же как раз в это время в соседней Литве местное боярство (паны-рада) и военнотружильные люди (шляхта) добились больших привилегий; власть великого князя литовского была сильно ограничена — московские противники царя нашли в этом ослаблении центральной власти идейную для себя точку опоры. Столкновение становилось неизбежным. Обе стороны в полной уверенности своих прав опирались на «старину», но одна старина была новая, сильная своими успехами, другая — уже давно начала изживать, круг ее сторонников становился все тесней и малолюдней, давно перестал находить себе всеобщее признание, а в понимании Ивана Грозного прежний вольный отъезд превратился в измену, и не только лично ему, но и государству, и искоренять эту измену — прямой долг его, государя.

В Западной Европе средневековое боярство тоже еще долго отстаивает свое право отъезда, и тогда даже, когда оно успело

выдохнуться и потерять свое историческое оправдание. Если Курбский бежит в Литву и служит Сигизмунду-Августу польскому против князя московского, то и Карл Бурбон, коннетабль французский, из-за личных счетов со своим королем, Франциском I, отдает свою шпагу на служение его врагу, императору Карлу V, а Мориц, курфюрст саксонский, бросает Карла V и переходит на службу к Генриху II, королю французскому — и ни один из трех не считал себя изменником. Зато они изменники в глазах Грозного, и он будет расправляться со всеми подобными им так же, как позже расправлялся кардинал Ришелье с французским дворянством, ставшим ему на пути к созданию сильной королевской власти.

Отъезд бояр постепенно и незаметно вырос в анахронизм. Московское княжество уже превратилось в государство, прежняя отчина стала достоянием национальным, и Россия Ивана Грозного переживала знаменательную пору; в ней творилось великое дело: создание самодержавной монархии во имя этого самого государства и общего, национального блага. Классовые, сословные интересы должны были поступиться перед требованиями государственной пользы — к этому вела вся предшествующая жизнь. Этого требовал нормальный рост страны, и громадная заслуга царя Ивана в том, что он повел страну именно в этом направлении. Бегство князя Курбского окончательно порвало нить, и без того непомерно натянутую; на вызов царь, в свою очередь, ответил вызовом — опричниной. Но вызов боярский — их бегство в Литву — свидетельствовал лишь об их беспомощности и бессилии вести борьбу. Вот почему борьба Грозного с боярством, в сущности, превратилась в гонение, еще менее оправдываемое теми жестокостями, какими оно сопровождалось .

2. Деление государства на земщину и опричнину. Все Московское государство разделено было на две половины, вернее говоря, одна часть (опричнина) была выделена из целого, и оставшееся от выдела образовало земщину. Московское царство как бы раскололось на два отдельных государства: у каждого своя территория, свое хозяйство и управление, свои подати и налоги, даже свой государский двор (свои бояре, дворецкий, казначей и прочие придворные люди), — два отдельных мира, каждый со своей орбитой, своим особым кругом интересов. Чтобы резче и нагляднее подчеркнуть эту обособленность, болезненная фантазия Грозного сумела создать даже нового государя: сам он из царя превратился в «Иванца Васильева, князя московского», а во главе земщины поставил кре-

шеного татарина, касимовского царя Симеона Бекбулатовича с титулом «государя и великого князя всея Руси». Впрочем, эта затея продолжалась недолго, кажется, всего несколько месяцев (1576): вскоре «Иванец московский» снова превратился в прежнего царя, не менее грозного и не менее самодержавного, чем и раньше. Вообще же опричнина не помешала Ивану IV давать земщине руководящие указания, созывать, по мере надобности, земские соборы для совместного обсуждения по вопросам перво-степенной важности (1566 г.: удерживать ли добытый от поляков город Полоцк и, следовательно, продолжать ли борьбу с поляками) и держать нити иностранной политики в своих руках, пользуясь при этом услугами тех же ненавистных ему бояр из земщины.

3. Организация опричнины. Первоначальное число опричников не превышало 1 000 человек, но потом эта цифра поднялась до 6 000. Опричники набирались большей частью из дворян и детей боярских, готовых на все: при поступлении на службу они обязывались особой клятвой служить царю верой и правдой, доносить об изменниках, не водить хлеба-соли с людьми земскими, не жениться на их дочерях, не посещать даже отца с матерью у них на дому. Отличительным признаком опричника была собачья голова с метлой, привязанная к седлу, в знак того, что новые слуги царя будут кусать и выметать лихих злодеев.

4. Территория опричнины определилась не сразу; она нарастала постепенно, в течение первых 10—12 лет. В законченном виде она охватывала: весь Север, часть Новгородских пятин, Среднюю Волгу (после Твери до Балахны, не доходя Нижнего Новгорода); Замосковские и Заозские города. К земщине отошли пограничные области на Западе и Юге: Тверская, Смоленская, Северская Украина, Рязанская область; на Востоке: бывшие царства Казанское, Астраханское; Вятка. Опричнину окружила с трех сторон полоса окраинных земель, и только с Севера, у моря, она подошла непосредственно к государственной границе. Отчего так вышло? Оттого что на окраинах не существовало родовых вотчин, выселять оттуда было некого и тем более не для чего было никого водворять: не полагаясь на «изменников», даже когда они находились у него на виду, под рукой, тем менее имел царь Иван побуждения облегчать им возможность сноситься с зарубежным врагом.

¹ См. Приложения. № 10: «Симеон Бекбулатович, великий князь (царь) Московский».

5. Разница между земщиной и опричниной. Перевод княжат и бояр на новые места. С внешней стороны особой разницы не было никакой: земщину ведали бояре и лишь в случаях особой важности докладывали царю; опричина ведалась самим царем с его опричными боярами. Зато по существу разница была огромная: в земщине все шло по-старому; в пределах опричнины началась перетасовка княжат и бояр; их выводили с родовых вотчин и сажали на новые места на положении уже не вотчинников, а помещиков — собственно, с этой целью и создана была самая опричина. Отобрав у бояр и княжат их родовые вотчины, заставить их покинуть свои удельные гнезда, где у них имелись прочные связи, перебросить их совершенно в другие уезды, нередко на далекое расстояние — в этой мере царь Иван нашел наилучшее средство искоренить боярскую измену. У себя в родовом гнезде эти «изменники», имея под рукой своих служилых людей, служивших им, а не государю, пользовались большим влиянием, были «сами по себе господа»; на новых же местах они оказывались новыми людьми, без прошлого, без традиций, простыми чужеземцами, безо всякой связи с местным населением. Порвать эту связь со старыми гнездами — и добивался Грозный.

Резче, большее всего перемена сказалась на высшей знати, т. е. на княжатах, на потомках удельных князей: они сравнены были по положению с остальным боярством, и только фамильные прозвища напоминали об их былой независимости: не стало больше Одоева, Вязмы, Ростова и Шуи — уделов; остались одни Одоевские, Вяземские, Ростовские, Шуйские — князья. Мало того. Два указа 1562 и 1572 гг. наложили руку и на их право собственности: продажа вотчинной земли, мена ее, отдача в приданое, дарение воспрещены были полностью; по наследству вотчина (за кем она осталась) могла переходить только к сыну, а в боковые линии лишь с особого дозволения царского, в противном случае она отписывалась «на государя».

6. Аналогичные меры прежнего времени. Лишение вотчин было мерой жестокой, но не новой. Московские государственные люди издавна прибегали к ней: покоряя область, они выселяли оттуда внутрь страны наиболее видных и влиятельных представителей местного общества целыми семьями, а взамен вселяли на их место жителей из коренных московских областей. Так поступили в свое время с Новгородом, Псковом, Казанью. Это был испытанный прием государственной ассимиляции, в корень истреблявший местный сепаратизм. Но

то, что раньше применялось к внешним врагам, Грозный направил теперь на внутреннюю «измену».

7. Военное значение этой меры. Перетасовка коснулась не только высшего слоя, но и среднего. Служилые люди, жившие на вотчинах княжат, после отобрания этих вотчин в казну зачислены были на царскую службу и наделены поместьями на общем положении военнотруженического класса. Едва ли эта мера значительно подняла общую цифру военных сил государства, зато она поставила значительную часть этих сил в непосредственное ведение и под непосредственный контроль верховной власти. А кроме того, принижая одних и поднимая других, эта мера уравнивала перед лицом государя разнородные элементы, предоставила ему большую свободу в назначениях, возможность не считаться каждый раз с требованиями местничества.

8. Экономические следствия этой меры. Выбив очень многих из обычной колеи, перетасовка пагубно отразилась на благосостоянии тех, кого она задела. Задетыми же оказались: 1. Родовитые вотчинники — для большинства это был настоящий крах. 2. Служилые люди этих родовитых вотчинников — с теми же последствиями, разве что по отношению каждого в отдельности в меньших размерах. 3. Тяглое население вотчинных земель. «По давнему московскому обычаю, при опале конфисковали не только имущество опального человека, но и его документы — „грамоты и крепости“. Действие этих крепостей прекращалось, обязательства развязывались, и крепостные люди получали свободу, иногда с запрещением поступать в какой-либо иной двор. Подобную судьбу испытала многочисленная дворня погибавших от лютой Грозного бояр. Если она не гибла с господином, то осуждалась на свободное и голодное существование. Это был опасный для порядка элемент» (Платонов С. Ф. Очерки).

9. Действия опричников. Сознывая свое привилегированное положение, вполне убежденные, что им все сойдет с рук, опричники явились настоящим бичом для населения. Им дана была полная воля обижать население. Даже отрицая достоверность показания, будто насилуют, убивать и грабить земских людей им ставилось в прямой долг, все же, и не будучи обязаны, они по доброй воле, действительно, насилуют, грабили и убивали. Сев на отобранных у прежних владельцев вотчинах и поместьях, опричники разоряли крестьян, своих новых подданных, и производили всякого рода насилия над ними. Управы найти было нельзя: чего мог добиться земский

человек, очутившись на положении жалкого, загнанного парии? Конечно, можно было жаловаться в суд, но суд был неправый, и земские люди сами избегали его, чтоб не рисковать худшим. Судьи, сами напуганные, постановляли свой приговор в пользу сильного, а не справедливого. Стоило подбросить в дом к земскому какую-нибудь вещь — чаще всего это проделывали в лавке купца: с последнего всегда было что взять — и потом обвинить его в воровстве или наговорить на него, будто он должен известную сумму, то как бы ни безосновательно было обвинение, земский обыкновенно присуждался к уплате, если не хотел, чтобы его ежедневно выставляли на правеж и били на торгу кнутом или батогами. И тут уже не было пощады никому: ни духовному, ни мирянину. Зато, упаси Боже, обидеть царского слугу: бедного земского лишали имущества, сажали в тюрьму, а то и отводили на плаху. Оставался суд Божий, так называемый поле; но на поединке земский всегда признавался побитым; оставался ли он в живых — его считали за мертвого, а то и вовсе не допускали на суд.

Видя такую безнаказанность, немало земских под видом опричников тоже рыскали шайками по стране, разбойничали по большим дорогам, подстерегали тех, про кого знали, что везут в Москву денежную казну для уплаты податей и налогов, грабили города и посады, жгли дома, били насмерть людей. «За этими делами присмотра тогда не было» (Записки Штадена).

10. Террор, сопровождавший опричнину. В великое государственное дело цепкими когтями впилось дело личное, мелкое и ненужное: месть ненавистным боярам, страх перед ними. Царствование Ивана Грозного, точнее, время опричнины неразрывно связано с представлением о казнях, изощренных убийствах, всякого рода насилиях, выражавшихся зачастую в самой гнусной, отвратительной форме. Воцарился террор. Личное дело окровавило дело государственное, снизило его значение, затормозило успех и надолго, в глазах многих, отождествило русское самодержавие с тиранией и грубым бессмысленным произволом. Иван не сумел отделить интереса личного, семейного от интереса общественного. Он карал не только государственных преступников, но и личных врагов; и личных врагов зачастую видел там, где были только государственные преступники. Врагов же лично у него, на несчастье, было больше, чем у государства. Мести дан был полный простор. Царь зашел в ней так далеко, что она граничила с безумием: рядом с государственными преступниками гибли сотни люд^{ей} ни в чем неповинных. Он мстил за то, что когда-то Сильв^{ст}Р

и Адашев владели его душой и помыслами, за то, что близкие ему люди отказались связать судьбу свою с судьбой его малолетнего сына, мстил за тяжелые, больные воспоминания о раннем детстве, мстил за страх от якобы постоянно грозившей ему измены. Цель была достигнута, измена выведена, но какой ценой! Боярство и монашество во времена Ивана Грозного были двумя наиболее культурными классами русского общества, тогдашней его интеллигенцией — и один из этих классов, в стране вообще бедной духовными силами, был в одной своей части уничтожен, в другой морально забит и искалечен.

11. Число княжат, погибших в злые опричные годы, точному учету не поддается. При дворе московского государя в XVI ст. столпилось очень много княжат Рюриковичей (198 родов по одному, 219 по другому счету) и Гедиминовичей (27 родов), но лишь в одном только случае мы можем оперировать над точными цифрами: из 47 княжеских фамилий (потомков св. Михаила Черниговского) к 1600 г. осталось всего 25, т. е. всего половина {*Загоскин Н. П.* Очерки, 140). По другому расчету, «до 20 княжеских фамилий XVI в. исчезли для Думы XVII в.: ни одного члена их не встречаем в числе московских государственных советников, которым оказано боярство после 1593 г. В начале XVII в. из больших боярских фамилий прежнего времени действовали Мстиславские, Шуйские, Одоевские, Воротынские, Трубецкие, Голицыны, Куракины, Пронские, некоторые из Оболенских и в числе их последний в роду своем Курлятев, Шереметевы, Морозовы, Шеины — и почти только; а рядом с ними видим Масальских, Прозоровских, Долгоруких, Нагих, Плещеевых, которым в прежнее время до тех больших родов было далеко» [*Ключевский В. О.* Боярская дума (далее: Дума). С. 222, 370].

12. Иван Грозный в ряду других государей Европы. На Западе в ту пору тоже выводили измену и тоже не церемонились со своими противниками; современники Ивана тоже домогались стать самодержавными государями и в этих целях беспощадно расправлялись с привилегированным сословием — дворянством; меры, к каким они прибегали, тоже покажутся отвратительными и бесчеловечными для нашего времени: во Франции вероломно избивали гугенотов в Варфоломеевскую ночь 1672 г.; неудачный заговор на жизнь герцога Гиза стоил жизни 1 500 офицеров и солдат, погибших в один прием на плахе и на виселице в королевском замке Амбуаз; в Нидерландах казненных по приказу герцога Альбы насчитывают 18 000 человек; жестоко расправлялся с дворянством шведский

ороль Эрик XIV (1560—1569; впрочем, зачастую в припадке помешательства); в Англии в один прием повесили на Лондонском мосту 300 человек, и королева Елизавета, показывая французскому посланнику башню Тауэр, зубцы которой сплошь унизаны были повешенными, с гордостью говорила ему: «Так-то вот изводим мы измену».

Но на Западе такие казни вытекали из идеи общественного блага, как бы подчас искаженно ни было оно понято, и личный интерес государя, если он и имел место, не заслонил самой идеи. Иван же именно заслонил ее своими поступками. Во Франции, например, Ришелье очень круто расправлялся с непокорным дворянством, однако благо общественное всегда у него на первом плане: власть была только средством для достижения этого блага (*tout pour le peuple, rien par le peuple* — было его девизом). И не только у него одного. Вот почему на Западе гораздо раньше могла вырасти идея о государе как «первом слуге государства»; у нас мысль эту впервые выскажет Петр Великий, но и после того она еще надолго останется мертвой буквой, без действительного применения; «вотчинник» все время будет оказываться в «государе», и значительная доля в этом лежит на Иване Грозном.

13. К чему привела опричнина с ее террором.

а) Политически — цель была достигнута: знать обессилена. Однако остатки ее с новым положением не примирились и только ждали случая, чтобы поднять голову. Случай этот им скоро представился: Смутные годы.

б) Экономические следствия — см. выше § 8.

в) Моральные следствия — крайне пагубные. Всякий террор подрывает веру в правоту насаждаемого им дела. Наглый произвол опричников, потачка самым дурным инстинктам превратили опричнину в народное бедствие и зло. Смысл разумной государственной меры затемнен. К тому же, помимо произвола и глумления над личностью, царь Иван одинаково зорил и богатого землевладельца, и бедного простолюдина. Создавалось впечатление, будто все это делает не государь, поставленный на престоле «Божьей милостью», дабы опекать и заботиться о благе народном, а озлобленный человек, обрадовавшийся возможности навредить своему врагу. Иван подрывал чувство законности, уважения к верховной власти и сам разрушал одной рукой то, что создала другая.

Таким образом, способ проведения Иваном его политической меры заранее подготовил материал для будущих Смутных годов: недовольно было боярство, недоволен служилый класс

мелких вотчинников и помещиков; недовольно крестьянство, вынужденное сидеть на разоренной земле или скитаться на положении бездомного бобыля.

КАЗНИ И ГОНЕНИЯ

1. «Эпоха казней и гонений». Казни (или правильнее: убийства) как известного рода полоса, эпоха в жизни Грозного и в жизни самой России длились 14 лет (1560—1574). Казни более позднего времени лишь отдельные, случайные явления, лишённые характера длительности и постоянства.

Вслед за опалой, постигшей Алексея Адашева (1560), убиты его родственники и близкие. Много князей погибло в ближайшие за тем годы. Возникла опричнина и ознаменовала свое появление рядом новых убийств (1565, 1566). Многочисленными жертвами отмечен и 1568-й г.

В 1569 г. пошло гонение на родню и духовенство. Обличения и печалования митрополита Филиппа стоили ему жизни: его удавил Малюта Скуратов. Погиб и племянник митрополита, Колычев, и другие из этой фамилии. Убит двоюродный брат царя, князь Владимир Андреевич Старицкий, с матерью, женой и детьми. Утоплена невестка царя, вдова его родного брата Юрия.

Разгром Новгорода продолжался шесть недель (1570). Ему предшествовал такой же разгром Твери и Торжка. Громили не только города, но и их уезды. Число убитых показывается различно: десятки (даже сотни) тысяч. В свой Синодик царь Иван занес 1505 человек. В связи с Новгородским погромом, расправа коснулась и самих опричников; она не миновала даже наиболее близких (князь Вяземский, оба Басманова: отец и сын) — царь и их заподозрил в причастности к «новгородской измене».

Немало людей погибло в 1573 г., в том числе князь М. И. Воротынский, герой Казанского похода (1552) и Лопасни (1572), где отразил вторжение крымских татар (он умер от пыток). В 1574 г. царь казнил «многих бояр, архимандрита Чудовского, протопопа и всяких чинов людей много, а головы метали под двор Мстиславского». Казнь была совершена в самом Кремле, перед Успенским собором.

См. Приложения. № 11: «Опричнина, ее цели и достижения (разрушение княжеских вотчин)».

2. Разгром Торжка, Твери, Новгорода и Пскова. В предыдущем перечне особенно выделяется разгром Тверской и Новгородской областей в 1570—1571 гг., как по степени нанесенного краю вреда, так и по размерам того безумия и остервенения, с каким он наносился. Разнузданность ослепленной страсти достигла на этот раз, казалось, высшей точки своего напряжения.

Царь поверил доносу, будто новгородские жители задумали отложиться от него и передаться польскому королю; отыскалась и грамота, заготовленная к отсылке Сигизмунду-Августу, за подписью архиепископа Пимена и лучших граждан новгородских. Иван не расследовал, действительная ли это грамота или подделанная, из мести новгородцам, злым человеком — измену он видел повсюду, подозревал ее во всех; одна мысль о ней — а такая мысль никогда не покидала его — лишала его равновесия, и вот теперь у него в руках явное доказательство справедливости своих подозрений! Ведь Новгород никогда не забывал своих прежних вольностей, всегда смотрел волком — так по крайней мере казалось Ивану. У него помутилось в голове — и судьба несчастного города была решена. Но карающую десницу московского владыки должны были испытать, кроме Новгородской области, также и Псковская, и, еще раньше, Тверская. В Иване Грозном ожили воспоминания о том времени, когда и они еще не были московскими «уездами» и тоже смотрели на Москву «по-волчьи».

А между тем над страной, в ожидании грядущих бед, уже и без того разразились две тяжелые: голод и чума. Голод доводил иных до людоедства, а чума уносила тысячи жертв. Трупы сотнями сваливались в одну общую яму; дома, куда заглядывала чума, сейчас же заколачивались, и зачумленные предоставлялись на произвол судьбы. Напрасно ставились по большим дорогам однодневные церкви (т. е. построенные общими усилиями местного населения в один день); напрасно ежедневно молились в них, дабы Господь смилостивился и отвратил чуму, — чума не проходила и продолжала свирепствовать.

Иван пошел «выводить измену», а с этим выражением у него сложилось вполне определенное и реальное представление. Оно означало: пройти с огнем и мечом по стране, все изничтожить, все уничтожить, вырвать все с корнем. Он пошел настоящей войной и губил население, как будто он имел дело действительно с врагами, с чужой землей вроде Ливонского края.

Разгром начался с города Клина (в бывшем великом княжестве Тверском) и продолжался на всем пути вплоть до Нов-

города. Подойдя к Твери, царь приказал грабить все: церкви, монастыри, лавки, частные дома. Что не увозили с собой, то предавали огню. Пленных, захваченных перед тем за время войны с поляками, перебили; та же участь постигла и русских, что породнились и сдружились с иноземцами. Убитым отрубали ноги, устрашения ради, а потом бросали в Волгу под лед. То же было и в Торжке: здесь не пожалели ни одной церкви, ни одного монастыря.

Наступил черед и Новгороду. Здесь царь бесчинствовал со своими опричниками целых шесть недель (1571 г., январь-февраль). Первоначально он принялся за церкви и монастыри; с них сняты были самые большие колокола, а духовенство выставлено на правеж, с требованием выкупа. Купеческие лавки были ограблены, а купцы вынуждены были потом выкупать свой товар у грабителей. Все помещения, где можно было предполагать наличность денег или товаров, опечатаны. Ни одному из многочисленных монастырей, которыми так богат был в ту пору Новгород (в самом городе и окрестностях), не было дано пощады. Царь каждый день менял место своего пребывания, останавливаясь сегодня в одном монастыре, завтра в другом, и каждое посещение сопровождая истязанием и убийством монахов. И здесь, как в Твери, все, что захотели и могли увезти из города и окрестностей, увозилось, а остальное сжигалось или топилось в реке. Кровь и систематический грабеж, по-видимому, не могли насытить царя: с остервенением сносились жилые постройки, рубились на куски резные ворота, лестницы, окна — все, что выглядело покрасивее и понарядней. Как и в Твери, казни подверглись пленники и русские, поженившиеся на стороне. Вдобавок опричники увезли с собой сотни и сотни посадских девушек — точь-в-точь как в прежнее время проделывали крымские татары в памятных набегах своих на Русскую землю.

А пока царь Иван расправлялся с городом Новгородом, опричники разбойничали в самой области и с тем же успехом нищили здесь все, повсюду проливая кровь и оставляя за собой изуродованные трупы и пожарища на месте прежнего жилья. «В эту пору, — говорит современник и участник разгрома, — было убито столько тысяч духовных и мирян, что никогда ни о чем подобном и не слыхивали на Руси».

В каких размерах производился грабеж населения, можно судить по откровенному признанию одного из опричников: «Я выехал, — говорит он, — в поход всего с одной лошадейю, вернулся же с 49-ю; из них 22 лошади везли сани, полные всякого добра». И тут же он рассказывает, как сумел накопить

столько богатства. «Всякий раз когда мои люди забирали кого-нибудь в полон, то расспрашивали честью, где, по каким монастырям, церквам или подворьям можно было бы забрать денег и добра, и особенно добрых коней. Если же взятый в плен не хотел добром отвечать, то они пытали его, пока он не признавался. Так добывали они мне деньги и добро» (Записки Штадена).

Псков потерял сравнительно менее; но и то, что он вынес, было ужасно: половина города разграблена; захвачена церковная казна, большие колокола; зато убийств, кажется, не было. Царя остановил один юродивый по имени Николай Салос — а юродивые считались на положении полусвятых и провидцев — и предрек ему беду в случае, если он не уйдет обратно. Напуганный предвещанием Грозный послушался и оставил псковичей в покое.

3. Брожение, вызванное опричниной и казнями. Беспощадное истребление боярства, сплошные насилия и бесчинства опричников неизбежно должны были вызвать реакцию. Население в отчаянии хваталось за оружие, как это было во время Новгородского разгрома; оборонялось, а где могло, то и нападало на насильников, в свою очередь убивало и замучивало их. Невольно возникали сомнения, возможно ли будет в серьезные, решительные моменты, например, во время войны, вполне положиться на поведение народной массы. Разгром Новгорода и непосредственно вслед за ним следовавшее нашествие Девлет-Гирея особенно обострили отношения. Опричнина стала столь ненавистной, что Иван увидал себя вынужденным если не вовсе уничтожить ее, то дать ей иное название, переименовать ее в двор (1573). Человек крайностей, действовавший обычно под влиянием минуты и настроений, Иван пошел еще дальше: под угрозой наказания кнутом он запретил произносить даже самое имя «опричнина». Нуждаясь в земских силах для обороны от крымских татар, он старался задобрить их: грабежи и насилия были приостановлены, денежные претензии и долговые расписки пересмотрены, и если оказывалось, что опричник выплачивал не полную сумму своего долга (как это обыкновенно бывало) или требовал возврата свыше того, что сам ссудил, то в первом случае его обязывали доплатить остальное, а во втором — удовольствоваться размерами действительной ссуды. Однако самым главным действием Ивана было — возврат прежним владельцам отобранных у них поместий и вотчин. В каких размерах произведен был этот возврат, сказать трудно. Едва ли, однако, особенно в больших. «Все земские, кто только

оставался в живых, получили свои вотчины, ограбленные и запустошенные опричниками»; последним взамен были розданы другие поместья (Штаден). Террор уже успел загубить большинство бояр, и наследники в категорию «счастливец», по-видимому, не попали: земли возвращались лишь тем из прежних владельцев, кто пережил бурные годы несчастья.

Во всяком случае и такая мера, даже в суженном виде, была большой уступкой со стороны Грозного, молчаливым признанием своих прежних ошибок. А до какой степени натянулась струна, можно судить по тому, что нашествие Девлет-Гирея на Москву не обошлось без измены: крымского царя навели на Русскую землю сами же русские, и в числе их замешано было имя первостепенного боярина Ивана Федоровича Мстиславского.

Теперь, в последние годы жизни, измена не только чудится Ивану: своим поведением он выходил первые ростки ее; теперь, может быть, с гораздо большим основанием он видит ее повсюду и не доверяет никому. На всякий случай он стал искать себе убежища в Англии и переписывался по этому поводу с королевой Елизаветой.

Опричнина как-то заглохла; казни становились реже; но тревога и опасения за себя не покидали царя до самой его смерти.

4. Как восприняла народная мудрость поступки Ивана Грозного. Народная память простила Ивану его изуверства и жестокие казни, признав в них необходимую меру покорения боярской измены. Масса народная почувствовала, что в сильной самодержавной власти она найдет своим интересам гораздо более верную защиту, чем среди привилегированного эгоистического боярства. Былина на один уровень ставит три деяния, которыми Иван, по ее мнению, может гордиться: коронование царским венцом, завоевание Казани и искоренение измены. Устами царя она говорит:

Уж как мне-то можно похвалиться:
Вынес я порфиру из Царя-града,
Взял Казань-город и славну Астрахань,
Вывел я туман из-за синя моря,
Вывел я изменушку из Нбва-города,
Вывел я из Пскова, из каменной Москвы!

¹ См. Приложения. № 12: «Казни и насилия Ивана Грозного».

ЖЕНЫ ИВАНА ГРОЗНОГО

1. Анастасия Юрьева-Захарьина (1547—1560).
2. Мария Темрюковна, княжна кабардинская (1561—1569).
3. Мария Собакина, купеческая дочь (новгородского гостя) (1571).
4. Анна Колтовская (1572—1575). Пострижена.
5. Анна Васильчикова (1575). Пострижена.
6. Василиса Мелентьева, вдова (1575).
7. Мария Нагая (1580).

Примечание. Васильчикова и Мелентьева венчаны не были; над ними лишь читалась молитва; титула царицы они не носили — поэтому иные число жен Ивана Грозного ограничивают пятью.

ЭПОХА ИВАНА ГРОЗНОГО. СВЯЗЬ С ПРОШЛЫМ И ПОСЛЕДУЮЩИМ ВРЕМЕНЕМ

Внес ли Иван Грозный своей деятельностью что-либо новое в русскую жизнь? Стоит ли он особняком в ряду своих предшественников и преемников или Московское государство в его время жило и держалось теми же устоями, руководилось теми же заветами, как и непосредственно перед этим? При Иване III и Василии III многое изменилось и по внешности, и по существу — внесло ли, в свою очередь, какую-нибудь крупную перемену также и царствование Ивана IV?

Если непременно делать выбор, то первого русского царя придется зачислить к старине, к прошлой эпохе, никак не к новой поре. Основная деятельность Грозного сводится к тому, что он продолжал работу своего отца и деда, но на эту работу он наложил такой яркий, индивидуальный отпечаток, сама работа велась в таких крупных, прямо грандиозных размерах, что эти две особенности наложили на его царствование особую окраску и создали на первый взгляд впечатление, будто мы имеем дело с чем-то совершенно новым, отличным от прежнего. В действительности же Иван IV работал не только с помощью средств, приготовленных ему его предшественниками, но и в направлении, указанном и сложившемся прежде него. В деятельности Ивана было и новое, но оно органически связано

со старым — отсюда жизненность и устойчивость того, что было им сделано.

А. В области внутренней политики

1. Царский титул вырос на почве идей, начавших складываться еще в конце XV ст. и получивших свое литературное выражение еще при Василии III.

2. Борьба с боярством есть завершение длительного, начатого еще с середины XV ст., и даже раньше, процесса превращения вольных слуг в слуг подвластных, в подданных.

3. Судебник Ивана IV, по существу, есть лишь новое исправленное издание Судебника Ивана III.

4. Созыв Стоглавого собора имел целью обновить Русскую церковь и очистить ее от вкоренившихся недостатков, признанных еще до Ивана IV.

5. Канонизация русских святых на двух соборах, 1547 и 1549 гг., скрепляя единство Русской церкви, положила новую скрепу и для единения политического, в духе объединительной работы предшествующих поколений.

6. Литературные труды, составленные или задуманные в светлую пору царствования Грозного, явились продолжением прежде начатых (Макарьевские Четьи-Минеи; летописные своды) или вообще выросли из круга идей прежнего времени (Домострой).

Б. В области внешней политики

7. Дорога к Казани показана была давно, еще Иваном III и Василием III. Русские люди давно уже прониклись сознанием необходимости наложить руку на это полуразбойничье гнездо, и самый восторг, с каким встретила Россия победу своего царя, служит лучшим свидетельством настоятельной и неотложной необходимости покончить возможно скорее с этим большим вопросом.

8. Оживленные сношения с Англией были тоже лишь дальнейшим развитием сношений с Западной Европой, начатых еще с конца XV ст. Превратившись в самостоятельное государство, Россия тем самым неизбежно выступала на дорогу международных сношений. Первым выступил Иван III, Иван же IV шел вслед за ним и за отцом.

9. Ливонская война, при всей новизне дела, идейно была подведена под старые формулы; подобно деду, предъявлявшему права на Киев и Смоленск как на свою «отчину», Грозный

тоже оправдывал свою войну правами на Юрьев Ливонский, Как основанный Ярославом Мудрым и потому составляющий его родовое наследие.

Недаром, однако, старина Ивана так отзывается о новизне: размеры того, что он сделал или задумал, зачастую совершенно заслоняют работу его ближайших предшественников — работу, в которой нет ничего показного и которая велась осторожно, рассчитанно, спокойно-уверенно, можно сказать, втихомолку, в противность работе Грозного, всегда более или менее шумной и крикливой.

1. Царский титул. Принятие царского титула само по себе было явлением настолько громким, внушительным, что неизбежно оставило далеко за собой робкие, случайные попытки отца и деда именоваться царями. Завершая дело предков, Иван в то же время кладет известное начало, вводит в жизнь новые формы, которые потом срastутся с ней и сохраняют свою жизненность в течение всей последующей истории России (1547—1917).

2. Борьба с боярством. В борьбу с боярством и княжатами Иван внес много ненужной страсти, дойдя до пределов безумия и изуверства, превратил ее из государственной меры, необходимой и полезной, в личную драму и в трагедию целого сословия. Таких ужасов, свидетелями которых сделал Грозный своих подданных, Россия не видала, может быть, со времен Батыея, если только вообще когда видала подобное, и, безусловно, никогда от своих государей — в этом, несомненно, новая и неизгладимая черта.

3. Восток. На Востоке Россия из прежней обороны переходит в наступление — явление тоже новое.

4. Запад. Еще ярче «новое» сказалось на западных границах: Россия втянулась в распри с Польшей и Швецией: война за Ливонию создала для нее новый, ранее не существовавший, Балтийский вопрос и участие в международной жизни.

5. Идея государственности. Государственность заметно сказывается в деятельности Ивана III и его сына; но только эпоха Ивана Грозного, с самим царем во главе, восприняла эту идею во всем ее объеме и с полным сознанием стала проводить ее в жизнь. Остатки удельного, негосударственного строя, правда, еще сохранились (угличский «удел» царевича Дмитрия), но это именно остатки: жалкие, явно обреченные на скорую смерть; с ними даже не борются: они вымирают сами собой. Государственное начало отныне царит и будет царить надо всем. Под его знаменем начал строиться и весь уклад общественной

жизни; умственные запросы общества, его духовные интересы — на всем лежит отпечаток основной руководящей мысли — политического объединения. Этот мотив, как всепроникающее начало, впервые с надлежащей отчетливостью сказался лишь с Ивана Грозного. Религия и политика, общественный и семейный быт, литература, искусство и правовые отношения — на всем отразилось мощное влияние того знаменательного процесса, который разрозненные части Северо-Востока превратил в единое целое и местный провинциализм заменил единым и общим для всех государством. Духом объединения и централизации проникнуты:

1) канонизация и составление житий русских святых (1547, 1549): замена местного почитания святых повсеместным, признание новых святых с первого же момента их канонизации всей русской церковью;

2) Макарьевские Четьи-Минеи — свод литературного богатства, рассеянного по отдельным частям Русской земли, во единое целое;

3) замена Судебника 1497 г. Судебником 1550 г., во имя создания юридических норм, одинаковых для всего Московского государства;

4) Стоглавый собор 1551 г. и его заботы об исправлении недочетов общерусского общественного строя;

5) земские соборы, говорившие от имени всей Русской земли на основе общерусских интересов, поглотивших в себя прежние интересы местные, удельные;

6) домострой с его идеалом семейного уклада и сильной авторитетной власти отца и домохозяина — этой, в своем роде, уменьшенной копии московского государя, тоже отца обширной семьи, тоже хозяина большого Русского Дома, построенного тяжелыми трудами предыдущих поколений;

7) Василий Блаженный. Присутствие восточных мотивов в этом замечательном архитектурном памятнике русского национального творчества позволяет видеть в нем символическое столкновение двух миров: христианского и мусульманского; недаром и самый храм построен в память торжества православной Москвы над азиатской Казанью. И не одно торжество Креста над Полумесяцем: многокрасочные малые купола прилепились к центральному большому. Здесь выступает уже другой символ: великий центр Москва, вокруг которой «слепились» бывшие удельные княжества и покоренные земли, еще не окончательно забытые, еще сохраняемые в царском титуле, но уже

неразрывно связанные с ней и поглощенные ею» (Никольский Н. М.).¹

ЛИТЕРАТУРА

Оглавление: I. Общая история России. — II. Иван Грозный как человек и государь. — III. Современники Грозного. — IV. Дела внутренние: 1. Соборы 1547 и 1549 гг. — 2. Местничество. — 3. Стоглав. — 4. Управление. — 5. Служилые люди. — 6. Опричнина. — 7. Колонизация. — V. Дела внешние.

I. Восемь сочинений по общей истории России: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. VIII и IX; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. VI и VII; *Бестужев-Рюмин К. Н.* Т. II; *Костомаров Н. И.* РИ, главы XVIII—XXI; *Иловайский Д. И.* История России. Т. III; *"Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций. Т. II; *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. Курс лекций; *Любавский М. К.* Древняя российская история до конца XVI в.

И. ИВАН ГРОЗНЫЙ КАК ЧЕЛОВЕК И ГОСУДАРЬ

Вышеуказанные восемь сочинений; *Щербатов М. М.* История Российская с древнейших времен. Т. V. Ч. III; *Погодин А. Л.*: 1) О характере Ивана Грозного. Историко-критические отрывки. М., 1846; 2-е изд. М., 1867. 2) Царь Иван Васильевич. Архив истории и практические сведения. 1859; *Полевой Н. О.* История русского народа. Т. VI, 344—359; *Белинский В. Г.* в 1836 г., довольно сходно с позднейшей оценкой Соловьева С. М. и Кавелина К. Д. Сочинения. 1859. Т. II, 214—218; *Самарин Ю. Ф.* Стефан Яворский и Феофан Прокопович. М., 1843; *Он же.* Переписка. Сочинения. Т. V (1880). С. 205—206; *Соловьев С. М.* История отношений между князьями Рюрикова дома. М., 1847, поел, глава; *Кавелин К. Д.* Взгляд на юридический быт России // Современник. 1847; *Он же.* Сочинения, изд. 1859 и 1897 гг.; *Аксаков К. С.* Полное собрание сочинений. Т. I (1861). С. 167—168; изд. 2-е (1889). С. 162—164; *Костомаров Н. И.* О значении критических трудов К. Аксакова.

¹ См. Приложения. № 13: «Иван Грозный. Суд истории».

СПб., 1861; *Кавелин К. Д.* Мысли и заметки по русской истории // Вестник Европы. 1867. II; Собрание его сочинений.

Бестужев-Рюмин К. Н. Несколько слов по поводу поэтических воспроизведений характера Ивана Грозного // Заря. 1871. № 3; *Костомаров Н. И.* Личность царя Ивана Васильевича Грозного // Вестник Европы. 1871, октябрь; перепечатано в Собрании его сочинений. Т. XIII; *Жданов И. Н.* Материалы для истории Стоглавого собора. ЖМНП. 1876, июль, август, и Сочинения. Т. I (1904), 204—214; *Белов Е. А.* Об историческом значении русского боярства до конца XVII в. // ЖМНП. 1886. № 1, 2 и отд. СПб., 1886; *Он же.* Предварительные замечания к истории царствования Иоанна Грозного // ЖМНП. 1891. № 2; *Н. Н. Фирсов.* Царь Иван Васильевич Грозный. Казань, 1892; *Бестужев-Рюмин К. Н.* Энциклопедический словарь Брок. и Ефр. Т. XIII (1894), 681—692; *Пытин А. Н.* История русской литературы. Т. II (1902). С. 154—155. Историческое значение Грозного; *Середонин С. М.* в Р. Б. словаре (1897). С. 219—271 (библ. — *Жданов И. Н.* Сочинения царя Ивана Васильевича («царь Иван Грозный как писатель»). Сочинения. Т. I. (1904). С. 155—170; *Романов Б. А.* в Новом Энциклопедическом словаре Брок. и Ефр. Т. XX. — *Waliszewski, Ivan le Terrible*, 5-eme ed; есть рус. перевод. М., 1911. — *W. Sobieski, Król a Car* («*Studja historyczne*» Lwow, 1912), 1—22: Сравнительная характеристика Ивана Грозного и Сигизмунда-Августа II.

Виппер Б. Р. Иван Грозный. М., 1922 (две рецензии: Готье в «Русском историческом журнале», № 8, и Пресняков А. Е.: Эпоха Грозного в общем историческом освещении // *Анналы*. № 2); *Платонов С. Ф.* Иван Грозный. Берлин, 1924.

Чистович Яков. Душевная болезнь царя Ивана IV Васильевича Грозного. Приложение к книге «История первых медицинских школ в России». СПб., 1883. С. LV—LX; *Ковалевский П.* Иоанн Грозный и его душевное состояние. Харьков, 1893; изд. 9-е, СПб., 1912.; *Глаголев Д.* Душевная болезнь Иоанна Грозного // Рус. архив, 1902. № 7.

Вейнберг П. Русские народные песни про Ивана Васильевича Грозного. Варшава, 1872; *Миллер Всев.* О некоторых песенных отголосках событий царствования Ивана Грозного // ЖМНП. 1913. № 7; *Шамбинаго С.* Песни-памфлеты XVI в. // Записки Московского Археологического института имени императора Николая П. Т. XXVIII. М., 1913. Второе дополненное и исправленное издание этого труда вышло под заглавием: Песни времени царя Ивана Грозного. Сергиев Посад, 1914.

В общедоступном изложении: *Соловьев Е. А.* Иван IV Грозный. Его жизнь и государственная деятельность. СПб., 1893 («Библиотека Павленкова»); *Кизеветтер А.* Иван Грозный и его оппоненты. М., 1898; *Князьков С.* Царь Иван Грозный и его время. Изд. 4-е. СПб., 1914; *Время царя Ивана Грозного, русская история в очерках и статьях.* Под ред. Довнар-Запольского. Т. II. Москва.

III. СОВРЕМЕННОКИ ГРОЗНОГО

А. Ф. Адашев

Четыре статьи Н. П. Лихачева: 1. Происхождение А. Ф. Адашева, любимца Ивана Грозного // Исторический Вестник. 1890, май; 2. Р. Б. словарь. Т. I. СПб., 1896; 3. Государев Родословец и род Адашевых // Летопись зап. Арх. Ком. Вып. XI (1903). Отдельным оттиском работа эта вышла на шесть лет раньше самой «Летописи»: СПб., 1897; 4. Государев Родословец и Бархатная Книга // Известия Русского Генеалогического Общества, вып. I. СПб., 1900.

Владимир Андреевич, князь Старицкий

Сербов в Р. Б. Словаре (библ.)

Князь Андрей Курбский

Более главное: *Иванишев.* Жизнь князя Курбского на Литве и на Волыни. В 2-х т. Киев, 1849; *Горский А. В.* Жизнь и историческое значение князя Курбского. Казань, 1858; *Опоков.* Князь А. М. Курбский. Киев, У нив. Изв. 1872 и отд. Курбский. 1872; *Петровский М.* Князь А. М. Курбский. Историко-библиографические заметки по поводу последнего издания его «Сказаний». Учреждение Западного Казанского университета, 1873, № 4 и отд.; *Ясинский А. Н.* Сочинения кн. Курбского как исторический источник. Киев. У нив. Изв., 1889, и отд.; *Ключевский В. О.* Боярская Дума. Гл. XIV; *Белов Е. А.* Об историческом значении русского боярства (см. выше); *Пыпин А. Н.* История русской литературы. Т. II, гл. IV; *Кирпичников* в Энциклопедическом словаре Брок. и Ефр., XVII и Новый Энциклопедический словарь, XXIII; *Корсакова В.* в Р. Б. словаре (библ. до 1903 г.); *Вальденберг.* Древнерусские учения о пределах царской власти. СПб., 1916. С. 318—321; *Соболев-*

ский А. И. Переводная литература. С. 419; См. еще Карамзин Н. М., Соловьев С. М., Костомаров Н. И., Бестужев-Рюмин К. Н., Иловайский Д. И., Ключевский В. О. (в общих курсах).

Митрополит Макарий

Лебедев в Чтениях Общ. Люб. Духов. Проев. 1877, ч. 2; 1878, ч. I; Заусцинский в ЖМНП. 1891, октябрь и ноябрь.

Иван Пересветов

Ржига В. Ф. И. С. Пересветов, публицист XVI в. (с приложением сборника его сочинений) // Чтения. 1908. Кн. I, и отд. М., 1908; *Он же.* Пересветов и западная культурно-историческая среда // Известия. Т. XVI (1911), кн. 3; *Яворский Ю. А.* К вопросу об Иване Пересветове. Чтения Общей Летописи Нестора, кн. XX, и отд. К., 1908; Две рецензии о Ржиге и Яворском: *Валинского* // ЖМНП, 1908, сентябрь, и *Щеглова С. Л.* там же 1911, март; *Щеглов С. Л.* К вопросу о сочинениях И. Пересветова // ЖМНП. 1911; *Кизеветтер А. И.* Пересветов. Сборник статей в честь П. Б. Струве. Прага, 1925; *Дьяконов М. А.* Очерки (1912). С. 412; *Милюков П. Н.* Очерки. Т. III, гл. 2-я; См. еще: Сочинения Пересветова. Чтения. 1902, IV (его челобитная) и Полное собрание русских летописей, XII, 108 (Сказание).

Поп Сильвестр (и Домострой)

Митрополит Макарий, Голубинский, Соловьев С. М.; *Некрасов.* Опыт историко-литературного исследования о происхождении др.-р. Домостроя // Чтения. 1873. III; и отд. М., 1873 (с обзором предшествовавшей литературы вопроса); Голохвастов и архим. Леонид. Благовещ. иерей С. и его писания. М., 1874 (Из Чтений. 1874, № 1); *Замысловский.* Сборник государственных знаний. Т. II (1875): полемика с архим. Леонидом; *Жданов М. Н.* Материалы для истории Стоглавого собора (см. выше); *Еп. Сергей (Соколов).* Московский Благовещенский священник Сергей как государственный деятель. М., 1891 (из Чтений).

Ключевский В. О. Два воспитания // Русская мысль. 1893. № 3 и «Опыты и Речи». М., 1913; *Пытин А. Н.* Итоги старого Московского царства // Вестник Европы. 1894, август и История русской литературы. Т. II, гл. V; *Кизеветтер А. А.* Основные тенденции др.-р. Домостроя // Русское богатство. 1896, январь и «Исторические очерки». М., 1912; *Орлов А.* Домострой по Московскому списку (и иным). Чтения, 1908, II; 1911, I (анализ

списков); *Вальденберг*. Др.-р. учения (см. выше). С. 291; *Орлов А.* Домострой. Исследование. Часть I. М., 1917; Русский Филолог // Вестник. 1916. № 1—4; *Соболевский А. И.* Поп Сильвестр И Домострой. Известия. 1929, кн. I.

Симеон Бекбулатович

Две работы Лилеева: 1. в Р. Б. словаре (библ.); 2. Симеон Бекбулатович как хан касимовский и князь всея Руси. Тверь, 1891.

Строгановы, именитые люди, основатели рода

Устрялов Н. Г. Строгановы именитые люди. СПб., 1842; *Сербов* в Р. Б. словаре; *Бахрушин С. В.* Очерки по истории колонизации Сибири (см. выше).

Митрополит Филипп

С. В. Рождественский в Р. Б. словаре (библ.); Митрополит *Макарий*. История Русской церкви. Т. VI; *Федотов Г. П.* Св. Филипп, митрополит Московский. Париж, 1928.

IV. ДЕЛА ВНУТРЕННИЕ

1. Соборы 1547 и 1549 гг.

Васильев В. История канонизации русских святых // Чтения. 1893, III и отд. М., 1893; *Голубинский Ф. А.* История канонизации святых в Русской церкви // Богословский Вестник. 1894, июнь—сентябрь; 2-е издание, исправ. и доп. // Чтения. 1903, I, и отд. М., 1903. См. также его ИРЦ.

2. Местничество

Литература до 1879 г. указана Маркевичем А. И., а до 1912 г. Дьяконовым М. А. (см. ниже).

Карамзин Н. М. (у Маркевича отмечены все относящиеся сюда места). *Погодин А. Л.* О местничестве. Ист.-крит. отрывки (1846); *Валуев Д. А.* Сибирский сборник. М., 1845; *Соловьев С. М.* О местничестве // Московский сборник 1847 г. и История России с древнейших времен. Т. VI—VIII; *Шпилевский*. Союз родственной защиты у других германцев и славян. Казань, 1866; *Леонтович*. Древний ойратский устав взысканий. Одесса, 1879; *Забелин И. Е.* Оплаты изучения р. древнего. Т. I (1872);

Костомаров Н. И. Начало единодержавия в древней Руси // Вестник Европы. 1870, декабрь; *Маркевич П. Н.* О местничестве. Одесса, 1879; *Он же.* История местничества в Московском государстве в XV—XVII в. Од., 1888; *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования. С. 676 след. (1883); *Ключевский В. О.* Боярская Дума, гл. IX, XIV, XV; *Павлов-Сильванский Н. П.* Государевы служилые люди. СПб., 1898. С. 72—92; *Милуков П. Н.* Очерки. Т. I. С. 168—171; *Садиков.* Из истории опричнины царя Ивана Грозного // «Дела и Дни». II, (1921); См. еще: *Сергеевич В. И.* Российские юридические древности. Т. I, *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор; *Дьяконов М. А.* Очерки. СПб., 1912.

3. Стоглав

Митрополит Платон. Краткая Российская церковная история. М., 1805; *Митрополит Филарет.* Беседы к глаголему старообрядцу // Христианское чтение. 1835. Т. II; *Архиепископ Филарет (Гумилевский).* Несколько слов о книге Стоглав // Москвитянин. 1845, № 12. История Русской церкви. Период третий, 5-е изд. М., 1888; *Еп. Иннокентий.* Начертание церковной истории. 1849; *Преосв. Макарий.* История русского раскола. СПб., 1855.

Беляев И. В. Об историческом значении деяний московского собора 1551 г. // Русская беседа. 1858. Кн. IV; *Добротворский.* Дополнительные объяснения к изданию Стоглава // Прав, собеседник. 1862, III; *Он же.* Каноническая ли книга Стоглав или неканоническая? Там же, 1863, ч. 1-я и 2-я; *Беляев И. Д.* Стоглав и наказные списки соборного уложения 1551 г. // Православное обозрение. 1863. Т. XI; *Калачов Н.,* в предисловии к изданным им «Правилам, постановленным на соборе 1551 г., 23 февраля». Архив историч. и практ. свед. Кн. V. СПб., 1863 («Правила» — это неполный текст Стоглава).

Преосв. Макарий. История Русской церкви. Т. VI (1870); *Жданов И. Е.* Материалы для истории Стоглавого собора // ЖМНП. 1876, № 7, 8; *Он же.* Церковно-земский собор 1551 г. Там же. 1880, № 2 (обе статьи перепеч. в «Сочинениях». Т. I. СПб., 1904); *Латкин В. Н.* Лекции по внешней истории русского права. СПб., 1880; *Лебедев Н.* Стоглавый собор, опыт изложения его внутренней истории // Чтения Моск. Общ. Люб. Дух. Пров. 1882, январь; *Еп. Сергей (Соколов).* Сильвестр как государственный деятель (см. выше); *Архиепископ Никанор.* Беседа о перстосложении для крестного знамения и благословения. СПб., 1890.

Л. И. (любитель истины?). Новооткрытый рукописный Стоглав XVI в. Его особенности и значение // Богосл. Вестник. 1899, август, сентябрь; *Голубинский Ф. А.* История Русской церкви. Т. II. Ч. 1 (1900) — 2 (1918); *Пылин А. Н.* Итоги старого Московского царства // Вестн. Европы. 1894, август; *Дьяконов М. А.* в Энциклопедическом словаре Брок. и Ефр. XXXI (1901); *Кононов.* Разбор некоторых вопросов, касающихся Стоглава (реферат) // Богосл. вестник. 1904, апрель; *Шпаков В. О.* Стоглав (к вопросу об официальном или неофициальном происхождении этого памятника). Сборник статей в честь Владимирского-Буданова М. Ф. Киев, 1904 // *Бочкарев.* Стоглав и история собора 1551 г. Историко-канонический очерк. Юхнов, 1906, с указанием литературы (труд не законченный и покинутый, по-видимому, задолго до того, как приступили к его напечатанию); Рецензия на эту книгу Н. Суворова в ЖМНП. 1907, март; *Громогласов.* Новая попытка решить старый вопрос о происхождении Стоглава // Миссионерский сборник. 1905, № 1 и 2 (против Кононова, доказывающего, что Наказные списки к приходскому духовенству не извлечение из Стоглава, а сами вошли в состав Стоглава); *Свящ. Дм. Стефанович.* О Стоглаве. Его происхождение, редакция и состав. К истории памятников древнерусского церковного права. СПб., 1909 (более подробные указания на литературу предмета см. в этой последней книге. См. также «Курсы церковного права» Н. С. Суворова, 1899 и А. С. Павлова, 1902); *G. Ostrogorsky.* Les decisions du Stoglave concernant la peinture d'images et les principes de l'iconographie byzantine Premier Recueil dedie a la memoire de Th. Uspensky. II. Paris, 1930.

4. Управление

Сергеевич В. И., Владимирский-Буданов М. Ф., Дьяконов М. А., Филиппов, Загоскин Н. П.; *Ключевский В. О.* Боярская Дума; *Градовский А. Д.* История местного управления в России. СПб., 1868 (первоначально в ЖМНП) и Собрание сочинений. Т. III. СПб., 1899; *Кизеветтер А. А.* Местное самоуправление в России. IX—XIX. Исторический очерк. М., 1890, изд. 2-е СПб., 1917; *Дьяконов М. А.* Дополнительные сведения о реформах Ивана Грозного // ЖМНП. 1894, апрель; *Платонов С. Ф.* Речи Грозного на Земском соборе 1550 г. // ЖМНП. 1900, март и «Статьи по русской истории», изд. 2-е СПб., 1912. *Васенко.* Хрущевский список Степенной книги и известие о Земском соборе 1550 г. // ЖМНП. 1903, апрель.

5. Служилые люди

Загоскин Н. 27. Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси. Казань, 1877; *Белов Е. А.* Об историческом значении русского боярства (см. выше); *С. В. Рождественский.* Служилое сословие в Московском государстве. СПб., 1897; *Сергеевич В. И.* Вольные и невольные слуги московских государей // Наблюдатель. 1882, № 1 и 2; *Павлов-Сильванский Н.* 27. Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства. СПб., 1898; изд. 2-е. СПб., 1909; *Лихачев Н.* 27. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888; *Руммель В.* Несколько слов о Бархатной книге и о печатном ее издании // Известия Русского Генеалогического Общества. Т. I (1900); *Богоявленский С. К.* Войско в Москве в XVI и XVII вв. «Москва в ее прошлом и настоящем», ч. 2. II, 62—84; *Готье Ю.* Очерк истории землевладения в России. Сергиев Посад, 1915, § 18 и 19: «Поместная система», «Вотчинное землевладение в XVI в. и опричина».

6. Опричина

Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IX, гл. II; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Гл. IV; *Аксаков К. С.* Полное собрание сочинений. Т. I (1889). 153—154; *Бестужев-Рюмин К. Н.* РИ, II, 266; *Костомаров Н. И.* РИ, гл. XX; *Иловайский Д. И.* История России. Т. III, гл. VII; *Белов Е. А.* Об историческом значении русского боярства // ЖМНП. 1886, № 1, 2; *Ключевский В. О.* Боярская Дума, гл. XVI; *Середонин.* Сочинение Джильса Флетчера «Othe Russe Common Wealth* как исторический источник. СПб., 1891 (Записки ист.-фил. фак. СПб. ун-та, XXVII); *Милюков П. Н.* Очерки. Т. I; *Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве. СПб., 1897 (возражения ему: Середонин, ЖМНП. 1897, май, и *Сергеевич В. И.*, Северный Вестник, 1897, декабрь); *Платонов С. Ф.* Очерки Смуты. СПб., 1899 (рец. Иконникова В. С. в ЖМНП, 1899); *Ключевский В. О.* Курс. Т. II (1906). Т. XXIX; *Сухотин Л. М.* К вопросу об опричнине. ЖМНП. 1911, ноябрь; *Любавский М. К.* Древняя Российская история до конца XVI в. (1918), гл. XX; *Садилов.* Из истории опричнины царя Ивана Грозного // Дела и Дни, кн. 2-я (1921); *Виппер Б. Р.* Иван Грозный. М., 1922; *Платонов С. Ф.* Иван Грозный. Берлин, 1924. *Садилов.* Царь и опричник. Иван Грозный, В. Грязной и их переписка // Века. I (1924); *Сухотин Л. М.* К пересмотру вопроса об опричнине //

Записки Рус. Науч. Института в Белграде. Вып. 5 (1931); *Кизеветтер А. А.* Опричнина Ивана Грозного в русской историографии // Сборник Русского Института в Праге, II (1931).

7. Колонизация

Перетяткович. Поволжье в XV и XVI вв. (Очерки из истории края и его колонизации). М., 1877; *Багaley Д. И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887 (Чтения. 1886, кн. 2 и 4; 1887, кн. 1); *Милоков.* Колонизация. Энциклопедический словарь Брок. и Ефр., т. XV; *Он же.* Очерки. Т. I; *Евреинов Б.* Борьба Москвы с восточными инородцами в бассейне Волги и Камы. Записки Рус. Историч. Общ. в Праге, кн. 1 (1927); *Бахрушин С. В.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927 (на обложке: 1928).

V. ДЕЛА ВНЕШНИЕ (ВОЕННЫЕ)

Костомаров Н. И. Ливонская война. Монографии. Т. III; *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII вв. СПб., 1893; *Лихачев Н. П.* Дело о приезде А. Поссевина. Летопись зап. Арх. комис. Вып. XI (1903); *Новодворский.* Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой 1570—1580. СПб., 1904; *A. Szeitagowski.* Walka o Baltyk (1544—1621). Lwow, 1904 (см. еще Lwow, 1921); на первом плане Польша и Швеция; Москве уделено гораздо менее места; *A. Sliwinski.* Stefan Batory. Warszawa, 1922 (общедоступное изложение в героических тонах); *W. Zakrzewski:* 1) Stosunki Stolicy Apostolskiej z Iwanem Groznym, carem i w. ksiciem Moskiewskim. Krakow, 1873; 2) Stefan Batory. Przegląd historyi jego panowania i program dalszych nad nia badan. Krakow, 1887; *B. Boratynski.* Stefan Batory i plan ligi przeciw Turkom. Rozprawy Akad. um. f. XLIV (1903). *Pierling.* La Russie et le Saint-Siege, vol. I—II.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СОЗДАНИЕ САМОДЕРЖАВНОЙ МОНАРХИИ (1462—1613)

III. МОСКОВСКОЕ САМОДЕРЖАВИЕ

Двойное значение термина «самодержец»

Московское самодержавие росло в двух направлениях: в сознании политической независимости государства от других государств и в сознании полновластия государя в пределах своего государства. Оба эти самодержавия росли параллельно, но первое, самодержавие государя, политически независимого, определилось и выявилось раньше второго, самодержавия государя: раньше права распоряжаться судьбами своей страны и своих подданных, и это прежде всего потому, что оно было бесспорнее и очевидней. Самодержавие государства означало, что Русская земля не состоит ни под чьим игом, ни в чьем подданстве, никому не платит дани, свободна в своих действиях, и что ее государь такой же свободный, равный по месту другим свободным независимым государям. Самодержавие государства явилось следствием падения татарского ига, было фактом несомненным, очевидным и потому тогда же нашло себе соответствующую форму в титулах «царь» и «самодержец», которыми Иван III и его сын пользовались в своих внешних сношениях.

Не то самодержавие государя: хотя фактом было и оно, но для многих еще спорным, еще не получившим всеобщей санкции. Самодержавие государя, при всей его наличности, еще не вошло в плоть и кровь сознания народного; Иван III и его сын сознательно избегали подчеркивать его и пользоваться титулом «самодержца» в этом значении, и лишь в устах Ивана Грозного указанный термин начнет обозначать также и государя с абсолютной властью, ничем и никем не стесненной, над своим народом.

I. САМОДЕРЖАВИЕ ГОСУДАРСТВА

Идея политической независимости, выросшая еще в Киевский период, в сущности никогда не умирала в сознании народном; подавленная в эпоху татарского ига, она теперь, после освобождения от татар и (одновременно) с прекращением восточного порядка, когда выросло государство как самодовлеющая величина, — возродилась с прежней силой. Сами обстоятельства благоприятствовали тому.

А. Обстановка политическая

Брак Ивана III с Софьей Палеолог сыграл немалую роль в развитии идеи самодержавного государства: византийская принцесса принесла с собой в Москву державные права на византийский престол, и Иван, став ее мужем, перенес на себя эти права. Признание за собой этих прав он получил тогда же со стороны. В 1473 г. Венецианская республика указывала Ивану, что в случае прекращения династии Палеологов все права на византийский престол, по браку с Софьей, переходят к нему. Правда, указание это Венецию ни к чему не обязывало и реальной ценности никакой не имело, тем более что для московского государя в нем не было ничего нового; но то, что он и без того хорошо знал, получило подтверждение, на которое при случае можно было сослаться. Хорошо знал Иван и другое: что права эти весьма оспоримы, но важна была идея, возможность толковать их в свою пользу. А став в положение наследника византийских императоров, московский князь тем самым повышал и свое государство на высоту еще небывалую.

Международные отношения. В том же духе и направлении воспитывала Москву и начавшаяся для нее международная жизнь, новые возможности, раскрывшиеся перед ней: притязания на Зарубежную Русь; задачи, выросшие на восточной и южной окраине (Казань, Крым); сношения с западноевропейскими государствами. Политическая независимость Московского княжества с чьей бы то ни было посторонней, чужеземной воли была фактом столь радостным, такой огромной важности, что его подчеркивали с понятным чувством гордости: Русская земля сама держится!

¹ См. Приложения. № 14: «С какой поры можно начинать непрерывную историю русского национального самосознания?»

Идея политической независимости нашла тогда же и свое выражение: в дипломатических бумагах стали писать более торжественным языком, ввели пышное титулование великого князя, а самого князя величать царем и самодержцем. Так писался Иван III в официальных сношениях своих с орденами Ливонским и Тевтонским, с городами Ревелем, Любеком. Сын его, Василий III, раздвинул этот круг: ввел в него германского императора, папу, Данию и (по словам Герберштейна, также) Швецию. Эти два новых титула стали при нем появляться и в делах внутреннего управления.

Примечание. Царь есть сокращенная форма слова Caesar, цесарь, или, как писали в старину, цьсарь. Сравн.: 1) Остромирово евангелие, слова молитвы Господней: «да придет цьсарствие Твое»; 2) Саввина книга, XI в.: «въздадите убо царева цареви», вместо нынешнего: «воздадите убо кесарева кесареви». Слово самодержец — перевод греческого сштократор (титул византийского императора).

Царский титул. Усваивать его московским князьям начали задолго до Ивана Грозного. Симеон Суздальский, бывший на Флорентийском соборе и описавший поездку туда митрополита Исидора, влагает в уста греческому императору, как мотивировку его просьбы подождать с открытием собора приезда московского митрополита, такие слова: «яко восточнии земли суть Рустии и большее есть православие и высшее христианство белые Руссии, и брат мой, Василий Васильевич, ему же восточные цари прислухают и великие князи со землями служат ему. Но смирения ради благочестия, величества разума и благоверия, не зовется царем, но князем великим русским, своих земель православия». Вообще в литературных произведениях, в письменных обращениях именованье московского государя царем становится почти обыденным. Он — «великий русских стран хрестьянский царь», «богоутвержденный», «пресветлейший, преславный государь» (послание Вассиана Ивану III на Угру). «Слово избранно», в своем обращении к Василию Темному, «в царех новому Константину», постоянно величает его «боговенчанным царем». Для митрополита Зосимы Иван III тоже «новый царь Константин», «русский царь» (послание в Пермь). При Василии III титул царя начинает появляться и в богослужебных книгах; царем величают его греки, как «домашние» — Максим Грек, так и с дальнего Востока: игумен Синайской горы, патриархи Александрийский, Константино-

польский; опальный вельможа в послании к новгородскому архиепископу Макарию, значит, задолго еще до коронования Ивана Грозного, называет его «царем всея Руси», пишет о «царской» милости, о «царской» опале, о «царских» дарах (Малинин, 549—553). Василий III чеканил монету с царским титулом (Жданов, 14).

Таким образом, представление о московском государе как о царе постепенно, но неуклонно внедрялось в сознание общественное, и потому коронование Грозного в 1547 г. царским венцом ничего нового, неожиданного не вносило, тем более что тому имелись уже прецеденты: коронование Дмитрия в 1498 г. Сохранилось известие (правда, занесенное не в летописи, а в один из хронографов), что по смерти отца был коронован и Василий III, с возложением на него животворящего креста, порфиры, виссона, золотой гривны и венца Мономаха.¹ Таким образом, принятие Иваном IV царского титула лишь закрепляло существующий факт, превращало его из явления случайного, юридически неоформленного в постоянное и устойчивое, освященное «Божиею милостью». Как всегда и во всем консервативная Москва и в данном случае действовала² «по старине», тщательно избегая нелюбимых ею «новшеств».

Примечание. Консерватизм Москвы был, однако, особого рода.

Зачастую действуя «революционно», самые формы революционные она отвергала и сущность дела старалась облечь в формы старины и обычая. В применении к этой «старине», время в Москве измерялось на свой особый лад: когда это было нужно и выгодно, под понятие «старины» нередко подводились явления еще очень и очень свежей даты. Так, например, поступило в 1447 г. русское духовенство, отставив интересы Василия Темного в борьбе его с двоюродными братьями: сравнительно недавно установившийся порядок преемства великокняжеского стола от отца к сыну оно не смущаясь признало в своей окружной соборной грамоте «земской изначала пошлиной», притязания же Юрия Дмитриевича, дяди великого князя, опиравшегося на действительно издавний родовой обычай преемства от отца к старшему дяде, — уподобило «сатанинскому внушению, греху праотца

¹ См. Приложения. № 15: «Был ли коронован Василий III?»

² См. Приложения. № 16: «Как состоялось признание Константинопольской церковью царского титула за Иваном Грозным?»

Адама, пожелавшего сравняться с божеством». Столь же своеобразно понимал старину и сам Василий И. Закрывая глаза на то, как на протяжении всей предшествующей истории митрополиты на Руси ставились по избранию константинопольского патриарха, по назначению и воле греческого императора, он объявлял избрание и принятие митрополита правом «прародителей наших великих князей русских», «стариной», и ее начало возводил ко временам Владимира Святого. «Кто нам будет люб, тот и будет митрополитом на Руси», — добавлял он. Трудно сказать, чего в заявлениях подобного рода больше: эгоизма, субъективного увлечения, пренебрежения к исторической правде или бессознательного восприятия исторического права бесцеремонно топтать старину, которая, хотя и доживала свой век, бесспорно, была, действительно, старая, давняя.

Так, еще при Василии II недавнее прошлое уже приобретает характер давности; тем естественнее было установиться такому на него взгляду при преемниках Темного, в XVI ст.: для них прошлое, действительно, уже отодвинулось далеко вглубь и — что самое главное — освящено было временем.

Б. Обстановка религиозная

Эта идея политического самодержавия, независимости государственной нашла себе мощную опору также и в религиозных представлениях русских людей того времени. Право на политическую независимость своего государства они черпали не только в наличии реальных сил, не только в резкой перемене, наглядно отмежевавшей Москву Дмитрия Донского, Василия I от Москвы новейших времен, но и в сознании, что с той поры, как несчастные единоверцы — сербы, болгары и греки очутились под нечестивой пятой мусульман, Русская земля осталась единственной страной, где православие, это истинное христианство, еще сохранилось во всей чистоте и нерушимости. Родиться такой мысли и окрепнуть было вполне естественно. Флорентийская уния нанесла авторитету греков, до сей поры, казалось, незыблемому, непоправимый удар на Руси. Здесь она была воспринята как явная измена их православию. Зато тем ярче на фоне этой «богомерзкой ереси» обрисовался благочестивый отпор, данный Василием Темным «злонравному» Исидору: московский князь сразу вырос в защитника веры, в твердую опору ее, давал основание горделиво думать: «Если пошатнулась

вера в греческой земле, зато она сияет прежним светом на Руси!» В глазах современников Москва выростала в хранительницу православия и становилась тем стягом, под которым могли доверчиво собраться все вообще православные люди, не одна только Русь.

В таком виде, например, представлялась Москва и ее благочестивый государь «священноиноку Симону Суздальскому», который ездил в числе Исидоровой свиты во Флоренцию и был свидетелем тамошних переговоров и постановлений. Вот каким восхвалением Василия Темного заканчивает он свою «Повесть».

«Радуйся, благоверный княже Василие всея Русские земли утверждение, а православней вере прославление, и всем богобоязненным радость. Радуйся, православный княже Василие, всеми венцы сукарася православные веры греческие, и с тобою радуются вси православнии князи русти похвалою и радостию духовною своея веры нерушимо твоим утверждением, и прославися имя твое во всех землях и в латынстве и до самого Рима прославися... и ветхого закона наказателя; злонравного Исидора гардинала претворного легата, бывшего митрополита Руския земля, изгна от божественный святыя соборныя церкви пречистыя Богородицы честного и славного ее суспения московские, где лежит божественная пища, чудотворное тело святого чудотворца Петра митрополита всей Руси, иже святыми своими молитвами от своего гроба своим животворным телом вразуми ти и положеный ти венец на главе твоей истинные православный веры сукрепи ти, но и самому тому греческому царю, отступнику света благочестия и омрачившуся тьмой латынские ереси, твое же отечество, княже Василие, Русские земли просветися светом благочестия» (Малинин, 113, 114).

Народной мысли естественно было работать в таком направлении: православным царем до сей поры был греческий император; изменив правой вере, он терял нравственное право на Царский титул. Составленное в ту пору «Слово, избрано от святых писаний, еже на латыню, и сказание о составлении осмаго собора латыньского» с негодованием отзывалось об императоре, который из «делателя благочестия» превратился в «сеятеля злочестия» и который, раньше будучи осеняем Духом Святым, теперь преступил закон семи вселенских соборов и тем навлек на себя клятву. Какой же он после этого покровитель православной церкви?! И насколько иначе вел себя великий

князь московский! «Подражатель святых апостолов», «в царях новый Константин», «великий державный боговенчанный русский царь»!

Примечание. «Слово», напечатанное Поповым. Историко-литературный обзор др.-р. полем, сочинений. М., 1875. Оценка дал А. Павлов. Критические опыты по истории древней греко-русской полемики против латынян. СПб., 1878. См. *Малинин*. Старец Филофей, 476—480.

Исторической роли византийского императора пришел свой конец; на смену ему выступил со своими притязаниями московский великий князь. Пройдет немного времени, и он открыто предъявит свои притязания на наследство, оставленное ромейским царством.

II. САМОДЕРЖАВИЕ ГОСУДАРЯ

Став самодержцем в отношении иноземных государей, московский князь постепенно вырос в самодержца и по отношению к населению своей страны. Вчерашний князь-вотчинник, он, став государем, не перестал и сегодня быть властелином своей земли, ставшей государством. Власть его над землей слилась нераздельно с властью над населением; последняя теперь даже усилилась по сравнению с прежним, так как получила моральное оправдание в интересах целого, т. е. самого населения. Подчинение всех одному сравняло классы населения в положении подданства. Так стало вырастать самодержавие московских князей. А сбросив татарское иго, освободив московский «улус» от подчинения Золотой Орде, великий князь стал теперь сам властелином этого улуса и перенес на себя прежнюю над ним неограниченную власть ханов татарских.

Помимо того, самодержавие росло и крепло, найдя себе ценного союзника и авторитетную опору в учении православной церкви. Русское духовенство, воспитанное на византийских идеалах, к тому же в течение первых веков вплоть до середины XV руководимое митрополитами, обыкновенно выбираемыми из греков, неукоснительно проводило мысль о богоустановленности власти и вытекающей отсюда обязанности беспрекословного ей повиновения. Правда, учение это прививалось туго и входило в сознание русского общества медленно; но чем очевиднее становилось зло княжеских междоусобиц, чем более

крепля реальные силы московских князей, тем более оправдания и признания среди русских людей находила мысль, положенная в основу этого учения.

1. Богоустановленность власти. Вот несколько примеров.

1) Епископы, присланные из Греции, говорят Владимиру Св.: «Ты поставлен еси от Бога на казнь злым, а добрым на милованье» (Лавр. лет.).

2) Рассказывая про убийство Андрея Боголюбского, летописец вспоминает слова ап. Павла: «И паки Павел апостол глаголет: всяка душа властелем повинуется, власти бо от Бога учинени суть» (Лавр. лет.).

3) Составитель жития Александра Невского: сам Бог поставил его князем над Русской землей («по истину без Божия повеления не бе княжение его»; Новг. лет.).

4) «Всяка власть от Бога», поучал в XIII в. духовник своего исповедника (РИБ, VI, 124).

5) Патриарх Нифонт князю тверскому, Михаилу Ярославичу (в 1312—1315 гг.): «Истинно видим, яко Богом дана ти есть власть и княжение» (РИБ, VI, 147).

(Подбор этих данных и Дьяконова, 38—42).

2. Повиновение ей. Учение о богоустановленности власти логически вело к обязанности беспрекословного повиновения ей: ставленник Божий есть лицо священное, и уже по одному тому воля его непререкаема: «глаголет Господь: князя аз учиняю, священни бо суть» (Лавр. лет.).

1) Летописец по поводу убийства Андрея Боголюбского: «Тем же (т. е. властям) противися волости, противиться закону Божью, князь бо не туне меч носит. Божий бо слуга есть».

2) Поучение XIII в., приведя слова апостола Павла «Бога ся бойте, а князя чтите», добавляет: «Аще бо властелем кто противится, то Божию суду повинен есть, повелению бо противится Божию» (Дьяконов Н. А. Очерки. С. 41).

Но что если такая Богом поставленная власть оказывается немилостивой, злой, действует во вред людям? Повиноваться следует и такой власти. Царя злого, немилостивого Бог ставит за наши грехи, и потому мы должны терпеливо сносить злые деяния его. Уж на что, казалось, злее зла власть золотоордынского хана, однако черниговский князь Михаил, что отказался пройти на пути в ханскую ставку меж двух огней, видя в этом исполнение языческого обряда, несовместимого с исповеданием православной веры, не отказался признать над собой светскую власть Батые: «Тебе, царю, кланяюся, понеже ти

Бог поручил царствие и славу света сего» (*Дьяконов Н. А. Очерки. С. 46*).

Итак, полное повиновение царям; сами они ответственны за свои деяния перед Богом, и только перед Ним одним.

Особенно яркое и полное выражение эта мысль нашла у современников Ивана III и Василия III. Иосиф Санин, игумен Волоколамского монастыря, автор «Просветителя» (сборник из 16 слов и поучений), явился горячим проповедником богоустановленности верховной (княжеской, царской) власти. В духе византийских воззрений он сравнивает русских государей с благоверными царями, уподобляет их равноапостольному царю Константину, видит в них наместников Божиих: «Бози бо есте и сынове Вышняго»; «Царь естеством подобен всем человеком, властью же подобен Вышнему Богу»; «Ты, государь, от Вышня Божия десницы поставлен еси самодержец и государь всея Руси (обращается он в послании к Василию), вас бо Бог в себе место избра на земли и на свой престол вознес посади» (*Жмакин, 91*). В том же духе высказывался и митрополит Даниил (1522—1539), новгородский архиепископ Феодосии («государю, по подобию небесные власти, дал есть небесный Царь скипетр земнаго царствия силы»), митрополит Макарий (1542—1563), вслед за Иосифом Волоцким тоже приравнивавший Василия III к равноапостольному царю Константину; Зиновий, инок Отенской пустыни (умер в 1558 г.): по его словам, «царь бо есть верх и глава иже на земли человеком всем» (его сочинение: «Истины показание к вопросившим о новом учении»). Свод см.: *Дьяконов Н. А. Очерки. С. 91—114*.

3. Внешние признаки самодержавия. В такой атмосфере слагалось и формировалось самодержавие московских государей XV и XVI ст. Но при Иване III и его сыне оно окончательно еще не сложилось, не выработало соответственной формы, еще не получило словесного обозначения — такое оно получит при Иване Грозном, когда слово «самодержец» станет обозначать государя с неограниченной абсолютной властью. Однако реальная сила самодержавной власти проявила себя достаточно выпукло и убедительно и при последних великих князьях. Ей подчинены все: и последний человек в стране, и самый родовитый Рюрикович или Гедиминович. Пусть в иных случаях самодержец пользуется своей властью, руководясь еще не вполне изжитым мотивом частного владения, самодержавие от этого не перестанет быть самодержавием.

Что самодержавие переросло старую вотчину, видно и из того, что «наследник» византийских императоров, Иван III ввел

ответил: «Господине, какова ни была, а к нашему нестроению пришла».

4. Диалог о великом князе Василии III. Бер.: «Максим господине, ведаешь и сам, и мы слышали у разумных людей: которая земля переставляет обычи свои, и та земля **Иедолго** стоит; а здесь у нас старые обычи князь велики переменял; ино на нас которого добра чаяти?» — Макс: «Господине, котораа земля преступает заповеди Божьи, та и от Бога казничает, а обычаи царьские и земьские государи переменяют, как лучше государству его». — Бер.: «Однако лучше старых обычаев держатися, и людей жаловати, и старых почитати; а ныне деи государь наш запершися сам третей у постели всякие дела делает».

5. Зашла речь, почему великий князь отказывается отпустить Максима обратно в Грецию. Берсень давал тому такое объяснение: «Держим на тебя мненья, пришел еси сюда, а человек еси разумной, и ты здесь уведал наше добрая и лихая, и тебе там приход все сказывати».

6. На вопрос Максима, почему великий князь не жалует его, Берсень ответил: «Обговоры пришли на меня», но объяснений Берсенья за что именно недоволен на него великий князь, Максим в точности припомнить не мог: «Памятует ми ся, говорил встречу великого князя в Смоленске, и князь великий того не полюбил да молвил: пойди, смерд, прочь, ненадобен ты мне».

7. Сравнение Василия III с Иваном III. Берсень Максиму: «Государь деи упрям и встречи против себя не любит, кто ему встречу говорит и он на того опаляется; а отец его князь велико против себя встречу любил и тех жаловал, которые против его говаривали».

Показания Федора Жареного

Берсень говорил мне: «Яз у митрополита был и сидел есми У него один на один; и митрополит великому князю велику хвалу вздает, что город (Васильсурск?) поставил, тем деи городом всю землю Казанскую возмет; а се деи Бог его избавил запазушного врага; и яз митрополита спросил: „Кто запазушной государю был враг?“, и митрополит молвил: „Шемячич“. А того деи митрополит и сам позабыл, что к Шемячичу грамоту писал, и руку свою к той грамоте и печать приложил, а взял его на образ Пречистые да на чудотворцов да на свою душу».

Показания Максима Грека Берсень признал правильными, но отказался от показаний Жареного «про город и про Шемячича»: «Что ему ветр нанес на рот, то говорил».

III. МОСКВА — ТРЕТИЙ РИМ

Так выросло и сложилось самодержавие московского государства и московского государя. Но наряду и одновременно с этим самодержавием, питая его и само питаясь им, выросла другая идея, еще более величаявая: убеждение в том, что на Москву (а вместе с ней и на всю Русскую землю православную) свыше возложена высокая и ответственная миссия: заступить, политически и духовно, место Византии, принять наследие «Нового (Второго) Рима» — стать Третьим Римом.

Представление о Москве, как о Третьем Риме, сложилось у нее в XVI в. на почве политических и религиозных воззрений, в связи с явлениями общеевропейской истории. Основная его мысль была такова: московские государи преемственно наследуют христианско-православную империю от византийских императоров, которые, в свою очередь, наследовали ее от императоров римских. Ход развития этой идеи можно представить в следующем виде.

1. Рим начальный. Долгие годы существования древней Римской империи, покрывшей своей властью чуть не весь тогдашний мир (*orbis terrarum*), грандиозная работа многих поколений, поработивших народы силой не только меча, но и духовного превосходства, воспитали людей императорской эпохи в убеждении, что империя на этом свете может существовать только одна, а мировым центром ее должен быть исключительно город Рим, вечный город (*Urbs aeterna*). Он вечен не потому, что начало его скрывается в тумане седой старины, а потому, что он несет и хранит в себе идею вечности. Существовали последовательно три всемирные монархии: Вавилонская, Персидская и Македонская; все они пали, ни одна не удержалась; на смену им пришла теперь монархия Римская — она будет последней, потому что другой, более совершенной, нет и не может быть. Вот почему город Рим вечен: конца ему никогда не настанет. Эта горделивая идея единой, вечной, неумирающей империи сложилась еще в языческую пору и получила

¹ См. Приложения. № 17: «Как сложилось московское самодержавие?» и № 18: «Как кончил Иван Грозный свое самодержавие?»

новую точку опоры в христианстве. Христианство восприняло эту идею от языческого Рима и дало ей дальнейшее развитие: новая христианская империя есть отражение царства небесного на земле; у нее поэтому кроме задач политических есть еще задачи религиозные. Это повело к созданию двух государей: светского и духовного. Тот и другой связаны органически неразрывными узами; они не исключают, но взаимно дополняют один другого, будучи оба двумя половинами одного неделимого целого. Таким образом, само проповедуя единую религию, исключавшую все остальные, христианство закрепило идею вечного Рима и передало ее народам, сменившим старых римлян. Языческий *orbis terrarum* превратился в *tota Christianitas*.

П. Второй Рим. Но наступило Великое переселение народов; Римская империя стала распадаться, и столица с берегов Тибра перенесена была Константином Великим на берега Босфора. Это перенесение нанесло идее единства непоправимый удар. Константинополь предъявил свои права на духовное римское наследие: на право стать новым, Вторым Римом. Указывая на глубокое падение старого Рима, на эти «обломки разбитого сосуда», и на отсутствие носителя верховной светской власти, он утверждал, что «Рим», т. е. сосуд с его идеей вечного миродержавия, может существовать и не в Риме, не исключительно на берегах итальянского Тибра, но и в другом месте, в лице других людей, лишь бы оказались они способны хранить и носить в себе великую идею.

Греческий Восток влиянию романизации никогда всецело не поддавался, всегда сохранял свою особую психологию и потому не мог заменить латинскому Западу того, что тот терял с так называемым «падением Римской империи». Для него только Рим на Тибре, «Вечный город», мог быть настоящим «Римом», истинным «сосудом», и в лице Карла Великого Западная Европа сделала попытку восстановить его в прежней неприкосновенности и чистоте. Однако коронование Карла в Риме императорской короной и принятие им императорского титула было узурпацией, посягновением на чужие права. Как можно было восстанавливать империю, когда она, как империя, и не переставала существовать, сохраняла по-прежнему свое бытие, имела свою столицу (Константинополь) и своего главу, который продолжал носить звание римского (ромейского) императора?!

Юридические основания, на которые опирался Карл, «восстанавливая» Римскую империю (800), — будто императорский престол в данную минуту был вакантным, так как на нем

сидела женщина (императрица Ирина, низвергшая с престола и ослепившая своего сына Константина VI), и будто быть императором имеет право лишь тот, кто владеет Римом на Тибре, — эти основания и сам Карл не считал особенно убедительными; недаром его преемники старались впоследствии путем брачных союзов с династиями, правившими в Византии, узаконить свое положение. Но не столько эти браки, сколько время, давность узаконили деление империи на Западную и Восточную; каждая считала себя единственно законной, каждая опиралась на свои «непререкаемые» права.

Раздвоение обозначилось еще резче, и уже окончательно, бесповоротно, когда произошел раскол церковный (1054) и греческий Восток противопоставил свое православие католичеству латинского Запада. Подобно тому как раскололась на две части империя, раскололась и церковь: их теперь стало две. Каждая признавала истинной и законной церковью только себя и единственно за собой признавала право олицетворять то начало Единого, которое было так дорого той и другой. Обе церкви обменивались взаимными проклятиями, отлучением; светская власть действовала в том же духе. В Византии на Карла Великого смотрели как на бунтовщика, дерзкого узурпатора; ни за Оттонами, ни за Гогенштауфенами не признавали прав на императорскую корону. Германо-романский мир, в свою очередь, платил той же монетой.

Таким образом, названия «Западная» и «Восточная» империи — лишь обозначение реальных фактов, а не идейных; и та и другая империя, каждая считала себя единой, всемирной и принципиально исключала возможность существования другой. И если католические народы законную представительницу истинного царства на земле видели только в «Священной Римской империи германской нации», с папой и римским (немецким) императором во главе, то и народы православные за верховного главу своего признавали лишь ромейского (византийского) императора, а за истинного представителя Вселенской церкви — лишь собор епископов (вообще пастырей и учителей церкви) с патриархом Константинопольским во главе.

Наша Россия воспитывалась под углом зрения византийским; она считала себя покорной дочерью константинопольского патриарха, а в византийском императоре видела верховного блюстителя общественной правды. Константинополь, царственный город, Царь-Град, стоял в глазах русских действительно Вторым Римом.

Сама Византия старательно воспитывала русских людей в этом направлении, причем подчинение Русской церкви патриарху являлось лишь ступенью к подчинению власти императора. «Как вообще патриарх в управлении византийским патриархатом не был высшей правительственной властью, уступая первое место императору византийскому, так точно и в русских церковных делах высшим авторитетом признавалась власть византийского императора, в идее продолжавшего считать себя главой миродержавной Римской империи и защитником вселенской церкви во всех ее частях, где бы они ни находились. Власть царя над Русской церковью патриархи предоставляли как нечто совершенно необходимое, как один из догматов православной веры, на том основании, что цари изначала утвердили благочестие во всей вселенной, собирали вселенские соборы и утвердили своими законами постановленные на них догматы и каноны, много подвизались против ересей, установили порядок архиепископских кафедр, распределили митропольские округа и епископские епархии. Русским внушалось, что византийский император помазуется св. Миром в царя и самодержца римлян, т. е. всех христиан, почему на всяком месте, где только именуется христиане, всеми патриархами, митрополитами и епископами должно поминаться, в церквях имя царя» (*Суворов*. Курс. 132).

В этом отношении характерна грамота патриарха Антония к великому князю Василию Дмитриевичу (1393) — по ней можно судить, с какой шепетильностью охраняли в Византии престиж и светского, и духовного главы Второго Рима:

«За что ты показываешь пренебрежение ко мне, патриарху, и не воздаешь мне той чести, какую воздавали прежним патриархам твои предки, великие князья, напротив — неуважительно относишься и ко мне, и к моим людям, которых я туда посылаю?.. Ужели ты не знаешь, что патриарх занимает место Христа, от Которого и посаждается на владычном престоле? Не человека ты уничижаешь, но самого Христа! И, наоборот, кто чтит патриарха, чтит самого Христа».

Таким образом, желание поднять звание патриарха возможно выше вывело автора этих строк на путь едва ли вполне согласный с догматами православной церкви: в словах Антония слышится родственное католическому взгляду на папу как на викария (наместника) Иисуса Христа. А вот что в том же послании читал Василий I про императора:

«Говорят, ты не позволяешь митрополиту поминать божественное имя царя в диптихах, т. е. хочешь дела

совершенно невозможного и говоришь: „Мы-де имеем церковь, а царя не имеем и знать не хотим“. Это нехорошо. Святой царь занимает высокое место в церкви; он не то, что другие, поместные князья и государи. Цари вначале упрочили и утвердили благочестие во всей вселенной; цари собирали вселенские соборы; они же подтвердили своими законами соблюдение того, что говорят божественные и священные каноны о правых догматах и о благоустройстве христианской жизни, и много подвизались против ересей; наконец цари вместе с соборами своими постановлениями определили порядок архиерейских кафедр и установили границы митрополичьих округов и епископских епархий. За все это они имеют великую честь и занимают высокое место в церкви... На всяком месте, где только именуются христиане, имя царя поминается всеми патриархами, митрополитами и епископами, и этого преимущества не имеет никто из прочих князей или местных властителей. Власть его, в сравнении со всеми прочими, такова, что и самые латиняне, не имеющие никакого общения с нашей церковью, — и те оказывают ему такую же покорность, какую оказывали в прежние времена, когда находились в единении с ними. Тем более обязаны к этому православные... Невозможно христианам иметь церковь, но не иметь царя. Ибо царство и церковь находятся в тесном союзе и общении между собой, и невозможно отделить их друг от друга... Послушай верховного апостола Петра, говорящего в первом соборном послании: „Бога бойтесь, царя чтите“, не сказал „царей“, чтобы кто не стал подразумевать именующихся царями у разных народов, но — „царя“, указывая на то, что один только царь во вселенной. И какого это царя повелевает чтить апостол? Тогда еще нечестивого и гонителя христиан! Но как святой и апостол, провидя в будущем, что и христиане будут иметь одного царя, поучает чтить царя нечестивого, дабы отсюда поняли, как должно чтить благочестивого и православного. Ибо если и некоторые другие из христиан присвоивали себе имя царя, то все эти примеры суть нечто противоестественное, противозаконное, более дело тирании и насилия, нежели права» (РИБ, VI, 270—276).

Примечание. Диптихи — поминальные записи. Перевод митрополита Макария (История Русской церкви. Т. V, прилож. XI): «на сугубых эктениях» — «конечно, не верен». *Жданов.* РБЭпос, 105; ЖМНП, 1891, сентябрь 89. Сравн. *Васильев А. А.* История канонизации русских святых. С. 29.

Православная Москва воспитывалась в убеждении, что император — единственный на земле царь, что он выше всех остальных государей на свете, что патриарх «занимает место Христа»; князь московский был всего лишь стольником царя ромеев; он раболепно преклонялся перед его «святым величеством». Император удостоивал его чести называть своим «любезным сродником», а патриарх титуловал его «благородием» (РИБ, VI, 26, 99, 251, 274). Оба владыки, светский и духовный, стояли недосыгаемо высоко в глазах православной Москвы. Но именно потому-то такое ошеломляющее действие произвела весть о Флорентийской унии: признали над собой главенство папы, приняли ненавистное *filioque*, впали в тяжкую, гнусную ересь — и кто же? Именно те, кому, казалось, более чем кому иному, подобало хранить незыблемо истинную веру!..

III. Падение Второго Рима. Известие поразило русские умы, как громом. Надо мысленно перенестись в ту эпоху, чтобы понять все потрясающее значение совершившегося события. Чем большим авторитетом у русского народа пользовалась Византийская церковь; чем устойчивее казалось ее обаяние, тем сильнее ошеломила дошедшая до Москвы весть о состоявшемся соглашении. Те, на кого полагались как на незыблемую твердыню и оплот православия, — столпы веры, учителя и наставники, слово которых ценилось на вес золота, — они неожиданно оказались вероотступниками! Смущение было полное, и авторитет Греческой церкви бесповоротно подорван.¹

Последующие события не только не изменили, но еще сильнее укрепили русское общество в справедливости его разочарования в греках: 14 лет спустя после заключения Флорентийской унии турецкий султан Магомет II торжественно въезжал во главе победоносного войска в ворота Константинополя. С этой поры Царьград становился Стамбулом, а святая София нечестивой мечетью. Вместо христианского креста над поруганным храмом благочестия заблестал мусульманский полумесяц: Второй Рим был низвергнут, и на престоле византийском вместо защитника православной церкви воссел враг Христов.

¹ См. «Курс». Т. I.

Падение Греческой империи получало характер Божией кары. Действительно, мог ли бы иначе Бог допустить нечестивым агарянам овладеть Константинополем, этим священным сосудом» вековечной истины? Очевидно, город и вся страна погибли за свои грехи.

IV. В поисках Третьего Рима. Но если Второй Рим погиб, то с ним еще не погибло православное царство, так как оно никогда не может погибнуть. Из-за того, что сосуд разбит, еще не следует, чтоб иссякло и его содержание, так как Истина, хранимая в этом сосуде, бессмертна. Господь Бог мог попустить неверных покорить греков, но Он никогда не допустит стереть с лица земли истинную веру и дать восторжествовать над ней латинянам или злым агарянам. Правая вера — вечная, неумирающая; иссякнет она — тогда и миру конец. Но мир пока еще существует, и потому разбитый сосуд необходимо заменить новым, чтобы воплотить вечную истину и снова дать ей внешние формы бытия.

Но где искать этот новый сосуд? Кто окажется достойным нести почетное знамя защитника и представителя православия? Прежде всего это должен быть, разумеется, народ православный. Кто же именно?

Была пора, в середине XIV ст. — греки еще держались, но турки уже сильно теснили их — стать этим сосудом надеялись болгары. Они переживали тогда кратковременный и эфемерный расцвет своей политической мощи и литературного возрождения. Это было время царя Иоанна-Александра и патриарха Евфимия, создавшего целую литературную школу. Мечта превратить болгарскую столицу Тырнов в «Новый Царьград», перенести туда центр православия казалась осуществимой.

Однако не прошло и полувека, как этой мечте суждено было разлететься в прах: Болгарское царство пало под ударами мусульманских мечей (1393). Сербская держава полегла еще раньше, на Косовом поле (1389). Пришла очередь потом и до Царьграда. С той поры из всех православных народов один только русский¹ не чувствовал себя под пятой турецкого султана. Наоборот, он переживал радостные минуты сознания своего освобождения от ига татарского. Поэтому не болгарам, не сербам стать священным сосудом — великую миссию в силах вынести

¹ Молдаване и валахи (будущие румыны) как национальная единица определились еще в недостаточной степени, и они не жили национальным государством.

га своих плечах один только благочестивый свободный русский народ.

Укрепить в этой мысли русских людей могли те же сербы и болгары. Спасаясь от турецкого ига, некоторые из них переехали в единоверную Русь, найдя в ней вторую родину, аковы были, например, Киприан, Григорий Цамвлак, Пахомий огофет — тогдашний цвет южнославянской культуры, высокообразованные деятели на поприще литературы и церковной сизни. Киприан дважды сидел на московской митрополии (1381—1382, 1390—1406); Григорий Цамвлак, племянник Киприана, управлял, в звании митрополита Киевского (1414—1419), русскими епархиями Великого княжества Литовского (тогда они были отделены от московской митрополии); Пахомий пришел с Афона и прославился как автор многих «житий». «Эти-то лица могли помочь нам обработать наш материал в ту типичную горделивую форму, в которую (конечно, идейно) отлились наши патристически-политические воззрения» (Сперанский М. М. С. 97). Воспитанные на византийском идеале самодержавной царской власти, они этот идеал перенесли с собой и на Русь.

«Болгарин по происхождению,¹ современник и друг знаменитого терновского патриарха Евфимия, Киприан первый познакомил русское общество с тем образовательным движением, которое открылось в это время среди южных славян... Он мог объяснить москвичам, как возникли и пали югославянские державы. Он мог рассказать о той долгой и упорной борьбе с Византией, которая проходит через историю сербов и болгар и которая воспитала в них мысль о „царстве“ как выражении полной государственной самостоятельности, автократии, равноправности с греческим государством» (Жданов, РБЭ, 102, 106). Василий I, как мы сейчас видели, одно время прекратил было поминание царского имени — такая мера могла состояться, конечно, не иначе как с согласия и одобрения митрополита Киприана (Жданов) и — кто знает? — может быть, даже под прямым его воздействием.

Последние болгарские цари Шишмановичи — Иоанн-Александр (1332—1365) и сын его Иоанн (1365—1393) видели в себе прямых потомков знаменитой династии Асеней, деяниями которых по справедливости гордились позднейшие поколения болгар. Асени же, в свою очередь, производили себя от знатного римского рода, будучи сами по матери из рода Комнинов (Рад-

¹ См. Приложения. № 19: «Какой национальности был митрополит Киприан?»

ченко, 46). Это желание отыскать источник своего происхождения в недрах древнего, еще языческого Рима несколько позже проявит и Иван Грозный, выводя свой род от Пруса, фантастического брата императора Августа.

Пахомию принадлежит (если справедливо мнение покойного канониста Павлова, авторитетного в своей области) «Слово, избрано» (см. выше). Сборное по составу, оно, помимо спора с латинянами и рассказа о Флорентийском соборе, содержит еще рассказ о поставлении в митрополиты Московские Феодосий собором русских епископов, без участия и предварительного согласия патриарха Константинопольского (1461). Рассказ этот — радостный гимн по поводу установления автокефальности Русской церкви, ставшей, после отпадения греков от православия, свободной от прежних уз с церковью Греческой.

Главный виновник торжества православия — это «боговенчанный царь», великий князь Василий Васильевич. «В уме автора, очевидно, носится та же самая идея, которая в VIII ст. высказывалась на Западе при основании Священной Римской империи: „царское (цесарское, императорское) достоинство, созданное политической жизнью властителей мира — Римлян, есть достояние правоверного христианского государя, которому принадлежит ближайшее покровительство Вселенской церкви и который в этом качестве получает от нее высшее религиозное освящение“. Таким царством была для всего православного Востока — Византийская империя. Но вот она пала, сначала духовно (через Флорентийскую унию), а потом и вследствие того — политически (под ударами турок). Кто же наследник царственного достоинства Византии — Ц а р я-града, Нового Р и-ма?» И на этот вопрос автор дает такой ответ:

«Ныне убо в последних временах, благословенная земля Русская, тебе подобает во вселенной и под солнечным сиянием, с народом истинного в вере православья, радоваться, одеваясь светом благочестив, имея покров Божий на себе — многосветлую благодать Божию, исполныпися цветов, богозрачне цветущих — Божиих храмов, яко небесных звезд сияющих святых церквей, яко же солнечных луч блещащихся, благолепием украшаемы, и збор святого пения величаемы, державой владеющего на тебе богоизбранного и боговзлюбленного, богопочтенного и богопросвещенного, и богославимого богослественника правому пути богоуставного закона, и богомудрого изыскателя святых правил, благого ревнителя о Бозе, и споспешника

благочестию истинного православна, высочайшего исходатая благоверию, богоукрашенного и великодержавного, благоверного и благочестивого великого князя Василия Васильевича, боговенчанного православию царя всея Руси».

Очевидно, в понятиях автора, царство перешло с Византии в Москву — вот вывод, который 50—60 лет спустя будет формулирован с отчетливостью и ясностью, не допускающей никаких сомнений (*Павлов*. Отчет о 19 присвоении награды графа Уварова, 293).

Характерно это обилие эпитетов, которыми обвешано имя Василия Темного, — прием, образцы которого можно встретить и в болгарской литературе (см. Радченко, 44).

Параллельно тому, как идея преемства и перенесения на московского государя прав и обязанностей византийских императоров, — идея, по самому существу своему доступная лишь для избранных умов, крепла в сознании книжников, высшего культурного слоя тогдашнего общества, — народная мысль подыскивала этой идее теоретические обоснования, создавая соответственные легенды, а они, в свою очередь питая идею, помогли ей вырасти в отчетливое представление-схему. Эти легенды и литературно обработанные сказания можно разбить на две группы: одна доказывала исконную независимость Русской церкви от церкви Византийской, — ее права на автокефальность — это 1) Легенда об апостоле Андрее и 2) Повесть о белом клобуке; другая группа подводила юридический фундамент под права русских государей на царство и происхождение их царской власти Божию милостью — это 1) Повесть о Царьграде, 2) Повесть о Вавилоне, 3) Сказание о князьях Владимирских, 4) Родословие великих князей русских.

1. Легенда об апостоле Андрее. Обходя языческие страны, апостол Андрей водрузил крест на горах киевских, как бы предсказывая этим будущее здесь торжество христианской веры и говоря: наступит день и среди русского народа воссияет благодать Божия. Политическое значение этой легенды двоякое: 1) Латинскому Риму нет основания гордиться своими апостолами Петром и Павлом, считать их главными и старшими: у нас есть свой зиждитель православия — апостол Андрей, пожалуй, даже еще выше тех двух: он Первозванный; по времени он первый из апостолов. 2) Насаждение христианства апостолом Андреем делает Русь независимой в церковном отношении не только от папы, но и от самих греков, потому что, прежде чем Владимир Святой принял от

последних христианскую веру, она, значит, уже была провозглашена нам.

2. Повесть о белом клобуке и крещатых ризах. Ее содержание таково: император Константин Великий пожаловал крестившему и вылечившему его папе Сильвестру, как главе христианского благочестия, белый клобук и ризу с нашитыми на ней крестами (привилегия патриархов) для ношения. Когда же впоследствии латиняне отступились от православия и преемники Сильвестра хотели для поругания отослать белый клобук в чужую землю, то ангел, в видении, грозя страшной казнью, повелел папе отослать клобук константинопольскому патриарху и, в свою очередь, тоже в видении, повелел патриарху отослать клобук по получении его к архиепископу Новгородскому, чтобы носил его не кто иной, как он и его преемники по кафедре, так как именно в Новгороде «ныне воистину славится вера Христова»; в Риме она погибла, погибает по гордости людской и в Царьграде от руки агарян, но воссияет в Третьем Риме — в Русской земле. С тех пор новгородские владыки и носят на голове клобук белый, а не черный, как остальные архиереи. Легенда сложилась в Новгороде на почве стремлений создать местной церкви иерархическую независимость от Московской митрополии; но Москва поняла опасность такой интерпретации и приурочила легенду к себе, вследствие чего легенда утратила прежний провинциальный характер и приобрела общерусское национальное значение, как доказательство преемственности власти русского архипастыря от древней церкви, как знак того, что роль Греческой церкви — роль передаточная, не более; права Русской церкви не заимствованы ни от кого. Право новгородских архиепископов носить белый клобук было подтверждено на соборе 1564 г. и одновременно перенесено на московских митрополитов.

3. Повесть о создании и взятии Царьграда, второй половины XV в. Это собственно две повести: одна об основании города, другая — о взятии его турками в 1453 г. Занесена на Русь в готовом болгарском переводе с греческого. Одно из любимых чтений в старое время. Русский читатель особенно охотно останавливался на предсказании, что наступит время, когда русский народ победит турок и воцарится на семи царьградских холмах: «Руски же род с прежде создательными всего Измаилта победит и Седмихолмого примут с прежде законными его, и в нем воцарится и судржат Седмохолмаго Русы». С тех пор в сознании русского человека никогда не умирала надежда на то, что рано или поздно православный

крест вновь заблестит на куполах св. Софии. Как сложилось такое пророчество? Почти дословно те же слова приписывались греческому императору Льву Мудрому (886—912): таинственные буквы на гробнице императора Константина Великого (умер в 337 г.) были в 1421 г. прочитаны так: «Род же русских (*^avSov yeyoq, flava gens*) вместе с прежними обладателями победит всего Измаила и овладеет Седмихолмным». Созвучие слов «русый» и «русский» облегчало отождествление, тем более что пророчество выводило этот «русый род» из северных стран.

4. Повести о Вавилоне, под разными названиями: «Притча о Вавилоне», «Повесть о Вавилонском царстве», «Послание от Льва, царя греческого» и др. Повести эти должны были показать, что регалии русских царей — корона, скипетр, бармы (оплечье) — не выдумка, не каприз людей нового поколения, но вышли из глубокой древности, освящены самим временем и преемственно перешли в русские руки от прежних царей. Три благочестивых мужа, посланные императором Львом Мудрым, проникают в Вавилон, город в ту пору заброшенный и охраняемый змеями. Преодолев на пути разного рода препятствия и опасности, грозившие их жизни, после приключений сказочного характера они добираются, наконец, до царской сокровищницы; там, в особой палате, они находят два царских венца — некогда их носили царь Навуходоносор и его царица; при венцах лежала грамота, гласившая, что «ныне» венцы эти будут на главе греческого царя Льва и его царицы. В другой палате оказалась сердоликовая шкатулка с царской порфирой, царский скипетр и «шапка Мономахова». Взяв все эти вещи, три мужа принесли их императору Льву, который таким образом явился как бы наследником вавилонских царей. Следующая повесть делает это наследство достоянием русских князей.

5. Сказание о князях Владимирских. Владимир Мономах ходил войной на Царьград и вернулся в Киев с богатой Добычей. В результате похода греческий император Константин Мономах шлет Владимиру посольство с богатыми дарами, в том числе и царский венец, в знак «вольного самодержавства великой России»; сердоликовую шкатулку и бармы со своих плеч. Дары повез митрополит Эфесский; он же короновал Владимира царским венцом. «И с того времени князь великий Володимир Всеволодович наречен Мономах и царь вся великой России, и от того часа тем венцом царским венчаются все великие князи Володимирские, егда ставятся на великое княжение русское».

Историческая справка: 1) Владимир Мономах никогда не ходил войной на греков; 2) император Константин Мономах умер в 1055 г., когда Владимиру было всего 2 года; 3) первым коронован в России был Дмитрий, внук Ивана III, в 1498 г.

Примечания: 1) Приурочивать регалии к имени Константина Мономаха начали лишь с Ивана Грозного («бармы К. М.» при венчании Ивана на царство; «шапка Мономахова» и «весь чин царский», присланные К. М. — в духовной Грозного); но еще Иван Калита, а за ним его преемники, в своих завещаниях оставляют старшим сыновьям «золотую шапку», «животворящий крест», «хрещатую (т. е. с крестами) цепь», «бармы» и «сердочинную крабицу» — как раз все то, что, согласно легенде, было вывезено из Вавилона и через греческие руки передано Москве.

2) В 1552 г. в Успенском соборе было устроено царское место («трон Владимира Мономаха»): на больших наружных стенках его 12 барельефов; на них изображено: 1) Владимир шлет войско за данью во Фракию; 2) войска возвращаются с «многим богатством»; 3) император Константин Мономах шлет к Владимиру посольство; 4) Неофит, епископ Эфесский, венчает Владимира короной.

6. Родословие великих князей русских роднит московских царей с римскими императорами: Прус, брат императора Августа, поселился в Прусской земле, где и «самодержавствовал»; Рюрик — его потомок в 14-м колене. Вызванный из Прусской земли Рюрик начал княжить в Новгороде.

Эти литературные произведения, слагавшиеся на протяжении второй половины XV и первой XVI ст. и получившие (некоторые из них) окончательную обработку лишь во времена Грозного, воспитывали своих читателей в сознании «богоизбранности» русского народа, приучали видеть в нем «новый Израиль», неизбежность и логичность перехода царственного положения от Византии к Москве. Митрополит Зосима, говоря в своей новой пасхалии на восьмую тысячу лет о создании царем Константином Царьграда, «Нового Рима», добавлял к этому в пояснение: а ныне Господь Бог прославил «великого князя Ивана Васильевича, государя и самодержца всей Руси, нового царя Константина новому граду Константину-Москве, и всей Русской земли и иным многим землям государя» (РИБ, VI, 799).

Противопоставление двух миров: одного — отжившего, другого — нарождающегося, смена одного Рима другим, богославенным государством московским, выражены у Зосимы еще не совсем отчетливо; значительно ярче выступает эта мысль в вышеупомянутой (и одновременно с Пасхалией Зосимы составленной) «Повести о белом клобуке». В ней папа Сильвестр с такой речью обращается к патриарху Филофею:

«Ветхий бо Рим отпаде славы и от веры Христовы гордостью и своей волей; в новом же Риме, еже есть в Константине граде, насилем агарянским также христианская вера погибнет; на третьем же Риме, еже есть на Русской земле, благодать Святого Духа воссия. И да веси, Филофие, яко вся христианьская (царства) придут в конец, и снидутся во едино царство русское православия ради».

От Рима благодать отошла, отыметя и от Константинополя: «в пленение агарянского, и вся святая предана будет от Бога велицей Рустей земли во времена своя, и царя русского возвеличит Господь над многими языки, и под властью его мнози царей будут от иноязычных» (Памятники старинной русской литературы. I, 1860, 296. Сравн. *Малинин*, 495—496, 535).

Наконец, окончательно точку над *i* поставит Филофей, старец Елеазарова монастыря в Пскове, в своих посланиях к дьяку Мунехину и особенно к великому князю Василию III: «Церковь старого Рима (писал он) пала от Аполлинариевой ереси (от опресноков); церкви Второго Рима, Константинополя, рассечены секирами неверных и агарян; Московская же церковь — церковь Третьего, нового Рима, светится во всей поднебесной паче солнца. И ведай, благочестивый царь, один ты во всей поднебесной именуешься святым и благочестивым царем». И подводя итог вышесказанному, как заключительный аккорд послания, Филофей добавляет: первые два Рима погибли, третий не погибнет, а четвертому совсем не бывать, так как и надобности в нем не будет: «Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти».

На этой идее — «Москва — Третий Рим» — выросло и сложилось право московских князей принять титул царя, т. е. приравнять себя по рангу к первенствующим государям, стать в собственных глазах на самой вершине государственного величия, стать царями Божией милостью. Иван Грозный так и поступает, венчавшись короной в Успенском соборе. Сорок **Два** года спустя (1589) его преемник, сын Федор, окончательно

довершит работу отца: Русская церковь получит своего собственного патриарха и станет не только фактически, но и *de jure* автокефальной, и притом во имя тех же начал, которые дали Ивану Грозному основание возложить на себя царский венец: константинопольский патриарх Иеремия, приехавший в Москву на поставление Иова в московские патриархи, в своей речи к царю Федору говорил: «Ветхий Рим погиб от ереси; Второй Рим, Константинополь, в руках безбожных агарян; твое же, великий государь, Русское царство — Третий Рим — все другие царства превзошло своим благочестием, и ты единый во всей вселенной есть истинный христианский государь».

Теория Третьего Рима получила государственное значение. Москва стала называться «богохранимым, преименитым царствующим градом, Третьим Римом, благочестием цветущим», а приведенные выше слова Филофея переписывались в сборники, занесены в Степенную книгу и дословно приведены в Уложенной грамоте об учреждении патриаршества, что лучше всего доказывает, как глубоко проникли эти мысли не только в умы современников, но и в официальные сферы. Филофей не был творцом теории о «Москве — Третьем Риме». Элементы этой теории были уже налицо, и ему принадлежит только окончательная и полная ее формулировка. Но в истории идей это была, бесспорно, важная заслуга (*Дьяконов М. А. Власть*, 64).

Принятие царского титула и поиски найти этому факту историческое и моральное оправдание оставили свой след не только в памятниках литературных, но и в памяти народной. Сказка о Борме Ярыжке рассказывает, как он по поручению царя Ивана Васильевича ходил в Вавилон доставать ему оттуда корону, скипетр и державу, а народная песня влагает Ивану IV в уста такие слова:

Есть чем царю мне похвастати:
Я повынес царенье из Царя-града,
Царскую порфиру на себя одел,
Царский костыль себе в руки взял.

Рыбников, I, 383, у Жданова РБЭ, 12

Примечание. Теория Третьего Рима до конца XVII ст., а именно до войн с Турцией, не выходила из сферы отвлеченных вопросов; но и позже она никогда не получала характера определенной политической программы, хотя некоторое отражение ее и слышится: более слабое — в правительственных

заявлениях во время освободительных войн России с Турцией на Балканском полуострове, более сильное — в воззрениях славянофилов.

Идея Третьего Рима выросла на русской почве; представления о Тырнове как о «Новом Царьграде», сложившиеся среди болгар и литературным путем занесенные на Русь, содействовали росту этой идеи, но главным образом потому, что нашли себе подготовленную почву. Ту же мысль о правах московского государя на византийское наследство подсказывает и более отдаленный юг: Венеция и папский престол. Но тут действуют мотивы узкого политического эгоизма: Москва должна была служить интересам антиоттоманской лиги, и «наследством» ее манили.

1. Тотчас вслед за женитьбой Ивана III на Софье венецианский сенат бросает ему такую мысль: «Когда прекратится в мужском колене дом Палеологов, то права на византийскую корону должны перейти к вам» (1473).

2. Дитрих Шомберг, посол магистра ливонского, действовавшего по соглашению с Римским престолом, излагая Василию III выгоды церковной унии, в числе других указал и на возможность завоевать христианским оружием Константинополь, это «законное наследие русских государей» (1518).

3. Николай Шомберг, посол папы Льва X, должен был, согласно данной ему инструкции, говорить великому князю: папа предлагает возвести русского митрополита в патриархи, короновать Василия, под условием согласия действовать совместно против турок. «А нечто похочет князь великий за свою вотчину константинопольскую стояти, занеже турецкий вотчину великого князя держит, и он имеет ныне пригоден путь да и помочь, что ни за сто лет от сех мест наследники константинопольские не имели» (1519).

4. Другой посол папы, Франческо ди Потенца, епископ Скаренский, по тем же основаниям, должен был предложить Василию III королевскую корону (1525).

5. Антоний Поссевин говорил Ивану Грозному: «Предки вашего величества счастливо ходили в Азию и в Цареград, но не удержали за собой этих стран. Между тем предопределено свыше, что восточные страны будут вечно за вами, ибо святейший апостольский престол имеет на то прямые указания и потому желает возвеличить вас честью и титулами. Выскажите только вашу волю, и все государи представят вам начальство в турецкой войне (*Успенский*. Как возник... 43).

б. Инструкция, данная папой Климентом VIII Комуловичу при отправлении его в Москву к царю Федору Ивановичу, высказывает, по существу, ту же мысль (1594).

При всей заманчивости перспективы, какую искусно раз-
вертывали перед ней римские дипломаты, Москва XVI в. не
поддалась соблазну: она была еще слишком слаба, чтобы думать
о завоевании Константинополя, слишком много неотложного
дела было у ней у себя под боком; наконец, московские политики
опасались, что, содействуя изгнанию турок из Европы — чего
особенно добивался Римский престол, Россия, принеся большие
жертвы, в действительности будет лишь вынимать каштаны из
огня для других. Да и позже, в XVII ст., значительно окрепнув
и политически, и как держава военная, Москва будет продол-
жать действовать осмотрительно, а если и проявит больше
активности, то не во имя «наследства», а прислушиваясь к
жалобам и мольбам братьев по вере — болгар, сербов и греков,
стонавших под игом «нечестивых агарян».

IV. ПЕРЕЖИТОК СТАРИНЫ: УДЕЛЬНЫЕ КНЯЗЬЯ

Время последних московских князей представляет еще одну
характерную особенность. Казалось бы, с превращением вотчи-
ны в государство, с установлением самодержавия и новых форм
жизни прошлому должен наступить конец, и прежде всего конец
удельному укладу. В действительности же наблюдается со-
всем не то. И Иван, и Василий хотя одинаково с легким сердцем
топчут старый порядок, все же ни тот, ни другой не в силах
окончательно придушить его: и не потому, чтобы внешняя
сила мешала им поступить так, нет, они сами еще не
порвали окончательно своих духовных связей со старым
укладом, сами еще в духовном плену у него. Уничтожая старый
порядок, они, носители новой идеи, одновременно поддержива-
ют его! Старая идея оказалась еще живуча и крепко вцепилась
в них, не отпуская от себя. Последние московские князья, уже
государи, все еще остались отцами и братьями своих сы-
новей и братьев. Борьба идет с посторонней родней, но в соб-
ственной семье старый порядок еще не трогается.

1. Иван III оставил после себя пять сыновей и, умирая,
всех их наделил уделами, всех оставил еще на положении

самостоятельных князей — государей, сказали бы мы, применяясь к терминологии нашего времени. Правда, настоящим государем сделан был один Василий, остальные — только слабые тени: Василий получил по завещанию 66 городов, притом все главнейшие: Москву, Новгород, Псков, Тверь, Владимир, Коломну, Ростов, Нижний, Муром; области: Заволочье, Югру, Печору, Пермь Великую, Вятскую землю и проч.; остальным же четырем сыновьям, всем вместе, досталось всего 30 городов, и то второстепенных: Дмитров, Звенигород, Кашин, Руза, Устюжна, Калуга, Веряя и др.; их лишили права сношаться с иностранными государями, чеканить свою монету, права располагать вотчиной по своему усмотрению, так как по смерти удел их должен был перейти к старшему брату; младших братьев обязали служить великому князю своим войском; даже суд по важнейшим делам перенесли из удельной области в Москву, — и все же, по идее, младшие братья были такие же государи, как Василий, в силу того же самого права, какое и его посадило на великокняжеский стол. Укороченные в своих правах, фактически совершенно бессильные, младшие братья Василия все же оставались, в пределах своих жалких уделов, носителями государственной власти и имели право сказать, что, кроме Московского великого княжества, есть еще и другие княжества, где существует своя власть, свои люди, свое войско и управление.

2. Василий III тоже не порывает со стариной. У него два сына и два брата. Часть, оставленная старшему сыну Ивану, непомерно громадна, другим достались одни жалкие крохи, а все же достались.

3. Иван Грозный. Священен старый обычай и для Грозного. По завещанию 1572 г. он оставил младшему (в ту пору) сыну Федору 14 городов с Суздаем во главе, хотя и без тени самостоятельности государственной, и позже, перед смертью, назначил младшему сыну Дмитрию в удел город Углич. Особыми самостоятельными княжествами ни Суздаль, ни Углич на этот раз уже не были; однако форма, хотя совершенно выдохшаяся, лишенная всякого содержания, еще налицо. И эти пережитки удельного времени наблюдаются не в одной семье Ивана Грозного. В той же духовной 1572 г. царь оставляет за князем Воротынским третью часть города Воротынска, как остаток его прежнего удела; этот же Воротынский и другой князь, Одоевский, участвуют в военном походе, каждый со своим удельным полком, — точно не слугами царскими были они в это время, а союзниками на таком же государском

положении, что и сам царь! Так медленно шло разложение вотчины и превращение ее в государство! Удельная Русь полностью пока еще не изжита, и только ураган, пронесшийся над Русской землей в Смутные годы, совпав с прекращением династии, смел окончательно и бесповоротно этот ненужный пережиток старины.

ЛИТЕРАТУРА

I. *Терновский Ф.* Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение к Древней Руси. Два выпуска. Киев, 1875—1876 (из Ун. Изв. 1874 г.); *Костомаров Н. И.* Начало единой державы в Древней Руси // Вестник Европы. 1870. № 11, 12 и Монографии. Т. XII; *Загоскин Н. П.* История права Московского государства. Т. I (о верховной власти и о земских соборах). Казань, 1877; *Савва В.* Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901; *Готлиб А.* Царская власть в Византийской империи. Энциклопедический словарь Брок. и Ефр., полут. 74. С. 835—838; *Вернадский Г. В.* Византийские учения о власти царя и патриарха. Recueil d'études, dédiées à la mémoire de N. P. Kondakov. Praha. 1926.

И. *Пресняков А. Е.* Московское царство. Общий очерк. СПб., 1918; *Рожков Н. А.* Происхождение самодержавия в России. М., 1906; *Прозоровский Д.* О значении царского титула до принятия русскими государями титула императорского // Известия Рус. Археологического Общ. 1875—1877, VIII; *Барсов Е.* Древнерусские памятники священного венчания царей на царство. М., 1883 (из Чтений); *Дьяконов М. А.*: 1) Власть московских государей. СПб., 1889; 2) К истории др.-р. церковно-государственных отношений // Историческое Обозрение. Т. III. СПб., 1891; 3) Царь в Московском государстве (царская власть московских государей). Энциклопедический словарь Брок. и Ефр., XXXVII. С. 838—844 (1903 г., с библиографией); *Безобразов Павел.* Византийский царь на московском престоле // Исторический Вестник. 1889, май; *Вальденберг В.* Др.-русские учения о пределах царской власти. СПб., 1911; *Милоков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. III, гл. I (националистические идеалы).

III. *Троицкий П. С.* Церковь и государство. М., 1909; *Шпаков.* Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве от Флорентийской унии до учреждения патриаршества. Княжение Василия Васильевича Темного.

ц. I. Киев, 1904; *Павлов А. С.* Теория восточного папизма в новейшей русской литературе канонического права // Православное Обозрение. 1879, ноябрь и декабрь; *Сокольский В.* Участие русского духовенства и монашества в развитии единодержавия и самодержавия в Московском государстве в конце XV и первой половине XVI в. Киев, 1902; *Сергеевич В. И.* Рус. Юрид. Древности. Т. II, вып. 2-й (1896), гл. 3-я; *Голубинский Ф. А.* История Русской церкви; *Митрополит Макарий.* История Русской церкви.

IV. *Успенский Ф. И.* Как возник и развивался в России Восточный вопрос. СПб., 1887; *Малинин.* Старец Елеазарова м-ря Филофей и его послания. Киев, 1901 (две рецензии: А. И. Соболевский в ЖМНП, 1901, декабрь, и С. И. Смирнова в Богословском вестнике 1902 г.); *Шахматов А. А.* Путешествие М. Г. Мисюря Мунехина на Восток и Хронограф редакции 1512 г. // Известия. 1899. Т. IV, кн. I; *Шмурло Е. Ф.* Третий Рим. Энциклопедический словарь Брок. и Ефр. XXXIII, 789—791 (библ.); *Каптерев Н. Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1885; изд. 2-е, Сергиев Посад, 1914 (рец. П. Знаменского в Отчете о 30-м присвоении наград графа Уварова. СПб., 1889 (Записки императорской Академии наук. Т. 61); *Радченко.* Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием. Киев, 1898 (из Ун. Изв. 1898 г.); *Кизеветтер А.* Россия и южное славянство в XIV—XVII столетиях. «Прослава на освободительную войну 1877—1878 г. Русско-Болгарский сборник. София, 1927». С. 1—11; *Милоков П. Н.* Очерки. Т. II, ч. 1, гл. 2-я. Т. III, гл. 1-я.

V. *Седельников В. А.* Древняя киевская легенда об апостоле Андрее. Slavia, 1924, III; *Буслаев.* Новгород и Москва. «Исторические очерки». Т. П. С. 274—276 (краткий пересказ содержания «Повести о белом клобуке»); *Костомаров Н. И.* Пояснительное примечание к тексту «Повесть о белом клобуке». Памятники старинной русской литературы. Вып. I. С. 301—303; *Прозоровский Д. И.* Об утварях, приписываемых Владимиру Мономаху. Записки отд. рус. и слав. археологии Имп. Русского Археологического Общества. Т. III, 1882; *Жданов И. Н.* Повести ° Вавилоне и «Сказание о князях Владимирских» // ЖМНП. 1891, № 8, 9, 10. Статья эта позже с небольшими дополнениями вошла в состав отдельной книги: «Русский былевой эпос. Исследования и материалы». I—V. СПб., 1895, заняв в ней первые 151 страницу; *Веселовский Н. Н.* Отрывки византийского эпоса^В русском. Повесть о Вавилонском царстве. Славянский сборник.

СПб., 1875; *Яцимирский*. Молдавские отголоски московских легенд о Мономаховых дарах // ЖМНП. 1903. X; *Яковлев А. И.* Сказания о Цареграде. СПб., 1868; *Майков Л.* Материалы и исследования по старинной русской литературе. Беседа о святых и других достопримечательностях Цареграда. СПб., 1890; *Делекторский*: 1) Флорентийская уния (по др.-р. сказаниям) и вопрос о соединении церквей в Древней Руси // Странник. 1893, сентябрь—ноябрь; 2) Критико-библиограф. обзор древнерусских сказаний о Флорентийской унии // ЖМНП. 1895, № 7; *Павлов А. С.* /критические опыты по истории древней греко-русской полемики против латынян. СПб., 1878 (между прочим о Симеоне Суздальском и его «Повести» о Флорентийском соборе); *Васенко*. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в др.-р. исторической письменности // Записки историко-филологического факультета СПб. унив. 1904. Ч. 73; *Пытин А. Н.* Итоги старого Московского царства // Вестник Европы. 1894, август (Иван Грозный, старец Филофей, митрополит Макарий, Четьи-Минеи, Степенная книга, канонизация святых, Стоглав, Домострой); *Соловьев А. В.* Святая Русь. Очерки развития религиозно-общественной идеи // Сборник Русского Археологического Общества в королевстве СХС. 1927, т. I; *Schaeder H.* Moskau das Dritte Rom. Studien zur Geschichte der politischen Theorien in der slavischen Welt. Hamburg, 1929; *Korff S. A.* Die Errichtung der Selbstherrschaft im Moskauischen Staate // Zeitschrift f. osteurop. Geschichte, 1914, IV, Heft 3.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РАЗРУХА (СМУТНОЕ ВРЕМЯ) (1584—1613)

I. ЦАРСТВОВАНИЕ ФЕДОРА (1584—1598)

Положение дел по смерти Ивана Грозного

Смерть Ивана Грозного застала Россию в тяжелую минуту: извне шведы загрозили ей дорогу в Западную Европу, а завоевательные планы Стефана Батория грозили еще худшим: полным уничтожением политической самостоятельности; внутри страна переживала тяжелый экономический кризис; материальное благосостояние населения было порвано: социальный организм России был отравлен и расшатан опричниной; правящий класс, бояре, был загнан, распылится, и к тому же в его собственной среде царил разлад. Старые родовые фамилии, княжата, как ни унизила их опричнина, прежних позиций своих сдавать не хотели и ревниво оберегали свое родовое достоинство. Шуйские, Голицыны, Куракины, Мстиславские, Воротынские и другие княжата не только брезгливо отмежевывались от выскочек, обязанных своим возвышением опричнине, но недружелюбно смотрели и на нетитулованных бояр, которых выдвинуло родство с царским домом: Юрьевых-Захарьиных, Годуновых.

Вдобавок с убийством собственного сына Грозный поставил в критическое положение самую династию. После него осталось Двое сыновей; младшему, Дмитрию, было всего два года, и многие затруднялись считать его законным сыном, так как он родился от брака, который церковь освятить не могла: Мария Нагая, мать Дмитрия, была по счету седьмой (пятой) женой Грозного. Старший же сын, Федор, наследовавший престол, хотя и взрослый годами (родился в 1557 г.), но духовно был совершенно не способен управлять государством.

Царь Федор

Обиженный природой, по уму — тихий дурачок, глуповато улыбающийся, по сердцу — евангельская кротость, никому в жизни не причинивший намеренно зла, не способный творить и настоящее добро, царь Федор походил на блаженненького, которому свойственнее всего было, как он и делал, заниматься богомольем, оделять милостыней нищих да проводить время со странниками и юродивыми, чем стоять во главе обширного государства, к тому же сильно утомленного недавними тяжелыми войнами, расшатанного и разоренного 20-летним произволом Грозного царя и его приспешников (сравните трагедию гр. Ал. Толстого: «Царь Федор Иоаннович»). Любимым занятием Федора было забраться на церковную колокольню и звонить там в колокола — его еще отец прозвал за это «пономарем». Любил Федор кулачные бои, возню своих шутов; потешала его и другая забава, обычная в то грубое время: как человек с рогатиной в руках вступал в единоборство с медведем. Всем было ясно, что править государством должен кто-нибудь другой.

Борис Годунов

Этот кто-нибудь другой нашелся: Борис Годунов, брат жены скудоумного царя. Он сумел устранить от престола других бояр и обеспечить за собой положение первого министра; его соперники — кто был сослан и пострижен в монахи, кто подвергся опале, удален в провинцию и лишен всякого влияния. Потомок татарского мурзы Чета, выходца из Орды во времена Ивана Калиты, Годунов выдвинулся еще при Грозном. Хотя в списках опричнины он не числился, но к ней стоял близко; репутация его осталась незамазанной, а все же связь с отвратительным прошлым не обошлась ему даром и провела еще более резкую грань между ним и старыми княжатами. К злобе на дерзкого выскочку, осмелившегося стать им поперек дороги, примешивалось еще и чувство презрения:

Вчерашний раб, татарин, зять Малюты.
Зять палача и сам в душе палач —

так определяет его один из Шуйских в пушкинском «Борисе Годунове».

Продвижение Годунова к власти

1) 1584 г., 18 марта — смерть Ивана Грозного.

2) 1584 г., 2 апреля — Богдан Вельский, из опричных бояр, правая рука покойного царя, желал сохранить опричнину («двор»), но его противники (Шуйские, Мстиславский, Юрьев-Захарьин, Годунов) подняли народную толпу и силой удалили Вельского из Москвы. Во главе правления стал Никита Романович Юрьев-Захарьин, родной дядя царя Федора.

3) 1584 г., август — Никита Романович, по старости тяжело захворав, покинул власть и опеку над скудоумным Федором, но передал ее не Мстиславскому, а Борису Годунову, такому же, как сам он, не княжичу и с генеалогией недавнего происхождения. Это поставило Годунова на ножи с княжатами.

4) 1584 г., в конце года — Мстиславский-отец (Иван Федорович), обвиненный в заговоре против Годунова, пострижен и заточен в Кирилло-Белозерском монастыре, где вскоре умер. Заместителями его, из княжат, в борьбе с Годуновым выступили Шуйские.

5) 1585 г., весной — умер Никита Романович.

6) 1587 г., первая половина — Шуйские и их сторонник митрополит Дионисий старались убедить царя Федора развестись с неплодной Ириной и вступить во второй брак. Своему ходатайству они придали характер всенародного желания: как и 2 апреля 1584 г., теперь инсценирован был уличный бунт, на этот раз принявший серьезные размеры: некоторое время Кремль находился в формальной осаде. Движение подавлено; митрополит Дионисий низведен с митрополии; двое Шуйских сосланы и в ссылке скоро умерли (кажется, насильственной смертью); одновременно с Шуйскими пострадало немало и их приверженцев. Зато с этой поры положение Годунова упрочилось: никто не решался вступать с ним в борьбу.

Борис Годунов в роли правителя государства

1. Он был на положении соправителя и регента. Официально он соуправлял, т. е. правил совместно с царем, в действительности он регентствовал, т. е. безраздельно и самостоятельно всем распоряжался один, но от имени царя.

2. Его титул: «Государю великому шурин и правитель, слуга и конюший боярин, и дворовый воевода, и содержатель великих государств, царства Казанского и Астраханского». Слуга — было почетное звание, введенное со времен Грозного. Содержатель — т. е. наместник.

3. На официальных торжествах вслед за «чашей» (тостом) за царя пили «чашу» Годунова.

4. Годунову дано было право сноситься с иностранными правительстами: он посылал от своего имени грамоты к иностранным государям и получал от них таковые же, официальные.

5. У Годунова, подобно царю, был свой «двор», свой придворный штат, заведен был этикет, копия придворного царского церемониала: иноземных послов, когда они приезжали к Борису, встречал у крыльца дворецкий правителя; в аудиенц-зале, как это полагалось и в царском дворе, их ждали бояре в парадных платьях, рассажены по лавкам вдоль стен; после «приема» Борис посылал послам в знак внимания кушанья от своего стола, а его стол по обилию и роскоши не уступал царскому.

6. Считаясь с его исключительным положением, иноземные послы находили выгодным льстить Годунову и величали его «пресветлейшим вельможеством», «пресветлым величеством».

Человек с недюжинными талантами и широким умом, мудрый правитель, умевший ценить образование, хотя сам и мало начитанный, Годунов ввел порядок в управление и положил конец бесчиниям, творившимся в предыдущее царствование. Хотя школа, пройденная при дворе Грозного, и приучила Годунова не особенно стесняться в выборе средств, он хорошо понимал, что далеко не все простится ему из того, что прощалось и сносилось от царя Ивана, прирожденного государя «Божией милостью». А в то же время дело Грозного там, где оно отвечало действительным потребностям и пользе государства, производилось неукоснительно. Таково было учреждение патриаршества, прикрепление крестьян и внешняя политика как на Востоке, так и на Западе.

Учреждение патриаршества

Оно логически вытекало из принятия московскими государями царского титула: независимость политическая требовала также независимости церковной. К тому же по византийским воззрениям, усвоенным и Москвой, единство и полнота православного христианского царства требовали постоянного сосуществования царя (императора) и патриарха; и если с падением «Второго Рима» место верховного светского владыки в христианском мире занял русский государь, то надлежало быть подле него и русскому патриарху.

В Москве воспользовались приездом константинопольского патриарха за милостыней и уговорили его поставить в патриархи

тогдашнего митрополита Иова (1589 г., январь). Чтобы придать этому постановлению каноническую силу, в Константинополе, по возвращении туда Иеремии, был созван собор, который, утвердив избрание, присудил (1590) новому патриарху пятое (**последнее**) место в ряду других восточных патриархов (Константинопольского, Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского). В Москве, однако, ждали иного решения: там домогались по крайней мере третьего места, хотя бы потому **что** Москва — Третий Рим. Отсутствие на соборе (а следовательно, и подписи в присланной грамоте) александрийского патриарха (кафедра в Александрии в ту пору была вакантна) дало московскому правительству повод к касации, основание хлопотать о пересмотре решения. На Восток были посланы для подкупа, еще в небывалом размере, богатые подарки: свыше 12 000 золотых червонцев и масса отборных мехов. Цель была достигнута лишь наполовину: всеобщее признание новый патриарх получил, но с пятого места его не повысили.

В Москве «остались крайне недовольны состоявшимся окончательным решением и, не обращая внимания на соборное определение, продолжали смотреть на своего патриарха как на высшего и даже единственно действительного патриарха в ряду всех других». С течением времени даже в официальной среде окрепло «твердое убеждение, что на Русь перенесено было из Византии не только царское достоинство, но и патриаршее: что на Востоке патриархи существуют собственно только более по имени, нежели по действительной власти и чести, которыми владеют турки, так что настоящим действительным патриархом, в полном смысле этого слова, может быть назван только московский, который и сделался патриархом именно потому, что без него другого настоящего, действительного патриарха более бы и не было» (*Кантевев*. Характер, 56—58).

У до учреждения патриаршества Русская церковь, хотя фактически независимая и автокефальная, все же входила в состав константинопольского патриархата, и за патриархом считалось право верховного суда; теперь она стала к нему в положение не дочери, а сестры. С превращением же московской митрополии в патриаршество было создано 4 новые митрополии: Новгородская, Ростовская, Крутицкая и Казанская, и 6 новых архиепископий: Вологодская, Суздальская, Нижегородская, Смоленская, Рязанская и Тверская.

Таким образом, то, что в свое время сделал Иван IV для светской власти, приняв титул **царя**, достигнуто было теперь для власти духовной возведением московского митрополита в

сан патриарха. Духовный глава Русской церкви повышался в той же мере, как светский глава Русской земли. Теперь Московское государство не только политически, но и церковно поднялось на ступень независимой, Богом хранимой державы. Флорентийская уния и завоевание Константинополя турками, заронив в уме русского человека мысль о том, что в христианском мире остался один только истинный православный государь — государь московский, дали пищу и другой мысли — что Русская церковь, сумев уберечь истинное благочестие, имеет право выйти из положения младшей и подчиненной. Таким образом, питаясь из одного источника, царство и патриаршество дружно и совместно служили для укрепления русского самодержавия и русской государственности.

Однако новое независимое положение Русской церкви в православном христианском мире не изменило положения русского духовенства в самом Московском государстве: оно, не исключая и самого патриарха, продолжало оставаться в прежней зависимости от светской власти. Недаром же и самое учреждение патриаршества было делом светским, а не духовных властей.

Новые меры прикрепления крестьян

Мы видели (гл. VII), как началось прикрепление крестьян. Причины, вызвавшие это явление при Иване Грозном, продолжали действовать, если только еще не с большей силой, и при его сыне. Число беглых увеличивалось, увеличивалась и разница в благосостоянии между крупным и мелким вотчинником или помещиком; одни, богатые средствами для привлечения рабочих рук, не нуждались в них; у других пашни, за недостатком рабочей силы, зачастую вынужденно лежали впусе и не давали дохода. Опричина, с ее разорительной перетасовкой поместий и вотчин, насильственным перемещением княжат и служилых людей, больно задела, как мы видели, и тяглового крестьянина, жившего в этих вотчинах и поместьях, выбила его из колеи, зачастую оставляя без крова, а это усиливало эту тягу в «дикое поле», на окраины, в ущерб центру, где количество заброшенных земель постоянно увеличивалось, а оставшееся население все более приходило в бедность и все менее оказывалось способным выполнить свое тягло.

Несколько цифр, правда, наиболее выразительных, дадут наглядное представление об этом запустении центральных об-

ластей. В конце XVI ст. в одном из имений Троице-Сергиева монастыря (в Нижегородском уезде), в течение каких-нибудь 10\—15 лет, около четырех с половиной тысяч (4 430) четвертей пашни, раньше распаханной, было заброшено и поросло лесом: под сохой не осталось и 300 четвертей. У того же монастыря, в уезде Звенигородском, за 30 лет (1560—1593) из 56 населенных мест осталось всего 12: жители остальных разбежались. В Московском уезде в царствование Федора жилых крестьянских дворов, сравнительно с тем, сколько их было при Василии III, в начале века, убавилось на 75%: их хозяева бежали, и на месте осталось населения всего лишь одна четвертая часть. А в городе Коломне и того хуже: он почти весь опустел: 95% дворов стояло в нем заброшенными.

До нас дошло, за последний год его царствования, неясное показание о каком-то уложении царя Ивана Васильевича, устанавливавшее столь же мало ясные заповедные лета (иначе: заповедные годы). Одни полагают, что это выражение применялось одинаково как в тех случаях, когда речь шла о числе лет, в течение которых разрешалось вывозить вышедших старинных тягловцев на прежние места жительство¹, так и когда временно запрещался вывоз чужих крестьян (Дьяконов). По мнению других, временно (но уже с 1581 г.) право свободного перехода (Юрьев день) у крестьян было отнято, и этот-то временный запрет, в действительности ставший постоянным, и носил название «государевых заповедных годов» (Греков).

Кроме этой меры, в целях если не задержать бродяжество крестьян, то по крайней мере выяснить наличность тяглых сил, принята была и другая: составление в 1590—1593 гг. писцовых книг, что создало две категории крестьян: «письменных», записанных в эти «книги», и «неписьменных», не вошедших в опись. Продолжавшиеся бега и «вывозы» повели, наконец, к изданию указа 24 ноября 1597 г. о пятилетней давности: помещику предоставлялось право искать своего крестьянина и силой возвращать на старое место, если со дня его побега прошло менее пяти лет. Позже, при преемниках Федора, этот срок будет увеличен на 10, на 15 лет, пока Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. не уничтожит все сроки и не прикрепит навсегда крестьянина любой категории к тому месту, где застал его новый закон.

¹ См. Приложения. № 22: «Когда и как произошло прикрепление крестьян к земле?»

Внешняя политика

Продолжателем дела царя Ивана Васильевича явился Годунов и в сношениях с иноземными государствами: он с честью поддерживал достоинство русского имени и в этой области достиг большего, чем сам Грозный, столь чуткий и заботливый ко всему, что связано было с внешним положением и блеском царского сана.

1. Швеция. Успешная война со Швецией вернула России города, потерянные в прежнее царствование (по договору 1583 г.), и русская государственная граница на западе, в силу нового договора — Вечного мира в Тявзине (1595 г.), вновь подошла непосредственно к морю (на Финском заливе: города Ям, Ивангород и Копорье; кроме того Корела — Кексгольм и Орешек (Шлиссельбург)!

2. Заволжье и Сибирь. Основаны города: Уфа (1586), Тобольск (1587), Томск (1604). Надлежало охранить важный торговый путь по Волге — и в этих видах восточная граница продвинута до Среднего Урала: в самом сердце Башкирского края построили город Уфу, укрепились также на Яике. Основание Тобольска при впадении Тобола в Иртыш утвердило русскую власть в бывшем царстве Сибирском, а постройка другого города, Томска, привела в самую глубь Сибири, за реку Обь.

3. Крым. Много было сделано и для обороны южных областей от крымских набегов: засечную линию значительно выдвинули вперед, далеко за Курск и Воронеж; одновременно это было расширением государственной границы и охраной земледельческой населенной полосы. Впрочем, от нового вторжения татар эта мера не предохранила: хан Казы-Гирей со своей ордой дошел было до самых стен Москвы, но, к счастью, тотчас же поворотил обратно (1591). В память спасения столицы основан был за городом в нескольких верстах от Кремля ставший впоследствии знаменитым Донской монастырь.

4. Торговые сношения с Англией вызвали основание города Архангельска на самом устье р. Двины (1584). Усиленно добиваясь монопольной торговли на Белом море, англичане получили право беспошлинно торговать во всем Московском государстве.

5. Польша. Отношения к Польше теперь, после неудач, вынуждавших Москву принять тягостные условия перемирия в Запольском Яме, могли быть только строго оборонительными. О Зарубежной Руси пока нечего было и думать; вырастала иная

забота — парировать новый удар, что готовил России польский король. Успехи последней войны окрылили Стефана Батория и Антония Поссевина, породив у них смелый и грандиозный план: завоевать Московское государство, а потом соединенными русско-польскими силами изгнать из Европы турок, привлекая к этому делу Венецию и папский престол (Сикст V). Посольству Гарабурды поручено было хлопотать в Москве об избрании Стефана Батория в цари после смерти Федора, домогаться Смоленска, Северной области, Новгорода, Пскова (1586). Преждевременная смерть Батория (1586 г., декабрь) расстроила этот план. Новое посольство в Москву литовского канцлера Льва Сапегы ослабило прежнюю остроту отношений, и перемирие 1582 г. было продлено еще на 30 лет (1600).

Смерть царевича Дмитрия

Несмотря на несомненные государственные заслуги Годунова, на почести, какими он был осыпан, на бесконтрольную власть и обширные полномочия, ему предоставленные, положение царского «шурина и правителя» оставалось все время шатким и двусмысленным. При хилом здоровье царя Федора и при его бездетности естественно было задуматься: кто будет его преемником? А этот вопрос, в свою очередь, поднимал другой: как отразится на судьбе Годунова предстоящая неизбежная перемена на престоле? С особенной настойчивостью выдвинулся этот вопрос после того, как в Москве разнеслась потрясающая весть о смерти малолетнего Дмитрия, сына Марии Нагой. Потрясла же эта весть по той обстановке и по тем комментариям, с какими она стала достоянием публики.

С самого воцарения Федора малолетний Дмитрий жил со своей матерью в своем «уделе», в городе Угличе на берегах Волги. Это была своего рода ссылка — так ее и понимали. 15 мая 1591 г. царевича вдруг не стало. Угличане тут же расправились с приставленными к нему людьми: убили дьяка Витяговского, его сына и Волохова, сына царевичевой мамы. Боярин Василий Иванович Шуйский (будущий царь) спешно был послан расследовать дело и донес, что мальчик в припадке падучей наткнулся на нож, бывший в его руках, и смертельно ранил им себя. Однако в народе тогда же стали втихомолку говорить, что нечаянное самоубийство — одна выдумка: что в Действительности ребенок был убит преднамеренно, и уже совсем шепотом добавляли, что убийство совершено по тайному приказу Бориса Годунова, подославшего убийц с целью расчис-

ников и мастеров приехать в Россию; только что завязавшиеся на севере торговые сношения с Англией, при всей их ценности, Ивана не удовлетворяли: Архангельск лежал далеко от европейских стран; к тому же Белое море, свободное ото льда меньшую половину года, не позволяло вести обмен товарами тем ускоренным темпом, как этого позволительно было ожидать в балтийских водах. Намерению царя благоприятствовала, по-видимому, и внешняя обстановка: орден страдал от внутренних раздоров; Иван Грозный видел в нем легкую добычу, а сорокалетний мир со Швецией, только что заключенный после двухлетней с ней войны (1555—1557), обеспечивал, по его мнению, от нападения с тыла.

По-своему царь был прав, как права была и рада: обзавестись гаванью, равно и обеспечить себя от крымских набегов было необходимо. Но и царь, подобно раде, не учел степени возможности осуществления своей программы. Не от него одного зависела судьба Ливонского ордена. Иван не предвидел, что другие не позволят ему безнаказанно нарушать ливонский *status quo*, и среди них та самая Швеция, на нейтралитет которой он рассчитывал. Между тем был ли Грозный готов на борьбу с коалицией? Если в наши дни нам ясно, что план Сильвестра, начни он приводиться в исполнение, осуществлен бы не был: покорить Крым, как покорили Казань и Астрахань, не удалось бы, — то одинаково рушился, как показали последующие события, и план Грозного.

Голос царя перевесил; война начата была не с Крымом, а с орденом¹ и через 20 лет закончилась полным крахом, показав, что план царя тоже был несвоевременным. Историки вплоть до нашего времени спорят, чей план был основательнее, который из них следовало бы предпочесть?² Никто не задается вопросом: не следовало ли подождать и с тем и с другим? И это понятно: жизнь народная не стоит неподвижно на одном месте, она должна двигаться вперед, и тот факт, что обе программы вызвали горячие споры, нашли себе, та и другая, убежденных сторонников, свидетельствует об их жизненности: они не были

¹ Избранная рада, по-видимому, не сразу отказалась от своего плана, частично пытаясь осуществить его и тогда, когда военные действия против ордена уже начались: в 1559 г. на Крым был сделан двусторонний набег, со стороны Дона и Днепра. Даниил Адашев, брат Алексея, высадился на западном берегу Крымского полуострова, потопил два турецких корабля и вернулся с богатой добычей, освободив из неволи много русских пленников.

² См. Приложения. № 9: «Иван Грозный в его отношениях к Крыму и Ливонии».

надуманы, не явились выражением личного каприза и самолюбия. А что одержала та, а не эта программа, зависело от наличия и сочетания второстепенных факторов.

Повторяем, оба плана страдали основным пороком — неосуществимостью в данный момент; но оба были одинаково своевременны, одинаково неотложны. События последующих двух веков, XVII и XVIII, лучше всего доказали, каким обидным тормозом в культурной и политической жизни русского народа явилось запоздалое осуществление их. Вот почему и рада, и царю Ивану нельзя отказать в политической мудрости и прозорливости. И рада, и царь Иван правильно поняли и оценили значение балтийской и крымской проблемы. Иван Грозный — предтеча Петра Великого; по пути, указанному Избранной радой, впоследствии пошла и достигла конечной цели Екатерина Вторая.

БОРЬБА С ЛИВОНСКИМ ОРДЕНОМ (1558—1561)

Война с Ливонским орденом началась очень успешно для русского оружия; летом 1558 г. взяты были Нарва, Юрьев (Дерпт) и Везенберг; к началу следующего года русское войско, беспощадно опустошая южную часть Ливонии, дошло до окрестностей Риги. Зато в северной части края Грозный держался иной политики. Город Юрьев в его глазах был «отчиной», своей землей, а население города — не чужие покоренные, а свои, возвращенные в родную землю. «Царь обещал дерптцам самые широкие привилегии, дал им право избирать себе из своих бюргеров чиновников, право свободной торговли, обеспечил за жителями их имущество, разрешил желающим свободный выход из города со всем имуществом, дал амнистию за все прошлое, даже по отношению к особе царя. При выступлении из города жителей и кнехтов со стороны русских соблюдалась необыкновенная дисциплина: кто отнимал ружье у кнехта, подвергался казни, и ружье возвращалось по принадлежности» (*Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI—XVII столетиях).

Нарва — желанный морской порт. В расчете оживить возвозную торговлю своего государства Иван наделил ее важными привилегиями. Таковыми были: 1) свобода от военного постоя; 2) право беспошлинно торговать в пределах Московского государства; 3) право торговых сношений с Германией. Эти льготы были оправданы в ближайшие же годы: девять лет спустя (1567) в Нарвскую гавань присылали своих купцов и товары

тить себе путь к престолу. Молва росла, и нашлись люди, охотно раздувавшие ее. Это были прежде всего личные враги Годунова: те бояре, которых он оттеснил от власти или которые опасались за свою судьбу, не ждали себе от него ничего доброго.

Обстоятельства смерти царевича Дмитрия и поныне остаются загадочными, и нельзя с надлежащей точностью и уверенностью сказать, как и отчего умер мальчик, кто был виновником или что было причиной его смерти.

Обвинение Годунова в смерти царевича

Трудно ответить и на другой вопрос: повинен или нет, а если да, то в какой степени, Годунов в смерти восьмилетнего мальчика. При всем честолюбию Борис был достаточно умен, чтобы понять, что сохранить преступление в тайне будет ему непосильно, а раз тайна открыта, доказанное преступление навредит ему больше, чем если бы царевич остался в живых. Зато жизненный опыт должен был подсказать ему и другое: что, умри Федор и воцарись Дмитрий, Нагие не задумаются расправиться с ним так же, как сам он в свое время расправился с Мстиславским и Шуйскими, и что его ждет в таком случае или петля на шее в уединении тюремных стен, или долгие годы заточения в глухом, холодном углу, и в лучшем случае — монашеский клобук. По инстинкту самосохранения ему естественно было желать — только желать! — смерти царевича, и если неосторожная фраза выдала его затаенную мысль, то недостатка в прихлебателях и людях, готовых подслужиться, у Годунова быть не могло. Но выдал ли он свою тайну, он, такой осторожный, такой рассудительный?..

Чтобы там ни произошло, но смерть царевича принесла Годунову больше зла, чем пользы; на него легло пятно «убийцы», и чем рискованнее было утверждать это вслух, чем тяжелее карал «убийца» за неосторожные речи, тем сильнее вкоренялось убеждение, что он действительно главный виновник злого дела.

Примечание. Царевич Дмитрий император Петр III.

Русская история знает другой случай, сходный по некоторым чертам своим. Император Петр III по низложению был перевезен в село Ропшу и там вскоре убит. Убил его Алексей Орлов, один из главных пособников императрицы Екатерины II при возведении ее на престол. Однако общественная

¹ См. Приложения. № 23: «Как умер царевич Дмитрий?»

молва считала императрицу сильно замешанной в этом убийстве; всем казалось «ясным» и «вполне естественным», что она постарается возможно скорее развязаться с ненавистным мужем и предотвратить возможность новой смуты, которая могла бы кончиться ее собственным низложением и новым воцарением Петра. Даже сын императрицы, цесаревич Павел, оставался долгое время в убеждении, что Орловым управляла рука его матери. Правда раскрылась перед ним только 34 года спустя, когда, воцарившись, он нашел в бумагах Екатерины записку Орлова, в которой тот, донося о смерти Петра, винился перед ней в содеянном преступлении. Найдется ли когда-нибудь подобного же рода «записка» в оправдание Бориса Годунова?

П. ЦАРСТВОВАНИЕ БОРИСА ГОДУНОВА (1598—1605)

Воцарение Бориса

Смерть царевича Дмитрия очистила Годунову дорогу к престолу. Родившаяся у царя дочь Феодосия (1592) долго не прожила, со смертью Федора династия Рюриковичей совершенно угасла, и престол перешел к Борису. Конечно, и кроме Годунова были бояре, имевшие не менее, даже более оснований и прав претендовать на вакантную корону, как, например, племянник царицы Анастасии, первой жены Ивана Грозного, Федор Никитич Романов; но у Годунова была власть, все нити управления сосредоточивались в его руках; он располагал всеми средствами, чтобы оказывать давление в свою пользу, у Федора же Никитича ничего иного, кроме отдаленного родства, вернее, свойства с угаснувшим домом. Глухие обвинения в убийстве царевича Дмитрия, в отравлении царя Федора побудили Годунова, тонкого политика, построить свое будущее не одними только внешними средствами. Когда земский собор по предложению патриарха Иова выбрал Бориса в цари, он категорически отказался от власти; его пришлось просить, умаливать, и он принял, наконец, корону только после самых усиленных просьб собора и всего населения города Москвы (не так ли поступил и Иван Грозный, Уехав в 1564 г. в Александровскую слободу?). Таким образом им были приняты все меры, чтобы не только законно обставить свое избрание, но и показать всей России, что сам он власти не добивался.— она была ему насильственно вручена.

1. 7 января 1598 г. умер царь Федор.
2. Бояре, патриарх, а за ними потом вся Москва присягнули вдове Федора, царице Ирине, как государыне.
3. Ирина отказалась от царства, передала власть патриарху Иову, сама же удалилась в Новодевичий монастырь, где и постриглась (под именем Александры).
4. Вслед за ней, туда же, в Новодевичий, переехал и Борис.
5. Возможными кандидатами на престол намечались: 1) Федор Иванович Мстиславский, первый боярин в Думе (его отец был двоюродным братом царя Федора); 2) Федор Никитич Романов, двоюродный брат покойного царя; 3) Борис Годунов, его шурин; 4) боярин Богдан Вельский. Выделялись второй кандидат и третий: Романов и Годунов; вокруг них и загорелась борьба.
6. Пошли глухие слухи, будто царевич Дмитрий не убит, где-то скрывается, что Годунов отравил царя Федора, что царь, перед кончиной наметил своим преемником Романова, говоря Борису: «Тебе нельзя быть царем: ты слишком низкого происхождения для такого высокого сана».
7. Князья Шуйские своей кандидатуры не выставляли, но тем энергичнее поддерживали Федора Никитича, однако безуспешно.
8. Созванный патриархом земский собор (512 человек: 1) духовенство; 2) высшие государственные чины; 3) военно-служилые люди; 4) торгово-промышленный класс) постановил 17 февраля избрать в цари Бориса.
9. 20 февраля члены собора явились в Новодевичий монастырь и молили царицу утвердить избрание, а Бориса — принять его. Согласия они не получили.
10. На следующий день, 21 февраля, крестный ход к монастырю и новые просьбы, подкрепленные угрозой патриарха отлучить Бориса от церкви в случае отказа. На этот раз Борис принял избрание.
11. 26 февраля Борис явился в Москву царем.
12. В начале мая Борис выступил к Серпухову против крымского хана.
13. Противники Бориса (главным образом братья Романовы и Вельский) не сложили оружия после его избрания: пользуясь отсутствием Бориса из столицы, они задумали провозгласить царем слепого касимовского царя Симеона Бекбулатовича, некогда поставленного Иваном Грозным в «великие князья всея Руси».

14. Борис предупредил переворот и потребовал вторичной присяги на верность, с нарочитым обязательством «не хотеть» на царство Симеона и не сноситься с ним.

15. Поход к Серпухову. Настоятельной надобности в нем не было. По-видимому, слухи о приближении крымского хана были намеренно преувеличены. «В своем великолепном лагере Борис не дождался татарской рати, да, вероятно, и не рассчитывал дожждаться: он только принял под Серпуховым посольство от крымского хана и устроил ряд смотров и парадов своим войскам, расточая им ласки, угощения и подарки. В этом в сущности и состояла цель Бориса: в общении с воинскими массами новый государь искал себе популярности и опоры для своего трона. После того как он убедился, что эти массы расположены к нему и признали его в новом царском достоинстве, он к осени возвратился в столицу» (*Платонов. Борис Годунов, 131*).

16. 1 сентября 1598 г., в новый год, Борис торжественно короновался в Успенском соборе на царство.

Правительственная деятельность Бориса

Коронуясь, Борис торжественно поклялся блюсти нужды народные и заявил, что готов разделить последнюю свою рубашку с бедными и нищими в его государстве. Действительно, в течение всего своего царствования он ревностно заботился об укреплении правосудия и справедливости, боролся с лихоимством и самоуправством, избегал вовлекать страну в новые войны; старался просветить своих подданных; задумывал устроить в Москве школы на иноземный лад; посылал за границу учиться русскую молодежь; сознавая превосходство военной техники у своих западных соседей, завел в Москве особый отряд войска из иностранцев; начал обширные постройки в Кремле (при нем доведена до конца постройка «Ивана Великого»); даровал льготы английским и немецким торговым людям с целью оживить обмен необходимых стране продуктов.

Расправы с противной партией

При всем том твердой почвы под ногами Борис, по-видимому, не чувствовал. В постоянном опасении, как бы кто не подкопался под его власть, он пользовался первым предлогом, чтобы Устранить подозрительных для него бояр. Его главный соперник, Федор Никитич Романов, был вместе с младшими своими братьями обвинен в злых умыслах на царя; Федора пострigli

(под именем Филарета), заставили постричься и его жену, Ксению Ивановну (под именем Марфы), и обоих заточили в монастырь (1601): одного в Сийский, на диком Севере, другую — в Заонежском крае; братьев же сослали по разным глухим углам, тоже на далеком Севере (Чердынь, Пелым, Яренск). Сослали и Богдана Вельского. Доносы и шпионство выработались при Борисе Годунове в настоящую систему.

*Отрицательные стороны Бориса как человека. Доносы.
Молитва за царя*

Подозрительный, не способный к действиям прямым и открытым, привыкший к жалкой игре в крамолы и доносы, Борис, при всех его достоинствах правителя, как человек стоял невысоко. Он вышел из школы Грозного, а школа эта не могла воспитать в нем ни нравственной твердости, ни нравственного величия — душевных качеств, необходимых каждому смертному, тем более государю. В вечном страхе за себя Борис жил, окруженный доносчиками, поощрял наушничество и этим внес большое растление в умы людей. Холопы доносили на своих господ, уверенные, что их выслушают охотно; люди худородные получали повышения и награды за услуги сомнительной честности — в обществе, уже расшатанном, этим окончательно подрывались моральные узы, связывавшие людей между собой.

Подозрительность, неуверенность в самом себе, вечный страх за себя выдавали в Борисе низость его происхождения и ту печальную школу, которую он прошел при Грозном: школу крамол и доносов, изворотливости и действий исподтишка. Не умея воздействовать на людей нравственными средствами и не веря в их силу, он требовал формальных расписок на верность себе и своему дому; требовал, чтобы в общественных собраниях, при заздравной чаше, читалась особенная молитва о царе и его семействе. В данном случае сказалась «одна из болезней тогдашнего общества: вера в форму и букву, в господство внешнего над внутренним, духовным. Годунов верил, что молитва, произнесенная языком, т. е. механически, без ведома духа, хотя бы даже против доброй воли молящегося, все же будет действительной» (*Соловьев С. М. История России... Т. VIII, гл. II*).

Неурожай. Голодные годы

В результате в среде, окружавшей Бориса, росло и клокотало сильное недовольство. На несчастье, в России три года подряд

(1601, 1602, 1603) были неурожаи, и настал страшный голод. Люди умирали на улицах и дорогах, ели всякую падаль, древесную кору, во многих местах дело доходило до людоедства. Борис устроил раздачу хлеба из казны голодающим, начал в Москве большие постройки, чтоб дать нуждающимся заработок; но он не мог накормить всех голодных, и народ, не имевший, что есть, разбегался, бросая свои дома и хозяйство. Образовались большие разбойничьи шайки (Хлопко Косолап), которые силой добывали себе пропитание. Особенно охотно грабили тех богачей, бояр и купцов, которые, забыв совесть и пользуясь народной нуждой, не выпускали из амбаров на рынок свои обильные запасы хлеба в ожидании дальнейшего повышения цен.

Появление «царевича Дмитрия». Борьба за московскую корону

За этой бедой вскоре пришла другая, ставшая для Бориса фатальной. Пошел слух, будто царевич Дмитрий совсем не умирал и где-то скрывается. Действительно, в начале 1604 г. в Кракове появился человек, называвший себя царевичем Дмитрием, чудесно спасшимся от убийц, подсланных в 1591 г. Борисом Годуновым. Этот Дмитрий был личность незаурядная: без особого образования, но с живым, восприимчивым умом, он легко схватывал чужую мысль; пылкий и задорный, он сумел завоевать себе симпатии и доверие. Немалую поддержку нашел себе Дмитрий в польском магнате Юрии Мнишке. Опортунист, постоянно нуждавшийся в деньгах, не особенно щепетильный в вопросах морали, Мнишек ухватился за Дмитрия и, выводя его в люди, рассчитывал прежде всего о личной выгоде. Обстоятельства содействовали польскому пану.) Дмитрий серьезно увлекся дочерью Мнишка, Мариной. Честолюбивая не меньше отца, Марина дала согласие на брак, а будущий царь, взамен, как вено, обещал своему тестю целые области и громадные суммы денег.

i Дмитрий был хорошо принят при польском дворе: король Сигизмунд хотя и не решался действовать в открытую [недавно возобновленное перемирие с Москвой (1600) связывало ему руки] и официально не признавал претендента на русский престол, однако обласкал его и под рукой оказал ему денежную помощь, в расчете найти в нем послушное орудие своим политическим видам на Россию. Для вящего успеха Дмитрий принял тайно католичество и тем обеспечил себе могущественную поддержку иезуитов и Римской курии. Осенью 1604 г. с отрядом

польских добровольцев он вторгся в пределы Московского государства и, несмотря на первые неудачи, выиграл дело.

Ореол «Рюриковича», «законного» продолжателя династии, которую считали было уже угаснувшей, оказал Дмитрию неоценимую услугу. Рядом с «сыном» царя Грозного, «братом» царя Федора, фигура Бориса, вчера еще простого подданного, несказанно проигрывала. Южная окраина, куда явился Дмитрий из Польши, была полна беглыми крестьянами и холопами, недовольными своим положением, казаками, тяготившимися своей службой. Это все были выходцы из центральных областей государства, где они страдали от опричников и от крепостной зависимости. Все они ненавидели московские порядки и со спокойной совестью поднялись против Бориса, надеясь, что «истинный» царь улучшит их положение и усмирит бояр, «угнетавших простой народ». Этот бродячий, беспокойный элемент придал Дмитрию реальную силу, которой ему недоставало (так как из Польши он привел с собой всего 4 000 человек, никак не больше). Первый же успех претендента поколебал верность правительственных войск. Наконец неожиданная смерть Бориса совершенно расчистила Дмитрию дорогу к русскому престолу: при радостных кликах населения он торжественно вступил в Москву и воссел на троне «своих прародителей»¹

1. Дмитрий объявился в доме Вишневецких (1603 г., конец лета).

2. От Вишневецких он перешел к Мнишкам. Сближение с Юрием Мнишком и его дочерью Мариной.

3. Первое донесение в Рим о Дмитрии польского нунция Рангони (1603 г., 8 ноября).

4. Дмитрий в Кракове; принят королем; Рангони и местные иезуиты оказывают ему поддержку (1604 г., март).

5. Тайный переход Дмитрия в католичество (17 апреля).

6. Собственноручное письмо Дмитрия на польском языке (составленное не им) папе Клименту VIII (24 апреля). Своими неправильностями и каллиграфическими особенностями (в начертании букв) письмо¹ выдает великорусское (московское) происхождение Дмитрия.

7. Обязательства, принятые им перед поляками и папским престолом: а) Новгородская и Псковская области отдавались Марине Мнишек в полное владение, с правом пользования их

¹ См. Приложения. № 24: «Как было составлено письмо Лжедмитрия I к папе Клименту VIII 24 апреля 1604 года?»

входами и правом строить католические церкви; б) Юрию "нишку — части Смоленской и Северской областей; в) королю Речи Посполитой — остальная половина Смоленской области шесть городов в Северской; г) введение в России католической еры (25 мая и 12 июня).

8. Дмитрий шлет своих агентов к казакам на Волгу, Дон, Запорожье; те охотно stanовятся на его сторону.

9. Меры, принятые Борисом против Дмитрия: всенародное бъявление о Гришке Отрепьеве; грамоты патриарха с проклянем расстриги; обвинение бояр в интриге.

10. Дмитрий переходит Днепр под Киевом и вторгается в ределы московские (1604 г., после 20 октября).

11. Победа его войск под Новгородом-Северским (1604 г., 1 декабря).

12. Поражение, нанесенное ему под Добрыничами (1605 г., 1 января).

13. Южная окраина охвачена восстанием и пристала к Дмитрию — это парализовало неуспех под Добрыничами, который наче мог стать фатальным для Дмитрия.

14. Задержка под Кромами: правительственные войска осаили в Кромах находившееся там войско Дмитрия и не пускали го продвинуться дальше на север.

15. Смерть Бориса (1605 г., 13 апреля).

16. Измена Басманова (посланного со свежими силами на ромы) царю Федору Борисовичу: переход царского войска на торону Дмитрия (7 мая).

17. Низложение царя Федора (3 июня) и убийство его и "го матери, царицы Марьи (10 июня).

18. Вступление Дмитрия в Москву (20 июня).

19. Козни князя Василия Ивановича Шуйского («новый-де царь — самозванец»). Осуждение Шуйского на казнь и помилование (июнь).

20. Царица-инокиня Марфа признает Дмитрия своим сыном (18 июля).

21. Торжественное коронование Дмитрия на царство (21 июля).

Происхождение Лжедмитрия I

Подобно вопросу о смерти царевича Дмитрия в Угличе, наука еще не решила вопрос и о происхождении Лжедмитрия I. Ответы даются разные.

I. По вопросу: кто он?

- 1) Истинный царевич Дмитрий, сын Грозного.
 - 2) Беглый московский монах Гришка Отрепьев, «расстрига».
 - 3) Побочный сын Стефана Батория.
 - 4) Ни тот, ни другой, ни третий: поляк? трансильванец? итальянского происхождения? украинский казак (Мериме)?
 - 5) Выходец из Западной Руси.
- II. По вопросу: кто его создал?
- 1) Русские бояре.
 - 2) Иезуиты и поляки.
 - 3) Ополяченная западнорусская аристократия (Мнишки, Сапеги, Вишневецкие).
- III. По вопросу: кем он был в собственных глазах?
- 1) Самозванцем, т. е. сознательный обманщик.
 - 2) Дмитрий, т. е. добросовестно заблуждавшийся и убежденный в том, что он действительно сын царя Ивана Грозного.

Можно с уверенностью сказать, что сыном Ивана IV он не был; но кем именно — вопрос все еще открытый. Сам Дмитрий верил в свое царское происхождение от Грозного, и потому самозванцем называть его нельзя; а если правда и раскрылась ему, то разве в самые последние дни и недели, когда признание факта неизбежно грозило кровавой расправой и когда поэтому, спасая себя, ему не оставалось иного выхода, как играть ту роль, которую он перед тем выполнял, не играя.

Кому было выгодно противопоставить Борису соперника

Всего выгоднее, настоятельнее — русской боярской аристократии: «Дмитрий» был продолжением и новой формой тянувшейся на протяжении всего XVI в. борьбы княжат и родового боярства с московским самодержавием. Все остальные элементы, оказавшиеся враждебными Борису, лишь использовали благоприятное для них стечение обстоятельств, но сами инициаторами дела не были: 1) эгоистические, грубо матери-

¹ См. Приложения. № 25: «Кто царствовал в России после Бориса Годунова в 1605—1606 гг.?»

альные интересы Юрия Мнишка и Вишневецких; 2) расчет польского короля Сигизмунда III ослабить смутой Московское государство; 3) надежды Римской курии ввести в России католичество; 4) расчет людей, выбитых из своей колеи, на поживу и «лучшие дни»: казацкая голытьба; беглые; кабальные и холопы — все это факторы, хотя и немаловажные, но второстепенного значения: эти элементы лишь примкнули к работе, уже начатой, конечно, немало содействовали ее успеху, но первоначальный толчок, определивший появление Лжедмитрия, шел не от них.

Причины успехов Лжедмитрия I

1) Ему легко было поднять и привлечь на свою сторону население Северной Украины, куда он вошел из Польши; а у населения было довольно оснований к недовольству своим положением: тяжела сторожевая пограничная (военная) служба; велики размеры «десятинной пашни» (обязательной запашки земли на государя, т. е. в казну); злоупотребления местной администрации (принудительный заем зерна на посеве для государственной казенной пашни без уплаты процентов). Здесь, в Северной Украине, скопилось: бродячее казачество, дворовые люди, распущенные своими господами, бывшими не в состоянии прокормить их в недавние голодные годы, всякого рода «воры» (беглые; преступники, избегавшие наказания).

2) Лжедмитрий выступал как сын Ивана Грозного, что давало ему все преимущества законного наследника на царскую корону.

3) Подозрение, тяготевшее над Борисом, в его причастности к смерти царевича Дмитрия.

4) Моральная поддержка, оказанная Лжедмитрию боярами: личные счеты и родовая гордость не могли примириться с тем, что царем над ними «вчерашний раб, татарин, зять палача и сам в душе палач».

5) Смелость и решительность действий Лжедмитрия; его вера в царское свое происхождение и, следовательно, вера в правоту своего дела.

6) В противоположность этому, нерешительность Бориса, присущая ему подозрительность и сознание, что он окружен тайными врагами и потому не может положиться почти ни на кого.

III. ЦАРСТВОВАНИЕ ЛЖЕДМИТРИЯ I (1605—1606)

Царствование Лжедмитрия — или Дмитрия, как он сам себя называл и кем был по мнению очень и очень многих, если не для столичной знати, руководящих верхов, то для массы народной, особенно провинциальной, — продолжалось недолго, всего 11 месяцев (10 июня 1605—17 мая 1606). Не случайно подставленный боярами Дмитрий оказался на русском престоле случайным и бесследным явлением. Политическое воспитание свое получил он у днепровских казаков и в чуждой православию среде ариан, а позже при дворе польского короля, польских вельмож и родственников им по духу иезуитов, т. е. в школе, мало подходящей к будущему положению и обязанностям русского государя. Не восприняв в себя московских традиций, Дмитрий заранее отрезывал себе возможность создать что-либо прочное, тем более что у самого него не было никакой политической программы. Его военные планы: пойти войной на Турцию и Крым, изгнать мусульман из Европы в союзе с Польшей и при поддержке папы — отзывались больше хвастовством и самонадеянностью, чем серьезной, продуманной мыслью. Они были навеяны, по-видимому, пребыванием Дмитрия в Польше, где, конечно, еще всем были памяты аналогичные планы Стефана Батория. Задор, тщеславие слышатся и в величании им себя «непобедимым императором». \

Жизнерадостный и смелый, с умом живым, находчивым, но не глубоким, легкомысленный, он не сознавал той ответственности, какую возлагал на него его высокий сан. Уверенный в своем царском происхождении Дмитрий позволял себе много такого, чего другой на его месте поостерегся бы делать. Своим поведением в частной и общественной жизни он давал многократно повод к недоброжелательной критике. Беззастенчиво нарушая обычаи старины и легкомысленно выступая из рамок, считавшихся обязательными для русского царя, он зачастую поражал своею неблаговоспитанностью (в том виде, как последнюю тогда понимали в Москве): не был богомолен; не соблюдал постов; был несдержан в суждении о порядках Русской церкви, в частности, о русском монашестве; часто кутил через меру, слишком близко держал себя с поляками, пришедшими с ним из Польши, мирволил им. Дмитрий скандализировал москвичей несоблюдением установленных для государя правил и обычаев: не ложился спать после обеда, не ходил в баню, сам объезжал коней, без свиты гулял по городу и рынку,

вообще не умел сохранять своего достоинства так, как это требовалось по московским понятиям. Охрану своей личности он вверил иноземцам (личный конвой и дворцовая стража), в чем легко было увидеть недоверие к своим подданным. Кроме того, знатнейшие бояре не пользовались при нем никаким влиянием на дела: он держал их в стороне от себя и управлял государством с помощью немногих любимцев и доверенных лиц, большей частью ничтожных чинушек или, еще хуже, шляхтичей польско-литовского происхождения. Все это обижало и озлобляло москвичей, создавая благоприятную почву для агитации против Дмитрия.

Можно было опасаться, что, будучи вынужден, находясь в Польше, принять католическую веру, связать себя торжественным обещанием ввести в России церковную унию, а королю польскому и будущему тестю передать пограничные области, он станет теперь действовать в ущерб русским интересам; однако Дмитрий, попав в Москву, точно забыл свои пышные обещания и держал себя по отношению папы и короля совершенно независимо и, не разрывая открыто с иезуитами, ограничился тем, что предоставил им свободу богослужения и вход во дворец. Впрочем, довольно было и этого, чтобы смутить благочестивых москвичей и вызвать их подозрение.

Главное дело, однако, было не в поляках и не в иезуитах: главным врагом Дмитрия оказалось то самое боярство, которое [^]подготавливало его и содействовало достижению престола. Для бояр Дмитрий был простым орудием в их борьбе с Годуновым; для них было важно не столько посадить Дмитрия на престол, сколько ссадить с него Бориса. Теперь, когда Бориса не стало и цель была достигнута, Дмитрий оказывался более ненужным. С самого воцарения Дмитрия в Москве стали ходить темные слухи о «самозванце»; бояре через тайных агентов прямо заявляли полякам: «Зачем вы поставили нам самозванца?» Дмитрию давно рыли яму, а он, неосмотрительный и беззаботный, сам давал оружие в руки врагов. Свадьба с Мариной Мнишек сыграла роковую роль в его судьбе.

На эту свадьбу вместе с Мнишками из Польши наехало множество гостей, которых разместили, за отсутствием гостиниц, в частных домах. Иноверные и иноземные гости держали себя в высшей степени заносчиво и нахально, точно победители в завоеванной стране, обижали и раздражали москвичей. На свадебную церемонию в Успенский собор пригласили этих гостей, а из русских, кому полагалось присутствовать там по обычаю, далеко не всех; простое же население столицы не

пустили в этот день даже и в Кремль. Совершилось, по понятиям того времени, нечто неслыханное: на престол православных царей возводили еретичку! Марина категорически отказалась отречься от католической веры, и Дмитрий уступил ей в том. Казанского митрополита Гермогена, будущего патриарха и самоотверженного борца за русское дело в годы междуцарствия, сослали в его епархию за настойчивые требования перекрестить Марину. Дмитрий сговорился с патриархом Игнатием, своим ставленником, на компромисс: Марину миропомазали во время коронавания ее. И самое коронавание это совершено было перед бракосочетанием, иными словами, Марину венчали на царство прежде, чем она стала царицей (женой царя).

Но худшее было еще впереди. Тогдашняя церковная практика требовала, чтобы при совершении брака жених и невеста причащались Святых Тайн — Дмитрий и Марина не приняли их. Смущена была Москва и тем, что самая свадьба сыграна была накануне большого праздника (Николина дня). Три дня спустя, на официальном приеме поздравлений, Марина явилась в польском, не русском, платье и тем еще более подлила масла в огонь. Все вместе взятое такое поведение, по словам современника, было «причиной многих бед и гибели царя» (Арсений Елассонский, 113).

Примечание. Венчался Дмитрий 8 мая, в четверг, т. е. накануне постного дня, чего православная церковь в наше время не допускает. Но нынешний порядок вошел в употребление лишь в XVIII ст., а потому «четверг» нельзя ставить Дмитрию в вину.

Боярский заговор. Убийство Дмитрия. Народным недовольством ловко воспользовались бояре. Увидав, что смена на престоле не принесла им никакой пользы, что, свалив Годунова, новый царь цепко ухватился за добытую власть, они составили против него заговор. Душой заговора стал боярин Василий Иванович Шуйский, типичнейший интриган.

Мы видели, как, будучи послан в 1591 г. в Углич на следствие, он дал показание, что царевич Дмитрий в припадке падучей сам заколол себя ножом. Лишь только, однако, стал выясняться успех Лжедмитрия и лишь трон Бориса заколебался, тот же Шуйский начал под рукою говорить: «Нет, в Угличе

¹ См. Приложения. № 26: «Причащалась ли Марина Мнишек во время ее коронавания?»

царевича не убивали; царевич спасся и теперь идет к нам на Москву». И тот же Шуйский, едва умер Борис, снова показал другое лицо: начал действовать против Дмитрия, советуя не пускать его в столицу. Шуйского, однако, не послушали, арестовали и, по воцарении Дмитрия, отдали под суд. Суд приговорил его к смертной казни, но Дмитрий великодушно заменил ее ссылкой, а вскоре, на голову себе, и совсем простил Шуйского, дозволив вернуться в Москву. Старый интриган показал, как умеет он быть «благодарным». Шумные пиршества и веселье по случаю свадьбы молодого царя были еще в полном разгаре, когда рано утром 17 мая 1606 г. заговорщики ворвались во дворец, подняли спавшего Дмитрия и убили его. В городе начался грабеж и страшное избиение поляков, вакантный же престол занял главный участник заговора.

IV. ЦАРСТВОВАНИЕ ВАСИЛИЯ ШУЙСКОГО (1606—1610)

Движение общественных низов

С воцарением Василия Шуйского в истории Смуты наступает резкий перелом. Раньше Смуту создавали и поддерживали главным образом бояре; теперь в нее вовлечены более широкие круги: средние и низшие классы общества. Чем именно вызвано было это движение? Причины отчасти указаны выше.

1. Поместная система, вызванная военными нуждами, породив многочисленный класс помещиков, повела к прикреплению крестьян, живших на помещичьих землях, которые назывались из «черных» (государственных, «казенных») земель.

2. К общей тяготе привлечены были и земли частных владельцев (вотчинные), также земли удельные, по мере присоединения уделов. Прикрепление крестьян совершалось и здесь в том же направлении. Не решались трогать лишь монастырские земли: их считали Божьим достоянием и потому неприкосновенными; казалось грехом брать с них на нужды **Мирские**.

3. Те же военные потребности вызвали устройство засечных линий и укрепленных пунктов (городов), с населением из так **Называемых** казаков.

Все это были новые повинности; раньше почти неизвестные, **К** концу XVI ст. они приняли размеры весьма отяготительные.

4. Всего тяжелее ложились эти повинности на сельское население: оно закреплялось юридически и экономически. Юридически — потому что правительство принимало все меры к тому, чтобы обеспечить: себе — плательщиков податей, а помещику и вотчиннику — наличность рабочих рук и материал для доставки рекрут. Экономически — потому что крестьянин обыкновенно садился на чужую землю без наличных средств, вступал в долговые обязательства, чаще всего превышавшие его платежные силы, и уже по одному этому из свободного человека переходил на положение кабального холопа, т. е. фактически прикреплялся к земле, терял право покинуть ее по своему усмотрению.

5. Хотя поместье в известной степени прикрепляло к земле также и помещика, но последний оставался на ней всегда хозяином, крестьянин же сидел там подневольным работником. Это социальное неравенство становилось все чувствительнее, чем дальше шла экономическая разруха. К тому же три голодных года разорили массу хозяйственных гнезд и выкинули «на улицу» тысячи бездомных и безработных. Будучи не в силах прокормить своих холопов, многие господа в ту пору покидали их на произвол судьбы; те разбегались и поневоле жили воровством и грабежами. Развилось бродяжество, а с ним и преступления; спасаясь от наказания, люди бежали на окраины — там легче было укрыться от карающей руки. Вообще таких выбитых из колеи людей, которые не сидели спокойно на месте, а бродили в поисках лучшего, казаковали, жили изо дня в день, накопилось довольно в начале XVII ст. В существующем государственном и общественном строе они видели враждебную, темную силу, лишившую их прежней свободы и куска хлеба. Свою ненависть к этому строю они перенесли на всех, кто, по их мнению, находился в лучшем положении, — на служилых людей, на посадских, на зажиточный торговый класс, не говоря уже про богатых и власть имущих.

6. Но бегство на окраину, облегчая положение бежавших, пагубно отражалось на положении оставшихся. Размер повинностей, лежавших на деревенской общине, на мире, определялся количеством пахотной земли, и теперь с уходом рабочих рук раскладка падала на меньшее число лиц — положение оставшихся поэтому становилось еще затруднительнее, их желание уклониться от повинностей еще сильнее. Таким образом, чем больше увеличивалось на окраинах число недовольных, тем более, экономически, хирели центральные области.

В конечном результате недовольными оказались: 1) низы — голытьба, беглые холопы и крестьяне, вообще люди, выбитые с своей колеи. Во главе их стал Иван Болотников, бывший олоп боярский; 2) средние классы общества — мелкие вотчинники, городовые казаки, беднота посадская, а в Рязанском крае, вдобавок, и богатое, честолюбивое дворянство, которому оцарение Василия, опиравшегося исключительно на родовитых бояр, закрывало дорогу к продвижению вперед и повышению своего общественного положения. Во главе этого слоя недовольных стали рязанский воевода Сунбульв и рязанский дворянин Прокопий Ляпунов.

Бегство в Степь (в «Поле»)

Жажда еще не забытой свободы, желание избавиться от экономической тяготы нашли свой выход благодаря тем же самым войнам, которые таким тяжелым бременем легли на Русь: с завоеванием Казани открылась восточная граница, вободный доступ в черноземный Приволжский край; на юге же открылись свободные земли за Окой. Ока перестала теперь, как раньше, быть берегом, гранью, за которой для русского человека начиналось безбрежное степное море, чужое и опасное: к концу XVI ст. он уже перешагнул этот барьер и дошел до Черного Дона, до верховьев Сейма и, отвоевав широкую полосу земли, открыл путь и сюда.

Еще при Грозном в города Северной Украины само правительство выселяло в наказание всякого рода лихих людей, крамольников, на положении казаков и стрельцов. Поместная система нашла и здесь свое применение; но служилые люди были тут мелкопоместные, и служба их была не из легких. Кроме того, на Волге и на Дону к тому времени успело образоваться вольное казачество — оно охотно принимало в свою среду любого, кто, подобно ему, разорвал связи со старым укладом жизни.

Вообще и на юг, и на Волгу шло много всякого народа: кто по своей воле, убегая, скрываясь: холопы, крестьяне, обедневшие посадские люди, преступники; кого посылало само правительство для заселения и охраны границ. Большинство этой Разнородной массы жило без уверенности, как оно встретит завтрашний день, и нужен был лишь внешний толчок, чтобы сплотить ее и дать выход накопившемуся недовольству и злобе против «лучших» людей.

См. выше, гл. VII, параграф «Крым и засечные линии».

Непрочность положения царя Шуйского

Шуйский был выбран кучкой бояр, а не голосом всей русской земли, что уже с самого начала лишило его необходимого авторитета. Грамотам о низложении «злодея, еретика и черно-книжника самозванца Гришки Отрепьева» плохо верили, особенно вне столицы; не подействовал и перевоз из Углича тела покойного царевича Дмитрия, торжественное погребение его в Архангельском соборе, в Кремле. Крестоцеловальная запись Шуйского, данная при воцарении боярам: «суда без них не творить, смерти никого не предавать, отчин у них не отнимать, ложных доносов не слушать, а ложных доносчиков наказывать», плохо исполнялась самим Шуйским.

Вообще его воцарение не предвещало ничего доброго ни общественным низам, ни среднему служилому классу, мелкопоместному дворянству: для тех и других Шуйский был «боярским» царем, с программой узкосословной, и потому, когда разнеслась весть о спасении царя Дмитрия, слух имел большой успех и многих, особенно на окраинах, сплотил вокруг имени Дмитрия.

Болотников и Сунбулов — Ляпунов

Низы не верили Шуйскому прежде всего потому, что не хотели верить, потому что им было выгодно не верить новому царю. Хоть и избранный не земским собором, Шуйский все же олицетворял собой известный порядок и устои, для низов же именно этот самый «порядок» и был явлением нежелательным, сломить именно его они и собирались. Их программа была весьма несложная, простому уму ясная и доступная: пограбить и поживиться на чужой счет. Живи Болотников в наши дни, на своем знамени он, вероятно, начертал бы: «торжество пролетариата» и «грабь награбленное».

Недовольство средних классов выросло из других оснований: они хотели свалить «боярского» царя и заменить его общенародным — таким, который блюл бы интересы всех классов Русской земли, а не мирволил одной небольшой кучке избранных. Они настаивали на реформе и улучшениях, не более; низы же прямо домогались разрушения всего общественного строя.

¹ См. Приложения. № 27: «Как состоялось избрание в цари В. И. Шуйского?»

Вот почему Сунбулов и Ляпунов, вначале действовавшие вместе с Болотниковым, потом, оглянувшись, когда выясился анархический характер выкинутого им знамени, отступили от него (1606 г., ноябрь) и примирились с Шуйским, альнейшая борьба с Болотниковым потребовала, однако, еще емалого напряжения сил; лишь год спустя удалось взять город улу, где он засел со своими приверженцами, и захватить его мого (1607 г., декабрь).

Тушинский вор

Восстание Болотникова было подавлено, но причины, его вызвавшие, не устранены; и не успел еще царь Василий благополучно расправиться с одной бедой, как ей на смену пришла новая, горше первой: на той же самой южной Украине летом 1607 г. появился самозванец, выдававший себя за спасшегося царя Дмитрия. Прошлое этого самозванца темно, и кто он был, вероятно, навсегда останется неизвестным. Русский Спартак, он собрал вокруг себя значительное число недовольных, и движение приняло на этот раз особенно опасные размеры, так как в бесформенную массу бывших сподвижников Болотникова влились два свежих элемента: гулящий народ — донские и запорожские казаки, и польские шляхетские отряды, участвовавшие в недавнем рокоме (вооруженном бунте против короля), люди, выбитые из колеи: кто был осужден на изгнание и волей-неволей шел искать на стороне себе счастья (известный наездник Лисовский со своими «лисовчиками»), кто — просто не желал выпускать сабли из рук, выжидая подходящего случая пустить ее поскорее в дело (пан Рожинский, Сапега). К тому же поход на Москву представлялся польским воинам, помимо всего, прекрасным случаем отместить за смерть своих братьев, вероломно убитых в Москве в майские дни 1606 г., когда население города, покончив с Лжедмитрием, жестоко расправилось и с теми. Силу тушинцам поляки придали не столько количеством своих сабель (их было 7 000 человек), сколько известной организацией: это не была беспорядочная ватага людей, но военное братство с установленными правилами поведения, с довольно строгой Дисциплиной и подчинением своему начальству.

Мы видели, что разъединяло сторонников Болотникова от Сунбулова и Ляпунова: разные цели. Резкая грань легла и в Тушинском лагере между русскими и польскими сотрудниками Самозванца: племенное происхождение, религия, обычаи, вкусы И навыки житейские; зато их сплотила именно цель, более или

менею одинаковая: захват чужого добра, нажива, разорение; вследствие чего и самый союз оказался прочнее, не распался так скоро.

Осада Москвы

Чувствуя за собой внушительную силу, Самозванец решился на крупный шаг: летом 1608 г. он двинулся к Москве и осадил ее, поставив свой стан в пригородном селе Тушино, от которого потом и пошло его прозвание — Тушинского вора. Так началась осада Москвы, продолжавшаяся полтора года (1608 г., июнь — 1609 г., декабрь).

Зло состояло не только в том, что правительство царя Шуйского, запертое в Москве, отрезанное от областей, лишено было свободы действий и возможности править страной, но и в той разлагающей нравственной атмосфере, которая охватила в ту пору столицу. Неуверенность в завтрашнем дне, страх за себя и вместе с тем духовное ничтожество «боярского» царя, не способного поддержать свой авторитет на надлежащей высоте, создали, по выражению того времени, «шатание умов», полную политическую беспринципность. Многие, поцеловав крест в Москве Шуйскому, уходили в Тушино, присягали там Самозванцу и, получив от него милости и награды, возвращались опять в Москву. Это была беззастенчивая торговля: кто больше даст или пообещает. Люди обедали за одним столом, а после обеда отправлялись одни во дворец к царю Василию, другие — в Тушинский лагерь, в расчете на то, что если победит сторона Шуйского, то поехавшие к нему защитят отъехавших к Вору, и наоборот. А беспомощный Шуйский принимал таких перелетов, даже награждал их, подрывая этим последние остатки уважения к своей личности. Каждый думал об одном себе; Русская земля, общее благо были забыты; Родина перестала существовать.

Действия тушинцев на севере от Москвы

Одновременно с затянувшейся осадой столицы тушинцы двинулись на поволжские и заволжские города в расчете на верную (и не обманувшую их надежд) богатую добычу. Запуганное, бессильное население во избежание разгрома в большинстве случаев сдавалось добровольно. «Кого было слушать? На что решиться? Двадцать два города присягнули царю тушинскому, по большей части неволей, застигнутые врасплох, увлекаемые примером, в тяжком недоумении, на чьей стороне правда»

(Соловьев С. М.). Таковы были Суздаль, Углич, Ярославль, Владимир, Кинешма, Кострома, Вологда, Белоозеро, Тотьма, Устюг, 'уром (1608 г., октябрь и след.). Особенно тяжела была участь родов, решившихся оказать сопротивление. В Ростове, например, погибло до 2 000 человек; собор был разграблен; себрияная рака с мощами св. Леонтия Ростовского разбита на уски и поделена между грабителями.

Русское Лихолетье

^

Тогда-то началась страшная пора Русского Лихолетья, или, ак его еще называют, Московского Разоренья, память котором пережила поколения. Поведение тушинцев было астоящей вакханалией произвола и насилия. Безнаказанность азвязывала руки, создавала потачку самым дурным инстинктам. Врывались в дома знатных людей и хозяйничали там, как отели; грабили лавки, забирали товары без денег; обижали ростой народ на улицах; похищали женщин и детей; денежным всякого рода поборам не было конца.

Характерно, что русские тушинцы вели себя много хуже поляков. Поляки пришли за добычей; сама Россия, ее настоящее, а тем более будущее несколько их не интересовали; ни к кому ни особых симпатий, ни особой вражды они не питали; ростые хищники, они пришли взять, что можно, с тем, чтоб ернуться потом обратно домой в свою Польшу, безучастные о всему остальному. Не то тушинцы русские, состоявшие лавным образом из бездомных казаков, беглых холопов и рстьян. Они ненавидели существующий строй, бежали от его орядков и теперь вымещали свою ненависть на беззащитных ителях. Им мало было одного материального разорения: чувствуя, что самого строя им не разрушить, они с удвоенной злобой поднимались на мирных обывателей городов и деревень — на всех тех, кто в их глазах олицетворял собой этот строй, и злорадно губили их, умерщвляли не просто, а самым зверским образом. Чувство злобы и ненависти глушило в них Даже чувство религиозное: хладнокровно смотря, как поляки кощунствовали в церквах и надругались над лицами духовными, они даже сами помогали им в этом.

В результате, по словам современника, «жилища человеческие превратились в логовища зверей: медведи, волки, лисицы и зайцы свободно гуляли по городским площадям, и птицы вили гнезда на трупах человеческих. Люди сменили зверей в Их лесных убежищах, скрывались в пещерах, непроходимых

кустарниках, искали темноты, желали скорейшего наступления ночи; но ночи были ясны: вместо луны пожарное зарево освещало поля и леса, охота за зверями сменилась теперь охотой за людьми, которых следы отыскивали гончие собаки; казаки, если где не могли истребить сельских запасов, то сыпали в воду и грязь, и топтали домашнюю рухлядь; где не успевали жечь домов, там портили их, рассекали двери и ворота, чтобы сделать жилища неспособными к обитанию» (Соловьев С. М. История России... Кн. VIII, гл. V).

Освобождение Севера от тушинцев

Рано или поздно поведение тушинцев должно было вызвать спасительную реакцию. Города, приставшие к Вору из страха или по малодушию, потому ли что первоначально не знали, на чьей стороне правда: на стороне ли Вора или царя Василия, — начали мало-помалу отпадать от него; население собиралось в организованные отряды, избивало и изгоняло насильников. Так постепенно отпали города Галич, Кострома, Вологда, Белоозеро, Устюжна, Городец, Кашин, Углич, Ярославль, Молога, Муром, Тотьма. Серьезную поддержку оказал им племянник царя Василия, Михаил Скопин-Шуйский, посланный в Новгород для набора войска. Общими усилиями к половине 1609 г. Север был очищен от разбойничьих шаек.

16-месячная осада Троице-Сергиева монастыря

В эту печальную годину новым бедствием явилась осада Троице-Сергиева монастыря отрядами Сапеги и Лисовского (1608 г., сентябрь — 1610 г., январь). Зато в самом бедствии этом народное сознание почерпнуло новые духовные силы и, благодаря им, легче справилось потом с нагрянувшей бедой. Осада достопамятна по громадному духовному подъему и религиозному воодушевлению, с каким осажденные отстаивали «дом св. Сергия» от грозившей ему опасности подвергнуться поруганию иноплеменника.

Осаждающих было 15 000, защитников всего 2 400 или даже 2 300 чел., не более. Ужасная цинга косила осажденных; медицинской помощи, хорошей пищи — никакой; силы защитников таяли изо дня в день, и все же обитель св. Сергия не сдавалась: ее отстояли. Как могла такая ничтожная горсть людей, ставшая особенно ничтожной к концу осады, притом в таких исключительно тяжелых условиях, — как могла она выдержать сопротивление в течение почти полутора лет? Необхо-

имые силы люди нашли в своей вере, в твердом убеждении, то с ними сам св. Сергий и что великий чудотворец не допустит осквернения своего гроба, не отдаст его на поругание врагам православной веры.

Сергия Радонежского при жизни неоднократно посещали видения. Еще когда он был простым отроком Варфоломеем, ему привиделся старец, предсказавший мальчику его будущее.¹ Лет за семь до смерти, значит, уже стариком (он умер 78 лет), Сергию было также видение: в церкви, где он стоял на молитве, ему явилась Богоматерь в ослепительном сиянии, в сопровождении апостолов Петра и Иоанна, и сказала: «Я и после смерти твоей неотступна буду от твоей обители и подам ей помощь, сохраню и покрою, когда она будет в ней нуждаться».

Это видение и горячая вера в спасительную силу — вот источник того высокого духовного подъема, какой проявили осажденные в трудные минуты тяжелого испытания. Приподнятое настроение, тревожная экзальтация, благостный трепет при мысли, что подле них, невидимо, сама Заступница Богоматерь и великий чудотворец, порождали видения и у самих защитников монастырской обители. Св. Сергия нередко видели молящимся, слезно плачущим; то он утешает братию, то по ночам ходит по монастырю, будит монахов и говорит им: «Идите в церковь и обрящете там благодать»; то, наконец, прямо обещает им истребить их врагов. Подобные видения укрепляли веру, поддерживали стойкость духа, подымали бодрость, рождали героев. В конечном результате, св. Сергий, он спас свой «дом», он не дал его на поругание. И если раньше дом св. Сергия служил выражением исконной русской, именно русской православной веры, верным хранителем ее вечной правды, то с этой поры, озаренный лучами своего религиозного и патриотического подвига, он вырос в настоящую твердыню православия, в тот живой источник, в котором народная мысль впоследствии постоянно черпала и продолжает донныне черпать и обновлять свои духовные силы.

Примечание. Наука вполне допускает и признает субъективную достоверность видений; тем более нельзя отрицать их реальное значение, те реальные последствия, какие они могут повлечь за собой.

¹ Это видение послужило темой для картины художника Нестерова.

Вмешательство иноземцев в русские дела. Делагарди и Смоленск

Сиденье Самозванца под Москвой, захват тушинцами северных городов, предательство вокруг и полная политическая и военная немощность делали положение Шуйского почти безвыходным. Царю не на кого было положиться; он не мог действовать с надлежащей уверенностью, что ему не изменят и поддержат в решительную минуту. Хотя более главные города, в том числе Смоленск, Нижний, Казань, Коломна, и признавали его власть, но этих сил ему было недостаточно, чтобы, опираясь на них, справиться с тушинцами. Царь Василий решился на меру сомнительной пользы: он призвал на помощь шведов, давно уже навязывавших ему свою дружбу (1609 г., февраль). Купленная дорогой ценой — уступкой города Корелы (Кексгольма) в Карелии, отказом от своих прав на Ливонию и обязательством вечного союза против поляков — помощь эта не оправдала мотивов, которыми была вызвана. Хотя посланный шведами вспомогательный отряд под начальством боевого опытного генерала Делагарди и рассеял часть разбойничьих шаек, шнырявших то тут, то там; хотя он и освободил от них многие города, однако существенного изменения в положение дела не внес: Самозванец по-прежнему стоял под Москвой, и царь Василий по-прежнему был не свободен в своих действиях.

Между тем вмешательство шведов в русские дела подняло Польшу. Польша и Швеция были в ту пору на ножах, каждая домогалась первенствующего положения на Балтийском море и вела спор за земли бывшего Ливонского ордена. Вдобавок польский король Сигизмунд III претендовал на шведскую корону, считая захватившего ее Карла IX, своего дядю, узурпатором. При такой обстановке Сигизмунд не без основания полагал, что влияние Швеции в России может стать пагубным для поляков, и потому, в ответ на посылку корпуса Делагарди, сам поспешил явиться с войском в Россию и осадил Смоленск, давнее яблоко раздора между русскими и поляками (1609 г., сентябрь). Таким образом, к одной беде — к врагам домашним — прибавилась другая — враг внешний.

Появление Сигизмунда под Смоленском принесло лишь ту относительную пользу, что отвлекло от Самозванца польские отряды: они бросили Тушино, найдя выгоднее для себя служить в королевских рядах. А это, в свою очередь, вынудило Вора оставить осаду Москвы и на время отойти к югу. Он заперся

в Калуге, оставаясь, впрочем, и там угрозой царю Василию (1609 г., декабрь).

Последние месяцы царствования Василия Шуйского

Бессилие и полная непригодность Шуйского становились все очевиднее, и скоро, как ненужную, бесполезную вещь, его низвели с престола. Низложение явилось логическим и неизбежным следствием событий в том виде, как они развернулись в последние месяцы его царствования. X

1) Потеряв своего главара и не желая переходить на сторону Шуйского, русские тушинцы вступили в переговоры с Сигизмундом, предлагая избрать на царство его сына, королевича Владислава. Отправленное с этой целью под Смоленск к Сигизмунду посольство (боярин Салтыков, князя Масальский и Хворостинин, дьяк Грамотин, Федор Андронов, «бывший московский кожевник, умевший приблизиться к первому Лжедмитрию, найти почетное место и при втором в Тушине») поставило следующие условия избрания: а) ненарушимость греческой православной веры; б) суд совместно с боярами и думными людьми; в) людей великих чинов невинно не понижать, а меньших людей возвышать по заслугам; г) Владислав будет коронован в Москве русским патриархом.

Сигизмунд принял эти условия (1610 г., 4 февраля).

2) Торжественный въезд Скопина-Шуйского и Делагарди в Москву (1610 г., 21 марта).

3) Смерть Скопина-Шуйского (23 апреля); слух, будто он отравлен своей же родней, по зависти к его славе. «Со смертью Скопина царь Василий утратил верность рязанских дворян, поверивших слуху об отраве; в умершем вожде лишился он и посредника между его правительством и северными „мужиками“, которых вооружил и привел в Москву. Скопин. Смертью Скопина, как выразился С. М. Соловьев, „порвана была связь русских людей с Шуйским“, и царь Василий лишился нравственной опоры» (Платонов. Очерки, 440).

4) Поляки (гетман Жолкевский) наносят под Клушиным тяжелое поражение русским войскам, бывшим под начальством бездарного кн. Дмитрия Шуйского, брата царя Василия (24 июня).

5) Следствия поражения: а) Делагарди отрезан от Москвы и вынужден отойти к Новгороду; б) полякам открылась свободная дорога к Москве, куда они и спешат подойти; в) туда же, к Москве, спешит и Тушинский вор из Калуги.

б) Царь Василий не в силах остановить ни Жолкевского, ни Вора. Он непригоден ни к чему. 17-го июля 1610 г. его низложили и, чтобы вернее обезвредить на будущее время, кроме того еще и постригли.

У. МЕЖДУЦАРСТВИЕ

Наступивший за низведением Шуйского с престола период времени в 2 года и 7 месяцев (1610 г., 17 июля — 1613 г., 21 февраля) обыкновенно носит название междуцарствия. Формально название не вполне точное, но оно ярко и правильно определяет истинное положение дел за это время: безгосударственность и отсутствие в стране такой верховной власти, которая действительно правила бы страной, т. е. всей Русской землей, и которую сама страна, сама Русская земля признавала бы за таковую — такой властью не были ни Семибоярщина, ни «царь» Владислав, ни «Совет всей Земли», организованный в 1611 г. при Первом ополчении, ни тем более Воренок, сын Марины и Тушинского вора.

В этом периоде, однако, можно наблюдать две смены явлений:

1. Первые полгода по низложению Шуйского внешняя форма царства, предлагаемая наличность государя еще продолжала держаться: «междуцарствие» пока еще не наступило; во Владиславе еще можно видеть царя, избранного более или менее с соблюдением правил, дававших хотя бы только видимое право утверждать, что за него высказалась «вся Земля»: его избрали, по предложению и настоянию Семибоярщины, находившиеся в Москве представители разных чинов, правительственных и общественных; с некоторой натяжкой в них позволительно было видеть земский собор, правомочную замену собора, который в данную минуту не было ни времени, ни фактической возможности созвать. Во всяком случае избрание Владислава носило гораздо более «всеземский» характер, чем избрание в 1606 г. Василия Шуйского, выдвинутого небольшой кучкой одного лишь привилегированного класса бояр.

2. С 1611 г. вопрос о царе отходит на задний план: страна признала, что царя у нее нет, да и думать о нем пока несвоевременно — все силы и внимание направлены на свержение иноземного ига.

А. «ЦАРСКИЙ» ПЕРИОД МЕЖДУЦАРСТВИЯ

Избрание Владислава в цари

} После Шуйского власть перешла к Семибоярщине, временному правительству из семи лиц, но удержалась в ее руках лишь первые два месяца. С низложением царя Василия смута не прекратилась; наоборот, она почувствовалась еще острее и больнее. Вакантный престол следовало заместить, но кем? Общим решением (далеко, впрочем, не единодушным) было постановлено: из своих в цари не выбирать — это открывало путь к дальнейшему соглашению с Владиславом, начало чему, как мы видели, было положено еще в феврале 1610 г. Престола добивался также и Тушинский вор, но именно это-то обстоятельство и увеличивало шансы польского королевича. Вор на русском престоле — означало гибель всей Русской земли, всего, что было построено и создано тяжелой вековой работой поколений. Весь созидательный труд по устройению государства, стоивший такого напряжения и усилий, материальных и духовных, пошел бы насмарку, попади страна в руки наиболее худших ее элементов. Надо было торопиться. Вор подходил к Москве, и простонародье в столице явно склонялось на его сторону, а некоторые бояре продолжали втайне сноситься с ним.

К*Договор 17 августа 1610 г.*

С Жолкевским был заключен договор, в основных чертах повторивший условия 4 февраля: а) царь правит Землей вместе с Боярской думой и земским собором; б) приезжие иноземцы не должны «притеснять и принижать» боярские и княжеские роды (иными словами: Владислав не имеет права назначать поляков на высшие государственные должности в ущерб русской аристократии); в) Владислав переходит в православие. Этот последний пункт Жолкевский отклонил: пусть-де решит его сам Сигизмунд.

Поляки — хозяева в Москве

Дальнейший ход событий был таков:

- !" 1. Население Москвы торжественно присягнуло Владиславу.
2. Жолкевский отогнал Вора обратно в Калугу и, на положении доброго союзника, был допущен занять Кремль своими войсками.

3. К Сигизмунду снаряжено посольство (митрополит Филарет, князь В. В. Голицын) просить Владислава в цари. В выборе послов Жолкевский проявил большую политическую прозорливость: он удалял из Москвы и фактически передавал в руки короля двух наиболее опасных соперников Владислава: Голицын лично, а Филарет в лице сына могли со временем также выставить свою кандидатуру на русский престол.

4. Уезжая из Москвы, Жолкевский оставил вместо себя Госевского и увез с собой низложенного царя Шуйского и двух его братьев.

5. Сигизмунд желает надеть царскую корону не на сына, а на себя.

6. Под давлением поляков состав Семибоярщины меняется: она перестает быть исключительно боярским правительством: в нее входят «худородные» люди, иные из них бывшие тушинцы (думный дьяк Грамотин, князь Масальский, Федор Андронов, бояре Салтыковы).

7. Госевский — полным хозяином в Москве; противных ему бояр он держит под арестом.

8. Бывший царь Шуйский, митрополит Филарет, князь В. В. Голицын — в руках Сигизмунда. Поляки не скрывают более своих карт; опасность, грозящая государству и православной вере, становится очевидной.

Избрание Владислава в цари лишено внутренней силы. Смерть Самозванца

Хотя избрание Владислава было лишь меньшим злом по сравнению с возможным воцарением Тушинского вора, все же злом, и притом немалым, отнюдь не ничтожным, оно не переставало быть. Еще со времен Ивана Грозного и войны со Стефаном Баторием поляки выяснились как национальные враги России; очевидно, добровольно отдать свою судьбу в их руки возможно было только в минуты полной безвыходности. Правда, Владиславу поставлено было неизменным условием переход его в православие; от него потребовали, чтобы он судил и управлял страной не иначе как по совету и согласию с боярами и земским собором; но исполнит ли он эти условия? Вот почему последовавшая вскоре смерть Самозванца (1610 г., 11 декабря) была двойным благом: она освободила Россию от одного врага и лишила смысла договор, заключенный с Владиславом, тем более что к тому времени уже выяснилось, что

Юрс-левич являлся простой ширмой и подготавливал путь к русскому престолу не себе, а своему отцу.

Начало перелома

Вообще со смерти Тушинского вора положение, если не улучшилось, то значительно упростилось. Эта смерть, не освободив страну от внутренних врагов окончательно, все же расшлала их, обессилила; самозванцы продолжали появляться и юзже; волнения, насилия и захваты еще не прекратились, однако стали сводиться к отдельным, разрозненным движениям; зато выпуклее обрисовалась опасность от врага внешнего. Потяни продолжали сидеть в Москве; Сигизмунд не отступал от Смоленска, а шведы, после призыва Владислава на московский трестол, из прежних союзников превратились во врагов и засветили северо-западные области с Новгородом во главе (1611 г., 17 июля). И вот только теперь, когда для России возникла гроза очутиться под пятой иноземца, когда во весь рост встала опасность потерять свою национальную самостоятельность, — теперь громко заговорило в ней чувство самосохранения. С этой юры Смута вступает в новый, последний, период — национальный, или патриотический.

Б. ПЕРИОД НАРОДНОГО ДВИЖЕНИЯ

Начало народного движения

Начало патриотическому движению положил своими грамотами патриарх Гермоген (1610 г., декабрь). Тайные письма Фигарета и Голицына из-под Смоленска с предупреждением о планах Сигизмунда также немало будили народное чувство. **Рассылаемые** по городам грамоты с призывом подняться против польского короля встретили живой отклик. Зло еще сносили, пока оно не шло дальше материального разорения и обнищания; но лишь дело коснулось веры, лишь узнали, что даже не Владислав, а его отец, завзятый католик, может воссесть на русском престоле и принести с собой на царство латинский кржиж, — тогда у людей точно пелена спала с глаз, точно электрическая искра пробежала по Русской земле, пробудила и подняла разоренные города и глухие деревни, и русские люди как-то сразу почувствовали себя действительно русскими, родными братьями, членами одной и той же семьи. Города начали переписываться между собой, уговаривали друг друга соединиться против поляков и спасти православную веру и государство.

Первое ополчение

Заволновалась Русская земля. С разных концов двинулись полки земских людей к Москве выгонять оттуда поляков Голсековского, освобождать из их плена патриарха Гермогена и валить Семибоярщину (1611 г., март).

1. Послала своих бойцов земля Рязанская с Ляпуновым во главе; Низовая с князем Репниным; пришли со своими воеводами суздальцы, арзамасцы, владимирцы, романовцы, угличане, каширяне; воевода Волынский и князь Волконский привели полки из Ярославской и Костромской земли; рать вологодскую и поморских городов вели Нащокин, князья Пронские и Козловский.

2. Пристали к общему делу бывшие тушинцы (князь Дмитрий Трубецкой).

3. Казацкие дружины (атаманы Иван Заруцкий, Просовецкий).

Как могли объединиться такие разрозненные элементы? В первых, движение против иноземца и иноверца понятно было и тушинцам, и казакам: оно захватило и их; во-вторых, тушинцы и казаки, даже по смерти Самозванца, представляли собой внушительную силу: опасно было бы, перекинись они на сторону поляков. Ляпунов привлек их перспективой будущей «воли и жалованья».

Ополчение заранее обречено на неудачу

Однако участие тушинцев и казаков скорее повредило общему делу, чем принесло пользу. Хотя вольный казак не меньше земского человека ненавидел поляков за их панские, аристократические порядки, но столь же ненавистен был ему и земский русский строй. Вокруг Трубецкого и Заруцкого сошлись люди с общественным идеалом, совершенно непохожим на тот, что сложился в остальной земле Русской. Повторился неестественный союз Сунбулова с Болотниковым, и с теми же последствиями. Втайне Заруцкий лелеял мысль посадить царем только что родившегося сына Марины и в грамотах, написанных по соглашению и от имени князя Трубецкого, открыто поднимал один класс населения на другой. Земские люди как люди порядка, разумеется, не могли одобрить таких действий, и разлад не замедлил выйти наружу. Между тем с Трубецким и Заруцким волей-неволей приходилось пока считаться: они привели с собой внушительную рать, и это придавало их словам значительный вес. Оба они, вместе с Прокопием Ляпуновым, общим голосом

были поставлены во главе дела и составили правительственный триумvirат, рассылавший грамоты, издававший приказы и обязательные для всех областей постановления.

Поляки заперлись в Кремле и в Китай-городе, предварительно спалив прилегающие части (Белый город), и засели в осаде. Таким образом вместо одного правительства у русского народа оказалось два: одно (Семибоярщина) сидело в плену вместе с поляками за стенами Кремля; оно было лишено всякого авторитета и силы; для многих лица, входившие в его состав, были прямыми изменниками русскому делу. Другое организовалось под стенами кремлевскими и заявляло, что действует от имени всей Русской земли.

Человек дюжинный, Трубецкой только числился первым в силу своей родовитости, настоящей же душой дела были Ляпунов и Заруцкий, люди разных убеждений, своего рода два противоположных полюса: один — душа земщины, другой — душа казачества. Рано или поздно, они неизбежно должны были разойтись. «Казачьи шайки скитались по окрестностям и делали бесчинства не хуже сапежинских шаек. Ляпунов, нравом крутой и настойчивый, хотел их взять, как говорится, в ежовые рукавицы, обращался с ними сурово, наказывал жестоко» (Костомаров). Не довольствуясь частными мерами, Ляпунов провел меру общую, всецело направленную против казачества.

Постановление 30 июня 1611 г.

Из представителей разных частей ополченской рати, стоявшей под Москвой, был создан «Совет всей Земли». Ляпунов провел в нем в законодательном порядке (1611 г., 30 июня) ряд очень важных постановлений. Главнейшими из них были следующие пять:

1. Права на поместья сохранялись за теми, кто получил их раньше «на Москве», а не «в таборах» (т. е. не в Тушине и не в Калуге, у Самозванца).
2. Поместья и вотчины, розданные без земского приговора (т. е. Заруцким или королем), отбирались обратно.
3. Беглым запрещалось уходить в казаки.
4. Крестьяне и холопы обязательно возвращались к прежним господам.
5. Служилым людям предоставлялся надзор и контроль над самим казачеством.

История происхождения этих постановлений еще недостаточно выяснена. Можно удивляться, как Совет, в котором заседали, конечно, не одни земцы, мог провести такую меру, явно направленную против казачества. Как бы ни было, в Жизнь названные постановления введены не были и, вдобавок,

стоили жизни самому инициатору их. Под благовидным предложением, казаки зазвали Ляпунова в свой круг и там изрубили его саблями (1611 г., 22 июля). Потеряв своего вождя, ополчение земцев распалось, чем делу освобождения Москвы от поляков надолго нанесен был непоправимый удар.

Общая разруха

Беда не ограничилась одним убийством Ляпунова и развалом его ополчения. Одновременно с ним совпали другие тяжелые события. Новгород, захваченный шведами, отложился от Русской земли и признал своим государем шведского королевича Карла Филиппа; откололся и Псков, приняв у себя нового самозванца (Сидорку, так называемого третьего самозванца); после двухлетней славной обороны Смоленск вынужден был сдать на волю победителя (1611 г., 3 июня); Великое посольство, отправленное под Смоленск к Сигизмунду от имени Семибоярщины (митрополит Филарет и князь В. В. Голицын), было уведено поляками в плен; туда же, в Польшу (несколько позже), отправили, тоже на положении пленника, и низложенного царя Василия Шуйского.

Казацкое засилье

Вдобавок Заруцкий с Трубецким, оставшись одни хозяевами положения, окончательно распустили казацкие толпы, стали отрешать дворян и детей боярских от их должностей и замещать своими людьми, казацкими атаманами. По словам русских летописцев-современников, «дворяне, стольники, дети боярские и все вообще, которые могли, по происхождению и по прежнему своему положению, быть названы людьми честными, терпели такие насилия и поругания от казаков, что сами себе искали смерти. Заруцкий не давал земским людям ни жалованья, ни корму; все доходы, присылаемые из городов, обращались на одних казаков. Земские люди должны были содержать себя на свой счет; но Заруцкий лишал их и таких средств: отбирал у них поместья и отдавал атаманам». Обиженные бежали из табора и разносили по Руси ненависть и озлобление против казаков. (*Костомаров*. См. *Время*, III, 216).

Реакция против этого засилья

Так долго продолжаться не могло. Трагический конец вождя земских людей и разбойные действия казацкие воочию показали

мирному населению невозможность совместной работы с казаками. Последние снизошли на уровень тех же врагов, что и сами поляки; становилось ясно, что это были люди не только вышедшие из общества, но и не желавшие возвращаться в него обратно; что сплачиваться и действовать заодно возможно только тем, кто действительно болел за Русскую землю и готов был сложить за нее свою голову. Раньше и отчетливее всего это было осознано в северных и северо-восточных областях. Тамошнее население, сравнительно более зажиточное, до сей поры стоявшее в стороне от казаков и не имевшее случая соприкасаться с ними, сильнее других почувствовало непримиримость казацкого идеала с идеалом мирного земледельца и горожанина. Города стали снова обмениваться грамотами, давать обещания «быть в совете и единении», охранять порядок. Воодушевление передавалось из города в город и быстро охватывало область за область.

Видения

В эпоху народных бедствий и страданий, особенно когда все усилило избавиться от них остаются тщетными и люди чувствуют себя точно в заколдованном кругу, нервы обыкновенно приподняты, пульс повышен. Религиозно настроенный ум болезненно ищет выхода и, не находя его, потеряв веру в собственные силы, видит спасение свое в силе небесной. Подъем душевный нередко сопровождается чудесными видениями, которые принимаются за указания свыше, находят себе всеобщее признание и дают исход смятенным умам. Так было во Франции в пору крайнего ее унижения, когда бедная пастушка из Дом-Реми, Жанна д'Арк, услышала «голоса», призывавшие ее спасти родину от англичан. Так было и в Смутные русские годы. Один такой пример, и пример разительный по глубине и напряженности проявленного чувства, мы уже видели при осаде Троице-Сергиева монастыря. Теперь в Новгороде монах Варлаам видит чудесный сон: Мать Божия велит ему передать людям: покаяйтесь и готовьтесь к смерти; в войсках, стоящих под Москвой, появился неизвестно откуда «свиток», писание с рассказом о том, как некоему Григорию явился Спаситель в сообществе светлого мужа и предрек судьбу Московского царства; в городе Владимире простой женщине явилась ночью «пречудная жена» — все они призывали народ к посту, молитве и покаянию. Широко разнеслась весть об этих видениях и встрепенула народ. Многие города действительно наложили на себя трехдневный

пост: не пили и не ели в понедельник, вторник и среду, а в следующие два дня ели лишь всухомятку. Поститься заставляли даже младенцев, с явной опасностью для их жизни.

Призывные грамоты патриарха Гермогена и архимандрита Дионисия

Как раз в пору таких настроений (и, надо думать, не без их воздействия) появились новые грамоты с призывом к русскому обществу. Напуганный казацким засильем, слухами о намерении Заруцкого провозгласить сына Марины царем патриарх зовет на борьбу прежде всего с казаками и Воренком, как с врагами более опасными, чем даже сами поляки. Грамоты Дионисия, архимандрита Троице-Сергиева монастыря, наоборот, призывают соединиться с казаками для борьбы против ляхов и изменников, засевших в Кремле. Несмотря на казачье «воровство», Дионисий пока еще не разуверился в возможности совместных действий с Заруцким и выкинул лозунг, несовместимый с лозунгом патриарха.¹ Земщина поэтому осталась глуха к призыву Троицкой братии.

Во всяком случае, и теми и этими грамотами умы были достаточно подготовлены; не хватало лишь человека, который сумел бы горячим словом, воодушевленной речью зажечь сердца людей длительным, жгучим огнем, чтоб люди толпами сошлись под одним общим стягом и от слова перешли к делу, во имя спасения родной земли. Такая речь раздалась в Нижнем Новгороде, такой человек нашелся в лице земского старосты Козьмы Минина Сухорукого.

Народное движение 1612 г. Борьба за родину и веру. Минин и Пожарский

Духовный подъем и моральную силу для свершения исторического своего подвига Минин нашел в себе тоже под воздействием чудесного видения. Ему снился преподобный Сергей, повелевая собрать «казну» на военные нужды и идти «очищать» Московское государство. В первую минуту червяк сомнения зашевелился в душе земского старосты; не ошибся ли он? Но видение повторилось, и колебаниям был положен предел. Уверовав в небесный призыв, Минин беззаветно отдал всего себя

¹ См. Приложения. № 28: «Чьи грамоты, патриарха Гермогена или Троице-Сергиева монастыря, подняли русских людей, в частности нижегородцев, на освобождение Москвы, а с ней и всей Русской земли?»

на служение великому делу. Начался обмен городов грамотами и сговор их между собой. Вместе с князем Пожарским Минин организовал новое ополчение, второе по счету, и, подобно первому, повел его тоже освобождать Москву от поляков. Но, в противоположность тому, это ополчение с первых же шагов резко отмежевало себя от казачества, сохраняя в чистоте свой земский характер, что сразу подняло его авторитет в стране и самому ему придало новые силы.

Первым делом было идти выручать Ярославль, которому грозили казаки Просовецкого, предупредить их приход и неминуемый разгром города. Утвердившись в Ярославле, Пожарский и Минин простояли там целых 4 месяца, прежде чем двинулись к столице. Надо было очистить будущий тыл от казацких шаек, увеличить число ратников притоком новых ополченцев, обеспечить их содержанием, а для этого вообще восстановить порядок в стране: заметить пустующие архиерейские кафедры, назначить воевод по городам, создать органы управления (приказы), наконец, создать Земский собор, который своей санкцией придал бы надлежащий авторитет распоряжениям того нового временного правительства, которое теперь образовалось в Ярославле и заправляло всем делом.

Казачество (подмосковное ополчение)

В своих действиях казаки Трубецкого и особенно Заруцкого резко подчеркнули свое расхождение с земским ополчением Минина и Пожарского в достижении поставленных себе целей. Трубецкой и Заруцкий, отказываясь от королевича Владислава, чувствуя в земском ополчении опасную для себя угрозу, стали сноситься с псковским самозванцем и признали его царем, и хотя троицкие грамоты заверяли, что Трубецкой целовал крест Сидорке не добровольно, а под угрозой смерти, однако Пожарский опасался очень-то доверять ему. Заруцкий же дважды подсылал убийц к Пожарскому, сильно притеснял ратников, явившихся из украинских городов на зов нижегородских грамот. Неудивительно, если Пожарский, подходя к Москве, опасался казаков больше, чем самих поляков, не рискнул расположиться станом рядом с ними и настоял на свидании с Трубецким не в его лагере, а в месте нейтральном. Впрочем, Заруцкого под Москвой земское ополчение уже не застало. Заруцкий видел, что с приходом последнего и ему приходит конец. К тому же он завел было изменнические сношения с поляками, что возмутило даже казаков, и Заруцкому ничего

не оставалось иного, как сняться со своим табором и спешно бежать на юг.

Земское и подмосковное ополчение

Уход Заруцкого сделал возможным сближение Пожарского с Трубецким (к тому времени от Сидорки последний уже отрекся), но далеко не сразу; взаимное недоверие и нелюбовь преодолеть было не легко. Долго еще тот и другой действуют вразброд, обособленно; поражение земского ополчения вызывает в казацком стане скорее радость, чем печалование. Польский гетман Ходкевич подошел к Москве подать помощь полякам, сидевшим (под начальством Струся: Госевского уже не было с ними) и голодавшим в Кремле, и делал неоднократные попытки пробиться к своим. В одном из боев полки гетмана стали совсем одолевать рать Пожарского, казаки же Трубецкого стояли, не двигаясь, на противоположном берегу реки и глумились: «Богаты пришли из Ярославля, отстоятся и одни от гетмана», и, вероятно, плохо пришлось бы Пожарскому, если бы несколько казачьих атаманов, не испрашивая дозволения Трубецкого, не бросились на выручку и не отбросили поляков. Два дня спустя в другом бою Пожарскому удалось спасти положение лишь благодаря воздействию духовенства: келарь Авраамий Палицын объехал казацкие таборы и подкупил их обещанием заплатить за их помощь ценой «всей Сергиевой казны» и тем уговорил помочь земскому ополчению.

Освобождение Москвы от поляков

Как-никак, но общими усилиями, в союзе, хромавшем на обе ноги, дело было спасено: Ходкевич отбит от Москвы (1612 г., 22—24 августа), потом взят Китай-город (22 октября), а через три дня и сам Кремль (25 октября). Сигизмунд двинулся было на Москву предупредить эти успехи, но было уже поздно, и, дойдя до Волоколамска, он повернул обратно. Теперь, очистив Москву от врага, стало возможным приступить к делу, не терпевшему отлагательств, — к избранию нового царя.

Избрание нового царя

Задача была не из легких. Предстояло найти лицо, на котором могли бы сойтись если не буквально все, то по крайней мере подавляющее большинство, во избежание, как бы не повторить печальных опытов с избранием царей партийных, круж-

ковых (Шуйский, Владислав). Необходимо было, чтобы самый выбор состоялся не по решению той или иной партии, а именно «голосом всей Русской земли». Ввиду этого озаботились, чтобы созываемый избирательный земский собор возможно полнее отразил «Землю». И действительно, в Москву съехались представители всех сословий и классов: боярство, служилые люди (дворяне и дети боярские), духовенство, городское и сельское население: торговый и ремесленный классы («посадские»), промышленники и крестьяне «черных» и частновладельческих земель. Явились даже представители от инородцев. Никогда, ни раньше, ни позже, земские соборы не отражали с такой полнотой население страны, как в этот раз. Не было одних только холопов, которые, как люди несвободные, не обладали никакими правами гражданскими.

Как, однако, состоялось самое избрание нового царя — на этот вопрос историческая наука и поныне еще не дала окончательного ответа. Обычное представление таково. К решению трудного вопроса первоначально подошли путем исключения: диногласно решили не выбирать из иноземных королевских омов: ни польского, ни шведского королевича, ни из «иных емецких вер»: выбор должен был пасть непременно на православного и русского по происхождению. Но русских православных кандидатов оказывалось много: Ф. И. Мстиславский, князь И. М. Воротынский, князь И. В. Голицын, М. Ф. Розанов, князь Д. М. Пожарский, князь Д. Т. Трубецкой. За ервых трех говорила их родовитость; за молодого Романова — одство с угаснувшей династией; за Пожарского и Трубецкого — их заслуги по освобождению Москвы от поляков. Вообще желанного единомыслия в таком важном вопросе Земский собор не проявил. Заседания велись с большой страстностью; проходили в горячих спорах. Собор распался на партии; открылось широкое поле для происков, козней и интриг. Бояре, да и не одни бояре, подкупали избирателей, засылали с подарками и обещаниями.

Освобождение Москвы совместными усилиями земщины и казачества придавало особое значение их заявлениям: их голоса звучали наиболее авторитетно, и в сущности решение зависело от того, которая из двух сторон возьмет перевес, а если не перетянет ни та ни другая, то удастся ли им сговориться на одном и том же кандидате. Последнее же представлялось, о крайней мере вначале, особенно трудным, почти невозможным, ввиду полного расхождения между земщиной и казачеством по принципиальным вопросам.

К счастью, объединяющее лицо нашлось: 16-летний Михаил Романов, сын боярина Федора Никитича Романова (митрополита Филарета). Земщина видела в нем продолжение династии Рюриков, внука оставившей в народе добрую память царицы Анастасии, первой жены Ивана Грозного, — чистого юношу, которого, по самому его возрасту, грязная волна Смутных годов совсем не задела и не запачкала; казаки же рассчитывали найти в Михаиле своего человека по прежним связям с его отцом, который одно время не только находился в лагере Тушинского вора, держа его сторону, но и жил там на положении патриарха.

Помимо сказанного, у молодого Михаила было еще одно немалое преимущество перед другими кандидатами. На соборе преобладали представители средних классов населения, боярам они не доверяли (есть показание, что на время выборов Мстиславский и некоторые другие бояре были удалены из Москвы), Романов же, исходя из второстепенного боярского рода, был им ближе; что же касается казаков, то для них, еще вчера требовавших короны для Воренка, сына «Маринки», Михаил представлял собой максимум допустимого уклона вправо, и всякая иная боярская кандидатура встретила бы в их среде энергичный отпор. Таким образом, Михаил счастливо примирял обе противные стороны. К 7 февраля компромис был достигнут, но, по-видимому, его еще не считали достаточно прочным, и для большего закрепления окончательное решение отложили на две недели, а тем временем спешно и тайно послали по городам доверенных лиц выяснять, как примет провинция кандидатуру Михаила. Такая предосторожность вполне оправдала себя. На новом заседании собора возникли прежние споры, но так как перевес Михайловой партии обозначился вполне явно и несомненно, то они скоро утихли. Противникам, чтобы положить конец опасному межеумью, всем одинаково тягостному, ничего не оставалось иного, как подчиниться голосу большинства и действовать с ним заодно. Действительно, с этой поры разногласию нет уже более места. Выборы состоялись 21 февраля 1613 г. Каждый чин подавал свое мнение в письменной форме, и во всех мнениях оказалось одно имя — М. Ф. Романова. Настрадавшаяся земля русская, наконец, мог-

Впрочем, кажется, и на нем остановились не сразу: исследователи новейшего времени считают возможным утверждать, что кандидатура Михаила ставилась в январе 1613 г. и тогда была отвергнута.

а вздохнуть свободнее: она получила себе долгожданного царя-государя.

Вот как состоялось избрание Михаила Романова, согласно осподствующему в науке мнению. Однако за последнее время, открытием новых, ранее неизвестных исторических материалов, ход событий оказывается возможным представлять во многом иначе.

Еще в Ярославле временное правительство (Пожарский, Минин) сносились с новгородцами, выражая готовность призвать на престол шведского королевича Карла Филиппа: подходящего кандидата из своей русской среды оно не находило; явно враждебная позиция, занятая Сигизмундом польским, исключала всякую возможность говорить о королевиче Владиславе, и в Швеции хотели видеть желанный противовес Польше, тем более что бороться одновременно и с той и с другой, отвоевывать обратно и Смоленск, и Новгород стране все равно было не по силам. По освобождении Москвы от поляков кандидатура Карла Филиппа нашла себе поддержку и в земщине, сгруппировавшейся вокруг Пожарского и Минина. Зато она наткнулась на противодействие со стороны казаков. У них были свои кандидаты, и они их выдвигали одного за другим. Сперва своего вождя, князя Д. Т. Трубецкого, а когда его кандидатура собором была отвергнута, то предложили Михаила Романова. Но и этого собор забраковал; той же участи подвергся и третий казачий кандидат, князь Д. М. Черкасский: земская партия настаивала на избрании «государьского сына», т. е. иностранного принца. Эта настойчивость, по-видимому, сложилась под впечатлением печальных воспоминаний о неудачных выборных царях последнего времени: Борисе Годунове, Лжедмитрии, Василии Шуйском. Споры привели на заседании 7 февраля к соглашению назначить выборы на 21 февраля. Этот двухнедельный срок обе стороны использовали каждая в своих интересах. «Правящие лица послали за Ф. И. Мстиславским с товарищами; они же послали тайно от казаков разных „верных и богобоязных людей” в близкие к Москве города проведать настроение народа. Но не дремали и казаки. Они с жаром повели агитацию за ранее выставленного ими, но отвергнутого собором кандидата, Михаила Федоровича. К ним примкнула часть дворян, детей боярских и гостей из разных городов. Они заранее составили „каждо своего чину писание” об избрании Михаила Романова Царем”. С открытием заседания 21 февраля «казаки и простой арод сбежались вместе, с великим шумом пришли в Кремль боярам и думным людям, набросились на них с крепкой

бранью и обвиняли в том, что бояре для того не выбирают в государи никого из туземных господ, чтобы только иметь возможность самим править». Под этим давлением собор и выбрал Михаила.

На каких условиях выбрали Михаила Романова

Земский собор не ставил Михаилу никаких условий и записи с него никакой не брал. Сохранилось, однако, несколько показаний, преимущественно позднего времени, о том, что при воцарении Михаил принял на себя перед боярами обязательства, ограничивавшие в их пользу его самодержавие: 1) Псковская летопись: «царь-де был еще ребенок; бояре обошли его и взяли присягу, что за их преступления он будет только ссылать их, но не лишать жизни»; 2) Котошихин: «без боярского совета Михаил не мог ничего делать»; 3) историк Татишев (современник Петра Великого и Анны Иоанновны): «с Михаила взята была запись, подобная той, что дал боярам Василий Шуйский в 1606 г.»; 4) Страленберг со слов лица (Татишева?), видевшего подлинник письма митрополита Филарета к Ф. И. Шереметеву, условия были: «не управлять Землей без Боярской думы; судить по законам, а не по личному усмотрению; охранять православную церковь; войну¹ начинать и мир заключать лишь с согласия Боярской думы».

Наши историки разно оценивают эти показания: одни или совершенно отрицают самый факт ограничения, или считают его, по существу, невозможным; указанные свидетельства называют в них «недоверие или же недоумение», допускают, самое большее, «негласную придворную сделку»; другие, наоборот, признают существование такой записи, находя, однако, что вся обстановка и условия времени не позволили ей удержаться и что запись уже в скором времени утратила всякое реальное значение. В новейшее время выдвинута гипотеза о существовании не записи, взятой боярами, а челобитья, притом от имени земского собора, — челобитья, морально связавшего действия царя, по крайней мере на первое время.²

¹ Другие показания, Фокердота, Шмидт-Физельдека, несамостоятельны и опираются на того же Страленберга.

² См. Приложения. № 29: «Как состоялось избрание М. Ф. Романова на царство?»

VI. ИТОГИ

А. ЧТО ВЫЗВАЛО СМУТУ И ЧТО ПИТАЛО ЕЕ

1. Олигархические притязания бояр; их борьба с верховной властью при Иване Грозном и позже, в течение всего Смутного времени.

2. Тяжелое экономическое положение страны. Три главных фактора вызвали его: а) войны последних десятилетий на восточных, южных и западных границах (1550—1605); б) опричина и насильственное передвижение при Иване Грозном земледельческого класса (преимущественно вотчинников) с одних земельных владений на другие; в) голодные годы (1601—1603).

3. Социальный раздел между высшими и низшими классами населения: недовольство существующим строем. Недовольны: а) беглые крестьяне и холопы; б) обедневшие посадские люди; в) казацкая вольница; г) казаки городовые; д) средние служилые люди.

4. Опричина: она расшатала устои государственной жизни и общественных отношений; она воспитала население в неуважении к закону.

5. Отсутствие нравственной твердости и нравственного величия у Бориса Годунова: доносы и шпионства содействовали подрыву моральных устоев в обществе.

6. Прекращение династии.

7. Появление самозванцев.

8. Участие поляков, шведов и иезуитов, руководившихся соображениями, чуждыми интересам России.

Первые четыре фактора рассматривали государственный и общественный строй, причем начало положено 4-м фактором (опричиной). Правление Бориса Годунова (5-й фактор) способствовало тому, что образовавшаяся трещина раздалась еще больше. Эти пять факторов создали обстановку, благоприятную для взрыва, благодарный горючий материал. Прекращение династии и появление самозванцев (факторы 6-й и 7-й) были тем факелом, который зажег его. Поляки, шведы и иезуиты (фактор 8-й), не будучи первопричиной, тем не менее играли видную роль в русской Смуте: в костер, сложенный и зажженный русскими руками, они старательно подкладывали топливо, все сильнее и сильнее раздувая огонь.

Б. ГЛАВНЫЕ МОМЕНТЫ В ИСТОРИИ СМУТЫ

1. Подготовительный период (1584—1598). Смута только еще назревает; готовится будущая ее обстановка.

2. Боярская смута (1598—1606). Бояре борются за власть, оспаривая престол у тех, кто им владеет (Борис; Лжедмитрий I). Смуту стараются использовать в своих интересах беспокойные элементы; но они действуют пока не самостоятельно, а лишь как орудие в чужих руках (поддержка, оказанная Лжедмитрию I населением Северной Украины).

3. Революционное движение (1606—1609). Теперь эти беспокойные элементы выступают уже с самостоятельной программой: это борьба низших классов против высших, бродячего казачества с оседлым землевладением.

4. Нашествие и засилье иноземцев (1609—1611). Оно осложняет и доводит Смуту до высшего напряжения.

5. Патриотическое движение во имя сохранения родины и общественного порядка (1611—1613).

«Бури Смутного времени не потрясли крепких основ государства: единства религиозного и политического, они еще более укрепили их; вследствие таких испытаний, единство, данное Руси московскими государями, перешло как необходимость в народное сознание, материальное единство стало духовным, независимым более от силы, от сосредоточения внешнего. Видимое, материальное сосредоточие было потеряно в конце Смутной эпохи, и, несмотря на то, в силу духовного единства, русские люди собрались и очистили государство. Новоизбранный царь Михаил спрашивал земских послов: „Чем поручатся они, что в его царствование не повторятся те же смуты, какие были недавно?“ — „Тем, — отвечали послы, — что уже все русские люди наказались“. Эпоха Смут была великим уроком для Русской земли; в подобные эпохи народы воспитываются для дальнейшей гражданской жизни» (Соловьев С. М.). ^

VI. ЗЕМСКИЕ СОБОРЫ

Как они возникли

Земским собором в Московском государстве обыкновенно называли съезд, собрание представителей всей Русской земли, созываемое для обсуждения дел большой важности, притом

бщегосударственного значения. Начало таким съездам положено было в середине XVI в. К этому времени у государства возникли новые сложные задачи: ряд очередных забот об улучшении областного управления, об изыскании новых доходов, о пересмотре судебных законов, об устройстве военного дела; осложнились заботы по ведению войн на восточной и западной границах. Знания и опыт одной Боярской думы и Освященного собора (духовных властей) оказывались не всегда достаточными; желание выслушать мнение всей Русской земли и опереться на него в своих последующих решениях побуждало правительство в известных случаях привлекать к совместному обсуждению лиц, наиболее, по его мнению, к тому пригодных — оно искало их среди людей должностных: в служилом классе и в общественных группах — в посадских, в купечестве, которые в ту пору, ведая сбор податей и повинностей, разные монополии, в сущности, тоже находились «на службе», являлись финансовыми органами правительства.

[Созывая собор, правительство определяло также и будущий состав его, указывало, какие классы населения призвать, из каких городов, областей и полков их выбрать. Земский собор, по понятиям того времени, отражал собой в миниатюре всю Русскую землю, вследствие чего современники обыкновенно определяли его как Совет всей Земли. В состав такого «совета» обязательно входили три группы: Боярская дума, Освященный собор (та и этот — постоянный совет государя) и земские люди, группа служилых людей и общественных классов (торгово-промышленные люди). Только участие этой последней, третьей группы делало собрание собором; без земских людей одна Боярская дума с Освященным собором собора образовать еще не могла, так как первые две группы, даже совместно, всей Земли собой еще не отражали.

3. Соборы XVI в.

Созывались земские соборы обыкновенно лишь в особо важных случаях, и во второй половине XVI в. таковых нам известно всего четыре, да и то один из них сомнительный, а именно: собор 1550 г.¹ — на нем, между прочим, составлен был Царский Судебник (год спустя, на Стоглавом соборе, рассмотренный и Утвержденный); собор 1556 г., созданный для обсуждения во-

¹ См. Приложения. № 30: «Когда в царствование Ивана Грозного, созван был первый Земский собор?»

проса: удерживать ли завоеванный у литовцев и поляков город Полоцк и, следовательно, продолжать ли с ними войну, или нет; собор 1584 г. (если только он действительно созывался) — его назначением было, после смерти Ивана Грозного, торжественным признанием его сына Федора укрепить положение последнего на престоле; и наконец, собор 1598 г., когда «всей Землей» избирали на царство Бориса Годунова.

Стоглавый собор 1551 г., созванный по делам церковным, по программе и по размеру затронутых им вопросов далеко вышел за рамки церковного; к тому же на нем приняли участие не одно духовенство, но и «князи и бояре и воины и все православное хрестьянство»; он того же типа, что и земские соборы вообще. Недаром некоторые исследователи (Жданов И. Н.) предлагают называть его не просто церковным, а церковно-земским.

Примечание. В 1471 г., перед походом на Новгород, Иван III позвал на совет, кроме бояр, епископов, обычных своих советников, еще и «воевод и воев». Не будучи Земским собором, как понимали таковой в XVI ст., совещание это по идее, а отчасти и по составу, приближалось к нему: кроме постоянных советников, великий князь привлек еще временных, специально на этот раз позванных.

3. Соборы, начала XVII в. (в Смуту)

В Смутные годы земские соборы приобрели характер, отличный от соборов XVI в. Раньше само правительство указывало, кому явиться на съезд; раньше оно возлагало на съехавшихся обязанность обсудить дело и ознакомить с его положением правительственные власти; теперь, с прекращением династии, назначение сменяется выбором, решение — кого послать на собор, от правительства переходит в руки непосредственно самого населения. Уже в 1598 г., при избрании Годунова, небольшая часть членов собора (от уездных дворянских обществ) была выборная. Но такой порядок был еще исключением — теперь он стал обычным явлением. Да и могло ли быть иначе при шатком правительстве, когда даже и самого правительства зачастую не оказывалось налицо и когда приходилось его же самого выбирать? Расширился и круг выборных лиц; таким образом, если соборы и раньше назывались «Советом всей Земли», то теперь это название могло быть приложено к ним с еще большим основанием. Таковы соборы 1605, 1610, 1611, 1612 и 1613 гг.

1. При Лжедмитрии I в Москве собирався собор: по одним сведениям, для суда над князем Василием Ивановичем Шуйским, по другим, было лишь отдано распоряжение о присылке выборных дворян и притом неизвестно с какой целью.

2. Собор 1610 г., выбравший в цари королевича Владислава (после низложения Шуйского) и отправивший в этих видах к королю Сигизмунду митрополита Филарета и князя В. В. Голицына в послах.

3. Собор 1611 г., собравшийся под Москвой в стане Прокопия Ляпунова, князя Д. Т. Трубецкого и атамана Заруцкого. Упразднив прежнее правительство, сидевшее взаперти в осажденной Москве (Семибоярщину), собор принял на себя управление государством и провел ряд важных государственных мер.

4. Собор 1612 г., созванный князем Пожарским в Ярославле. Помимо сложных и важных вопросов, выдвинутых на очередь жизнью, его созыв был необходим еще и потому, что собор 1611 г. просуществовал недолго и распался тотчас после убийства Ляпунова. Ярославский собор дал Пожарскому и Минину необходимую моральную опору, без которой им, может быть, никогда не довести бы дела до благополучного конца.

5. Собор 1613 г., созванный в Москве для выбора нового царя. По составу это был поистине всероссийский собор: на нем заседали не только высшие и средние классы — духовенство, бояре, служилые люди, посадские, — но также и тяглое крестьянство.

ЗЕМСКИЕ СОБОРЫ В СМУТНУЮ ЭПОХУ КАК ШКОЛА ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Обстановка, в какой приходилось действовать теперь земским соборам, в значительной степени содействовала укреплению нового взгляда на государство, окончательному превращению прежнего вотчинника в государя-представителя и выразителя народной жизни и народных интересов. Вообще за 10—15 лет Смутной поры идея государственности сделала в сознании русского общества весьма большие успехи. Среди тяжелых потрясений, переживаемых страной, среди всеобщего господства грубой силы и личных интересов земский собор становился надежным якорем спасения, точкой опоры в борьбе с произволом и кривотолками, единственным законным выражением народной воли и желаний, единственным органом,

имевшим право авторитетно говорить и постановлять решения, обязательные для всех. Такая высокая роль земских соборов воспитывала население в духе гражданственности и национального сознания. Областной сепаратизм и без того уже начал гложуть со времени Ивана III; теперь ему был нанесен новый удар; больше чем когда стало возможным выдвинуть идею Родины, общего всем Отечества.

Люди, вчера жившие на земле государя-вотчинника, почувствовали, что они стали жить у себя, сами стали хозяевами и господами положения. К ним то и дело обращаются за решением, спрашивают их мнения. В 1598 г. Русская земля соборно выбирает на царство Бориса Годунова; в 1606 г. ее согласия ждет и Федор Борисович, чтобы сесть на отцовский престол; а Лжедмитрий передает суд над князем Василием Ивановичем Шуйским также земскому собору. Вступая на престол, Шуйский целует крест «всем людям Московского государства, всем православным христианам», дает обязательство перед «в сею Землею» творить суд совместно с боярами, согласно данной им записи. Воля Русской земли признается единственным источником власти. Все тот же Шуйский, отправляя послов в Польшу и наказывая им объяснить убийство Лжедмитрия I, приказывает сказать: «Хотя бы и был он прямой прирожденный государь царевич Дмитрий, но если его на государстве не похотели, то ему силой нельзя быть на государстве». Королевичу Владиславу ставится условием, чтобы он правил государством совместно с «думой бояр и всей Земли», т. е. с земским собором. Действия князя Пожарского пользовались авторитетом в силу того, что на земском соборе, который он созвал для совместного действия и решений, представительство Русской земли достигло большой полноты: кроме Освященного собора и Боярской думы, там сошлись в еще небывалом дотоле числе «изо всех городов всяких чинов выборные люди».

ВСЕРОССИЙСКИЙ ХАРАКТЕР ЗЕМСКИХ СОБОРОВ И НЕСООТВЕТСТВИЕ ИХ С РЕАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ

Смута, спешность дела, препятствия чисто внешние не всегда позволяли в описываемое время собрать людей непременно со всех концов обширного государства Русского: действовали и решали нередко лишь те, кто находился в данную минуту в

оскве налицо; все же даже и такое ограниченное по составу обращение обыкновенно мыслилось как отражение всей земли — сное доказательство потребности во что бы то ни стало найти пору и оправдание своим действиям. Так, Василий Шуйский збран был в цари небольшой кучкой приверженцев; но ему сна шаткость, неполнота такого избрания: право на престол ать ему может одна только земля, — и он торопится всенародно явить, что «учинился на отчине прародителей своих царем молением всего Освященного собора и по челобитию и решению всего православного христианства».

В таком заявлении нет никакого сознательного обмана: по онятиям того времени, не было надобности, чтобы данную -уппу населения представляли лица, собранные непременно всех областей, — достаточно, если она вообще имела на боре своего представителя. Вот почему князь В. В. Голицын, ава посольства к Сигизмунду III, искренно верил в то, что н уполномочен «всеми людьми», и открыто заявлял, что от мени одних бояр он и не поехал бы, хотя, в действительности, наряжавшие посольство представляли собой далеко не всю млю. Точно так же и первое ополчение, собравшееся под оской под начальством Ляпунова, князя Трубецкого и Зауцкого, выбрав из своей среды совет для обсуждения ратного земского порядка, считало этот совет «всей Землей», несмотря а то, что в состав его вошли представители только ратных астей, составлявших ополчение.

АНАЛОГИЯ С ПАРЛАМЕНТАМИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Поэтому было бы ошибочно искать аналогии между московскими земскими соборами и парламентами Западной Европы: последние выросли из усилий и потребностей общества, вырывались у правительства с боем, носили характер более или Менее оппозиционный. Английский парламент вырос органически, как плод вековой борьбы и внутреннего роста общества, которое видело в нем свое право и зорко берегло его от нарушения.

∧ Земские соборы, наоборот, выросли потому, что они были Нужны правительству: в особо важные моменты государственной жизни ему необходимо было расширить обычный круг своих советников и опереться на голос народный. Право здесь заменялось обязанностью являться на съезд. Отсюда два

неизбежных следствия: 1) земские соборы не были учреждением постоянным; они созывались по мере надобности; 2) они прекратились, когда правительство перестало нуждаться в них.

Если допустить аналогию с органами современной конституционной Европы, где глава государства делит власть с двумя палатами, то про русский земский собор можно сказать, что он совмещал в себе одновременно и верхнюю, и нижнюю палаты, причем Боярская дума и Освященный собор — верхняя палата, являлись учреждениями постоянными; они продолжали действовать и после роспуска земского собора в качестве постоянных советов при царе и митрополите (патриархе); кроме того, состав той и другого определялся независимо от их участия в соборе. Не то «нижняя» палата — земские люди. Значение совещательного правительственного органа принадлежало им только на время созыва и действия земского собора: распускался собор, и они переходили опять на то положение, в каком их застало назначение в члены собора.

Если уже непременно искать земским соборам аналогию в учреждениях Западной Европы, то не в современных парламентах, а в более ранних: в немецких ландтагах или во французских генеральных штатах. С земскими соборами их сближает: совещательный характер собрания; необязательность высказанных мнений для верховной власти; исключительно моральный вес поданных заявлений. Подобно ландтагам и генеральным штатам, земские соборы не были учреждением постоянным, а созывались время от времени, по мере надобности. В состав самих учреждений, там и тут, входили три чина (etats, Stande): 1) Боярская дума (королевский совет); 2) Освященный собор (прелаты); 3) поместное дворянство и торгово-промышленный класс («земские чины»).

ЛИТЕРАТУРА

ОГЛАВЛЕНИЕ: I. Общая история России. — II. Смутное время вообще. — III. Цари Федор и Борис. — IV. Крестьянство. V. Прикрепление крестьян. — VI. Как умер царевич Дмитрий. — VII. Лжедмитрий I. — VIII. Царь Шуйский. — IX. Деятели Междуцарствия. — X. Избрание М. Ф. Романова. — XI. Земские соборы.

I. Шесть сочинений по общей истории России: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. X, XI, XII;

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. VII, VIII; Костомаров Н. И. РИ, главы XXI—XXXI; Иловыйский Д. И. История России. Т. IV; Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. Т. III; Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.

// *Смутное время вообще*

Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия // Вестник Европы. 1866—1868, и отдельно три тома: СПб., 1868, новое издание, СПб., 1883 (Монографии, т. IV, V, VI); Бестужев-Рюмин К. Н. Обзор событий от смерти Ивана Грозного до избрания на престол М. Ф. Романова // ЖМНП. 1887, № 7, 8; Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI и XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. СПб., 1899 (Записки ист.-фил. фак. СПб. ун-та. Т. 42); издание 2-е, 1908; издание 3-е, СПб., 1910 (см. обширную рецензию этого труда В. С. Иконникова: «Новый труд по истории Смутного времени». СПб., 1900 // ЖМНП. 1900; Сокращенное и общедоступное изложение этого труда вышло под названием «Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков». Прага, 1924; Лучинский. Смутное время. Энциклопедический словарь Брок. и Ефр. Т. XXX. С. 584—591; Пичета В. И. Смутное время в Московском государстве. Причины, ход и следствия Смуты. Исторический очерк (Универсальная библиотека, № 670—671). М., 1913 (популярное изложение); Готье Ю. Смутное время. Очерк истории революционного движения начала XVII столетия. М., 1921; Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. СПб., 1888; изд. 2-е. СПб., 1913 (рец. Е. Щепкина в «Голосе минувшего». 1913, № 10; иная оценка «Иного сказания» и «Сказания Палицына»); Иконников В. С. Новые исследования о Смутном времени. Киев, 1899 (из Ун. Изв. 1889, № 5, 7); о «Сказаниях» Платонова С. Ф. и о книге Левицкого О. И. «Лжедмитрий I Как пропагандист католичества»; Он же. Несколько заметок По вопросам Смутного времени в Московском государстве. Ун. Изв. Киев, 1917, май—июнь; Niemcewicz. Dzieje panowania Zygmunta III. Krakow, 1860; Waliszewski. La crise revolutionnaire (1584—1614). Paris, 1906; рус. перевод — СПб., 1911.

Цари Федор и Борис

Корсакова В. Царь Федор Иоаннович. Р. Б. словарь. С. 277—301 (библ.); *Сивков.* Царь Федор Иоаннович и Борис Годунов // Смутное время в Моск. гос-ве. Сборник статей с иллюстрациями. М., 1913. С. 45—47 (опыт характеристики того и другого); *Аксаков К.* Поли. собр. соч. Т. I. (1889). С. 248 след. (полемика с Соловьевым С. М.); *Бестужев-Рюмин К. Н. и Платонов С. Ф.* Борис Годунов. Р. Б. словарь (СПб., 1908). С. 238—250: две статьи, каждая с библиографией, дополняющей одна другую. *Тихомиров М. Н.* Царь Борис Феодорович в церковных и гражданских событиях и мероприятиях его времени. СПб., 1893; *Платонов С. Ф.* Борис Годунов. СПб., 1921 (рец. Б. Романова: «Дела и Дни», кн. 2-я (1921). С. 212—223); С. П-в, Иов, первый патриарх Моск. Р. Б. словарь (1897). С. 303—310 (библ.); *Сербов.* Андрей Як. Щелкалов, думный дьяк, дипломат. Р. Б. словарь (библ.); *Tyszkowski K.* Poselstwo Lwa Sapiehy w Moskwie. 1600. Lwow, 1928; *Свящ. Николаевский.* Учреждение патриаршества в России. СПб., 1880 (из Христ. Чтения, 1879, № 7—12; 1880, № 1—2); *Митр. Макарий.* Т. X; *Шпаков.* Государство и церковь в их взаимн. отношениях в Моск. государстве. Царствование Феодора Ив. Учреждение патриаршества в России. Две части. Одесса. С. 1910—1912; *Ключевский В. О.* Добрые люди в Древней Руси // Богосл. вестн. 1892, I; перепеч. «Очерки и Речи». М., 1913 (помещица Ульяна Устин. Осорьина, ум. в 1604 г.); *Корсакова В.* Федор Борисович Годунов, сын царя Бориса. Р. Б. словарь (библ.).

TV. Крестьянство

Ключевский В. О. История сословий в России. Два издания: СПб., 1913 и 1918; *Аксаков К.* О состоянии крестьян в Древней Руси. Собр. соч. Т. I. СПб., 1861; 2-е изд. М., 1889; *Милюков П. Н.* Крестьяне (историч. очерк). Энци. слов. Брок. и Ефр. XVI. С. 675—683; *Тарановский Ф. В.* Крестьяне в России до XIX в. Нов. Энци. слов. Брок. и Ефр., XXIII. С. 257—264; *Пресняков А. Е.* Судьбы крестьянства в рус. историографии и задачи их изучения. Архив истории труда в России. Кн. I—СПб., 1921; См. еще общие курсы по истории рус. права: Владимирского-Буданова М. Ф., Сергеевича В. И. (Р. Юр-Древн.), Дьяконова М. А., Филиппова.

V. Прикрепление крестьян

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. VII (1857), гл. IV; *Погодин А. Л.* Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права? // Р. Беседа. 1858, кн. III и в сборнике «Историко-критические отрывки». Т. II. М., 1867; *Костомаров Н. И.* Статья под таким же заглавием. Архив исторических и практических сведений 1859, кн. 2 и 3, и в Монографиях. Т. I, куда, однако, «статья вторая (из кн. 3) почему-то не вошла» (Дьяконов М. А.); *Беляев Н. И.* Крестьяне на Руси. СПб., 1860.

Ключевский В. О. Происхождение крепостного права в России // Р. Мысль, 1885, № 8, 10; *Он же.* Подушная подать и >тмена холопства в России, там же. 1886, № 5, 7, 9, 10. Обе статьи перепечатаны в «Опытах и исследованиях. Первый сборник статей». Два издания: СПб., 1912 и 1919; *Сергеевич В. И.* Русские Юридические Древности. Т. I. СПб., 1890; *Иловайский Д. И.* История России. Т. III (1890), примечание 75-е; *Лебольский Н. Г.* К вопросу о прикреплении владельческих крестьян. СПб., 1895; *Дьяконов М. А.* К истории крестьянского прикрепления. СПб., 1895; *Милюков П. Н.* Крестьяне в России. >нци. слов. Брок. и Ефр. Т. XVI (1895); *Он же.* Очерки по истории русской культуры. Т. I (1896); *Дьяконов М. А.* Очерки о истории сельского населения в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1898 (отзыв Лаппо-Данилевского в Отчете о присужд. уваровских наград, 1900 г.); *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты. СПб., 1899; *Кизеветтер А. А.* История крепостного права. М., 1900; *Сергеевич В. И.* Р. Юр. Древн. Т. III (1903): оценка высказанных в исторической литературе суждений по вопросам землевладения, тягла и порядка обложения; *Дьяконов М. А.* «Заповедные лета» и «старина». Сборник статей, посвящ. Владимирскому-Буданову М. Ф. Киев, 1904; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права, изд. 5-е. Киев, 1905. С. 134—151; 302—306 (об основах прикрепления); 665—673 (происхождение и значение служилой **Кабалы**. Добровольное холопство).

См. также университетские курсы по истории русского права Дьяконова М. А. и Филиппова (оба по четвертому изданию 1912 г.) и труды Павлова-Сильванского Н. П. о феодализме в России.

Любавский М. К. Начало закрепощения крестьян. Сборник «Великая реформа». Т. I (1911). С. 1—13; *Пичета В. И.* Смутное время (1913). С. 57; *Готье Ю.* Очерк истории землевладения

в России. Сергиев Посад. 1915. С. 73—74; *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории, изд. 10-е. СПб., 1917; *Он же.* Борис Годунов. СПб., 1922; *Он же.* О времени и мерах прикрепления крестьян к земле в Московской Руси. Архив истории труда в России, кн. III (СПб., 1922), 18—22; *Гейман.* Новое освещение вопроса о прикреплении крестьян // Русский исторический журнал. Кн. 8-я (1922). 291—294 (по поводу платоновского «Б. Годунова»); *Греков Б. Д.* Юрьев день и заповедные годы // Известия Академии наук. VII серия, 1925, № 1—2. С. 67—84.

Литературу предмета см. в курсах *Дьяконова М. А.* (с. 357, 382), *Филиппова* (451, 476), в Обзоре Владимирского-Буданова *М. Ф.* (101), в статье *Платонова С. Ф.*, помещенной в «Архиве», 1922 (кроме того, здесь дан сжатый очерк развития и смены взглядов на историю прикрепления крестьян от Татищева до наших дней). Историю развития вопроса прослеживает и *А. Е. Пресняков:* «Судьбы крестьянства в рус. историографии и задачи их изучения» (в том же «Архиве». Кн. I (1921). С. 41—44.

VI. Как умер царевич Дмитрий

Щербатов М. М. История Российская. Т. VI, ч. 1 (1790). С. 290—294; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. X, гл. 2; *Погодин А. Л.* Об участии Годунова в убийстве царевича Дмитрия // Московский вестник. 1829, ч. 3; перепеч.: Историко-критические отрывки. М., 1846; *Арцыбашев Н. С.* в Вестнике Европы, 1830 и Р. Архиве, 1866 (тут же, № 8 и 12; *Павлов П. В.* и *Иконников В. С.*); *Устрялов С. М.* Розыск и смерть царевича Дмитрия Угличского. «Сказания современные», ч. II (1831); *Кисель.* Доказательства, что царевич Дмитрий действительно убит в Угличе, по наущению Годунова // ЖМНП. 1840, № 2; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. VII, гл. V и примеч. 131; *Аксаков К.* Полемика с Соловьевым С. М. // Рус. Беседа. 1858, II и Пол. собр. соч. Т. II (1889). С. 233—238; *Преосв. Филарет.* Исследование о смерти царевича Дмитрия. Чтения. 1858, кн. I; *Нечаев.* Смерть царевича Дмитрия // «Смутное время в Московском государстве. Сборник статей с иллюстрациями». М., 1913. С. 58—74; *Клейн.* Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия, 15 мая 1598 г. М., 1913: исследование и фототипичное воспроизведение подлинной рукописи «Дела»; *Платонов С. Ф.* Борис Годунов. СПб., 1921; *Готье Ю. В.* Смутное время. Госиздат, 1921; *Виннер Б. Р.* Иван Грозный. М., 1922; *Татищев В. С.*

К вопросу о смерти царевича Дмитрия. «Сборник статей...». СПб., 1922; *Белов Е. А.* О смерти царевича Дмитрия // ЖМНП. 1873, №№ 7, 8; *Костомаров Н. И.* О следственном деле по поводу убийства царевича Дмитрия // Вестник Европы. 1873, сентябрь; *Он же*, РИ, гл. XXIII. С. 583; *Б.-Рюмин К. Н.* Обзор событий // ЖМНП. 1887, июль. С. 81; *Платонов С. Ф.* Др.-р. сказания. СПб., 1889; *Иловайский Д. И.* История России. Т. III. С. 651; *Боцяновский.* Кто убил царевича Дмитрия? // Исторический вестник. 1891, май; *Голубовский Ф. А.* Вопрос о смерти царевича Дмитрия, там же, 1896, декабрь; Письма К. Н. Бестужева-Рюмина о Смутном времени. СПб., 1898; *Тр. С. Д. Шереметев.* Царевна Феодосия Феодоровна // «Старина и Новизна», 1902 г.; *Он же.* От Углича к морю Студеному. «Старина и Новизна» Кн. VII (1904); *Никольский Н. М.* Царевич Дмитрий. Р. Б. словарь (1905), 383—389 (библ.): обстановка детских лет; судьба его; *Суворин А. С.* О Дмитрие Самозванце. Критические очерки с приложением нового списка следствия дела о смерти царевича Дмитрия. СПб., 1906; *Беляев И. С.* Следственное дело об убиении Дмитрия царевича. Его разбор в связи с новооткрытым завещанием А. А. Нагого // Чтения. 1907, I; *Завитневич.* Значение великой московской смуты в общем ходе политического развития допетровской Руси. Труды Киев. Духовной академии. 1908, май; *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций. Т. III, 24; *Тюменев А. И.* Пересмотр известий о смерти царевича Дмитрия // ЖМНП. 1908, май, июнь (указана предшествующая литература предмета); *Светозаров В.* Развитие легенды о смерти царевича Дмитрия // Р. Старина, 1908, февраль (полемика с ним И. Беляева; там же, апрель).

VII. Лжедмитрий I

Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. XI, гл. 2—4; *Погодин А. Л.* Нечто об Отрепьеве. Историко-критические отрывки. М., 1846; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. VIII, гл. 2, и примечание 65-е; *Аксаков К.* Полное собрание сочинений. Т. I (1889). С. 260—262; *Костомаров Н. И.* Кто был первый Самозванец? СПб., 1864 (и Смутное время, т. II, 1868); *Аристов Ф. Ф.* в Библиотеке для Чтения. 1864, № 8; *Иконников В. С.* в Киев. Ун. Известиях. 1865; *Белов В. А.* О смерти царевича Дмитрия // ЖМНП. 1873; *Костомаров Н. И.* РИ, (1874), гл. 24-я; *Митрополит Макарий.* История Русской церкви. Т. X; *Левицкий.* Где, когда и кем

был обращен в католичество Лжедмитрий I? // Христ. Чтение. 1883, № 9—10; *Он же*. Лжедмитрий как пропагандист католичества в Москве. Там же, 1886, и отд. СПб., 1886; *Б.-Рюмин К. Н.* Обзор событий // ЖМНП. 1887, июль (см. у него указания на не упомянутых здесь: Щербатова М. М., митрополита Платона, Добротворского, Казанского); Павлов П. В. и его полемика с Костомаровым Н. И. в Р. Архиве, 1886; *Иловыйский Д. И.* История России. Т. IV, гл. 1—2 и примечание 1 (стр. 273—280). Тут же приложение: «Вопрос о личности и руководителях первого Лжедмитрия»; *Пташицкий*. Письмо первого самозванца папе Клименту VIII, 24 апреля 1604 г., с 8 автотипич. снимками // Известия. Т. IV, кн. 2, и отд. СПб., 1899; *Иконников В. С.* Дмитрий Самозванец и Сигизмунд III. Киев, 1900 (из Чтений Общ. Летописца Нестора, кн. IV); *Щепкин Е. Н.* О Дмитрие Самозванце. «Протоколы заседаний ист.-фил. Общ. при Новорос. ун. XI, заседание 9.III.1899 г., с. 6—8: тезисы к обширной работе автора на нем. яз. См. ниже; *Он же*. Краткие известия о Лжедмитрии. Летопись (этого) Общества, вып. VIII (1900); *Он же*. Политика Папского престола в Смутное время, там же, IX (1901); *Пирлинг*. Из Смутного времени. Статьи и заметки. СПб., 1902 (все статьи связаны с личностью Лжедмитрия); *Суворин А. С.* Дневник. М., 1923: запись 18 сентября 1902 г. (с. 295—296); *Платонов С. Ф.* Вопросы о происхождении первого Лжедмитрия // Вестник и Библиотека самообразования. 1904, № 39 и в «Статьях» по русской истории (1912); *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций. Т. III (1908), л. ХСІ; *Пичета В. И.* Смутное время в Московском государстве. М., 1913; *Иконников В. С.* (новый пересмотр вопроса с указанием на новейшую литературу). Киев, Ун. Известия. 1917, № 5—6; *Готье Ю.* Смутное время. М., 1921. *Stschepkin*. Wer war Pseudodemetrius I? // Archiv f. slav. Philologic, Bd. XX—XXII (1898—1900); *J. Baudouin de Courtenay*. Strona jezykowa oryginalu polskiego listu *Dymitra Samozwanca» do papieza Klemensa VIII z dnia 24 Kwetnia 1604. Krakow, 1899. *Hirschberg*: 1) Dymitr Samozwaniec. Lwow, 1898; 2) Maryna Mniszchowna. Lwow, 1906; *W. Sobieski*: 1) Pierwszy protektor Samozwarica. Z nieznanых archiwaliom. // •Szkice historyczne*. Warszawa. 1904, str. 47—103; 2) Dymitr Samozwaniec a Polska. // «Studja historyczna*. Lwow. 1912, str. 59—166; *H. M.* Aryanie polscy i Dymitr Samozwaniec. // •Przeglad historyczny». Warszawa, 1907; *P. Pierling*: 1) Rome et Demetrius d'apr'es les documents nouveanz. P. 1877; 2) La Russie et le Saint lege, torn. III (1901; этот третий том в рус

пер- «Дмитрий Самозванец». М., 1912); Tacchi—Venturi, Il falso Demetrio, ossia un episodio di storia russa al principio del secolo XVII. // «La Oivilta Cattolica», 1902. Qwaderni 1240—1252.

VIII. Царь Шуйский

Рождественский С. В. Царь В. И. Шуйский и боярство // Историческое Обозрение. Т. V.

IX. Деятели Междоусобия

1. *Забелин И. Е.* Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1883; издание 3-е, (дополненное «Приговором Ляпуновского ополчения 30 июня 1611 г.») М., 1896, изд. 4-е. М., 1901; *Костомаров Н. И.* Кто виноват в Смутном времени. Монографии, XIII (полемика с Забелиным И. Е.); *Корсакова В. Кн. Д. М. Пожарский*. Р. Б. словарь. С. 221—247 (библ.).

2. *Кедров С. Н.* Авраам Палицын. М., 1880 (из Чтений 1880, IV); *Он же.* Авраам Палицын как писатель // Р. Архив, 1886, № 8; *Васенко Пл.* Две редакции первых шести глав «Сказания» Авраама Палицына // Летопись зан. Арх. Ком., вып. 32 (1923); *Любомиров П. Г.* Новая редакция «Сказания» Авраама Палицына (к литературной истории «Сказания»). Сборник... Платонову. СПб., 1922; *Васенко Пл.* Общественное разложение в Смутное время (в изображении Авраама Палицына) // Русское Прошлое. Вып. 5 (1923), 24—34.

3. *Бороздин А.* Дионисий, архимандрит Троицкого монастыря. Р. Б. словарь (1905), 424—426.

4. *Глаголев.* Патр. Ермоген // Р. Архив. 1902, октябрь; *Кедров С.* Жизнеописание Гермогена, патриарха Московского и всея России. М., 1912; *Сухотин Л. М.* К вопросу о причастности патриарха Гермогена и князя Пожарского к делу первого ополчения // Сборник статей в честь М. К. Любавского. СПб., 1917; *Белокуров С. А.* О месте заключения патриарха Гермогена в 1611—1612 гг.; там же.

5. *Смирнов И. И.* Филарет Николай Романов, святой патриарх Московский // Чтения 1873—1874; С. П-в, Филарет, Патриарх Московский. Р. Б. словарь (библ.).

6. *Сухотин Л. М.* Народные движения 1611 и 1612 гг. Речь. Чтения. 1913, IV; *Любомиров П. Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. // Записки ист.-фил. фак. СПб., Ун., ч. 141, и отд. СПб., 1917 (рец. Платонова С. Ф. // Р. Исторический журнал, кн. 5 (1918).

7. Люди Смутного времени. СПб., 1906 (общедоступное изложение).

8. *Siliwinski A.* Hetman Zolkiewski. Warszawa, 1920; *Sobieski W.* Zolkiewski na Kremlu. Warszawa, 1920; *Irochaska A.* Hetman Stanislaw Zolkiewski. Warszawa, 1927.

Х. Избрание М. Ф. Романова

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. VIII, гл. 8-я; *Костомаров Н. И.* Смутное время. Т. III; *Ключевский В. О.* Боярская дума, гл. XVIII; *Маркевич А. И.* Избрание на царство М. Ф. Романова // ЖМНП. 1891, № 9—10; *Иловайский Д. И.* История России. Т. IV, текст и примечание 24 (см. еще указанные им статьи Львова, Н. Полевого, Лавровского и Хмырова); *Милюков П. Н.* Очерки. Т. III, гл. 3-я; *Платонов С. Ф.* Московское правительство при первых Романовых // ЖМНП. 1900, декабрь, и в «Статьях»; *Ключевский В. О.* История России. Полный курс лекций. Т. III, л. ХСШ; *Завитневич.* Значение великой московской Смуты. Труды Киевской Духовной академии. 1908, № 6; *Алексеев.* Вопросы об условиях избрания на царство М. Ф. Романова // Р. Мысль, 1909, ноябрь (полемика с Платоновым С. Ф.).

См. еще *Попов Н. А.* Татишев В. С. и его время (1861); *Загоскин Н. П.* История права Московского государства (1877); *Он же.* Верховники и шляхетство в 1730 г. (1881); *Латкин.* Земские соборы (1880); *Забелин И. Е.* Минин и Пожарский (1883); *Сергеевич А. Е.* Р. Юр. Древности. Т. II, (1896); *Тельберг.* Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. (1912).

Избрание М. Ф. Романова на царство. Труды Киевской Духовной академии. 1912, № 1; *Пресняков А. Е.* Московское государство первой половины XVII в. «Три века». Т. I; *Тарановский Ф. В.* Соборное избрание и власть государя в XVII в. // Речь. Журнал Министерства юстиции. 1913, май; *Готье Ю.* Избрание на царство М. Ф. Романова // Речь. Чтения, 1913, кн. 4; *Васенко Пл.* Бояре Романовы (1913); *Дьяконов М. А.* Избрание Михаила Федоровича на царство. СПб., 1913; *Платонов С. Ф.* Вопрос об избрании М. Ф. Романова в русской исторической литературе // ЖМНП. 1913, февраль; *Цветтаев Л. А.* Избрание М. Ф. Романова на царство. М., 1913; *Пичета В. И.* Смутное время (1913); *Сташевский.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913; *Зямятин.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на р. престол.

Орьев., 1913; *Он же*. «Новый Летописец» о сношениях между Ярославлем и Новгородом в 1612 г. // ЖМНП. 1914, март; *Кизеветтер А.* Избрание на царство М. Ф. Романова // Исторические отголоски. М., 1915; *Любомиров П. Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения (1917); *Готье Ю. А.* Смутное время.

1921. *Замятин.* К истории Земского собора 1613 г. Труды Воронежского государственного университета. Т. III (1926); *Bauer E.* Die Wahl M. F. Romanows // Siebel's Historische Zeitschrift, 1886. Heft I.; *Almquist H.* Die Carenwahl des Jahres 1613. Zeitschrift f. osteuer. Geschichte. Bd. III. Heft 2, 1913.

Открытие за последние 30 лет новых документов вызвало необходимость вопрос об избрании М. Ф. Романова и (главным образом) обстановке, в какой оно происходило, пересмотреть заново. Таковыми документами явились: показания Философова в передаче князя Мезецкого и И. Грамотина о кандидатах на царский престол в 1612 г. (*Hirschberg Al.* Polska a Moskwa a pierwszej polowie wieku XVII. Lwow, 1901: показания Дубровского и Чепчугова с товарищами на ту же тему (*Almquist H.* Nouveaux documents sur l'histoire de la Russie en 1612—1613. Le Monde Oriental. 1907 (Upsala), I; русский перевод в Сборнике Новгородского Общества Любителей древности, вып. V, и показания шведа Брюнно вместе с донесением Делагарди шведскому правительству (см. выше. *Замятин*. Труды Воронежского университета).

XI. Земские соборы

Сергеевич В. И. Земские соборы в Московском государстве. Сборник государственных знаний. Т. П. СПб., 1875. См. также: Лекции и исследования по истории р. права. СПб., 1883. С. 703—752; изд. 4-е. С. 172—240; *Лашкин.* Земские соборы Древней Руси. СПб., 1885; *Ключевский В. О.* Состав представительства на земских соборах Древней Руси // Р. Мысль. 1890, январь, 1891, январь, 1892, январь февраль, перепечатано в «Опытах и исследованиях». М., 1912, изд. 2-е. М., 1918. Статьи эти не окончены; некоторым продолжением их могут служить с. 377—379 3-го изд. «Боярской думы» Платонова С. Ф.; *Платонов:* 1) Заметки по истории московских земских соборов // ЖМНП, 1883, март и отд. СПб., 1883; перепеч. Е «Статьях» автора; 2) История москов. земских соборов // «Журнал для всех». 1905, № 2, 3 и «Морква в ее прошлом ТА настоящем», вып. II; также в «Статьях»; *Тарановский Ф. В.* Земские соборы. Новый Энциклопедический словарь Брок. и

Ефр., 632—643 (библ.); *Авалиани*: 1) Историография земских соборов, 2) О представительстве на земских соборах. XVI в. и начала XVII в. Та и другая статья в «Записках Новор. ун. Ист.-фил. фак». вып. II (1910). *Заозерский А. К* вопросу о составе и значении земских соборов // ЖМНП. 1909, № 6; Литературу земских соборов см. у Дьяконова М. А., Филиппова, Авалиани.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПРОСВЕЩЕНИЕ, КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВЕННОСТЬ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В ПЕРВЫЕ ПОЛТОРАСТА ЛЕТ (1462—1613)

А. КУЛЬТУРНОЕ ПЕРВЕНСТВО НОВГОРОДА

Говоря о просвещении, культуре и общественности в Московском государстве, необходимо помнить, что и просвещение, и культура в течение первых ста лет за указанный период, т. е. приблизительно до середины XVI ст., носили облик скорее новгородский, нежели московский. Культурное первенство Новгорода во второй половине XV и в первой половине XVI в. отчетливо выступает в литературе, в искусстве в первых, как бы слабы они ни были, попытках научного обоснования своих представлений, в заботах о просвещении, наконец, в большей подготовленности к восприятию самого просвещения. Лишь с середины XVI ст., постепенно вобрав в себя питательные соки новгородской культуры, начинает Москва сообщать культуре и просвещению самостоятельный отпечаток; и поэтому только с этой оговоркой можно говорить о московской культуре 1462—1613 гг.: вначале она преимущественно новгородская.

Причины культурного первенства Новгорода

Причины такого культурного превосходства старого Новгорода понятны из его предыдущей истории (см. «Курс». Т. I); их можно свести к следующим четырем основным.

1. Разгром Батыею не коснулся Новгорода, не заглушил, как это удалось ему достигнуть в остальной Северо-Восточной Руси, ту материальную и духовную культуру, какую тот успел выработать к этому времени, а последующее татарское иго, почти

не задев Новгорода, если несколько и тормозило ее развитие, то сравнительно в слабой степени.

2. Торговые сношения с Западной Европой, общение с ней в Новгороде не прерывалось. Новгород и в темный период татарщины оставался прежним рынком и торговым звеном между Западом и Востоком, гостеприимной пристанью и складочным местом, куда стекались товары ганзейские, с мусульманского Востока, от северных инородцев. В Новгороде существовал постоянный «немецкий» двор; у самих новгородцев был такой же «русский» двор в Висби, на Готланде. Дыхание западноевропейской жизни, не доходившее до Москвы, чувствовалось на берегах Волхова.

3. Материальная обеспеченность высших классов содействовала росту духовных запросов, позволяла в более широких размерах пользоваться материальными достижениями Запада.

4. Более близкий к Западу, Новгород в то же время стоял дальше от азиатского Востока — другое благоприятное условие для культурного развития. Благодаря тому, что нога татарина никогда не ступала в Новгородский край (правильнее: потому что Новгород не подвергался разгрому), там сохранилось гораздо более памятников старины — вещественной (церковной) и рукописной. Добрая половина памятников древней письменности, дошедшей до нас от XI—XVI вв., принадлежит Новгороду и Новгородской области.

В чем выразилось это культурное первенство

1. Работы по составлению пасхалии (Геннадий; Дм. Герасимов).

2. Геннадиева Библия; возможность найти в Новгороде сотрудников и необходимые для ее составления пособия (Вульгата; Немецкая Библия; доминиканец Вениамин; Дм. Герасимов).

3. «Просветитель» Иосифа Волоцкого.

4. Макарьевские Четьи-Минеи составлены были в Новгороде; позже, в Москве, Макарий лишь дополнил и расширил их.

5. Софийская библиотека, т. е. библиотека при Софийском соборе в Новгороде. Она, несомненно, существовала в конце XV в.: без нее едва ли мог бы местный архиепископ Макарий приготовить свои Четьи-Минеи. Позже она пополнялась из местных библиотек, книгами новгородских владык. Начиная с того же XV в., Москва уже пользуется ее сокровищами и вывозит их к себе. Книжные богатства библиотеки были настолько велики, что даже еще в XIX в., после многих

утрат, она оставалась одним из наиболее богатых древнехранилищ России. В 1859 г., при передаче ее в Петербургскую духовную академию, в ней еще насчитывалось свыше 1 500 рукописей.

6. Соловецкая библиотека. Ставить ее на один уровень с Софийской нельзя, но знаменательно, что она существует еще с конца XV в., и где же? На таком отдаленном севере, в таком, в ту пору, еще совершенно глухом углу! Географическое и политическое родство Соловецкого монастыря с Новгородом определило и тот источник, откуда черпала свои богатства монастырская библиотека: она была, по существу, духовной дочерью (филиалом, сказали бы мы по-нынешнему) библиотеки Софийской и являлась лучшим доказательством культурных сил самого Новгорода.

7. Первые печатные книги с Запада пришли в Новгород раньше, чем в Москву; они появляются здесь в конце XV ст., т. е. 30—40 лет спустя после изобретения Гуттенберга.

8. «Первые переводы произведений западноевропейских литератур, сделанные, несомненно, в Московской Руси, относятся ко второй половине XV в. и принадлежат по преимуществу Новгороду» (Соболевский).

9. Личность Дмитрия Герасимова — этого, в некотором роде, первого европейски образованного русского.

10. Участие псковских мастеров в обстройке Московского Кремля (Благовещенский собор; церкви Иоанна Златоуста и Риз Положения).

11. Высокое состояние новгородской живописи (иконы; фрески; работы иконника Дионисия, датированные 1500 г.).

12. Миниатюры Царственной книги (описание событий 1533—1553 гг.) — работа новгородских мастеров.

13. Художественные ценности, вывезенные Иваном III и Иваном Грозным из новгородской Софии и других новгородских Церквей и монастырей (корсунские иконы, сосуды, ризы и прсч.).

14. В Новгороде славились своим искусством серебряных дел мастера; их призывали в Москву еще в середине XVI в. — Москва пока не могла обойтись без них.

Примечание. В наше время ярким показателем материальной и духовной мощи Новгорода, прежней его культуры и гражданственности служат нынешние 79 церквей, 18 мощей рвотых угодников, 21 чудотворная икона и 17 монастырей (в городе и окрестностях), а с прежними — 40, при населении в 27 000 жителей (данные 1911 г.)-

В чем выразил Новгород свою духовную самобытность и сознание своего права на политическую самостоятельность.

В ряде легенд, сказаний и благочестивых преданий ⁱ

1. Легенда об апостоле Андрее Первозванном: он **При-**ходил в Новгородскую землю и проповедовал там веру Христову.

2. Легенда об Антонии Римлянине: до Новгорода он добрался, плывя на камне, за ним плыла бочка с церковной утварью. В обеих этих легендах — отголосок желания найти самостоятельный, ни от кого не зависимый первоисточник своего религиозного просветления. Подобно этому в свое время и митрополит Илларион, в «Похвале кагану нашему Володимеру», доказывал, что Русская земля истинной верой обязана не грекам, а самой себе, патриотическому подвигу своего лучшего сына.

3. Сказание о чуде от иконы Божией Матери, поразившей в 1169 г. посланные против новгородцев войска Андрея Боголюбского. Сказание это сложилось в конце XV в., т. е. как раз в годы, когда Новгороду пришлось особенно болезненно почувствовать на себе тяжелую руку прямых наследников Андрея — великих князей московских.

4. Рассказ о наказании, какое постигло великого князя Ивана III за проявленную им дерзость: приехав в Новгород, он осмелился приказать открыть мощи преподобного Варлаама Хутынского, желая видеть их; Варлаам же был одним из наиболее чтимых местных святых. И вот из гробницы вырвалось пламя, едва не опалив Ивана. Объятый ужасом, великий князь бежал из храма. Так был посрамлен ненавистный противник Новгорода, причинивший ему столько зла.

5. Такое же посрамление понес и архиепископ Сергей, москвич, назначенный тем же Иваном III на архиерейскую кафедру в Новгород в нарушение установившегося обычая, в силу которого владыки Новгородские не назначались, а выбирались по жребию непременно из среды своего же новгородского духовенства. Сергей тоже захотел открыть гроб одного из своих предшественников по кафедре, архиепископа Моисея, и когда присутствовавшие не осмелились исполнить приказание, он обозвал Моисея смердовичем, сыном смерда, за что Бог лишил его рассудка.

6. Легенда о Тихвинской Божией Матери. Из Царяграда, еще задолго до его падения, в предвидении страшной кары, ожидающей его за утрату истинного благочестия, и в поисках страны, где это благочестие сохранилось в наибольшей чистоте, икона Божией Матери чудесным образом, по воздуху,

прибыла в Новгородскую область и остановилась в Тихвине, явив себя здесь чудесами и исцелениями.

7. «Повесть о белом клобуке и крещатых ризах». В ее основе та же мысль: Новгород — вот где еще хранится истинная православная вера. Утрата новгородской церковью своей независимости, подчинение ее митрополиту Московскому действовали угнетающим образом — «Повесть о белом клобуке» позволяла с меньшей болью переносить обиду.

Б. КУЛЬТУРНЫЕ СНОШЕНИЯ С ЗАПАДНОЙ ЕВРОПОЙ

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1. Все это время (1462—1613) характеризуется усиленными, сравнительно с предыдущими веками, культурными сношениями с Западной Европой. Московское государство, точно очнувшись после долгого сна, торопливо старается наверстать упущенное. При Иване III и Василии III особенно оживленными были сношения с Италией, а при Иване Грозном и при сыне его Федоре — с англичанами. Обе стороны добиваются своего: России нужны образованные техники и сбыт сырых продуктов своей страны; Европа ценит Россию как торговый рынок (купля и продажа; ввоз и вывоз товаров); на этой почве одна держава конкурирует с другой. Привилегированного положения сумела добиться Англия; однако царь Грозный, считаясь с выгодами английской торговли и обеспечив ей монополию на севере своих владений, охотно поддерживал в Нарве конкуренцию иностранных купцов с теми же англичанами. Особое место занимает Рим (папский престол): Московия дорога ему как поприще католической пропаганды.

2. Знакомство Западной Европы с Россией. Во второй половине XV в., т. е. в ту пору, когда Московское княжество уже сложилось в государство, оно для доброй половины Западной Европы еще продолжало оставаться неведомой страной, лежать вне круга ее обычных представлений, и немецкий рыцарь Николай Поппель, случайно попавший в Россию (1486), мог, вернувшись в Германию, хвастливо утверждать, будто он «открыл» Московию, никому дотоле неизвестную; наивно воображать, будто он сообщает что-то действительно совершенно новое, говоря, что великий князь московский вовсе

не вассал польского короля, а государь независимый; что его владения гораздо обширнее владений польских и т. п.

Однако в XVI ст. завеса, скрывавшая «неведомую» страну, начинает мало-помалу падать. Первое отчетливое и притом довольно правильное представление о далекой Московии Западная Европа почерпнула из сочинений Павла Иовия (1525), Фабера (1525) и особенно Герберштейна (1549). Ченслор и его спутники, приплыв к устьям Северной Двины, в полном смысле слова открыли северные области Московского государства и подход к ним со стороны моря (1553). Продолжительная и упорная борьба Ивана Грозного сперва с Ливонским орденом, потом со Швецией, Литвой и Польшей, близко затронув интересы Германии, Англии и Голландии, вызвала там усиленный интерес к России, породив многочисленную литературу, которая знакомила западноевропейского читателя со страной, с войнами Грозного, с его личностью. Появление на московском престоле Лжедмитрия I, тайна, окружавшая его имя, тоже давали благодарную тему для современного писателя. Далеко не все писанное в то время о России попало тогда же под типографский станок, однако и книг, напечатанных непосредственно вслед за их написанием, тоже было немало. Из англичан после Ченслора Россию посетили и оставили ее описание Дженкинсон (пять поездок с торговыми целями, в 1557—1571 гг.) и Флетчер (1591), сочинение которого и по настоящее время остается драгоценным источником для нашего знакомства с Россией второй половины XVI в. Появившийся в 1589 г. сборник Хаклута (*The principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveris of the English nation. By R. Hakluyt*; 2-е, более полное издание: 1598—1600 гг.) включил, кроме Ченслора и Дженкинсона, описание поездок Барроу, Боуса, Горсея и др. Гейденштейн описал войну Грозного со Стефаном Баторием (1584), Гваньини (1584) и Одерборн (1585) дали своего рода биографию Грозного, остановившись преимущественно на его жестокостях. В 1600 г. во Франкфурте вышел специальный сборник, посвященный России: «*Regum Moscoviticarum Auctores varii*» (перепечатка Герберштейна, Павла Иовия, Фабера, Матвея из Мехова и др.). Надежды, возлагавшиеся Римской курией на Лжедмитрия I, вызвали ряд сочинений, написанных о иезуитах и связанных с его именем: Поссевина—Бароцци, Лавицкого и Москеры (все три в 1606 г.). Поссевин еще раньше составил ценное описание Московии (1586) — плод его наблюдений и бесед при дворе Ивана Грозного и Батория (1581—1582).

Не отстала от других и Франция, раньше с Москвой не имевшая никаких точек соприкосновения. В конце XVI ст. там был составлен краткий очерк русской истории, по существу простая генеалогия русских государей, от Рюрика до Федора, с краткими сведениями об их деятельности, и почти безупречная в правильном изложении фактов — доказательство, что автор умел разобраться в своих источниках и выделить достоверное от вымысла. Впрочем, труд этот света не увидел, и для широких кругов французских читателей Московию впервые открыла лишь книга капитана Маржерета, непосредственного свидетеля и участника событий в царствование Бориса Годунова и Лжедмитрия: *Estat de l'Empire de Russie et grand Duché de Moscovie* (1607).

3. Сношения с Италией. Сношения России с Западной Европой в период 1462—1613 гг. начались с Италии и носили двоякий характер: из Венеции и Милана русское правительство вывозит техников, а Римскую курию старается использовать в целях политических (посредничество в делах польских), хотя при случае не прочь и к ней обратиться как к простой «бирже труда» — выписать и из Вечного города мастеров и художников (1485, 1499). Не то сама Римская курия: соединение церквей и участие России в антиоттоманской лиге — вот какой смысл имеют для нее сношения с Москвой. «Технические» сношения после Василия III оборвались, но Рим за весь полуторастолетний период неуклонно продолжает преследовать указанные цели, несмотря на равнодушие Москвы и помехи со стороны Польши. К созданию унии и к сотрудничеству в борьбе с «прирожденным врагом христианства» — турками направлены все усилия Папского престола: во имя этой идеи он устраивает брак Софьи Палеолог с Иваном III, посредничает между Василием III и Александром, великим князем литовским и королем польским, а потом с его преемником, предлагает московскому государю королевский титул, мирит Ивана Грозного с Баторием, признает Лжедмитрия царем московским, пользуется всяким случаем проникнуть в самую Россию и завязать с ней тесные, возможно, более простые сношения.

4. Сношения с Англией были очень оживленными. Если англичане для себя открыли незнакомую им Московию, **То**, в свою очередь, и Иван Грозный тоже открыл ценную для себя возможность войти в непосредственное соприкосновение с (лежавшей и для него также не близко) Западной Европой сломать тот барьер, что так старательно воздвигали ему Польша

и Швеция. Англо-русские сношения этого времени сводятся к двум основным пунктам: торговый обмен и вывоз иностранных мастеров.

И. СНОШЕНИЯ С ИТАЛИЕЙ

1. Монетный мастер Джанбаттиста делла Вольпе (в Москве его звали Иван Фрязин), на службе великого князя, отправил в Рим от своего имени родственника Н. Джисларди и грека Юрия (искать руки Софьи Палеолог для Ивана III? или для вызова ремесленников и зодчих?) (1468).

2. Грек Юрий вернулся в Москву с письмом кардинала Виссариона и предложением руки Софьи Палеолог (1469 г., февраль).

3. Делла Вольпе послан в Рим посмотреть невесту (1469 г., март).

4. Вторичная посылка его уже за невестой (1472 г., январь).

5. Приезд Софьи в Москву и брак ее с Иваном III (1472 г., 12 ноября).

6. Посольство Семена Толбузина в Венецию для найма ремесленников и других «художников»; также с жалобой на Тревизана (посла Венецианской республики к Золотой Орде), который, приехав в Москву, тайком, под видом купца, старался проехать к месту назначения. Толбузин вывез из Венеции болонского уроженца Аристотеля Фиораванти, который позже построил в Москве Успенский собор (1474—1475).

7. Контарини, венецианский посол в Персию, на обратном пути в Венецию принят был с честью в Москве и пробыл там 4 месяца.

8. Посольство грека Юрия Траханиота в Милан и в Рим для вызова лекарей, пушечного и серебряного дела мастеров и прочих (1485—1486).

9. Посольство братьев Дмитрия и Мануила Ралевых в Венецию, Милан и Рим. Официальный мотив: сообщить о победах над казанским ханом; действительный повод: наем мастеров разных специальностей. Вывезено более десяти человек, в том числе Пьетро Антонио Солари, зодчий, и лекарь Леон, жидовин. Последний в том же году был казнен: он не сумел спасти от смерти, как неосторожно пообещался, старшего сына великого князя, Ивана Молодого (1487—1490).

10. Посольство Мануила Доксы и Даниила Мамырева в Милан и в Венецию за «стенными и палатными мастерами». Вывезено несколько человек, в том числе оружейник Петр и одчий Алоизий (Альвизо) (1493).

11. Посольство Дмитрия Ралева и Митрофана Карачарова Мантую, Венецию, Рим и Неаполь за мастерами. Привезены «многие мастера серебряные, пушечные и стенные» (1499—1500).

12. Паоло Чентурионе, генуэзец. Торговое соперничество Генуи с Португалией. Открытие мыса Доброй Надежды (1486), морского пути в Азию, изменило торговый путь из Индии в Европу к выгоде португальцев и в ущерб итальянским торговым республикам (Генуя, Пиза, Венеция). Генуя пытается возместить потерю открытием новых путей. Чентурионе исходит из убеждения (довольно общего тому времени), что р. Оксус (Амударья) впадает в Каспийское море и что, поднявшись вверх по ее течению до истоков, стоит лишь перевалить через горный кряж, чтобы попасть в долину реки Инда. Отсюда его желание Волгой спуститься в Каспийское море и на деле проверить возможность такого сообщения с Индией. Снабженный рекомендательным письмом папы Льва X (1518), Чентурионе явился в Москву, но внутрь страны, на Волгу, его не пустили (1520).

13. Чентурионе вторично пытается пробраться к Каспийскому морю; на этот раз он на положении полуофициального посланца папы Климента VII (1524). Та же неудача. Отпуская его обратно из России, Василий III отправил с ним к папе в качестве своего посла Дмитрия Герасимова (1525).

14. Посольство Дмитрия Герасимова в Рим, ответное на присылку Чентурионе. Действительная цель поездки — наем мастеров.

15. Посольство епископа Скаренского в Москву: папа Климент VII приглашает великого князя к совместной борьбе с турками (1526).

16. Ответное посольство Трусова и Лодыгина в Рим (поездом Венеция): нанять мастеров и завязать с папскими владениями торговые сношения (1527). Время для этого оказалось самое неподходящее: Рим как раз в этом году был взят и разграблен войсками Карла V, и сам папа должен был укрыться в Орвието.

17. Посольство Истома Шевригина в Рим: просить папу Григория XIII о посредничестве и примирении со Стефаном Баторием (1580).

18. Папский посол, иезуит Антонио Поссевин, дважды в Москве (1581, 1582). Его беседы с царем по вопросам веры; старания привлечь Ивана Грозного к Флорентийской унии.]

19. Посольство Якова Молвянинова в Рим: благодарить папу Григория XIII за посредничество (1582).

20. Александр Комулович, посол папы Климента VIII, дважды в Москве (1594, 1597): убеждает царя Федора принять Флорентийскую унию; рисует в перспективе завоевание Константинополя во исполнение давних желаний самих москвитян.

21. Намерение искать в Италии мастеров, умеющих плавить золотую и серебряную руду (1597).

22. Гостеприимство, оказанное в Москве двум миссионерам, Миранда и Коста, посланным папой в Персию (1601).

23. Просьба царя Бориса к Фердинанду, тосканскому герцогу, прислать «искусных медиков» и «мудрых ремесленников» (1602).

24. Грамота царя Бориса к папе: жалоба на польского короля Сигизмунда III, который оказывает поддержку «самозванцу Гришке Отрепьеву» в его притязаниях на русский престол (1604 г., ноябрь). Ответ папы (Павла V), 3 июня 1605 г., отправлен не был: царь Борис умер 13 апреля 1605 г.

25. Посольство графа Александра Рангони в Москву: поздравить Лжедмитрия I от имени Павла V с восшествием на престол (1606).

Сношения с Италией Ивана III и Василия III носят характер преимущественно материальный (наем техников, мастеров); сношения Ивана Грозного и его преемников развиваются на основе главным образом религиозной и политической. Вызванные из Италии зодчие-мастера (Аристотель Фиораванти, Марко Руффо, Антонио Фрязин, Пьетро Антонио Солари, который умер 22 ноября 1495 г., Алоизио из Милана, Алевиз Новый) обусловили напряженную строительную деятельность в период 1475—1533 гг.

При Иване III обстроен был Кремль: возведены новые кремлевские стены из камня (те самые, что стоят и поныне), построена Грановитая палата, Теремный дворец, Успенский собор (Благовещенский строили псковичи). При Василии III — собор Архангельский, вокруг Кремля провели ров; Нижний Новгород обвели каменными стенами, укрепили город Псков — все это если и русскими руками, то по указаниям и планам строителей-итальянцев.

III. ВЫЗОВ В РОССИЮ ИНОЗЕМНЫХ МАСТЕРОВ ИЗ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ¹

1. Посылка Юрия Траханиота к австрийскому императору связана была с наймом горных инженеров, для добычи золотой и серебряной руды; зодчего и чеканщика, «который бы умел большие суды делать, и кубки, и чеканить бы умел, и писать на судах» (1489).

2. В Печерском крае немцы открыли серебряную и медную руду (1491); возможно, что именно с этой поры началась в России чеканка монеты из собственного серебра.

3. Немцу Гансу Шлитте поручено набрать в Германии ремесленников разных категорий (1547).

4. Пленников, умевших плавить руду, вообще знавших «серебряное, золотое, медное, оловянное и всякое дело», запрещено продавать в частные руки: московское правительство намеревалось использовать их знания на службе государству (1556).

5. Посол Непея вывез из Англии медиков, рудознатцев и других техников (1557).

6. Из Англии выехали в Москву: доктор, аптекарь, инженер с помощником, золотых дел мастер, пробирер и другие мастера. Царь хлопочет о покупке в Англии артиллерии и военных снарядов (1567).

7. Просьба к императору Максимилиану II прислать в Россию зодчих, оружейников, умеющих делать военные доспехи-латы (1576).

8. «В 1603 г. царь Борис выписывает в Москву опытных английских архитекторов и каменщиков для возведения там каменных построек. Канатные дворы в России обслуживаются английскими канатчиками, а для искания руды на Вычегде англичанам разрешено выписывать мастеров с тем, чтобы они обучали русских своему ремеслу» (Любименко).

IV. ТОРГОВЫЕ СНОШЕНИЯ

С Англией

1. Английский капитан Ченслор в поисках Северного путя в азиатскую Индию очутился в устьях Северной Двины неожиданно для себя узнал, что он пристал к территории

¹ Италия не в счет: о ней см. выше.

Московского государства. В Москве его приняли как нежданного, но желанного гостя (1553).

2. Вторично Ченслор приехал в Москву уже в качестве королевского посла и выхлопотал большие льготы для «Московской торговой компании», образовавшейся в Англии специально для торговых сношений с Россией: право беспошлинной торговли в России всякими товарами; право свободного выезда и въезда и содействие правительства агентам компании (1555).

3. Капитан Дженкинсон выхлопотал для Московской компании разрешение провозить через Россию свои товары в Персию (1557) и первый из англичан спустился по Волге до Астрахани, доплыл по Каспийскому морю до Мангышлака и через степи доехал до Бухары (1558).

4. В 1558 г. отнята у шведов Нарва, а в 1560 г. туда пришли первые суда Московской компании с товарами.

5. Московской компании даровано право монопольной торговли на севере России: никто из иностранцев, будь это даже англичане, не входящие в состав компании, не имел права провозить свои товары Северным путем. Кроме того, компания получила право торговли в Казани, Астрахани, Шемахе, в Дерпте и Нарве (1567).

6. Новые льготы Московской компании: право искать и выделывать железную руду на Вычегде, переплавлять русскую монету и чеканить из нее английскую; захватывать иноземные корабли с товарами у Беломорского побережья. Кроме того, членам компании предоставлено было право подлежать собственному суду и расправе (экстерриториальность), а при тяжбах с русскими подлежать суду непосредственно самого царя (опричины), обходя всякие иные судебные учреждения (земщины); неисправный должник освобождался от тюремного заключения в случае, если компания брала его на поруки под свою ответственность (1569).

7. Отказ королевы Елизаветы заключить оборонительный и наступательный союз вызвал со стороны Ивана Грозного арест английских товаров и запрет компании вести в России торговлю (1570). Приезд Дженкинсона уладил дело: компания была восстановлена в своих правах (1572). Однако скоро, в отместку за сношения компании с польским королем, английские товары были обложены пошлиной, хотя все еще льготной по сравнению с товарами других стран (1574).

8. Нуждаясь во время войны с Баторием в боевых снарядах, Грозный экстренно отправил Горсея в Англию, и тот с первой

же навигацией доставил царю все, что требовалось: медь, свинец, селитру, серу, порох и прочее — целых 13 кораблей груза (1581).

9. После смерти Грозного Московская компания утратила прежнее привилегированное положение. Торговые сношения с Западной Европой уже наладились; в русские двери охотно стучались со своими товарами не одни англичане, но и голландцы, шотландцы, французы; к тому же с потерей Нарвы предоставлять Северный путь в исключительное пользование компании значило сознательно наносить прямой ущерб самим себе. И преемники Грозного, Федор и Борис, не только допускают туда голландских и французских купцов, но и разрешают им развоз и продажу своих товаров в некоторых внутренних городах России. Грамота 1586 г. (она была повторена в 1596 г.), ограничивая прежние права, позволяла Московской компании торговать лишь оптом и притом лишь английскими товарами, лишала свободного проезда в Казань, Астрахань и Персию, права выделки железа на Вычегде, а членов компании подчинила царскому суду. Да и главная привилегия — беспошлинная торговля — формально хотя и восстановленная, далеко не всегда осуществлялась на деле.

10. Флетчер и Горсей в Москве по делам компании (1588—1591). Больших перемен в торговых делах ни тот ни другой не внесли; зато оба оставили описание России: очень ценные показания для знакомства с Московским государством конца XVI в.

11. Посольство Смита в Москву: хлопоты о свободном проезде через Россию в Персию, Индию и Китай. Отказ: война, которую ведет теперь Персия, все равно не позволит-де проехать дальше (1604—1605).

С другими странами

1. 1514 г. Договор с 70 ганзейскими городами: восстановлено отнятое у них Иваном III (1494) право торговать в Новгороде своими товарами и пользоваться своей церковью.

2. 1516 г. Договор с датчанами: в Новгороде и Ивангороде они получили право иметь свои торговые дворы и в них свою церковь.

3. 1557 г. Договор со шведами (выработанный, но в силу изменившихся политических обстоятельств не подписанный) о взаимном свободном проезде торговых людей: шведов через Россию в Индию и Китай; русских — через Швецию в Любек, Антверпен и Испанию.

4. 1562 г. Новый договор с Данией: право русских торговцев держать свои дома в Копенгагене и в Висби (на о. Готланде);

пропуск через Зунд кораблей, идущих в Нарву, датчане сохраняют за собой выговоренное в 1516 г. право держать в Новгороде и Ивангороде свои торговые дворы, но на этот раз без церкви. В 1578 г.: не задерживать немецких мастеров, едущих в Москву.

5. 1564 г. Город Антверпен, торговый соперник Лондона, посылает итальянца Рафаэля Барберини в Москву. Тот выхлопывает себе право отправить в Нарву груз (1565) и немедля шлет свой корабль, вызывая большое неудовольствие англичан.

6. 1595 г. Тязинский договор со шведами: право взаимной торговли; право иметь свои дворы в главных городах России и Швеции.

7. 1603 г. Ганзейским купцам разрешено (с уплатой пошлины) торговать в Архангельске; дано право держать свои дворы (без церквей) в Новгороде, Пскове, Ивангороде и в Москве. Уже в 1604 г. в Архангельск стали приходиться гамбургские суда с товарами.

V. ОБЩЕНИЕ С ЗАПАДОМ НА ПОЧВЕ ДУХОВНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Новые идеи и представления

1. С Запада приносится мысль об инквизиции, о предании еретиков огню. С инквизицией и с аутодафе, какие устраивал в Испании Фердинанд Католик, новгородского владыку Геннадия познакомил цесарский посол фон-Турн (в русской переделке: Делатор), проездом через Новгород в Москву (1490). Геннадий подхватил навеванную ему мысль и во имя ее настаивал на казни наших русских еретиков. Когда собор 1490 г. предал жидовствующих только проклятию и приговорил к заточению, отдав их в руки Геннадия, то последний не удовольствовался простым заточением, но счел полезным предварительно надругаться над ними в целях: остальных еретиков — утратить, а православных — предотвратить от соблазна, и, в духе инквизиционных испанских обрядов, распорядился еще за 40 поприщ до Новгорода посадить осужденных на лошадей, обернуть лицом к хвосту, выворотить им одежду, надеть на голову остроконечные колпаки из бересты с мочальными кистями, венцы из сена и соломы, с надписью: «се есть сатанино воинство», провести по городу и потом сжечь на них эти колпаки и венцы. Несколько

лет спустя идея инквизиции восторжествовала полностью: собор 1504 г., приговорил еретиков к сожжению в клетке.

2. С Запада, впервые через Новгород, занесен был обычай на иконах изображать также портреты заказчиков — в иконопись внесен был светский элемент. За более раннее время известны лишь один-два случая таких портретных изображений. Иконописцы стали теперь руководиться латинскими образцами, начали вводить символику в изображение добродетелей и пороков (см. ниже дело дьяка Висковатого).

Заграничная школа

1. С Ивана Грозного начинают посылать русских молодых людей («паробков») за границу «для науки разных языков и грамот» (Северная Германия; Константинополь). Цели — прикладного характера: Посольский приказ нуждался в переводчиках, в лицах, знающих иностранные языки.

2. Борис Годунов повторил опыт сравнительно в крупных размерах: 18 человек послано было в Англию, Германию и Францию (1602, 1603). Опыт не удался: никто из посланных не вернулся. Что случилось с посланными в Германию и Францию — ничего не известно; но почему не вернулись посланные в Англию, мы знаем: они попали в духовный плен; западно-европейская культура настолько прельстила их, что они сами не пожелали возвращаться в Россию; один из них даже перешел в англиканскую церковь и стал пастором.

3. Аналогичные цели побуждали в это время и датское правительство посылать своих «робят» в Россию для обучения русскому языку.

Вызов иностранных ученых

Попытки этого рода оставались пока безуспешными; энергичнее и сознательнее всех действовал Борис Годунов: он первый из русских государей серьезно задумался над просвещением своих подданных, первый не ограничился вызовом одних только техников и мастеров, как это делалось раньше: кроме целей чисто утилитарных, он преследовал также и духовно-образовательные.

1. Вызов (несостоявшийся) из Германии известного математика Скультета для составления карты Московского государства (1578).

2. В 1588 г. царь Федор вызывал, через Флетчера, английского математика и астронома Джона Ди (John Dee) в русскую

10) При содействии датского короля Борис намечает себе в зятя Филиппа, одного из сыновей Шлезвигского герцога Иоанна (1604) — вскоре последовавшая смерть Бориса прекратила переговоры.

11) Ведутся переговоры в Грузии: для Федора Борисовича намечается Елена, царевна Карталинская, а для Ксении — Теймураз, сын Иверского царя Давида (1605 г., первые месяцы года).

VII. ВРАЖДЕБНАЯ ПОЗИЦИЯ, ЗАНЯТАЯ ЗАПАДНЫМИ СОСЕДЯМИ ПО ОТНОШЕНИЮ К РОССИИ

Помехи в русской торговле и в найме иностранных техников

Начавшаяся у России иностранная торговля и неизбежная при этом конкуренция по сбыту товаров, вызов техников по разным специальностям всполошили ее западных соседей. Ливонский орден, Польша и Швеция, воюя с Россией, постоянно имея с ней неприязненные счеты, не без основания видели в сильной Москве угрозу своему политическому положению и потому старались всеми силами затормозить ее материальный и духовный рост. Наилучшим средством для этого они считали образование такого барьера, через который ей трудно было бы перескочить и который изолировал бы ее от остальной Европы, отбросив назад в Азию — затруднить торговый обмен, проезд в Россию нужных ей техников и мастеров. Более того, германский император и польский король, оба самые правоверные католики, казалось, должны были бы приветствовать старания римских пап воссоединить «схизматическую» Московию с Латинской церковью; между тем они оказали Риму в этом деле серьезную помеху: соображения политические перевесили религиозное чувство. В сближении России с Римом они видели для себя такую же опасность: как бы московский князь (царь) не приобрел, в ущерб Германии и Польше, большого веса в делах Европы. Вследствие этого заграничная торговля России, наем иностранных техников постоянно натывались на всякого рода помеху и затруднения.

1. Император Карл V запретил ганзейским городам торговать с русскими, как с врагами Ливонского ордена (1532).

2. Шлитте (см. выше), с разрешения Карла V, набрал 123 человека мастеров для вывоза их в Россию; но по приискам

города Ревеля и магистра Ливонского ордена разрешение было отменено, вся партия задержана в Любеке и отъезд ее не состоялся: сам Шлитте высидел в тюрьме два года. Один из нанятых мастеров во что бы то ни стало хотел пробраться в Россию, но был пойман и казнен (1547).

3. Сигизмунд-Август, король польский, убеждая папу не обещать Ивану Грозному королевской короны и не очень-то тягивать его в турецкие дела («Москва не имеет никакого значения в восточном вопросе: ее земли лежат далеко от Турции; в случае войны свои войска ей придется проводить через области польские, что вызовет массу затруднений»), замечает: «Слава Богу, московиты еще не знакомы с морем, а покажите им море, и они сделаются еще вредней и опасней, чем доньне» (1553) (*Успенский. Как возник...*, 40).

4. Шведский король Густав Ваза убеждает (тщетно) английскую королеву Марию не торговать с Россией (1556).

5. Мекленбургский герцог, встревоженный возможностью появления русского флота на Балтийском море, хлопочет на имперском съезде германском о том, чтобы побудить Англию и Нидерланды перестать доставлять московитам, как «врагу всего христианского мира», оружие, провиант и другие товары (1560).

6. Германский император Фердинанд I, обеспокоенный успехами Ивана Грозного в Ливонии, запрещает вывоз в Россию оружия и убеждает английскую королеву Елизавету последовать его примеру (1561).

7. Сигизмунд-Август, король польский, неоднократно (но тщетно) убеждал Елизавету Английскую прекратить торговлю с русскими в Нарве: «Это противно религии и всему христианству; до сих пор мы еще могли одолевать московитян, пока они пребывали в невежестве и лишены были образования; теперь же, с подвозом товаров, оружия, с приездом разных мастеров и художников, такой варвар-тиран, что сидит на московском престоле, может стать крайне опасным для всех нас» (1566—1569).

8. Теми же глазами смотрел на дело и герцог Альба, наместник испанского короля Филиппа II в Нидерландах: необходимо, утверждал он, всячески задерживать усиление мощи московского государя и мешать просвещению его подданных: обзаведясь хорошей артиллерией, царь станет опасен всей Западной Европе.

9. В такой обстановке, на Западе, тогда же, стали возникать грандиозные, хотя и довольно фантастические планы завоевания

Московского государства. Пфальцграф Георг Ганс граф Фельденский составил проект создания имперского флота на Балтийском море с целью: а) парализовать торговлю Нарвского порта и б) напасть на Московию со стороны Ливонии (1571), а некий Генрих Штаден, раньше служивший у Ивана Грозного опричником, вернувшись после 12-летнего пребывания в России (1564—1576) в Германию, составил другой план завоевания и увлек им того же пфальцграфа Георга (1578), а именно: предполагалось снарядить большой флот, отправить его к берегам Колы и к Холмогорам, и с этой стороны, с севера, повести наступательные действия.

10. Хотя император Рудольф отклонил этот план, однако, где возможно, не отказывался тормозить культурные успехи России. Недаром русский царь жаловался ему на помехи, какие чинились немцами проезду торговых кораблей в Россию (1580).

11. В эту же рубрику можно отнести и широковещательный план Антония Поссевина и Стефана Батория: завоевав Московию, они рассчитывали, соединив ее силы со своими, наброситься на турок и выгнать их из Европы.

12. Для подобного рода планов Смутные годы оказались особенно благоприятными. Начало практическому осуществлению их было положено поляками и шведами: первые завладели Смоленском и утвердились в Москве; вторые захватили северо-западные окраины с Новгородом во главе. Английский капитан Чемберлен возродил было план Штадена, предлагая, как и тот, овладеть Московским государством со стороны севера (1612), и английское правительство, в расчете использовать тогдашнее безгосударственное состояние страны, действительно соблазнилось мыслью захватить Москву своими войсками, но последовавшее вскоре избрание Михаила предупредило его намерения.

Факты подобного рода наглядно свидетельствуют о тревоге, охватившей Западную Европу. И Европе, в самом деле, было о чем тревожиться: ее восточный сосед, которого она раньше совсем игнорировала и почти не знала, вдруг неожиданно стал вмешиваться в ее «внутренние» дела и потребовал, чтобы при их решении был выслушан также и его голос!..

Польша и Германия загораживают римским папам путь в Россию

Та же боязнь видеть Московское государство сильным культурно и политически побуждала германских императоров и особенно польских королей всячески мешать попыткам Римской

курии к сближению с Москвой. А курия в течение всего XVI ст. прилагала большие старания добиться этого сближения. Она руководилась двоякой целью: привести народ к церковному единению и использовать его военные силы в борьбе с мусульманской Турцией. Взамен унии и участия в антиоттоманской лиге папы обещали московским государям возложить на них королевский венец. Чуждые психологии русского народа, папы не подозревали, что королевский титул не мог представлять собой ничего заманчивого и лестного для Ивана III и его преемников, — для них, которые видели в себе наследников византийской короны и считали себя государями Третьего Рима, царями Божией милостью, много выше любого короля в Европе. Между тем в предложениях пап германские императоры видели известное посягательство на свои права, а поляки — угрозу политическому статус-кво.

1. Едва до Казимира IV, короля польского, дошел (ложный) слух, будто папа Сикст IV намеревается предложить московскому князю королевский титул, как в Рим немедленно был послан протест, и папа поспешил заверить короля, что никогда не предпримет подобного шага, предварительно не переговорив с ним (1484).

2. Николай Поппель, «путешественник», побывавший в Польше и в России, так объяснял опасения Казимира: если папа сделает великого князя королем, тогда все русские области, подвластные ему, королю, отпадут от него и присоединятся к Москве (1488).

3. Основываясь на сведениях (тоже ложном), будто Иван IV ищет сближения с Римом, папа Юлий III поспешил предложить ему соединение церквей, королевский титул I обещался примирить с Ливонским орденом, звал в союз против турок. Энергичный протест польского короля Сигизмунда-Августа расстроил этот план. Король указывал папе, что с пожалованием королевского титула «наверное можно опасаться, что находящиеся под польской властью русские области перейдут тогда к московскому князю, как к своему патрону и единоверцу, в особенности если увидят расположение к нему папы и как бы одобрение его догматов. Наши счеты с Москвой (говорил Сигизмунд) слишком велики и стары. Ужели вы думаете, что мы можем вступить в лигу против турок с другими государями, не устроив нашего собственного дела с Москвой! Ужели московский князь может ввязаться в войну с турками, не заручившись прочным миром с нашей стороны! Но надежды на мир Москвы с Польшей напрасны, пока нам не удастся взять

то, что принадлежит нам» (1553) (*Успенский*. Как возник... 40).

4. Папа Пий IV посылает Канобио к Ивану Грозному с предложением принять участие в Тридентском соборе. Но дальше Вильны Канобио не уехал: король поставил свое veto и в Москву его не пропустил (1561). Также неудачна была и вторая попытка проникнуть ко двору русского царя: посольство Джиральди в том же 1561 г.

5. Папа Пий V поручает своему нунцию в Польше войти в сношения с царем и пригласить его вступить в антиоттоманскую лигу (1570) — такое же veto Сигизмунда-Августа (1571).

6. Намерение папы Григория XIII завязать сношения с Грозным (соединение церквей; антитурецкая лига) встретило на этот раз препятствие со стороны императора Максимилиана II: паспортов намеченному посланцу Кленке император не выдал (1576). По словам А. Поссевина, император опасался, что сближение с Москвой слишком усилит Римскую курию (*Успенский*, ЖМНП, август 409).

7. План Григория XIII привлечь в лигу против турок Персию и Москву (1579): Баторий высказался против него (он воевал в то время с Россией).

VIII. ДМИТРИЙ ГЕРАСИМОВ

Личность Герасимова

Дмитрий Герасимов (Толмач, Митя Малый) родился в 1465 (?) г.; умер после 1535 г. Детство провел в Ливонии; научился там немецкому и латинскому языку. Переводчиком при Посольском дворе. Послом (или в составе посольства) побывал в Швеции, Дании, Пруссии, в Вене, в Италии. Много видел. Повидал Европу, вращаясь там в кругу образованных людей. Два года подряд в Риме и Флоренции. Большая культурная сила. С тех пор как народилась Московская Русь (т. е. со времен Ивана III), это был первый русский, позаимствовавший у западноевропейской культуры не одни только внешние стороны, но и положительные духовные блага. Таким первым он останется еще долго и в последующие годы. Отзыв о Герасимове Павла Иовия: «Очень сведущ в светских науках и в Священном Писании» (*Humanarum rerum et sacrarum literarum valde peritus*).

Интересы Герасимова, как вообще всех его русских современников, сосредоточены преимущественно на вопросах церковно-религиозных, но для ответа на них он охотно пользуется материалом, взятым и у Запада. Его компетентность признают одинаково и духовные, и мирские люди, обращаясь к нему за разъяснениями, за научной помощью. Он принимает живое участие в обсуждении вопросов, наиболее волновавших в ту пору русское общество, что уже одно делает Герасимова не только «толмачом», не только просто образованным человеком, но и общественным деятелем. Он толкует церковные обряды, защищает православные догматы, борется с еретиками, вносит свой вклад в обсуждение такой злободневной темы, как вопрос о праве монастырей владеть земельными имуществами. Оставил свой след Герасимов и в области чисто светского знания: первую на Руси грамматику (переводную); а книга Павла Иовия о России многим обязана Герасимову, как собранным в ней фактическим материалом, так и самой достоверностью его, что позволило западноевропейскому читателю впервые почерпнуть из этой книги более или менее правильное и точное представление о России.

Литературные труды

1. По поручению Геннадия, архиепископа Новгородского, наводит в Риме справки и вывозит оттуда «миротворный круг» (Пасхалию с относящимися к ней объяснениями), данные о Семи тысячах лет, о кончине мира (1492); вернувшись в Новгород, принимает участие в составлении Геннадиевой Пасхалии.

2. Наводит (тогда же) справки в Риме: как там поют аллилуйю — двоят или троят.

3. Герасимову приписывается составление «Повести о белом клобуке», якобы заведомо им сочиненной во время пребывания в Риме. Вероятнее, Герасимов обработал материал уже готовый, и, конечно, не в Риме, а у себя дома, в Новгороде, где только он и мог народиться.

4. Для Геннадиевой Библии переводил статьи из немецкой Библии.

5. По поручению Геннадия перевел в 1501 г. сочинение Н. де Лира против иудеев (Nicolaus de Lyra. De Messia ejusque adventu praeterito tractatus. Venetiae. 1481). «Одно из главных полемических сочинений против иудейства» (Голубинский).

6. Обличение Самуила — еврея иудейских заблуждений (Rabobi Samuelis de adventu Messiae, латинский перевод с араб-

ского 1339 г.). Перевод на русский язык академики Соболевский и Сперанский приписывают Герасимову, а Голубинский — Николаю Немчину в 1504 г.

7. Трактат против мирян, «иже которые недвижимые имуществва церковные вступаются и отнимати дерзают»; перевод (вероятно, его, Герасимова) с латинского.

8. Помогал, вместе с другим толмачом, Власием, Максиму Греку в переводе Толковой Псалтири (с 1518 г.): Максим диктовал им свой перевод с греческого на латинский, а они переводили с латинского на церковно-славянский.

9. Послание в Псков к дьяку Дмитрию Мунехину: тот обращался к нему с вопросом об иконе с небывалым изображением Иисуса Христа в тройком виде.

10. «Донатус, сиречь грамматика и азбука», перевод 1522 г. Донатус или Донат — нарицательное имя любого учебника латинского языка (по имени Доната, одного из самых популярных латинских грамматиков в средние века).

11. Толкования на Псалтирь Бруннона, епископа Вюрцбургского (умер в 1045 г.): «*Psalterium beati Brunonis, ep. Herbipolensis*», перевод по мысли Новгородского владыки Макария (будущего митрополита), в 1535 г. Книга Бруннона была для того времени новинкой: в оригинале она появилась в 1533 г. (Лейпциг). Переводчик снабдил ее своими добавлениями, дав переводу такое заглавие: «Собрание толкованием на книгу сто и пиатидесят псалм от различных оучителей, потружением блаженного Брунона епископа Гербипольского». В книге собраны толкования латинских отцов и учителей церкви (Иероним, Августин, Григорий Великий, Бэда, Кассиодор).

IX. МАКСИМ ГРЕК (СВЯТОГОРЕЦ)

Биография

Максим Грек родился в 1480 г. в Албании, в греческой семье, образование получил в Италии, откуда вернулся на Афон (на «Святую Гору») и постригся здесь в монахи (1507). В 1518 г. он приехал в Москву, вызванный туда для перевода греческого текста Толковой Псалтири. В Москве чувствовалась особенная потребность в таком переводе: в Псалтири искали точку опоры в борьбе с учением жидовствующих, казавшимся особенно опасным, так как, по словам Иосифа Волоцкого, в то время «в домах, на путях и на торжищах монахи и все сомневавшиеся

в вере — пытали и искали подтверждения не у пророков, не у апостолов и святых отцов, но у еретиков и отступников Христовых». У древнерусских книжников Толковая Псалтирь пользовалась большим почитанием и «была тем необходимее в борьбе с еретиками, что церковь по преимуществу на ней опирается в своих доводах, подтверждающих истинность лица Иисуса Христа и других событий апостольской церкви, тогда как жидовствующие, основываясь главным образом на Ветхом Завете, опровергали самые основания христианского учения» (*Иконников*. М. Грек, 35).

Обвиненный потом в ереси, М. Грек присужден был к ссылке в Волоколамский монастырь и заключен в тюрьму, а шесть лет спустя, по новому обвинению и суду, сослан в Тверской Отрочь монастырь, с отлучением от причащения Святых Тайн (1531). Здесь он провел 10 лет в темнице; остальные 12 лет в простом заключении, с допущением к причастию. Переведенный за три года до смерти в Троице-Сергиев монастырь (1553), он умер в 1556 г. Всего прожил М. Грек в России 38 лет (1518—1556); из них на свободе всего только 10 лет, а из остальных 28-ми: 16 лет в тюремном заточении; без причащения — 20 лет (1531—1551).

Италия

Свои молодые годы Максим провел в Италии (Венеция, Падуя, Феррара, Флоренция, Милан), изучая древние языки, богословие и философскую литературу. Он прекрасно освоился с церковной литературой, а близость к деятелям итальянского Возрождения ввела его в круг научных интересов и просветительного движения того времени. Он учился у знаменитого византийского ученого Ласкариса (итальянцы прозвали его «отцом греческой науки»), застал еще в живых Анджеоло Полициано, блестящего поэта, ученого критика, знатока греческой и латинской литературы; свел дружбу с Альдом Мануцием «и к нему часто хаживал книжным делом». Громадное впечатление произвела на Максима пламенная речь Савонаролы, его призыв к нравственному очищению. Проповеди Савонаролы определили будущий стойкий характер Максима, его религиозно-аскетические идеалы. Есть что-то родственное между пламенным доминиканцем флорентийского монастыря и афонским иноком, когда вспоминаешь ту горячую ревность по вере, религиозный энтузиазм и ту смелость в обличении пороков, какую проявил Максим в России. На свои поучения и смелые обличения он

смотрел как на выполнение возложенного на него долга, опасаясь уподобиться ленивому евангельскому рабу, который скрыл в землю таланты своего господина.

Сочинения

В Москву Максим ехал с мыслью, окончив перевод Толковой Псалтири, вернуться обратно на Афон, но его не пустили, желая использовать его научные силы. Кроме Псалтири, М. Грек перевел еще Беседы Иоанна Златоуста, Толкования на Деяния апостолов, на евангелистов Матфея и Иоанна; занялся исправлением богослужебных книг: Триоди, Часослова, Минеи праздничной и Апостола. Год за годом, вольно и невольно, он втянулся в интересы той среды, куда забросила его судьба, и посвятил им свое талантливое перо и убежденное слово. А среда была полна пороков и недостатков; ученик Савонаролы не мог пройти мимо них равнодушно. i

Максим Грек оставил после себя не одну сотню «Слов», «Посланий» и «Поучений» на разные темы. Его писания можно свести, хотя и не без натяжки, в две основные группы: область религиозных верований и представлений; область мирской жизни и общественных отношений.

А. 1. Полемика религиозная: против жидовствующих, магометан, католиков, «на армянское зловерие», против «елиннской прелести». Основной мотив этих полемических статей — показать превосходство благочестивой православной веры над верой нечестивой. В трех сочинениях против магометан слышится голос грека-патриота: Максим скорбит о порабощении его родины султаном, «предтечей антихриста», и в бедствиях Греции готов видеть предвещание кончины мира. Четыре послания Николаю Немчину (Булеву), пять Федору Карпову вызваны попытками католиков ввести в Россию церковную унию. К жидовствующим Максим относится беспощадно и в своем «Совете к собору православному» настаивает на предании еретиков «внешней власти в казнь». i

2. Обличение суеверий и предрассудков. Таковыми были: звездочетство (астрология, предсказание судьбы человека по звездам), волхование, вера в чародейство (весьма распространенная в тогдашнем русском обществе, даже среди высшего образованного класса); вера в близкий конец мира; предрассудок, будто утопленники и убитые вызывают холода и мешают весенним всходам зерна на полях, а потому их следует выкапывать и выбрасывать.

Вера в возможность по звездам угадать будущее человека была в то время чрезвычайно распространена и у нас, и на Западе. М. Грек борется с этим предрассудком, выходя из основной мысли, что миром управляет Промысел Божий, один только он. Точкой опоры служат ему Священное Писание, отцы Церкви, древние философы, примеры, взятые из истории и обыденной жизни. Та же идея Промысла проходит и в сочинениях, оспаривающих веру в близкий конец мира.

3. Критика апокрифических сочинений. Предметом ее были: 1) незадолго перед тем появившийся перевод «Луцидаря», где между прочим рассказывалось, что раньше солнца сотворено было облако — оно пока и освещало до солнца землю; что в раю Адам пробыл всего два дня, не более, и пр.; 2) «Сказание об Иуде-предателе»: вернув полученные 30 сребреников, Иуда не удавился, а еще долго жил на свете; 3) «Сказание Афродитиана»: как идолы в языческом храме предвозвестили рождение Спасителя, сойдя со своих пьедесталов, и поклонились идолу богини Иры (Геры), как у зачавшей во чреве своем младенца, и некоторые другие. Характерно, что, изобличая одни апокрифы, другим Максим придавал полную веру: сказание о главе Адамовой и погребении ее на горе Голгофе.

4. Опровержение ложных ходячих мнений: будто, когда воскрес Иисус Христос, то солнце на радостях не заходило всю светлую (пасхальную) неделю; будто Иерусалим, попав в руки неверных, стал «непотребным» местом.

5. Статьи просветительного характера: «Исповедание православной веры»; объяснение церковных молитв и обрядов: правильное понимание их смысла и значения; о пользе грамматики. Сюда же можно отнести и самозащиту: ряд статей в оправдание от возводимых на него обвинений в порче текста богослужебных книг.

Б. 1. Обличение общественных пороков: неправосудие, лихоимство, самовластие, властолюбие, беззащитность слабых; внешнее благочестие, отсутствие истинного пастырского духа среди духовенства; порочная жизнь монахов.

2. Полемика с защитниками монастырского землевладения.

3. Наставления великим князьям, как надо управлять государством. Особенно выделяются послания Максима молодому царю Ивану Васильевичу. Чтобы быть хорошим государем, поучает он, необходимы три «добродетели»: справедливый суд, целомудрие и твердая, но в то же время и милостивая «кроткая» власть. Вероятно, в самом начале самостоятельного

службу, с жалованьем в 2 000 фунтов ежегодных, но тот отказался.

3. Борису (едва ли основательно) приписывают намерение основать в Москве высшую школу («университет»), но несомненно, что он держал в Германии агентов для поисков и вызова оттуда профессоров и ученых людей (1600); за ними же обращался он и в Италию.

Религиозная пропаганда в России

Такая наблюдается в начале периода, при Иване III и Василии III, и до известной степени в конце его, в Смутные годы; при Иване же Грозном, при сыне его она не выходит за пределы царского дворца или Посольского приказа, сводясь к «прениям» лично с царем или к обмену грамотами и мнениями в Посольской избе.

1. Ересь жидовствующих.

2. Николай Булев, или Люев («Немчин»), родом из Любека, врач, человек с большими знаниями; в России с 1490 г.; возможно, что его выписали для участия в составлении пасхалии. В 1518—1519 гг. он пропагандировал в Москве мысль о возможности соединения православной церкви с католической, доказывая, что отличия между той и другой несущественны и потому не могут мешать соединению; знакомил русских также с астрологией. Максим Грек полемизировал с ним на ту и на другую тему. Булев, по всей вероятности, действовал по личному почину, не по поручению Римского престола.

3. Старания пап Льва X и Климента VII, на почве переговоров по делам политическим (привлечение московского князя к антиоттоманской лиге), привлечь Василия III к унии с Латинской церковью (1519, 1526).

4. Датский король Христиан III, ревностный протестант, прислал с датчанином Яном Миссенгеймом «Катехизис» Лютера и Библию в его переводе, предлагая царю напечатать эти книги в большом количестве экземпляров в целях распространения их среди русского народа (1522).

5. Ян Рокита, чех, протестант (член общины чешских и моравских братьев), приехал в Москву в составе польского посольства, имел с царем «прение» о вере (1570).

6. Иезуит Антоний Поссевин от имени папы Григория XIII убеждает Ивана Грозного принять Флорентийскую унию; дву-

¹ См. Приложения. № 31: «Кто такой был Николай Булев?»

«ратные беседы его и устная полемика с Грозным на тему о елигии (1581, 1582).

7. Александр Комулович в Москве; тот же призыв: вступить антиоттоманскую лигу и принять унию (1594, 1597).

8. Поддержка, оказанная Римской курией Лжедмитрию I в добывании русского престола; ее старания использовать воцарение Лжедмитрия в целях насаждения унии (1603—1606).

Пропаганда католичества в Литовской и Польской Руси.

VI. БРАЧНЫЕ СОЮЗЫ

1) Брак Ивана III с Софьей Палеолог (1472).

2) Иван III женит сына Ивана Молодого (от первого брака) на Елене, дочери молдавского господаря (1483).

3) Переговоры с германским двором: император предлагает своего племянника, маркграфа Баденского, в мужья дочери Ивана III, а тот, находя такое родство ниже своего достоинства, выражает желание иметь своим зятем Максимилиана, сына императора Фридриха III, наследника его короны. Обмен посольствами по этому делу (1489—1490).

4) Иван III выдает дочь Елену за Александра (католика), великого князя литовского, впоследствии ставшего также польским королем (1495).

5) Принц датский Магнус, владетель о-ва Эзеля — жених племянницы Ивана Грозного, Евфимии, дочери Владимира Андреевича Старицкого. Царь дал жениху титул ливонского короля (1570). Смерть Евфимии. Магнус становится мужем ее младшей сестры, Марии Владимировны (1572). Он остался протестантом, веры не переменял.

6) Сватовство Ивана Грозного в Англии: намеченная им невеста — графиня Гастингс, племянница по матери королевы Елизаветы, зимой 1582—1583 гг.

7) Шведский принц Густав, племянник короля Карла IX и двоюродный брат Сигизмунда III польского, неудачный жених Ксении, дочери Бориса Годунова: свадьба расстроилась из-за отказа Густава, католика, принять православие (1601).

8) Герцог Иоанн, младший брат датского короля Христиана IV, второй жених Ксении (царь Борис согласился, чтобы он оставался протестантом), неожиданно умирает в России 29 октября 1602 г.

9) Еще при жизни королевы Елизаветы и при ее содействии (умерла в 1603 г.) ищется жених для Ксении в Англии.

правления Ивана IV Максим послал к нему через Адашева 27 «поучительных глав» о государственном управлении. Здесь опять содержится жалоба на то, что «все имущества, данные благочестивыми царями и князьями Божиим церквам, архиереи обращают на свои излишние потребности и житейские устройства: сами они живут в полном довольстве, роскошно питаются и обогащая своих сродников, а нищие Христовы, погибающие от голода, наготы и болезней, совершенно ими позабыты». Юному государю внушается обязанность «исправлять такие священнические недостатки, по примеру великих царей Константина, Феодосия и Юстиниана». Хотя вскользь затронута и монашество: «Мы всю надежду спасения, — пишет Святогорец, — полагаем в том, чтобы в постные дни воздерживаться от мяса, рыбы и масла, но не перестаем обижать бедных крестьян и разорять их своим лихоимством и сутяжничеством» (Сочинения Максима. Т. II. С. 174, 175, 1671). Влияние этих наставлений на молодую и впечатлительную душу Ивана IV несомненно (Павлов. Секуляризация, 106).

Суд над Максимом Греком

Обширные познания Максима завоевали ему в Москве всеобщее уважение и создали авторитетное положение как в церковных, так и в придворных кругах. Но в самой широте и смелости его взглядов таилась большая для него опасность. Их новизна и необычайность подкапывала старые привычки и убеждения, вызывала подозрение, и многие отнеслись к ней с подозрением. Максим слишком свободно рассуждал, слишком легко, по тогдашним понятиям, подвергал наблюдаемые явления критике, выходил за привычные рамки мышления. Особенно его критика текста бывших в обращении богослужебных книг и его исправления навлекли на него большие нарекания и неудовольствие. Приверженцы буквы зароптали. Сотрудник Максима, Михаил Медоварцев, признавался, что, когда ему пришлось «заглаживать отпуст», т. е. вычеркивать какие-нибудь места в старом тексте, то его «дрожь великая объяла, ужас напал» — так глубоко вкоренилось убеждение, будто малейшее изменение текста в богослужебных книгах есть уже страшный грех. Недаром впоследствии, при патриархе Никоне, его противники, старообрядцы, заявляли: «Ни убавить, ни прибавить ни у какой речи ни единого слова нельзя; даже за единую букву аз надлежит умирать православным». А в переводах Максима, действительно, оказались ошибки. Работа пришлось на первые годы пребы-

вания Максима в России, с русским языком и грамматикой он еще не успел достаточно ознакомиться, греческий текст поэтому переводил не прямо на русский язык, а на латинский, и уже его помощники переводили с латинского на русский — при таких условиях ошибки были почти неизбежны.

Примечание. Так, например, Максим не почувствовал разницы между правильным выражением «Христос изыде на небо и седе (или седяя) одесную Отца», и ошибочным, им допущенным: «седев (или сидел) одесную Отца», давая основание думать, что он признает факт сидения лишь в прошлом, а что теперь Сын Божий более уже не сидит одесную Своего Отца. Когда Максиму указали на эту разницу, он признал ошибку, но отнес ее на счет русского переводчика, не понявшего латинского текста.

Помимо того, убежденный сторонник монастырского нестяжания, Максим в этом вопросе подал руку своему единомышленнику, Вассиану Косому (Патрикееву), вел горячую пропаганду, устную и письменную, и нажил себе новых врагов, главным образом в лице митрополита Даниила, который в Максимовых нападках на монахов-стяжателей усмотрел обидные намеки лично на себя. К тому же Даниил не мог простить Максиму отказ его сделать перевод «Истории церкви» Феодорита, епископа Киррского: Максим считал ее книгой еретической и тем косвенно бросал тень на православие самого митрополита.

Не прошло Максиму даром и суждение его о Русской церкви: дело касалось вопроса очень щекотливого — ее автокефальности. Москва, уже видевшая в себе «Третий Рим», опекуншу и хранительницу истинного православия, была больно задета словами Максима, утверждавшего, что самостоятельность Русской церкви добыта «самочинно и бесчинно», путем незаконным, в нарушение канонических правил, без разрешения и согласия константинопольского патриарха; когда же ему ссылались на патриаршую грамоту, позволявшую русским митрополитам поставяться своими епископами, то Святогорец по поводу этих ссылок не без иронии замечал, что он «много о той грамоте пытал и до сих пор не видал ее». Правда была на стороне Максима: никакой благословенной грамоты не существовало; но отвергать ее существование значило, в глазах тогдашних властей, духовных и мирских, подкапываться под самые устои Русской церкви и Русского государства. И Максиму этого не простили.

Ставили ему в вину и непочтительные отзывы о великом князе: он-де «гонитель и мучитель нечестивый».

Обвиненный в ереси, в колдовстве, в оскорблении государя, в тайных сношениях с турецким послом и с опальными боярами (с Беклемишевым-Берсенем), М. Грек отлучен был от церкви и пожизненно заключен был в темницу Волоколамского монастыря, где много терпел от дыма, холода и голода, временами впадая в беспамятство от истощения.

Примечание. Остается недостаточно выясненным, что больше всего ставили Максиму в вину и, следовательно, что именно определило такое суровое наказание: заблуждения ли религиозные и личные счеты с ним митрополита Даниила (Голубинский), или сношения с турецким правительством, дававшие основания заподозривать его в недоброжелательстве к великому князю и к России (Иконников).

Этим дело не закончилось. Пять лет спустя Максима снова привлекли к суду, на этот раз совместно с Вассианом Косым; в его сочинениях отыскивали новые «хулы на Господа Бога и Пресвятую Богородицу, на церковные уставы и законы, на святых чудотворцев, на святые монастыри». Обилие и разнообразие этих «хул» — в глазах верующего человека одна другая была ужаснее — и полное несоответствие их с просвещенностью и ревностью по вере Святогорца явно выдают пристрастие обвинителей и желание их во что бы то ни стало погубить Максима. Митрополит Даниил рад был добить своего противника. Собор 1531 г. нашел в переводах Максима новые «еретические» ошибки, поставил ему в вину самовольные изменения в Кормчей (Максим: «Я поступил так по предписанию митрополита Варлаама»), нежелание почитать некоторых русских чудотворцев, например Иону (Максим не отрицал этого), непризнание Иисуса Христа Богом (Максим решительно отвергал это). Вводили на Максима и такого рода небылицы: будто бы он утверждал, что Иисус Христос вознесся на небо духом, тело же свое оставил на земле, где оно и ходит в горах, по пустым местам, погорело от солнца и почернело, точно головня какая.

Роль Максима Грека в духовном просвещении России

1. Отзыв митрополита Макария. «Максим Грек внес в нашу духовную литературу новый элемент, прежде в ней неизвестный, элемент научного и многостороннего образо-

вания. Доселе все наши писатели, самые даровитые и просвещенные, были не более как люди грамотные и начитанные, но вовсе незнакомые с наукой, и если обладали иногда даже обширными сведениями, то почти исключительно богословскими. Максим Грек первый явился у нас с образованием научным и с богатым запасом сведений не только в богословских, но и в светских науках, какие тогда существовали. После первоначального обучения на своей родине он получил дальнейшее воспитание в Италии, бывшей тогда главным местом пробудившегося на западе Европы умственного движения и деятельности; долго жил там в своей ранней юности «у мужей, премудростью многой украшенных», слушал в разных школах «нарочитых учителей», основательно изучал языки: греческий и латинский, науки: грамматику, пиитику, риторику, диалектику, древние классические литературы: греческую и римскую; системы древних философов, особенно Платона и Аристотеля, и довершил свое богословское образование на Афоне, пользуясь в продолжение многих лет богатой Ватопедской библиотекой. Можно сказать, что в лице Максима Грека в первый раз проникло было к нам европейское просвещение, тогда уже зачинавшееся, и бросило, хотя еще слабые, лучи свои на густой мрак невежества и суеверий, облежавших Россию» (VII, 253).

2. Отзыв профессора Голубинского. «Человек блестяще талантливый и высокообразованный в самом строгом смысле этого слова, он имел специальную врожденную склонность к деятельности пророка и публициста-обличителя, и его знаменитость как нашего деятеля состоит в том, что он среди многообразной учительности выступил небоязненным и горячим обличителем и бичевателем религиозно-нравственных пороков современного ему русского общества, — что он явился у нас проповедником истинного христианства против фарисейства внешней набожности, которое он у нас нашел. Для науки русской церковной истории Максим весьма важен тем, что в своих обличительных писаниях он дал такое яркое изображение нравственной физиономии современного ему русского общества, какого мы напрасно искали бы у писателей природно русских» (II/1, 666).

3. Русская литература за все пять веков своего существования (XI, XII, XIII, XIV, XV) в лице Максима Грека впервые выставила писателя с таким образованием и, главное, с такой отзывчивостью на самые разнообразные явления духовной и общественной жизни. Ученый монах, Максим не замыкался в

своей келье, не отворачивался от волнующих вопросов жизни и живо откликался на них. Он одновременно и проповедник и публицист; ученый и учитель; наставник и обличитель. В области вопросов, которыми жило и близко принимало к сердцу современное ему русское общество, трудно указать какой-нибудь, на который не откликнулось его литературное перо. Что побуждало его к этому? Не соображения личного интереса, не предписания со стороны, но ревность по вере. Обличать, наставлять, исправлять — в этом он видел свой религиозный долг. Недаром так чтит он Савонаролу: он шел по его стопам. Пребывание в Италии не превратило Максима в гуманиста: языческую цивилизацию он не вознес над цивилизацией христианской; он оставался глубоко верующим человеком, верным сыном православной церкви и с античной мифологией неустанно боролся, как с ложной и опасной силой. Но та же Италия дала Максиму солидное филологическое образование, выработала в нем глубокое уважение к знанию вообще, и это уважение он принес с собой в Россию, им дышит каждая строчка его сочинений. Вследствие этого Максим явился связующим звеном между русской и западноевропейской мыслью — отсюда ценность и значение того, что он оставил после себя в русской литературе и русской образованности.

4. Светлый ум. Открытое сочувствие Максима Грека свободе и доступности образования во Франции; ликование по поводу великих географических открытий его времени (Колумб, Васко да Гама); убежденная речь о необходимости завести в Москве типографию — этот могучий рычаг просвещения; неустанные усилия, направленные к тому, чтобы дать людям возможность понять всю глубину разницы между обрядом, формой и той идеей, которую они выражают собой, — все это было явлением более или менее новым, небывалым в Русской земле. Максим не боится обновления. Незыблемы, говорит он, лишь заповеди Господни, основы нашей жизни — их, действительно, касаться нельзя; что же до обычаев и порядков, то каждому народу позволительно менять их сообразно времени, пользы и пригодности. Советуя не чуждаться иностранцев, Максим указывает на порядки в Польской и Немецкой земле, находя там больше устойчивости и не такой произвол, как в России. Со времен М. Грека вплоть до Петра Великого не появлялось в Московской Руси человека с таким энтузиазмом проповедника, с такой пламенной верой в плодотворность знания, в конечное торжество света истины, с такой настойчивостью и энергией в проведении своих излюбленных мыслей.

5. Отношение современников к М. Греку. Как ни строг и резок бывал обличительный голос М. Грека, лучшие люди не могли не признать умственного и нравственного превосходства афонского инока. Митрополит Макарий, поп Сильвестр, Алексей Адашев, сам царь Иван Грозный с уважением и вниманием прислушивались к его мнению, обращались к нему за советом и наставлением. Опальный монах, он создал если не школу, то учеников и верных последователей (между ними Дмитрий Герасимов, Зиновий Отенский, Герман, архиепископ Казанский, кн. Андрей Курбский). Сочинения Максима надолго пережили его самого. Как ценный вклад их оставляли церквам на помин души; Адриан, последний патриарх русский, указывал на них как на образцовые; свидетельства Максима ставили на один уровень со свидетельствами отцов церкви; Мелетий Смотрицкий, автор русской грамматики, не малым обязан был Максиму. Позже с ним примирилась и сама Церковь: она причла его к лику преподобных.

Примечание. Сочинения М. Грека изданы в 3 томах. По позднейшим подсчетам, в разных библиотеках и в частных руках находится до 240 рукописей, содержащих слова и переводы Максима, а также разные сказания и известия о нем.

6. Стоглав. Несомненно влияние Максима и на постановления Стоглавого собора. Негодность русских церковных книг; необходимость их исправления и заведения типографии; обличение монахов в ростовщичестве; необходимость озаботиться о бедных и сиротах; громы, которые метал Максим против sodomского греха, судебных поединков, звездочетства, отреченных книг и волхования — все, против чего он боролся с такой энергией, повторено и в Стоглаве. Это не значит, что собор непосредственно позаимствовал у Максима эти мысли, но значит, что за истекшие 30—40 лет мысли эти уже успели стать достоянием образованной и наиболее развитой части русского общества.

7. Максим Грек долго упрашивал позволить ему вернуться обратно к себе на Афон; сами восточные патриархи хлопотали за него, но безуспешно. Почему? Максим должен был оставаться в России. Мотивы были высказаны ему еще в 1525 г., еще прежде, чем призвали на суд: «Мы имеем на тебя подозрение: ты человек разумный, узнал здесь наше ^{до}Р⁵тт..» худое и стал бы там рассказывать все» (см. выше, гл. viii).

В. РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ

Середина XV ст., составившая эпоху в государственной жизни русского народа, явилась переломом также и в его религиозной жизни: с этой поры Русской церкви в собственной своей среде приходится считаться с учением **истолкованиями**, отличными от того понимания христианского учения, какое воспринято было ею от Византии и установилось в ней со времен Владимира Святого; правильность форм и обрядов церковных стала подвергаться сомнению и критике, вызывать оценку, отличную от традиционной и ставшую в глазах большинства обязательной. «Началось отрицание безграничного права духовенства на духовное руководство, на авторитет, не допускающий сомнений и требовавший только веры и послушания. Это отрицание рационализма коснулось и более глубоких устоев тогдашнего мирозерцания: начинается проповедь о внутреннем христианстве, в противоположность обрядовому — не надо духовенства, не надо храмов, воздвигаемых руками человеческими: храм — в душе каждого христианина» (Сперанский, 46). Появились первые ереси — стригольников, жидовствующих, Башкина и Косого; возникли горячие споры об аллилуйе, об обязанностях, налагаемых на инока его званием, об отношении монастырей к миру. Отступление от установленных норм, в свою очередь, вызвало меры противодействия, заботы об упорядочении церковной жизни — составление новой пасхалии, полной Библии, созыв Стоглавого собора.

Эти явления внесли новую окраску в историю Московского государства второй половины XV в. и первой — XVI в., влили новое содержание и значительно повысили темп духовной жизни, несомненно свидетельствуя о росте и большей зрелости русского общества. Падение татарского ига и возобновившиеся сношения с Западом, Флорентийская уния и падение Греческого царства, отголоски того движения, которое породило на Западе Виклефа, Гуса, готовило скорое выступление Лютера, — события эти оставили глубокий след в русских умах и заставили над многим сильно задуматься, породив новые духовные запросы и попытки дать посильный на них ответ.

СПОР ОБ АЛЛИЛУЙЕ

В половине XV в. горячие споры возникли в Пскове об аллилуйе: двоить или троить ее, т. е. два или три раза произносить это греческое слово? Петь ли: «аллилуйя, аллилуйя,

аллилуйя, слава Тебе, Боже» или «аллилуйя, аллилуйя, слава Тебе, Боже»? В Греческой церкви еще с XI в. пользовались безразлично и той и другой формой, считая их одинаково правильными, — и так продолжалось там до начала XVIII ст., когда двоение вышло из употребления и окончательно утвердилось троение. Но у нас на Руси на церковные обычаи и обряды сложился особый взгляд: форма настолько заслонила содержание, что считалось большим грехом допустить в богослужении для выражения одного и того же понятия две неодинаковые формы: если правильна одна форма, значит-де другая заведомо ложна и неприемлема. В 1430-х гг. монах Афанасий из Пскова побывал на Афоне, где, по-видимому, в то время аллилуйю двоили, и, вернувшись на родину, стал отвергать правильность троения. Один из его сторонников составил (вымышленное) житие преподобного Евфросина Псковского, изобразив его своим единомышленником. Это повело в Пскове к большим распрям, глубоко взволновавшим и духовных лиц, и мирян (*Голубинский*. ИРЦ, II, ч. 2, 444—455).

Сторонники троения обвиняли Евфросина в «умалении Божества». Троение (доказывали они) выражает наше почитание Св. Троицы и признание троичности самого Божества: аллилуйя Отцу, аллилуйя Сыну, аллилуйя Духу Святому; сторонники же двоения выходили из тождественности выражений: «аллилуйя» и «слава Тебе, Боже» и полагали, что их противники четверят Св. Троицу. Спор остался нерешенным. Еще прежде чем он возник, митрополит Киприан (1390—1406) двоил, а преемник его, митрополит Фотий (1406—1431), троил. Стоглавый собор наложил проклятие на тройную аллилуйю. По-видимому, ни XV, ни XVI вв. не обладали прочными, незабываемыми основаниями, чтоб дать предпочтение той или иной форме; в Новгороде, будучи архиепископом, Макарий троил, а в Москве, став митрополитом, разубедился в троении, признал справедливость двоения и закрепил его на вышеупомянутом Стоглавом соборе.

Примечание. Митрополит Макарий ввел двоение в Стоглав на основании «Слова» Максима Грека: «К смеющим трищи глаголати аллилуйя через предания церковного». Максим не мог не знать, что на Востоке (в Греции) обе формы считались правильными, и, отвергая троение, он покривил душой. Находясь в заточении, он рассчитывал на поддержку влиятельного боярина, сторонника двоения, и согласился по его просьбе написать «Слово» в этом духе (*Голубинский*, II, ч. 2, 463—465).

ЕРЕСЬ СТРИГОЛЬНИКОВ

Она проявилась и держалась в Пскове в 1376—1427 гг. Основатель ее некий Карп, по профессии был цирюльником — отсюда и название секты. Стригольники отрицали иерархию, монашество, обрядность, ценили в религии ее духовное начало. Обвинения, выставленные ими против Русской церкви:

1. Все духовенство, и высшее, и низшее, ставится на мзде (симония), а следовательно, оно лишено печати дара Духа Святого; исповедь и причащение из рук священника, купившего свой сан, теряют всякое значение.

2. Отрицание духовенства, поставленного на мзде, практически сводилось к отрицанию вообще иерархии и таинств. Даже молитва за умерших теряла свою действительность, если за исполнение требы взято было приношение.

3. Стригольники обвиняли духовенство в нетрезвой жизни, в корыстолюбии.

Обвинения эти во многом были обоснованны:

1. Русские митрополиты действительно ставились в Константинополе за деньги.

2. Если не всегда прибегали к прямому подкупу, то все же без значительных расходов нельзя было обойтись при подавлении во священника.

3. С псковичей, за суд новгородского владыки, действительно брались высокие пошлины, делались большие поборы с псковского духовенства и мирского населения по случаю приездов в Псков митрополита и владыки.

4. Непорядочная и нетрезвая жизнь духовенства тоже была фактом неоспоримым. В этой действительности злоупотреблений — объяснение, почему ересь нашла известное сочувствие в народе. «Стригольники прельщали народ своим бескорытием, своей примерной нравственностью, умением говорить от Писания; указывая на них, говорили: „Вот эти не грабят, имения не собирают"» (Соловьев, IV, 307).

Люди искренние, стригольники старались на деле осуществить свой идеал строгой, нравственной жизни; но проповедь их против поставления на мзде успеха иметь не могла: порок этот вкоренился, вошел в нравы общества, и бороться против него с успехом можно было, лишь подняв общий уровень духовного образования. К тому же сами стригольники представляли собой странное сочетание рационализма (отрицание таинств, иерархии, силы церковного предания) и старого грубого двоеверия (во время исповеди кающийся припадал к земле,

выражая в этой форме исповедание своих грехов Матери — сырой земле).

В 1427 г. псковичи схватили стригольников, всех до единого засадили в тюрьму и держали там, пока они не перемерли. Однако самой ереси (Голубинский считает ее даже не столько ересью, сколько расколом, отделением от церкви) мера эта не искоренила: ее породили запросы пытливого, тревожного ума, а против них бессильно насилие физическое. В конце XV в. она возродилась, но в ином виде и под другим названием — ереси жидовствующих. Эта ересь «питалась тем же рационализмом, также воспитывалась под влиянием западного течения; она началась и развивалась там же, где и ее предшественница. Только новое движение, как уже подготовленное ранее, как более позднее, оказалось влиятельнее и решительнее, нежели прежнее: оно и заявило себя резче, и формулировалось отчетливее, полнее и подробнее, получивши отражение в московской литературе XV—XVI вв. и оставив в умах более глубокий след своими последствиями (Сперанский, 49).

ЕРЕСЬ ЖИДОВСТВУЮЩИХ

История ереси

1. Она была занесена в Новгород из Киева ученым евреем Схарией (1471), а открыта там впервые в 1488 г.; нашла в Москве влиятельных сторонников (архимандрит Зосима, будущий митрополит; дьяк Федор Курицын; великая княгиня Елена, невестка Ивана III); это сделало ересь особенно опасной.

2. По почину и настоянию новгородского архиепископа Геннадия в Москве был созван для борьбы с ересью собор (1490). Большинство настаивало на сожжении еретиков, но их предали только проклятию и сослали на покаяние; притом пострадала одна мелкота, а не главари: Ивана III сумели убедить, что Геннадий сильно преувеличил дело. Бывшие на соборе Нил Сорский и Паисий Ярославов (о них см. ниже) были против казни, но по соображениям принципиальным: казнить, утверждали они, вообще не следует никого в делах веры.

3. Тогда Геннадий вызвал себе на помощь Иосифа Волоцкого (см. ниже). Тот вступил с жидовствующими в полемику и написал в несколько приемов (1492—1503?) 16 слов, так называемый «Просветитель» в опровержение ереси и в защиту основных догматов христианства (истинность писаний апостолов

и отцов церкви; истинность почитания икон; законность существования монашеского чина), Иосиф не щадит митрополита Зосиму («иуда-предатель»; «предтеча антихриста»; «первенец сатаны»). Невоздержная жизнь и предосудительное поведение Зосимы немало помогли Иосифу в его напаках на него: Зосима вынужден был покинуть кафедру «не своей волею» (1494).

4. Однако только на соборе 1504 г. против жидовствующих приняты были решительные меры: осуждены были главные еретики: их сожгли в клетке, в том числе, может быть, и Федора Курицына. Елена скончалась в темнице 20 дней спустя после казни еретиков.

В какой обстановке выросла ересь?

1. Деятельные торговые сношения Новгорода с ганзейскими городами содействовали проникновению рационализма, «новых идей», народившихся в те времена в Западной Европе.

2. Благоприятствовали и внешние условия: брожение умов, вызванное унижениями, выпавшими в ту пору на долю Новгорода — тягостное давление со стороны Москвы, политическое и церковное: 1) годы 1471, 1477, 1478 — для Новгорода последовательные этапы утраты государственной независимости; 2) параллельно этому церковь новгородская теряет свою автономию: с 1471 г. она поставлена в зависимость от московского митрополита; в 1475 г. Иван III отписывает на себя земельные имущества новгородского владыки и новгородской церкви; в 1480 г. владыка Феофил насильственно лишен кафедры, увезен в Москву, и преемника ему назначили, а не выбрали по жребию из среды новгородского духовенства, как это делалось раньше.

Что в ереси противно учению христианской церкви

1. Отрицание троичности Божества.
2. Сын Божий простой пророк, распятый — да, но не воскресший.
3. Дева Мария не Богородица.
4. Иконам, кресту, евангелию, мощам поклоняться не следует.
5. Монашество — человеческое измышление, неугодное Богу.
6. Обетованный Мессия еще не пришел, поэтому пока следует держаться Моисеева закона, Пасху справлять по-иудейски; постов, установленных православной церковью, не соблюдать, вообще руководиться не Новым, а Ветхим Заветом. Ссылка на

Ветхий Завет могла иметь тем больший успех, что он в ту пору в глазах не только евреев, но и православных имел значение «непререкаемого божественного авторитета, обязательного во всех своих частях наравне с новозаветными писаниями» (Панов). Жидовствующие усиленно занимались астрологией («чернокнижием») и этим привлекали к себе многих, искавших разгадки тайн бытия и будущей жизни.

Противоречия

1. Отрицая божественность Иисуса Христа, еретики не отрицали, безусловно, Его божественного посланничества.
2. Критикуя Евангелие, они не отрицали принципиально его положений.
3. Отвергая иконы, они делали исключения для лика Спасителя; иные же готовы были поклоняться вообще всем иконам, лишь бы они были обращены известным образом (на восток, а не на запад).

Идейная связь со стригольничеством

Критика и отрицание направлены в одну и ту же сторону, с тем, однако, отличием, что стригольничество ничего положительного не выработало и потому учением не стало, а жидовствующие пошли дальше: не ограничились одним отрицанием, хотя и они чего-либо законченного не выработали и взглядов своих в стройную систему не свели: отстав от одного берега, не могли вплотную пристать к другому. В значительной степени будучи учением антихристианским, близко подходя к учению евреев, ересь, однако, не укладывалась вполне и в рамки ортодоксального иудейства.

ПАСХАЛИЯ И ВЕРА В БЛИЗКИЙ КОНЕЦ МИРА

Случайное обстоятельство дало в руки жидовствующих сильное орудие против православных: появление ереси совпало с последними годами седьмой тысячи лет от сотворения мира и с ожиданием, по окончании этих 7 000 лет, второго пришествия Иисуса Христа и наступления Страшного Суда.

1. В сознании народов христианской Европы никогда не умирала мысль о близком наступлении конца мира. Уже в первые века христианства его готовы были ждать к концу шестого тысячелетия от сотворения мира (492 г. по Рождеству

Христову); позже этот момент приурочивали к 1000 г. по Рождеству Христову, а потом к седьмой тысяче лет (1492 г. по Рождеству Христову). В конце XIV в. монах Иосиф Вриенний, константинопольский проповедник, пустил в оборот мысль, что по истечении семидесятого столетия (7000 лет), в последнее число 12-го месяца, в 7-м часу последней ночи, 31 августа 7000 г., значит, в 1492 г.,¹ наступит страшный расчет с жизнью. В Греции эта мысль стала почти всеобщим убеждением; нередко люди покидали свои дома, бросали службу и бежали в монастыри готовиться к предстоящему Страшному Суду. На Руси верование в Седьмую тысячу и раньше имело своих приверженцев; теперь Греция давала ему новую точку опоры. Многие из русского духовенства разделяли этот предрассудок: «настало последнее время», говорил в своих поучениях митрополит Фотий (ум. в 1406 г.); то же повторяли и его преемники, митрополиты Иона, Филипп. Это убеждение выдвинуло на очередь вопрос о пасхалии, о так называемых таблицах, по которым заранее вычислялся день Пасхи и переходные праздники в данном году. Вычисление пасхалии зиждилось на так называемом Миротворном Круге, иначе Великом индиктионе.

2. Миротворный Круг. Малый индиктион — период в 15 лет; Великий индиктион — период в 532 года; иначе он назывался Миротворный Круг, или севера (по буквенному изображению цифр — $a = 1$; $X = 30$; $cp = 500$; $a = 1$). Так как фазы луны возобновляются в каждом Великом индиктионе в том же порядке и с той же астрономической точностью, как в предыдущем, а в зависимости от лунных фаз вычисляется, в какой именно день придется Пасха в данном году, то стоит только определить день и месяц 532-х пасхальных праздников в пределах любого Великого индиктиона, чтобы потом, чисто механически, рассчитать, когда в какие дни приходится Пасха также и в другие индиктионы.

3. В 1408 г. по Рождеству Христову (в 6916 от сотворения мира: $5508 + 1408 = 6916$) закончился 13-й Великий индиктион: $532 \times 13 = 6916$. Вера, что близится конец мира, привела к убеждению, что заботиться о составлении пасхалии на весь (новый) 14-й Великий индиктион не стоит: достаточно приготовить ее на ближайшие 84 года ($1408 + 84 = 1492$), так как по истечении их все равно наступит светопреставление. Так и было поступлено.

¹ По другому расчету, 25 марта 1492 г.

Примечание. Теперь мы живем в 14-м Великом индиктионе; конец ему наступит скоро: в 1940 г. (5508 — год рождения Иисуса Христа, считая от сотворения мира): $532 \times 14 = 7448$; а $7448 - 5508 = 1940$.

4. Между тем жидовствующие, опираясь на астрономические таблицы в «Шестокрыле» (сочинение одного ученого еврея), высчитали, что в 1492 г. минет от сотворения мира всего 5244 г., а не 7000, и, не отрицая близости конца мира, отодвигали, однако, его почти на два тысячелетия, доказывая, что православная церковь явно заблуждается в расчете. «Когда роковой год прошел, а кончины мира не последовало, жидовствующие начали указывать православным на ложность их бывшего верования, как на доказательство ложности всей их веры» (Голубинский).

5. Новгородский владыка Геннадий чувствовал необходимость в борьбе с этим мнением опереться на твердые основания — так зародилась у него мысль о пасхалии с надлежащими толкованиями и опровержением ошибочного мнения, будто конец мира наступит непременно с окончанием седьмой тысячи. Дмитрий Герасимов присылает ему из Рима Миротворный Круг. Тогда же (1490) приехал из-за границы ученый врач Николай Булев, вызванный, может быть, со специальной целью — помочь в составлении пасхальных таблиц. Геннадий заготовил пасхалию на 70 лет; одновременно митрополит Зосима вычислил ее на первые 20 лет (это была своего рода взаимная проверка: вычисления оказались правильными и сошлись одно с другим). Позже (1538), по инициативе преемника Геннадия, Макария, будущего митрополита, священник новгородской Софии Агафон вычислил все 532 года, т. е. составил пасхалию на полный Миротворный Круг.

6. Убеждение в близком конце мира не исчезло и после 1492 г.: «Ошиблись в дате, а самое событие все равно не за горами». Сам Геннадий не был твердо уверен, понадобится ли пасхалия после 70 лет; Иосиф Волоцкий также не чужд был уверенности в близости конца; митрополит Зосима в предисловии к своей пасхалии говорил: «Трудолюбно потщався написать пасхалию на осмую тысящу лет: внея же чаем всемирного пришествия Христова» (РИБ, VI, 800). Даже Вассиан Патрикеев, Максим Грек, Зиновий Отенский, образованнейшие люди своего времени, отказывались лишь определить точный срок, но тоже выходили из мысли, что недалеко время антихристово. Тем естественнее было держаться такому взгляду в массе народной.

На этой почве в XVII в. с появлением раскола не трудно было возникнуть настоящему учению об антихристе и олицетворять его то в патриархе Никоне, в царе Алексее Михайловиче, то в Петре Великом.

Г. ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

Два направления

Умственное брожение, выразившееся в XV ст. в спорах об аллилуйе, в ересях стригольников и жидовствующих, не ограничилось областью одних только церковных, чисто богословских вопросов — оно захватило и другие стороны общественной жизни, преимущественно мирские. С первых же годов XVI ст., пожалуй, даже несколько раньше, в русском обществе явственно обозначились два противоположных направления, притом, то и другое, в форме настолько стройной и определенной, что о них можно говорить как о двух школах, двух мировоззрениях. Представителями одного направления были так называемые иосифляне — они ведут свое начало от Иосифа Санина, игумена Волоколамского монастыря; представители другого, заволжские старцы, основоположником своим считали Нила Майкова, заложившего свой скит-пустыньку в глухих местах на речке Соре и известного более под именем Нила Сорского.

Давно-давно передовые круги русского общества не жили такой напряженной жизнью, как в эти годы. Личные обязанности человека; право его исповедовать религиозные убеждения, следуя голосу собственной совести; право государства вторгаться в область личной жизни, значение обряда, авторитета церковного — вот вопросы, которые волновали одинаково и иосифлян, и заволжских старцев, проводя между ними широкую, непреходимую борозду. Особенно резко разошлись они по вопросу о праве монастырей владеть недвижимой собственностью и о взаимоотношениях между верховной властью (государем) и населением; и так как все эти вопросы были не надуманы теоретически, а поставлены самой жизнью, то и явились жгучими для современников, всецело захватив их своей злободневностью.

Иосиф Волоцкий (Санин)

Родился в 1440 г.; умер в 1515 г.; канонизован в 1579 г. Первоначально инок в обители Пафнутия Боровского, где, по смерти последнего, стал игуменом. Потом основал свой монас-

тырь на Волоке Ламском (1479), ввел там строгий общежительный устав: беспрекословное повиновение во всем настоящему; убогая одежда; умеренность в пище; молитва. По уставу вход женщинам в монастырь был запрещен, и Иосиф, не желая подавать примера в нарушении его, отказался видеться со своей матерью, тоже инокиней, когда она пришла перед своей смертью повидать сына и проститься с ним. Натура богато одаренная: обширная память, светлый ум, сильный характер; логическое мышление; большая начитанность, обширные богословские познания. Пламенная ревность по вере — отличительная черта его характера. Не будучи научно образованным, Иосиф, однако, и слепым книжником не был: острота суждения помогала ему критически разбираться в том, что он воспринимал, и уберегла его от завидной доли превратиться, при всей своей начитанности и образованности, в простого начетчика. Его «Просветитель» — одно из самых выдающихся произведений русской церковной письменности XVI в. С ясностью и убедительностью изложения автор соединяет большую начитанность в Священном Писании и в писаниях отцов и учителей церкви. «В нем нельзя не признать светлого, обширного и образованного ума: в нем возбуждена и значительно развита мыслительность; он рассуждает логически, последовательно и знаком с приемами здоровой диалектики; он не только выражает свои мысли, но и доказывает их, разъясняет, входит в подробное исследование предметов и свои исследования излагает в связи, даже в некоторой системе, так что книгу „Просветитель“ можно по справедливости назвать первым опытом у нас собственно ученого богословского сочинения» (митрополит Макарий).

Горячий защитник права монастырей владеть вотчинами, Иосиф заботился о внешнем благолепии храмов, украшал их богатыми образами и энергично настаивал на казни еретиков. Его последователи получили название «иосифлян». Главнейшими из них были митрополит Даниил, Зиновий Отенский.

Заволжские старцы (нестяжатели)

Родоначальник школы нестяжателей, Нил Сорский, воспитанник и последователь Паисия Ярославова, родился около 1433 г., умер в 1508 г. Побывав на Афоне, он вывез оттуда идеал строгого аскетизма и задумал осуществить его, удалившись в глухие места и поставив свою келью на речке Соре, близ Белоозера. Главнейшие его сотрудники и продолжатели: Вассиан Косой (Патрикеев), игумены Троице-Сергиева монас-

тыря Порфирий (1523) и Артемий (1551), просветитель лопарей Феодорит. Большинство старцев вышло из монастырей Кирилло-Белозерского, Ферапонтова и вологодских; для москвичей эти монастыри, географически, лежали за Волгой — отсюда и самое название: заволжские старцы.

Основные положения заволжских старцев

1. Евангельское учение о любви и милостыне должно быть усвоено не на словах, а всем сердцем и помыслами, стать духовной потребностью человека. Послушание должно быть сознательным, по убеждению, а не по внешнему приказанию.

2. Поэтому хотя Священное Писание, разумеется, есть единственный наш авторитет, но и в нем следует критически разобратся, суметь понять, что именно в нем сказано и поведено.

3. На первом плане должно стоять нравственное самосовершенствование, а не умерщвление плоти. Усиленное пощение, изнузив, может только помешать подвигу духовного совершенствования. Аскетизм Нила Сорского чисто духовный. «Почва монашеских подвигов не плоть инока, а его мысль и сердце. Энергию свою подвижник должен обращать на совершенствование своего нравственного характера. Сферой его подвигов должна быть его душа, его сердце. Здесь, на этой почве пусть совершается великий процесс нравственного самосовершенствования человека, его спасения, сюда должно направлять иноку свои силы. Он должен бороться не с желудком, а с греховными мыслями своей души, со страстями своего сердца, и х искоренять, и х преследовать. Путь, которым достигает монах — да и всякий человек — своего спасения — путь внутреннего нравственного перерождения, перевоспитания, а не путь внешних обрядов» (Архангельский, 130).

4. Внешняя, обрядовая сторона религии не имеет значения. Монастыри заволжских старцев намеренно бедны обстановкой. Зачем украшать храмы? Лучше раздать деньги бедным.

5. Красной нитью проходит через все учение старцев религиозная терпимость, милость к совратившимся: следует прощать раскаявшихся еретиков; надо молиться за них, а не судить и не наказывать; самое большее — отлучать от церкви упорных и не желающих сознать свою ошибку.

6. Всякая собственность, даже самая малая (за исключением, безусловно, необходимого), не говоря уже о богатстве, противоречит иноческому обету. Инок отрешился от мира, как же

ему уделять свои мысли на заботу о мирском? Землевладение есть «яд смертный»: оно делает монахов мирянами более самих мирян, ведет к выпрашиванию, спорам и тяжбам с соседями, к тасканию по судам. Вследствие такого отношения к собственности за старцами заволжскими установилось прозвание нестяжателей.

7. Монашеский подвиг, по Нилу, состоит в умном делании: в подвижничестве не тела, а духа. Не пост, не вериги, не количество прочитанных молитв и часов, проведенных за церковной службой — это все дело второстепенное, — но умное делание, подвижничество духовное, борьба с помыслами и страстями — вот на что должны быть направлены прежде всего помыслы монаха. Важности внешнего делания (что так подчеркивалось в уставах общежительных монастырей, например, в Волоколамском). Нил не отвергал, но он напоминал, что не следует ограничиваться одним внешним деланием, «что оно одно не может привести к цели и что гораздо важнее и существеннее внутреннее подвижничество, которое необходимо соединять с внешним» (митрополит Макарий). Свои мысли (свой устав) Нил Сорский изложил в особой книге: «Предание о жительстве скитском», где в сжатом виде сведены в одно целое мысли отцов церкви о внутреннем подвижничестве.

Какая же обстановка наиболее пригодна для «умного делания»? Пустынное житие: нечто среднее между общинножитием и полным отшельничеством; малая пустынька, где 2—3 монаха, не более, или один старец, а при нем 1—2 ученика. Нил не отвергал общежитного монашества, получившего широкое распространение в Московской Руси со времен Сергия Радонежского (отказ от личной собственности; безусловное повиновение игумену; совместная церковная молитва), но пустынька была ему, как настоящему аскету, более по душе. Недаром и сам он основал не монастырь, а «Нилову пустынь». Эта пустынь давно уже упразднена и более не существует.

Вассиан Косой, князь Патрикеев

Среди единомышленников Нила Сорского выделяется яркой фигурой Вассиан Косой, Патрикеев. Он сторонник властного участия бояр в правлении; недаром он стал одним из главнейшей партии, противившей Софье Палеолог, за что и пострадал, будучи пострижен в монахи (1499). Сторонник монастырского нестяжания, он вел оживленную полемику с Иосифом Волоцким по этому вопросу. Вассиан — большой литературный талант, один

из первых русских публицистов. При Василии III он сумел вернуть себе прежнее положение и стать в ряду близких к великому князю людей. Но его губили неодобрение развода Василия III с Соломонидой и особенно мстительность митрополита Даниила: горячий сторонник Иосифа Волоцкого, Даниил не мог простить Вассиану его прежних нападок на его учителя; сюда присоединилось также желание митрополита вообще обезопасить иосифлян от такого опасного противника, каким был Вассиан. На соборе 1531 г. Вассиана осудили за еретические мнения (равно и Максима Грека, его единомышленника) и заточили в Волоколамский монастырь. Курбский говорит, что Вассиан умер там насильственной смертью.

Монастырское землевладение

1. Различное отношение иосифлян и нестяжателей к монастырскому землевладению особенно резко разделило их на два непримиримых лагеря. На вопрос, имеют ли монастыри нравственное право владеть земельным имуществом, старцы отвечали: «Нет, не имеют, потому что землевладение мирянит монаха, отвлекает его от главного его предназначения: служить Богу и спасти свою душу». Иосифляне же утверждали: «Да, имеют, потому что это право утверждено за ними Вселенской церковью. Помимо того, землевладение необходимо монастырям: 1) для поддержания храмов; 2) иноков, не обеспеченный в своих физических нуждах, не будет в состоянии достойным образом отправлять божественную службу; 3) монастыри готовят будущих иерархов, и если заставлять всех иноков существовать собственным трудом, то как тогда «честному и благородному человеку постричься? А не будет честных старцев — откуда взять митрополитов, епископов и всякой честной власти? А не будет честных старцев и благородных, тогда и самая вера поколеблется»; 4) монастыри питают странников, нищих, помогают больным.

2. В данном случае столкнулись два непримиримых мировоззрения. Аскету Нилу довольно его пустыньки и лишь самого необходимого для поддержания своего брэнного существования; пустынножитная форма монашества не исключает личной собственности, и потому особенно следует остерегаться, чтобы она не переходила пределов необходимого. Идеал Иосифа — общинножитный монастырь; личной собственности там нет: всем владеет монастырская община. Это целое учреждение, институт, действующий в обществе и на пользу общества. Богатство не

пугает Иосифа: оно для него орудие, которое монастырь может и должен использовать в целях общественного блага.

3. Вопрос, поднятый иосифлянами и нестяжателями, сам по себе большого значения, особенно заострился еще и потому, что перерос тесные рамки специально монастырских интересов и давно уже получил значение вопроса государственного. Церковь как землевладелица (главным образом, монастыри) непомерно росла, и это становилось отягощающим для государства силу тех исключительных привилегий, какими пользовалась церковная земля. По тогдашним понятиям, это была земля Божья, и облагать ее разного рода повинностями, привлекать ее к несению государственного тягла было предосудительно и решно: это значило бы отнимать у Бога то, что принадлежало ему.

4. Между тем одни только вотчины митрополичьего дома, увеличиваясь с каждым новым митрополитом, доходили уже в начале XVI ст. до 100 000 десятин земли, с тысячами дворов населения и с десятками тысяч тогдашних рублей дохода. Едва ли еще не богаче была архиепископия Новгородская, «казна дома святой Софии». Тысячами десятин и десятками населенных сел насчитывались богатства монастырей Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского. Если остальные монастыри и располагали значительно меньшими средствами, то самих их количеством было так много, что общее число монастырских десятин, пустошей, сел, деревень и починков достигало громадной цифры. Целая треть территории Московского государства с населением, жившим на ней, принадлежала классу духовному, причем земли собственно церковные, находившиеся в ведении белого духовенства, по сравнению с монастырскими, составляли незначительную часть.

5. Подобное положение дела являлось двойным злом. Во-первых, богатство, как бы добросовестно иосифляне ни старались провести в жизнь свой идеал, несомненно портило монахов, извращало самую идею монашества уже по одному тому, что преобладающее число иноков (масса, толпа) не доросло до этого идеала и оставалось к нему более или менее равнодушно; а второе — дарованные монастырям льготы переносили всю тяжесть государственного тягла на земли немонастырские, на население, жившее на нельготном положении. Тягота зачастую оказывалась непосильной; люди бежали со своей земли — и куда же? — на те же монастырские земли, принося туда свое имущество и свой труд, что, конечно, еще более увеличивало разницу льготного положения одних и нельготного других.

6. Государственные интересы давно уже требовали секуляризации монастырских земель, т. е. обращения их в казенную (государственную) собственность со всеми вытекавшими отсюда последствиями: несением повинностей наравне с другими землями; с подчинением жившего на этих землях населения общему светскому управлению и суду. Но так как покушаться на «Божье» достояние было невозможно, то оставалось пока одно: прекратить по крайней мере на будущее время дальнейшее нарастание монастырских земель и по возможности ослабить льготы, какими они пользовались. К этому в XVI в. и направлены все меры (в общем малоуспешные) русских государей.

Действия правительства

1. Новгород. В 1478 г. Иван III по праву завоевателя отобрал на государево имя довольно значительное количество волостей у новгородского владыки и у монастырей новгородских и даже повторил, в 1500 г., эту болезненную для новгородской церкви операцию. Но то были исключительные случаи.

2. Собор 1503 г. Впервые же, как вопрос во всем объеме, монастырское землевладение явилось предметом обсуждения на соборе 1503 г. Здесь-то особенно ярко и выступило наружу расхождение между двумя противоположными течениями. Иосиф Волоцкий энергично отстаивал права монастырей на владение вотчинами, Нил Сорский с неменьшим убеждением опровергал его доводы. Хотя сам Иван III и был на стороне заволжских старцев (конечно, по мотивам государственным, ничего общего не имевшим с «нестыжательством»), однако должен был уступить голосу большинства, заявившего: «Святители и монастыри земли держали и держат, а отдавати их не смеют и не благоволят, понеже вся таковая стяжания церковная — Божия суть стяжания, нареченна и данна Богу, и не продаема, ни отдаема, ни емлема никим никогда в веки века».

На стороне иосифлян было несомненное право, к тому же освященное веками, и так как владения монастырские были главным образом дарственные — как добровольное даяние, зачастую по завещанию на помин души, — то за иосифлян говорило также и право свободного распоряжения своей собственностью (право дарения). Кроме того, «за церковными и монастырскими вотчинами стоял целый ряд владельцев этих вотчин, составлявших государственную силу, с которой невозможно было не считаться. Значение этой силы было особенно ощутительно тогда, в пору окончательного объединения государства

й выработки понятий о власти московских государей. Из среды духовенства и монашества вышло немало людей, которые оказали существенную поддержку тогдашнему направлению русской истории и выработке политических понятий. Московские великие князья очень хорошо знали цену этой поддержке и дорожили ею» (Малинин, 639).

3. Полемика. Монастырских вотчин не тронули, зато между двумя партиями возгорелась ожесточенная полемика, охватившая, можно сказать, все великокняжение Василия III и не вполне загложшая еще и при его сыне. Кроме главных вождей, Иосифа Волоцкого и Нила Сорского, в ней приняли живое участие выдающиеся люди своего времени: митрополит Даниил, Вассиан Косой, Максим Грек. Полемике этой мы обязаны появлением ряда литературных произведений, в которых наглядно отразились многие жизненные вопросы, волновавшие тогдашнее общество.

4. Стоглавый собор. Вторично вопрос о монастырском землевладении подвергся обсуждению на Стоглавом соборе 1551 г., но разрешен столь же малоуспешно, как и полвека назад. Царь Иван хотел было действовать в том же направлении, что и его дед, но тоже должен был уступить. Митрополит Макарий еще до созыва собора обратился к нему с горячим воззванием, умоляя не дерзать накладывать руку на «недвижимые вещи, в данные Богови в наследие благ вечных», грозя в противном случае карой небесной. Иосифлянская точка зрения перевесила и на этот раз. Царь, хотя и знал очень хорошо о злоупотреблениях монастырских и выражался о монашеской жизни очень резко, «однако ввиду непоборимо-твердого стояния за вотчины огромного большинства самих монахов» не отважился даже высказаться об отобрании их у монастырей (Голубинский, II/1, 797). В ограждение своих интересов отцы собора постановили: «Вотчин и сел, данных Богу в наследие вечных благ, равно и других монастырских земель впредь ни отдавать, ни продавать. Так в первый раз высказано от лица нашей духовной иерархии формальное запрещение монастырям отчуждать свою поземельную собственность* (Павлов. Секуляризация, 125).

Правительству пришлось удовольствоваться полумерой: монастырям, владевшим значительным количеством земель, предписывалось «не стужать» (не докучать) царю просьбами о новых пожалованиях. Земли, насильственно взятые за долги или неправильно записанные, возвращались прежним владельцам; подтверждено право наследников выкупить земли, данные мо-

настырю под таким условием; отменялись милостыни, назначенные в малолетство Ивана Грозного; подтверждены прежние распоряжения Ивана III и Василия III о продаже имений или дарения их на помин души, а именно: для таковых требовалось особое разрешение государя.

5. Год 1573-й. Несколько позже, в период казней и гонений, Грозный действовал много самостоятельнее: запретил записывать вотчины за большими (богатыми) монастырями, т. е. за теми, у которых земли и без того было вволю; да и мало-земельным монастырям дозволил принимать вклады не иначе как по докладу и по боярскому приговору.

6. Год 1580-й. Новым шагом в этом направлении явилось лишение монастырей — на этот раз всех, и «больших» и «малых», без различия — права получать имения по завещанию, а вотчинникам запрещено одинаково и продавать монастырям свои вотчины, и отдавать их безденежно; родственники же получали право выкупать такие незаконно проданные или подаренные вотчины. Но наличные приобретения церкви, как издавние и бесспорные, так и те, что приобретены вновь незадолго до 1580 г. по завещанию на поминок по душам, объявлены неприкосновенными.

7. Год 1584-й. При царе Федоре, тотчас вслед за смертью Грозного, указ 1580 г. был подтвержден (очевидно, он плохо выполнялся), с угрозой безвозмездного отобрания неправильно подаренных земель в казну. Однако духовенство и на этот раз не уступило: по его настоянию соборное постановление 1584 г. вскоре было отменено. Правительство ограничилось лишь сокращением торговых и таможенных привилегий, какими раньше пользовались монастыри.

8. Неуспех секуляризации церковных земель в XVI ст. объясняется столкновением двух противоположных течений: каждое тянуло в свою сторону и парализовало действие другого. Интересы государственные столкнулись с интересами религиозными, точнее, с заботой о личном спасении. «Строить» свою душу, подготовить ей путь к вечному спасению было заботой, можно сказать, общей всему тогдашнему веку. Поэтому количество церковных вотчин не только не уменьшалось, но, наоборот, увеличивалось: удержать их в руках церкви — заботилась сама церковь, а обогащать церковь новыми приобретениями — было делом благочестия русского человека. Забота о своей душе, благочестивая мысль посильно послужить Богу и всеобщее убеждение, что наилучшим средством для этого было бы отдать «Богу» часть, а то и все свое имущество — вот

два основных мотива, обусловивших постоянный прирост церковных и монастырских земель. Сами государи московские, движимые этими мотивами, общими веку, не избежали противоречий: одной рукой, «государственной», они старались задерживать обогащение монастырей, другой — щедро одаряли их.

Другие пункты расхождения иосифлян с нестяжателями

1. Отношение к еретикам. Заволжские старцы утверждали: казнить еретиков не следует, надо быть милостивым. Старцы никак не могли уложить в своих понятиях два, действительно, совершенно непримиримых действия: проповедовать учение Распятого — и проливать кровь во имя этого Распятого, который именно и учил-то не проливать крови, а оказывать милосердие и прощение врагам. Иосифляне, наоборот, настаивали на казнях еретиков. Это наш долг, говорили они; того требуют законы греческих императоров, внесенные в Кормчую книгу, постановления же Кормчей обязательны для всей Русской церкви. Собор 1504 г. осудил еретиков на сожжение, став на сторону Волоцкого, главного их обвинителя. Решение собора вызвало ожесточенную полемику старцев с их противниками; особенно сильно досталось Иосифу от Вассиана Патрикеева: его нападки полны желчи и злого сарказма (Вассиан вероятный автор так называемого «Послания заволжских старцев»).

2. Вдовы священники. Собор 1503 г. лишил вдовых священников права священнодействовать. Им ставилось в вину их зазорное поведение, держание наложниц. Вернуть утерянное право они могли лишь приняв монашеский сан. Такое постановление было делом иосифлян. Старцы считали его несправедливым. Постановление отцов собора вызвало резкое послание к ним вдового попа Григория Скрипицы: «Вы осудили (писал он) всех иереев и диаконов, настоящих и будущих, за смерть их жен; но в смерти их они не виновны, смерть наводит Бог. Разве можно осуждать огулом всех, не выделив виновных от неповинных? Где в писании указано, что чистых иереев и диаконов отлучать от священства и принуждать к пострижению? Своим решением вы оскорбляете не только осужденных, но и священников, у которых жены живы: ибо каждый из них может лишиться жены и должен тогда не священствовать».

3. Значение обряда. Иосиф Волоцкий обставлял каждый шаг своего инока строгими предписаниями: заблаговестят к церковной службе — тотчас же иди, не мешкая, в церковь; раз

стал там на своем месте — не двигайся, не меняй его, не разговаривай ни с кем, наблюдать за тобой в церкви поставлены особые надсмотрщики; за трапезой молчи, не говори ни слова, ешь и слушай назидательное чтение; проводи свое время в молитве или физическом труде. Те же предписания и мирянам. Послание Иосифа к вельможам, подвергшимся епитимий, до мельчайших подробностей определяют смену дней постных скоромными, когда разрешается «варение» с маслом и без масла, с медом пресным, когда икра и потрохи; вычисляют число кафизм Псалтири, которые надлежит прочесть; число земных поклонов на каждый день: по 300, а если трудно, то по 200 или по 100; с указанием, когда их класть и когда не класть. — «Да коли не бывает поклоны, ино приложити к тема кафизмам 600 молитв, или 400. А в который день постной не мощно будет поститися или молитися, как здесь писано, ино дать милостыню по силе за тот день... А что еси, господине, писал, который святыне коснутися, ино, господине, в те три годы не причащатися божественным тайнам, ни к доре не ходити, ни Пречистыя хлеба не имати, а к иконам прикладыватися, а не целовати, а водой святой кропитися, а не пити, а просфоры выиманные не ести, а не выиманные ести. А в великий четверток причащатися святой воды богоявленской, да иконы целовати, и к доре ходити, ко всякой святыни, да в субботу и на Велик день по томуж...» — «то ваш путь, тем и спаситися», говорит Иосиф Волоцкий в заключение (Архангельский, 225).

Как далеки от этого предписания Нила Сорского! Своим инокам он предоставлял почти полную свободу в их внешней жизни: ешь и пей, поскольку требует твой организм; «дневную меру и количество пищи» нельзя устанавливать одинаково для всех, потому что «тела имеют разную степень крепости и силы». Дело не во внешнем поведении, а в вере, в том духовном подвиге, на который он двигает нас.

4. Критицизм и дисциплина. Помимо вышеуказанных пунктов разногласия был еще один — он нелегко поддавался формулировке, не так резко выступал наружу; скорее чувствовался, чем был доступен внешнему взору; зато, может быть, в нем-то и заключалась главная причина пропасти, отделявшей иосифлян от заволжских старцев. Нил и его последователи, при всем их строгом православии, давали иосифлянам (пускай, лишь кажущееся) основание сблизить их с жидовствующими, находить между ними известное духовное родство. Действительно, старцам присуща была одна черта, которая могла навести на такое сопоставление: это — критическая

мысль, требование сознательности в своих действиях, протест против слепого исполнения приказания, кем бы оно ни было отдано. «Писания многа, но не вся божественна суть», говорит Нил в одном из своих посланий, т. е. читай, но разбирайся в читаемом, отбирай хорошее зерно от плевел. Иосифляне наоборот: данное правило для них святыня; они принимают его таким, каким оно дано и формулировано. В этом отношении, по духу, они ближе к католическому исповеданию веры (недаром Латинская церковь долгое время не знала ересей, возникших самостоятельно в ее недрах, история же Православной полна ими). Критицизм старцев пугал иосифлян, казался опасным вольномыслием, вызывал подозрение. Действительно, заволжские старцы и при Ниле, и после него, допускали споры о предметах веры, подвергали сомнению положения, всеми принятые; критиковали обязательность постов, резко отзывались о порядках на Руси, осуждали приверженность к внешней, обрядовой церковности, иногда непочтительно отзывались о церковной иерархии. Ничего еще еретического в этом не было; но было то, что более поздние поколения определяли словами «колебание авторитетов», «вольтерьянство» или «вольнодумство» — вольнодумство же это претило иосифлянам, было в их глазах равносильно настоящей ереси. Для них мнение, т. е. рассуждение, доискивание истины своим умом, представлялось «вторым падением», «Всею страстем матимнение», утверждали они.

5. Итоги. Нестязательство заволжских старцев и «умное делание» глубоких корней в русской жизни не пустили: идеал строгого аскетизма был чужд психологии русского человека (см. «Курс». Т. I): реальный подход к жизни, трудничество и «плотничество» Сергия Радонежского были ему ближе и понятней, а тот дух рационалистического протестанства, что заметной струей проходит через все учение старцев, не мог найти себе в XVI в. подготовленной почвы. Гораздо приемлемее, а потому и жизненнее оказалось учение иосифлян. Оно обладало несомненным преимуществом: не вырывало человека из той среды, в какой он жил и действовал. Монастырь не отгораживал свою келью от мира неприступной стеной; уходя от мира, инок не порывал с ним связей; на «умном же делании» лежал отпечаток эгоизма, чрезмерной думы о самом себе, а иосифляне в вопросе о монастырском владении как раз исходили из идеи служения общественного; и не вина Волоцкого, если его «стяжательство» — средство общественного служения — позднейшие иноки зачастую превращали в самоцель. С другой

стороны, моральная поддержка, оказанная иосифлянами самодержавию, проповедь безусловного повиновения светской власти немало содействовали тому, что церковь, первоначально равноправная сотрудница этой власти, вскоре очутилась на положении подчиненной и стала лишь послушным ее орудием.

Ересь Башкина и Косого

1. Эту ересь формально следовало бы рассматривать совместно с ересями стригольников и жидовствующих (в предыдущем разделе «Религия и церковь»), но, не говоря про то, что она хронологически отделена от тех ересей промежутком приблизительно в полустолетие, на ней явственны следы той эпохи, когда не только еще не изгнана ересь жидовствующих, но и проповедовали свое учение заволжские старцы, и потому она станет понятнее (а данные об этой ереси вообще сбивчивы и очень неясны) лишь после предварительного ознакомления с этими последними.

Дух рационализма и протестантизма, столь заметной струей просачивающийся через учение заволжских старцев, не заглох вместе с их «умным деланием»; он отвечал народившейся потребности в критике, к сознательному восприятию чужих положений и возникших сомнений. Не заглохло вполне и учение жидовствующих; до поры до времени оно пряталось в пустынных обителях Заволжья, скрывалось по монастырям общежительным и вместе с «вольномыслием» старцев ждало случая вновь пробиться наружу. Старцы же, не разделяя чисто еретического учения жидовствующих, вообще сочувствовали свободному направлению их мыслей и в этом отношении держали их руку. Недаром Вассиан Косой, оставаясь строго православным, «когда открыты были в его пустыни два монаха, державшиеся жидовства, употребил все свои старания, чтобы скрыть и спасти их» (Голубинский, П/1, 821).

Новое учение, или, правильнее, новое разветвление ереси жидовствующих, не замедлило обнаружиться и получить гласность уже в первые годы самостоятельного правления царя Ивана Грозного. Это было учение Башкина и Федора Косого. Духовное родство их с заволжскими старцами, с одной, и с жидовствующими, с другой стороны, несомненное. Башкин и Косой выросли в атмосфере той же критической мысли, только они пошли много дальше старцев и впали в настоящую ересь. Современной науке еще не удалось выяснить с желаемой точ-

ностью и полнотой ни происхождение, ни самое содержание их ересей. Кто ведет их прямо от жидовствующих, кто связывает с социнианами, или антитринитариями (которых в ту пору много появилось в соседней Литве).

Примечание. Антитринитарии, т. е. «противники Троицы», одна из сект, появившихся в эпоху Реформации; они отвергали троичность Бога, признавали его единоличным. Как раз в том году, когда в Москве судили Башкина (1553), Кальвин сжигал в Женеве Михаила Сервэ, тоже учившего о единоличии Бога.

2. Матвей Башкин, — боярский сын. Он отвергал троичность Божества, внешнюю (видимую) христианскую церковь в том виде, как она существует ныне, считая ее измышлением человеческим, а не установлением Спасителя. Протестантизм его учения слышится в отрицании церковного предания, в приравнивании икон к идолам; в евхаристии Башкин видел один простой символ, а не истинную кровь и тело Господне. Кроме того, Башкина обвиняли, будто он по-своему толкует Евангелие и Апостол, а Священное Писание считает одним «баснословием». Хотя Башкин и покаялся в своих заблуждениях, однако собор 1553 г., осудив его учение, самого его заточил в монастырь.

Федор Косой, в свое время инок одного из заволжских монастырей. У него много сродного с Башкиным. Бог, по его словам, единоличен, не троичен; Иисус Христос — не Сын, а посланник Божий; он отменил закон Моисеев, заменив его своим Новым Заветом: нравственной заповедью о любви к ближнему. Отменив обряды, Он предписал поклоняться Богу духом. Не отвергая Священного Писания Нового Завета, Косой все же книги Моисеевы считал «столпами» вероучения, а послание апостола Павла к евреям (где определенно говорится об Иисусе Христе как о Боге) считал апокрифическим. Будучи осужден (1554), Косой спасся от заточения бегством в Литву.

Полемика, возгоревшаяся между иосифлянами и нестяжателями по двум разъединявшим их вопросам: о еретиках и монастырских вотчинах, породила ряд литературных произведений (особенно по второму вопросу). Ценный исторический материал, они наглядно знакомят нас с мировоззрением, психологией представителей обоих направлений, равно и с индивидуальными чертами авторов этих многочисленных «посланий», «слов», «тетрадей» и «рассуждений». Вот их перечень.

1. Послание Иосифа Волоцкого великому князю Василию III (еще при жизни Ивана III): еретиков необходимо истреблять. Др. Р. Вивл., т. XVI.

2. Коллективное послание заволжских старцев на имя того же великого князя, ответ на предыдущее. Напечатано там же. Личность автора не установлена: Нил Сорский? (Костомаров, Р. И., II, 375—376: «с ведома Нила, а может быть, и им самим»), Вассиан, князь-инок? (Хрушев, 188, допускает его авторство, Невоструев, 12-й Уваров. Ответ, 41 и Жмакин, 61 приписывает ему).

3. «На новгородских еретиков, глаголющих яко неподобает ссужати ни еретика, ниже отступника», И. Волоцкого, ответное на предыдущее. Составило слово 13 «Просветителя».

4. Новое коллективное послание старцев на ту же тему — не сохранилось.

5. «О повиновении соборному определению»: ответ И. Волоцкого на вышеуказанное не сохранившееся, «любопрепятельное», как он его называет, послание; остается в рукописи (Жмакин, 70).

6. «На ту же тему и три последних слова "Просветителя" (Жмакин, 70).

7. Послание И. Волоцкого к великому князю, ок. 1510—1511 г. (в рукописи? см. Жмакин, 72).

8. Несохранившиеся «тетради» Вассиана, в которых он, полемизируя с Волоцким, уподобляет его еретику Новату (см. Жмакин, 73).

9. Обширное, не сохранившееся сочинение И. Волоцкого, из девяти глав, против Вассиана (см. Жмакин, 74).

10. Трактат Вассиана, в диалогической форме, направленный против Волоцкого, в сочинениях Вассиана (Жмакин, 74).

11. Два послания Нила Полева (нестяжателя) к старцу Герману (иосифлянину), в рукописи (Жмакин, 76).

12. Ответ И. Волоцкого великому князю на заданный собору 1503 г. вопрос о монастырских вотчинах. Напечатал Павлов. Секуляризация, 41—47.

13. Рассуждение Вассиана о неприличии монастырям владеть вотчинами. Чтения 1859, книга 3-я.

14. «Отвещание любозагорным» И. Волоцкого, в ответ на предыдущее «Рассуждение». Чтения, 1847, № 7 (так называемое «Прение Иосифа с Вассианом»).

15. «Слово кратко противу тех, иже в вещи священные, подвижные и неподвижные, соборные церкви вступаются и отымати противу спасения души своя дерзают... (по другому

списку: «О свободе церкви») — также против Вассиана (№ 13). Об этом «Слове» см. ниже, отд. «Церковь и государство».

16. В ответ на № 14 и 15, Вассиан пишет «Предисловие Нила и Вассиана на И. Волоцкого игумена» и два слова: 1) «Слово ответно противу кленущих истину евангельскую» и 2) «Собрание на И. Волоцкого». Прав. Собеседник, 1863, ч. III.

17. «Иосиф не мог смолчать перед Вассианом. Он скоро написал против него новое сочинение, в котором он вооружался против мнений Вассиана. Последний также не молчал и отвечал новым полемическим сочинением в защиту мнений заволжской братии. Оба полемических сочинения, как Иосифа, так и Вассиана, не дошли до нас». (Жмакин, 86).

Кроме того еще:

18. Письмо о нелюбках: попытка неизвестного автора объяснить, с возможной объективностью, причины раздора и несогласий между нестяжателями Кирилло-Белозерского монастыря и иосифлянами.

19. Максим Грек. «Главы поучительны к начальствующим правоверно»: о незаконности монастырского пользования вотчинами.

20. Он же. «Стязание о известном иноческом житии между Филоктимоном и Актимоном, сиречь, любостязательным и нестяжательным».

21. Беседа преподобных Сергия и Германа, валаамских чудотворцев. Помимо вопроса об отношениях царя к боярам (см. выше), она затронула еще и для 1550-х гг. злободневный вопрос о монастырских имуществах: горячий протест против владения иноками вотчин: недостойно монахам «кормиться мирскими слезами. См. ниже, отдел «Литература».

Д. ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО

Свержение Исидора с митрополичьей кафедры (1441), освободив Москву от униата, поставило ее, однако, в затруднительное положение. У кого теперь ставиться новому митрополиту? Право поставления принадлежало вселенским патриархам, но они приняли унию, и их благословение потеряло теперь свою силу. Год шел за годом, а Русская церковь оставалась без Верховного пастыря. Выход из такого ненормального положения Дала светская власть: после долгих колебаний и продолжительных совещаний с духовенством Василий Темный решил, «по

нужде», на смелый, необычный шаг: в декабре 1448 г. созданный им собор русских епископов избрал митрополитом самостоятельно, без санкции патриарха и императора, рязанского епископа Иону. Такой шаг был, несомненно, революционный: он ломал старые традиции, более того — преступал прямое требование закона: чтобы стать митрополитом в Русской земле, требовалось благословение константинопольского патриарха и согласие византийского императора. Но как было поступить иначе? «Нужда законом не руководится». К тому же вскоре новые события принесли видимое оправдание соборному решению русских епископов: Византийское царство пало, императора не стало, патриарший престол еще не сразу очистился от унии — русская митрополия в силу хода событий превращалась из подчиненной в афтокефальную. Отношения с патриархом вскоре обострились еще сильнее после того, как он поставил для Киева (русских епархий в Польше и Литве) особого митрополита, Григория, униата, выученика «безбожного» Исидора, и тем положил начало окончательному разделению русской митрополии на две половины (1457). Преемники Ионы, последовательно Феодосии (1461), Филипп (1464) и Геронтий (1472), тоже выбирались не испрашивая согласия и благословения патриарха, по непосредственному указанию и участию в деле избрания великого князя.

Однако такой порядок не мог нравиться. Сознание его незаконности тревожило совесть верующих людей. Недаром преподобный Пафнутий Боровский, пользовавшийся большим авторитетом, «соблазнялся постановлением митрополита Ионы, не велел называть его митрополитом, не хотел исполнять в своей обители его пастырских распоряжений и объяснялся с ним непочтительно», за что, впрочем, и пострадал: был ввергнут в окопах в темницу, пока не смирился и не покаялся (митрополит Макарий, VI, 17).

Из ненормального положения Русскую церковь вывел иерусалимский патриарх Иоаким. Чтобы оформить это положение, его пригласили приехать в Москву (это было при митрополите Феодосии), он поехал, но болезнь остановила Иоакима на полпути. Тогда он шлет вместо себя протосинкела Иосифа и просит Феодосия посвятить его в митрополиты Кесарии Филипповой — просьба такого рода, небывалая сама по себе, служила торжественным выражением со стороны одного из высших иерархов Православной церкви канонической законности нового порядка на Руси. Несколько позже, когда константинопольскую кафедру снова стали занимать правоверующие патриархи (в изменив-

шейся политической обстановке, при турках, униатство потеряло для греков прежний практический смысл), автокефальность Русской церкви была признана вселенским, а за ним и остальными восточными патриархами.

Но, выйдя из подчинения патриарху, Русская церковь взамен очутилась в большой зависимости от светской власти — от государей московских. Иначе, впрочем, и быть не могло. Твердость, с какой верховная власть отстаивала чистоту православного учения в тяжелую годину ниспосланных церкви испытаний, чрезвычайно подняла в глазах современников значение московского государя. В нем не без основания стали видеть блюстителя православия, покровителя и защитника церкви, находить оправдание начавшемуся слагаться в обществе убеждению, что теперь, после катастрофы, разразившейся над Греческим царством, именно к нему должно перейти духовное наследие павшей Византии с правами ее императоров. Права же эти, как мы видели (гл. VIII), были огромные: императору подчинены были все церковные дела: при обсуждении их решающее слово принадлежало ему, а не патриарху. Голос и решение московского государя в делах церковных приобретали теперь особый вес. Подобно недавнему византийскому василевсу, он становился господином не только в государстве, но и в церкви. Последняя становилась под его охрану и наблюдение. Власть московского государя стала простираться на все стороны церковной жизни: она ведала одинаково и церковные обряды, и церковную дисциплину; принимала меры против ересей, вообще против беспорядков и злоупотреблений, вкравшихся в церковную жизнь; утверждала постановления церковных соборов, придавая им юридическую силу обязательного закона.

Высокое положение, занятое носителем верховной власти в России, тогда же нашло себе и внешнее выражение. Уже на Василия Темного готовы смотреть, как на избранника Божия. «Слово об осьмом соборе» (Пахомия Логофета?) величает его боговенчанным царем; еще определеннее выражается архиепископ Ростовский Вассиан Рыло в своем послании на Угру к Ивану III: Бог вручил тебе власть, и за свои деяния ты ответствен лишь перед Ним одним. Епископы обещаются митрополиту Ионе быть в послушании не только его, но и его преемника, — того, кто будет поставлен: 1) по избранию Святого Духа, 2) по правилам апостолов и святых отцов и 3) «по повелению господина

¹ См. Приложения. № 32: «Как возникла автокефальность Московской митрополии?»

нашего великого князя Василия Васильевича, русского самодержца». Таким образом воля московского государя поставлена вровень с волей божественной и божественными законами.

Новое поколение в лице Иосифа Волоцкого создает целую теорию божественного происхождения светской власти: «Царь убо естеством подобен есть всем человеком, властью же подобен вышнему Богу»; или, в обращении к Василию III: «Вас бо Бог в себе место избра на землю и на свой престол вознес посади, милость и живот положи у вас». В доказательство своей мысли Иосиф ссылается на Библию, на творения отцов церкви, т. е. на авторитеты, перед которыми смолкало всякое сомнение и критика правоверующего русского человека.

Тех же взглядов держались и митрополиты Даниил, Макарий, вообще иосифляне. Даниил считал долгом переносить даже несправедливые гонения царя. Государственники по своим убеждениям, иосифляне всецело стояли на стороне верховной власти в ее борьбе с боярами-княжатами.

Однако во взаимоотношениях между церковью и государством нашелся существенный и весьма щекотливый пункт, по которому и автор «Просветителя», и Даниил с Макарием сильно разошлись с мирской властью и готовы были отказать ей в повиновении: царь волен над нашим телом, но не над душой! «Кесарю Кесарю» — это, конечно, наш долг, но и «Божие» мы обязаны отдать «Богови». Вот почему, если царь поддается страстям и впадает в грех: в сребролюбие, гнев, лукавство, гордыню и — наихудшее — в неверие и хулу; если он не соблюдает чистоты правоверия, потакает ересям, не обеспечивает своим подданным правый и милостивый суд; вообще если он действует противно заповедям Господним, — тогда он «не Божий слуга, но дьявола, и не царь, а мучитель», и противиться такому царю — прямая обязанность доброго христианина. Отсюда вытекал и протест иосифлян против намерения мирской власти отчудить у монастырей их земельные вотчины: на их языке это значило «церкви Божий и монастыри грабить».

Эта двойственная позиция иосифлян вытекала прежде всего из основного различия между церковью и государством, как двух, по самой природе своей, независимых начал, — а между тем эти два начала так тесно сплелись одно с другим, что не всегда можно было определить, где кончается одно и начинается другое; а кроме того эта позиция питалась еще живыми воспоминаниями о недавнем, незабытом прошлом, когда митрополит Алексей, современник Дмитрия Донского, приглашая свою паству «чтить» князя, требовал, чтобы святительский чин она

имела «выше своя главы со всяким покорением без всякого прекословья»; когда он «требовал повиновения от русских князей в делах, имеющих весьма далекое отношение к сфере церковного управления, а за ослушание предавал их отлучению и жаловался на них в Константинополь». Митрополит Киприан, современник Василия I, прямо заявлял: если бы я в чем провинился, то не князьям судить носителя святительского сана (Шпаков, 252). В те времена Василий Темный еще нуждался в поддержке митрополита, искал его доброго расположения, как главы церкви; тогда, можно сказать, все его будущее зависело от того, окажет ли ему в борьбе с двоюродными братьями Юрьевичами духовная власть покровительство или, наоборот, откажет в нем.

В атмосфере таких неизжитых воспоминаний мы встречаемся в начале XVI в. с мыслью о разделении властей, выросшей, несомненно, на католическом Западе и уже по одному этому мало пригодной для русской среды. Это — теория двух мечей, светского и духовного. Это «Слово кратко противу тех, иже в вещи священные вступаются». Его писал в начале 1505 г. для новгородского архиепископа Геннадия и, может быть, по его почину, доминиканец Вениамин, тот самый, что переводил для Геннадиевой Библии некоторые книги Священного Писания с латинской Вульгаты (Голубинский, И/1, 635).

По мнению автора, духовная власть, подобно мирской, тоже установлена Богом и потому независима от нее; а так как еще апостолы заповедали нам повиноваться Богу более, чем человеку, то и светскому суду лица духовного звания не подлежат. Более того. Мирская власть сама должна подчиняться духовной. Есть два меча, и оба даны церкви: один, вещественный, — им апостол Петр отрезал Малху ухо в Гефсиманском саду — церковь передала его мирской власти на защиту правды; другой меч, духовный, — его Господь дал Петру и его преемникам, говоря: «Аще ни тако послушает тя, да будет ти, яко язычник и грешник». Таким образом власть мирская — власть производная, и в случае столкновения двух властей повиноваться следует духовной, не светской.¹

Нельзя сказать, что произведение доминиканца совсем не встретило среди русских слушателей созвучного отклика: в резком противопоставлении «слуги Божьего» «слуге дьявола», какое мы встречаем у Иосифа Волоцкого, позволительно видеть

¹ См. Приложения. № 33: «Кто был автором „Слова кратко противу тех, иже в вещи священные вступаются“?».

влияние Вениаминова «Слова»; но все же полностью усвоить теорию двух мечей русскому книжнику значило бы слишком разойтись с тем, чему научился он у греков; особенно трудно это стало теперь, в эпоху, когда светская власть росла не под дням, а по часам. И мы, действительно, видим, как на всем протяжении XVI и начала XVII ст. в русском духовенстве постепенно гложет чувство независимости. Два течения окончательно еще не смешались, и одно отличить от другого еще возможно, но перевес государства ясен и несомненен: светская власть постепенно, но неуклонно подчиняет себе церковь, превращая ее в послушное орудие своей воли. Она охотно подчиняется голосу церкви там, где он, по ее мнению, звучит исключительно «церковно», во всем же остальном не допускает возражений, что, при естественной субъективности этого «мнения», делало столкновение почти неизбежным. В конечном результате перевес оказался на стороне государства, не церкви. Особенно наглядно это выразилось в свободном, подчас прямо бесцеремонном распоряжении митрополичьей кафедрой. Хотя митрополитов выбирали, а когда приходилось, то и судили соборы духовных лиц, но то и другое совершалось под влиянием, а то и прямым воздействием светской власти; и даже более: последняя иногда обходилась и совсем без соборов.

1. Иван III. В «Послании» к нему на Угру Вассиана, архиепископа Ростовского, еще слышится голос старшего, обладающего нравственным правом делать замечания и упреки; Вассиан даже дерзает в глаза называть Ивана обидным прозвищем («бегун» — постыдно-де бежал с Угры от татар, бросив свою рать), но делал это по праву духовного отца, слова которого духовный сын обязан при всех обстоятельствах выслушивать со всевозможным смирением. Зато тот же Иван III свободно распоряжается новгородским церковным имуществом, смещает новгородского владыку и, противно новгородской старине, назначает ему преемника по своему выбору. У себя дома, в Москве, он спорит с митрополитом о том, как совершать крестовые ходы: посолонь или против солнца; смелое, открытое слово митрополита Геронтия ему не по душе, и он чуть не удаляет его с кафедры (1481). Важно не то, что, в конце концов, Иван уступил (Геронтий ходил «против солнца»), но то, что счел возможным в таком чисто «церковном» вопросе, поддержанный

¹ См. Приложения. № 34: «Послание архиепископа Вассиана Ивану III на Угру».

сего лишь тремя лицами из духовенства, идти против митрополита и остальных духовных властей.

2. Кажется, единственный раз, когда Иван не решился открыто настаивать на своем желании, — это в вопросе о монастырском землевладении, но это вопрос был сложный, далеко и исключительно церковный, и бороться великому князю пришлось бы не с одними церковниками и монахами.

3. После низложения митрополита Зосимы Иван в течение очти полутора лет не позволяет заместить митрополичью кафедру, причем преемника ему (Симона, 1495) выбирает сам: собор иерархов лишь санкционировал волю великого князя. При этом, в день наречения игумена Симона в митрополиты, Иван всенародно в Успенском соборе взял нареченного за руку «предал его епископам», давая тем понять, что церковь получила своего первосвятителя по воле его, государя. Тот же сеет повторил Иван и при посвящении: он громогласно «повелел» митрополиту «принять жезл пастырства и взойти на седалище старейшинства». Такой образ поведения был явлением дотоле невиданным; им «ясно давалось знать, что поставление митрополита, а тем самым и других духовных властей, исходит т воли государя. Этим же окончательно определилось и то оложение, которое с того времени должен был занимать митрополит как верный слуга государя и беспрекословный исполнитель его велений» (Панов).

4. Постановление собора 1503 г. о невзимании епископами платы за поставление на церковные степени состоялось против желания большинства — так хотел великий князь. Характерно, что когда кирилловский игумен Нифонт «имел брань» с ростовским архиепископом Вассианом и отказал ему в повиновении, то Вассиан не дерзнул отлучить его от церкви, как следовало бы по правилам церковным, а бил челом великому князю, который и уладил дело.

5. Василий III. По стопам Ивана III идет и его сын. Бывшие при нем митрополиты Варлаам (1511) и Даниил (1522), по-видимому, собором не избирались, а были указаны волей великого князя. Неудобен потом стал Варлаам, и Василий не задумался согнать его с кафедры и послать в заточение (1521). Это первый пример подобного обращения с русским митрополитом (в дальнейшем в таких примерах недостатка не будет). Кого же выберет на место Варлаама Василий? Митрополит Даниил был именно таким, каков нужен был великому князю: во всем покорный его слуга, раболепный и угодливый.

Образованность, литературный талант Даниила не должны заслонять его низкой души и угодливости, не останавливавшейся даже перед клятвопреступлением. Василий Шемячич, последний в Северо-Восточной Руси удельный князь, будучи вызван Василием III в Москву, побоялся покинуть свой крошечный удел без «опасных» грамот (его область лежала у самой границы Великого княжества Литовского, и туда, в случае чего, он всегда мог легко бежать, если бы беда застала его у себя дома). Великий князь и митрополит дали ему эти «опасные» грамоты, т. е. поклялись, что худа в Москве ему не сделают. Даниил, как уже упоминалось выше (гл. VIII), «взял его на образ Пречистые да на чудотворцев, да на свою душу»; но когда, полагаясь на их клятву, Шемячич приехал в Москву, то его через несколько дней схватили, заточили в одну из башен Кремля и держали там до самой смерти. Даниил оправдывал такое вероломство соображениями государственной пользы. Политическое объединение Северо-Восточной Руси, действительно, требовало рано или поздно «вывести этот последний сор», а вероломство московских князей не в диковинку было; но никогда еще церковь не освящала его столь неприкровенно, с таким забвением заповеди Христовой. И конечно, подобные действия, подрывая уважение верующих к личности иерарха, не увеличивали его авторитета и в глазах верховной власти.

Угодничество проявил Даниил и своим согласием на развод Василия III с неплодной Соломонией Сабуровой. Вопреки категорическому отказу патриархов и афонских монастырей, перед которыми ходатайствовал великий князь о разводе, не говоря уже про запрет, ясно выраженный и в Евангелии, и в церковных правилах, митрополит Даниил обвенчал великого князя с Еленой Глинской вторым браком при жизни первой жены. Ненависть к Максиму Греку унизила Даниила до обвинения Святогорца в заведомо ложных ересьях; он настоял на отлучении его от церкви, лишил святого причастия и позже, даже когда сам был свергнут с митрополичьего престола, «не хотел разрешить его от наложенного на него церковного запрещения и так и умер, не разрешив его и не простившись с ним» (*Голубинский*, 25-й Отч. Увар. 40).

Общество считало печалование священной обязанностью каждого митрополита. Печаловаться перед государем — это значило не только хлопотать о помиловании осужденных, об облегчении их участи, но хлопотать настойчиво, повторно, если нужно, то вырвать согласие государя, хотя бы тем и навлечь на себя его гнев, — с тем бесстрашием, какое впоследствии

проявлял перед Грозным митрополит Филипп. Не таков был Даниил, и его враги имели все основания называть его «потаковником».

6. Иван Грозный. В его малолетство дважды низложены митрополиты Даниил (1539) и Иоасаф (1542). Когда Герман Казанский, назначенный царем на кафедру, потребовал уничтожения опричнины, царь, еще до посвящения, с позором выгнал его из митрополичьих палат. С его преемником Филиппом он поступил еще хуже: заточил (1568) и велел умертвить (1569). Два ближайших преемника Филиппа, Кирилл и Афанасий, — жалкие потаковники царя Ивана: безгласные свидетели его злодеяний, они тоже из преклонения и страха не печаловались за обиженных и осужденных, разрешили Ивану вступить в четвертый брак и смолчали, когда царь не исполнил наложенной на него епитимьи, бывшей условием разрешения.

7. Феодор и Борис. Низложен митрополит Дионисий (1587) — не потому, чтобы этого требовали интересы церкви, но как сторонник Шуйских, врагов Годунова. Создание русского патриаршества было делом светской власти, власть же духовная играла роль пассивную.

8. Лжедмитрий I и Василий Шуйский. Борьба политических страстей вовлекает в нее верховных представителей Русской церкви: и здесь роль их страдательная. Патриарх Иов низложен с бесчестием, подвергся публичному позору — он ведь ставленник Бориса Годунова и потому должен разделить его судьбу! Одним из первых действий Василия было низложение Игнатия — он ведь поставлен Гришкой Отрепьевым!

9. Вообще на протяжении 1462—1613 гг. церковные иерархи все больше и больше теряют свою самостоятельность и переходят на положение зависимое, становясь орудием личных или чисто светских, политических соображений. Правда, авторитет церкви как таковой ничуть не поколеблен; к ее мнению светская власть по-прежнему прислушивается с большим почтением; но она хочет, чтобы голос церкви проявлял себя в интерпретации, ей, безусловно, угодной. Церковь и раньше принимала живое участие в делах политических, но раньше она выступала как независимый орган, как действительная защитница и покровительница светской власти, теперь она обречена стать слепой исполнительницей ее предначертаний (*ancilla status*).

10. Церковные соборы. Не лучшим было положение и церковных соборов: внешнее давление испытывали на себе и они. Чтобы собрать собор — надо согласие государя; государь

определяет состав его, количество участвующих, открывает заседания; постановления соборные входят в силу лишь при условии царского согласия и одобрения. Бывали случаи, когда члены собора из угождения царю делали постановления против совести и убеждений. Стоглавый собор торжественно постановил не допускать четвертого брака, «понеже свинское есть житие», однако новый собор (1572) из угождения царю нарушил прежнее постановление и разрешил Грозному вступить в четвертый брак.

*Е. ЛИТЕРАТУРА КАК ОТРАЖЕНИЕ
КУЛЬТУРНЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ
ЗАПРОСОВ ЭПОХИ*

Литература переводная и в этот период занимает почетное место, но по сравнению с предыдущим чего-либо особенно нового и ценного она не внесла. Зато произведения оригинальные, хотя и воспитанные по-прежнему на образцах иностранных (греческих, южнославянских), заметно выросли, стали разнообразнее, а удельный вес их значительнее. Новые условия и задачи жизни, открывшиеся с образованием Московского государства как единого политического целого, вызвали потребность, с одной стороны — подвести итоги, разобраться в прошлом, и породили труды исторического содержания; с другой — потребность определить свое отношение к настоящему, и это обогатило литературу темами общественного и политического характера.

І. ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Апокрифы

Апокрифы и в эту эпоху пользовались большим распространением как повествования о событиях, бывших в действительности. Даже наиболее образованные люди не могли как следует разобраться в них. Архиепископ Новгородский Геннадий верил в «Шестокрыл», в «Книгу Еноха», как книги канонические; Максим Грек, убеждая своих читателей не доверять апокрифам, опирался в подтверждение своей мысли на... тоже апокриф «Видение апостола Павла». Подобно Максиму, и Стоглавый собор осуждает апокрифы, запрещает читать их и в то же

время ищет опоры своему предписанию не жалеть денег на выкуп пленных в том же «Праведном Енохе». Эта «Книга Еноха» в качестве достоверного источника вошла и в Макарьевские Четьи-Минеи. Все это — наглядное свидетельство отсутствия среди даже самых образованных людей того времени надлежащей критики, недостатка исторических знаний.

Светские апокрифы

Наряду с этими апокрифами церковного, религиозного содержания стоят сочинения, которым можно присвоить название апокрифов светских. Общее в них то, что, как и те, они отвечали на запросы пытливого ума с тем лишь отличием, что апокрифы «церковные» полнее, отчетливее изображали события библейской истории, апокрифы же «светские» разъясняли читателю место его в природе, соотношение мировых сил, сообщали сведения по астрономии, географии, о животном мире, о мироздании; но, подобно тому, как те библейскую историю изображали искаженно (с точки зрения уставленного церковью канона) и потому стали книгами отверженными, так и в «светских» апокрифах сведения были большей частью псевдонаучные и содержали много грубых заблуждений. Таковы «Аристотелевы врата» (сведения по астрологии, медицине, физиогномике и разные нравственные наставления), «Звездочетец», «Альманах» (предсказания астрологические), «Рафли» (тоже астрологическая книга о влиянии звезд на жизнь человека), «Лунник», «Шестокрыл» и другие подобные же гадательные книги; наконец, «Луцидарий» («Светильник»), появившийся в русском переводе с немецкого в княжение Василия III и заслуживший от Максима Грека прозвание «тенебарииуса» (гасильника).

Оценка этих «светских» апокрифов в нашей литературе двоякая в зависимости от наличности в них отрицательных и положительных сторон. «Весь этот отреченный литературный хлам получил в глазах толпы обаяние святости на том основании, что он находится в книге, что сообщается в книжном чтении: а книга и книжное чтение, по убеждению, воспитанному в течение веков самым духовенством, в глазах простонародья казались делом священным. Следовательно, все басни и сказки принимались на веру и составляли для толпы ряд новых догматов религии» (Буслаев).

Однако при всей «темноте» этих книг в них была и своя «светлая» сторона: большая часть этих книг несла «научное

или, по крайней мере, наукообразное, во всяком случае иное, нежели московско-византийское, миропонимание»: русские переводы этих книг «будили мысль, привлекали своим рационализмом, идя таким образом навстречу народившейся потребности мыслить людей, которых уже не удовлетворяли «догма» и «авторитеты», проповедуемые консервативной московской книжностью; недаром первыми прозелитами ереси оказались как раз «попы», т. е. наиболее образованные люди того времени, и придворная среда в Москве» (Сперанский, 81).

Книги с преобладанием чудесного и невероятного

1. «Хроника чудес Ликостена», 1599 г.: кровавый дождь; дождь молочный; младенец о двух головах; минотавр (получеловек-полуконь), живший в Италии, трижды умиравший и трижды оживавший.
2. «Прение живота с смертью».
3. Повесть о чудесном перенесении дома, в котором родилась Божия Мать, из Назарета в Лорето (в Италии). Эту повесть привез Трусков из своего посольства в Риме в 1528 г. Оригинал ее: Hieronymi Angelitae. De translatione sediculae B. Virginis, quas loreti servatur.

Книги по географии и истории

1. Устаревшая география Помпония Мелы (Pomponius Mela, римский географ, написал в царствование императора Клавдия *De Chorographia»).
2. Четыре описания: Мекки и Медины, Молуккских островов, наводнения, бывшего в 1523 г. в Неаполе, и землетрясения 1524 г. в городе Среме (эти описания, может быть, вывез из Италии Дмитрий Герасимов).
3. Хроника и Космография польского историка Мартина Вельского (Kronika, to jest historja swieta, 1550), переведена в 1584 г.
4. «Повесть о создании и о взятии Царьграда», второй половины XV в.

Художественная литература

1. «Повесть о Дракуле, свирепом воеводе Мутьянской (Мультянской, т. е. Молдавской) земли», около 1490 г. Дракула «преследовал неправду и пороки, но на всех наводил страх жестокостью, не имевшей пределов» (Пыпин).

2. «Повесть о грузинской царице Динаре» (Тамаре): содержание полуисторическое-полусказочное, XV—XVI в. Мужественная девица, Динара побеждает Перского царя, отрубает ему голову и завладевает его царством.

3. «Повесть о семи мудрецах» (*Historia septem sapientum Romae*), с польского, XVI в. Это сборник отдельных рассказов: «притчи», «повести». Мудрецы, в ожидании, пока королевскому сыну, которого король по проискам второй своей жены приговорил к смертной казни, не вернется утерянный им дар речи и он не сможет вывести наружу козни мачехи, рассказывают королю в течение 7 дней разные притчи и тем достигают цели: через 7 дней королевич заговорил и раскрыл глаза отцу.

II. ОРИГИНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Макарьевские ЧетьиМинеи

1. Название сборника. Сборник разделен на 12 больших книг, по числу 12 месяцев года; содержание каждой книги разбито по дням месяца. Это сборник для чтения на каждый день месяца, Минея читаемая (по-гречески *μήν*, месяц; *μηναιον*, месячное), в отличие от Минеи служебной, т. е. сборника церковных служб.

2. Состав Четьих-Миней: а) все книги новозаветные; б) значительная часть ветхозаветных; в) слова и беседы отцов церкви; г) Кормчая книга; д) сборники русского происхождения: Патерики, Пчела, Георгий Писид, Измарагд, Златая Цепь, Козьма Индикоплов и проч.; е) жития святых; ж) похвальные слова святым; з) сказания об открытии их мошей; и) притчи; й) монашеские уставы; к) слова учительные; л) слова торжественные на праздники; м) толкования церковных служб; н) назидательные повести; о) послания русских князей и духовных лиц; п) путешествия паломников. «Мало трех лет, чтоб его (т. е. этот сборник) прочитать» (архиепископ Филарет).

3. Задача сборника и ее выполнение. Митрополит Макарий задался целью создать полный свод всей древнерусской письменности: здесь, говорит он, «все святые книги собраны и написаны, которые в Русской земле обретаются». Есть, однако, пробелы: далеко не все книги Священного Писания; не все жития; нет сказаний Паисия Ярославова; не полон Иосиф Волоцкий.

4. Культурное значение Четьих-Миней. Несмотря на некоторые пробелы, Четьи-Миней — труд выдающийся, исключительный. В них собрана, можно сказать, вся сумма знаний тогдашнего русского образованного человека, энциклопедия всех известных ему наук. По характеру своего содержания, это Acta Sanctorum знаменитых болландистов.

Примечание. Болландисты — ученые иезуиты; с 1643 по 1911 г. они опубликовали 65 томов житий святых, чествуемых католической церковью. Болланд (умер в 1665 г.) — один из участников и основателей этого грандиозного предприятия.

5. Политическое значение Четьих-Миней. Это колоссальный памятник, воздвигнутый на грани между старой разрозненной Русью и Русью новой, объединенной. Четьи-Миней тоже объединяли русскую литературу, разбросанную дотопе по областным углам, в монастырях и церквях. В области литературы митрополит Макарий совершил то же самое, что в области церковной: канонизуя русских святых и собирая русскую литературу, он, помимо ближайших целей, достигал еще и целей общих, закрепляя идею государственного единства. Раньше Москва уступала Новгороду в литературном развитии — теперь она обзавелась собственной богатой сокровищницей книжного просвещения.

6. Четьи-Миней как показатель степени образованности современного общества. Образованность односторонняя; умственный горизонт узкий; ум питался исключительно религиозной пищей; сама наука и литература доходили в преломлении религиозном; история и география имели значение знания побочного, были своего рода роскошью; а сведения о природе продолжали черпаться в значительной мере все из того же давно устарелого и наполненного всякого рода небылицами Козьмы Индикоплова.

7. Как возникли Четьи-Миней. Первоначальная мысль зародилась не в Москве, а в Новгороде, и выросла здесь на почве местных интересов, до известной степени антимосковских. В середине XV в. новгородский владыка Евфимий начал собирать древние священные предания о местных святынях, в назидание народу, — это был подвиг патриотический, особенно дорогой и близкий народному пониманию в ту пору, когда со стороны надвинулась грозная туча, когда пришлось подписывать унижительный Яжелбицкий мир и город с трепетом ждал решения своей судьбы. Дело Евфимия продолжали его преемники

Иона и Макарий. В Москве Макарий дополнил Минеи, расширив их программу, включил новые предания и жития, переработал старые. В новой обстановке новая редакция Минеи утратила прежний местный характер и приобрела значение общерусского сборника.

ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКИЕ

I. ЛЕТОПИСИ

Летопись этого периода теряет свой прежний характер местной летописи: как Москва, став политическим центром, объединила отдельные области, так и летопись, подобно ей, под пером московских книжников поглотила местные записи; самая оценка событий ведется теперь в духе московских интересов, потому что эти интересы стали общерусскими, и летопись более чем когда превращается в официальное повествование, хотя, может быть, еще не всегда строго выдержанное. Таковы:

1 и 2. Два свода софийских: Софийская летопись 1-я и 2-я («Софийский Временник»), составлены: один в 1492 г., другой — в начале XVI в.

3. Воскресенский свод, в трех редакциях 1534, 1537 и 1541 гг.

4. Никоновский свод (иначе: «Патриаршая летопись»; принадлежала впоследствии патриарху Никону), 1553—1554 гг., составляет дополнение и переработку Воскресенского свода. Три позднейшие редакции Никоновского свода — 1556, 1558 и около 1577 г. Иллюстрированный текст Патриаршей летописи возник в XVII ст.

5. Царственная книга: события первых 20 лет государственного Ивана Грозного (1533—1553). Некоторые видят в ней первый русский исторический труд: прежнее житие уступило место исторической биографии (Буслаев). О составе и происхождении Царственной летописи (ее зависимость от Софийского и Никоновского свода) см. у Преснякова «Царственная книга». СПб., 1893.

6. Возникает грандиозный план — составить Царственный Летописец: иллюстрированную Всеобщую историю, переходящую в историю России. Летописец начат при Грозном, доведен до конца лишь в XVII в. То, что дошло до нас: 9 фолиантов; 9 700 листов; 16 000 рисунков. См. подробнее ниже, отдел «Памятники духовной культуры».

7. Казанский Летописец («История о Казанском царстве»), главным образом о завоевании Казани Иваном Грозным. Описано событие частное, но значение его всероссийское.

II. «СТЕПЕННАЯ КНИГА ЦАРСКОГО РОДОСЛОВИЯ.

Составлена по почину и под руководством митрополита Макария в последние годы его жизни (умер 31 декабря 1563 г.), по всей вероятности, царским духовником, протопопом Благовещенского собора (в иночестве Афанасием, непосредственным преемником Макария на митрополичьей кафедре). Труд закончен в 1563 г. События, изложенные в нем от начала русской истории, доведены до 1560 г. Изложение ведется в нисходящем порядке княжений. Это есть своего рода лестница, где на каждой ступени (на каждом «степени»), в последовательном порядке, один за другим, представитель нисходящего поколения: сын, внук, правнук и т. д. Всех степеней 17: на первой ступени Рюрик, на последней — Иван Грозный. Таким образом, в основу положена идея престолонаследия.

Мнение, будто составлять Степенную книгу начал митрополит Киприан (1390—1406), митрополит же Макарий лишь дополнил ее и придал ей нынешний вид, в настоящее время сильно поколеблено; и права Киприана на составление книги оспариваются, кажется, основательно; тем не менее самая «переработка исторических источников началась до Макария, может быть, еще в XV в.»; она только не отлилась тогда в стройное целое; Макарий же довел основную идею книги «до полного соответствия с государственной идеологией своего времени», придав освещению русского прошлого надлежащую стройность и порядок (Сперанский, 172).

В понимании целей, какие ставил себе составитель Степенной книги, в исторической литературе тоже нет полного единогласия: одни видят в ней труд преимущественно исторический, другие — житейный, агиобиографический.

А. Степенная книга — первая светская биография русских князей, хотя все еще писанная пером, привыкшим писать жития святых: к князьям постоянно прилагаются такие эпитеты, как «благословенный плод», «божественный», «богохранимый», «блаженный», «царскоименитый»; говорится о «чудесном зачатии и рождении» (Василия III). Эти эпитеты, однако,

не просто литературные обороты: они подобраны очень обдуманно. Так, например, Дмитрий Донской назван: «отрасль святого корене», «прекрасный цвет царя Владимира, нового Константина», просветившего Русскую землю святым крещением; он «сродник» новым чудотворцам Борису и Глебу, внук «собирателя земли Русской» (Ивана Калиты), правнук Даниила «московского»; он праправнук «святого» Александра Невского. «Таким образом, каждый эпитет, прилагаемый к имени великого князя Дмитрия Иоанновича, служит к возвеличению и укреплению его исторических прав и предсказывает великую будущность его потомкам» (Буслаев).

Через всю книгу красной нитью проходит мысль о высоком значении царской власти, о единстве интересов Русского государства и Русской церкви, о могуществе Москвы, ее правах на господство в силу преемства власти от первых русских князей киевских непосредственно к московским, из поколения в поколение. Самодержавие царя Ивана Васильевича, — хочет сказать Степенная книга, — не есть какое-либо новшество: оно явление исконно русское; самодержцами были еще Рюрик, Игорь. Московские же порядки лишь возврат к старине, а потому грешно и незаконно сопротивляться им.

Техника исторического писания автору еще не далась, прагматическую связь событий он еще не умеет представить должным образом (факты у него лишь нанизаны механически один на другой); но для него самого они уже освещены определенным светом, и потому хотя по форме Степенная книга напоминает простой исторический сборник, зато по существу ее можно, наравне с Царственной книгой, выделить из круга житий и летописей, приблизить к разряду исторических сочинений и назвать первым опытом истории России.

Б. Главная задача Степенной книги — составить «ряд биографий святых русских князей и княгинь»; это «сборник статей агиографического характера, расположенных по генеалогической схеме», торжественное прославление «святого семени блаженного Владимира», «богоутвержденных скипетродержателей» и их родичей, просиявших благочестием в Русской земле. «Схема, выбранная составителями Степенной, давала мысль о систематической обработке русской истории, хотя подобной целью Макарий и Афанасий на задавались» (Васенко, 227—240).

По одному взгляду, Степенная книга — это история, местами переходящая в житие; по другому — житие, заключенное в рамки исторического рассказа.

III. ХРОНОГРАФЫ

Хронографы — те же хроники предыдущей эпохи (см. «Курс». Т. I): компиляции отрывочных и ничем между собой не связанных сведений, смесь данных по истории политической и библейской, апокрифов и мифических преданий (история: древняя, византийская, западноевропейская и русская; сведения по географии, естественной истории). Существенное отличие: хроники — переработка чужого материала, преимущественно византийского; хронографы в значительной степени пользуются собственным материалом; события русской истории, в хрониках обычно отсутствующие, в хронографах, наоборот, выступают на передний план. До самого конца XVII ст. хронографы заменяли историческую литературу и даже еще в XVIII в., где-нибудь в захолустном углу, охотно переписывались и находили благодарных читателей. Ни один хронограф, в полном его составе, не увидел печатного станка. Большинство хронографов относится к XVII в.; для нашего периода имеются всего лишь два, и дошел из них один второй:

1. Хронограф 1442 г. Его составлял Пахомий Логофет, ученый серб, прибывший в Россию при Василии Темном и «занимающий столь видное и заслуженное место в истории нашей словесности» (Шахматов).

2. Русский хронограф 1512 г., позднейшая переработка хронографа 1442 г.; изложение событий от сотворения мира до взятия Константинополя турками: а) Библейская история (очень обстоятельная); б) Троянская война; переселение Энея в Италию; история Римская (все довольно кратко); в) Жизнь Иисуса Христа; императорский Рим (тоже без больших подробностей); г) Византийская история (очень подробная); д) Русская история (изложена тоже подробно). События русские в хронологическом порядке, в чередовании с византийскими и сербско-болгарскими.

IV. ГОСУДАРЬ РОДОСЛОВЕЦ

Список придворных чинов; целью его было показать, сколько потомков царственных фамилий (царей татарских), владетельных князей (удельных) и знатных иностранных родов (выходцев из-за границы) служит русскому государю. Составлен около 1555 г.

Путешествия

«Хождение за три моря» Афанасия Никитина (най-дено Карамзиным в библиотеке Троицкой лавры). Предмет описания — Азиатская Индия. Автор, купец из Твери, ездил туда по торговым делам (1466—1472). Путь его лежал через «три моря»: Каспийское, Индейское (океан) и (на обратном пути) Черное. Никитин — умный, наблюдательный путешественник; его сообщения деловиты и содержательны; поставленный в выгодные для наблюдения условия, он сумел подметить много такого, что обыкновенно ускользает от путешественников, не сблизившихся с туземцами. По сравнению с западноевропейскими путешественниками XV и XVI ст., «Никитин превосходит весьма многих беспристрастием, наблюдательностью и толковостью; трезвость, отличающая все его сообщения, и верность наблюдения дают право сравнивать его заметки с самыми выдающимися из старинных путешествий» (Минаев). Никитин ездил в Индию в эпоху «великих географических открытий»; он побывал там раньше Васко да Гама (1498), первого европейца, добравшегося туда сплошным морским путем. Предшественников в описании Индии из европейцев у Никитина только один — Николо ди Конти (1444), но по обилию и содержательности сообщаемых сведений за нашим Никитиным надлежит признать первое место.

Т Е М ы О Б Щ Е С Т В Е Н Н ы е

С некоторыми произведениями на эти темы мы уже знакомы: «Просветитель» Иосифа Волоцкого посвящен изобличению ереси жидовствующих; «Послание заволжских старцев», приписываемое Вассиану Косому, написано в защиту еретиков; его же большое сочинение, без особого заглавия, обозначаемое по отдельным частям его: «Предисловие» и три «Слова» — против Иосифа Волоцкого. В своем «Уставе скитского жития» и в «Посланиях» Нил Сорский знакомит нас со своими мыслями о нестяжательстве, рисует своеобразный тип монашеской жизни — пустыньку. Слова и послания Максима Грека направлены или против суеверий и предрассудков, или в опровержение апокрифов, вообще ложных ходячих мнений; сторонник нестяжательства, знаменитый Святгорец полемизирует с иосифлянами. Наконец, «Соборник» митрополита Даниила и длинный ряд других «слов», «поучений», «наказов», «грамот» вышел

из-под его пера в обличение пороков современного ему общества, мирян и духовенства.

В царствование Ивана Грозного инок Зиновий Отенский выступает с двумя полемическими трудами (второе только приписывается ему), всецело направленными против ереси Федора Башкина: «Истины показание к вопросившим о новом учении» и «Многословное послание на зломудрие Косого». Попу Сильвестру приписывается одно «Послание» к царю Ивану, составленное в первые годы после его коронования (1547—1551), об искоренении содомского блуда, ставшего в ту пору довольно обычным явлением в высших кругах монашеского духовенства. ¹ «Повесть о чародействе» обращена тоже к Грозному, но она более позднего времени; тема ее: гибельность чародейства для царей вообще — намек на самого царя, который, боясь чародейства, в то же время искал его и готов был прибегнуть к его силам.

Сам Иван пишет свое знаменитое «Послание к Козьме, игумену Кирилло-Белозерского монастыря» 1573 г., в сильных и резких выражениях обличает монашескую братию в маломоральной жизни, в постоянном нарушении монастырского устава, пример чему, оказывается, подавали главным образом бояре, насильственно постриженные царем и не желавшие отстать от мирских привычек (излишество в пище и питье). «Вы дали обет быть братией: а Шереметев как вас назовет братией? У него и последний холоп в келье ест лучше братии, которая в трапезе вкушает! Ныне у вас Шереметев сидит в келье что царь, и Хабаров к нему приходит с другими чернецами да едят и пьют, что в миру; а Шереметев, невесть со свадьбы, невесть с родин, рассылает по кельям постилы и коврижки, и другие пряные составные овощи, а за монастырем двор, а на нем всякие годовые запасы, а вы молчите о таком великом пагубном монастырском бесчинии. А другие говорят, будто и вино горячее приносили потихоньку в келью к Шереметеву. В монастырях не только что горячее, и фряжские вина — зазор: это ли путь спасения? Это ли иноческое пребывание?»

Примечание. Иван Грозный мог бы указать на прецеденты. Зиновий Отенский саркастически описывал образ жизни князя-инока Вассиана Косого (Патрикеева), тоже, как и Ше-

¹ См. Приложения. № 35: Об авторе «Послания к царю Ивану Васильевичу».

реметев, не по доброй воле постриженного и заключенного в Симонов монастырь: «Не изволи же Вассиан брашна Симоновского ясти: хлеба ржаного и варения, еже от листвия капустного... и монастырского пива очистительного желудку не пияше. Ядяше же мних Вассиан приносимое ему брашно от трапезы великого князя, хлебы пшеничны, чисты, крупичаты и прочая брашка зело желаемая и многопестротне застрояемая... яже от рыб и масла, и молока, и яиц. И благоговейный мних Вассиан... пияше же нестяжательный романию, бастр, мушкатель, ренское белое вино» (Истины показание, слово 45-е).

«Но Грозный обходит вопрос о причинах несоответствия жизни монахов с монашеским идеалом, так как чувствует, что в этих причинах является участником и он сам, ссылавший в монастырь опальных бояр, являвшихся развратителями монашества. Грозный не упоминает о том, что монашество тогда только будет истинным, тогда только будет соответствовать своему назначению, когда оно будет добровольным, а не насильственным. На идеал монашества Грозный смотрит как типичный представитель консервативного направления, с внешней стороны: он говорит о послушании монахов, об обетах, исполнении предписаний устава и т. п. Дальше поверхности темы о жизни монаха он не идет» (Сперанский, 149).

ДОМОСТРОЙ

«Домострой» — один из любопытнейших литературных памятников XVI в. Обыкновенно его приписывают (если не в целом, то в отдельной его части) перу знаменитого попа Сильвестра, хотя некоторые ученые и готовы оспаривать его авторство. Первоначальный взгляд на «Домострой» как на картину русской действительности, как на отражение русского быта, оставлен; теперь большинство видит в нем произведение не описательное, а поучительное: цель автора познакомить своего читателя не с тем, что есть, а с тем, что, по его мнению, желательно было бы видеть осуществленным в жизни.

По духу «Домострой» сродни Четьи-Минеям митрополита Макария, Степенной книге, Стоглаву, «Истории» князя Курбского, «Посланию» Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь. Подобно первым трем памятникам нашей литературы, Домострой подводит итоги той работы, что проделала русская

мысль в области семейных и общественных отношений; подобно Курбскому и Грозному, взгляд автора обращен не вперед, а назад, и намерение исправить «поисшатавшуюся старину» вызвано не заботой или желанием освежить, обновить ее, а мыслью о восстановлении ее в прежнем виде. Боярский идеал Курбского уже отживал свой век; методы, предлагаемые Грозным для исправления монашеского жития, уже неоднократно доказывали свою непригодность. Столь же консервативно хотел заморозить и «Домострой» сложившийся к середине XVI в. строй семейной и общественный. Он далек от мысли усовершенствовать его.

Содержание «Домостроя» можно разбить на пять отделов: 1. како веровати; 2. как царя чтити и вообще светскую власть; 3. как чтити святительский и вообще духовный чин или духовную власть; 4. как жити в миру, или наказ с мирском строении; и 5. хозяйственный, экономический наказ о домовом строении» (*Забелин. Царицы*, 41). Таким образом, Бог, государство, церковь, общество и семья — вот пять звеньев одной цепи, тесно, органически связанных между собой. Церковь и государство служат образцом семье: как церковь не может допустить никаких отступлений от своих предначертаний; как верховная власть есть власть самодержавная, безапелляционная, — так и семья строится на незыблемом авторитете домовладыки; и как государство поглощает все классы общества, все отдельные организмы, живущие под его опекой и управлением, — так и домовладыка поглощает в себе семью. И подобно тому как к середине XVI ст. завершалось развитие форм самодержавной, централизованной монархии с ее попечительным надзором за деятельностью общества и его отдельных групп, с правом распоряжаться личностью и ее имуществом, так «совершенно аналогичную точку зрения устанавливает „Домострой“ по отношению к семье, распространяя государственную регламентацию на самую интимную область общежития, область супружеских и родительских чувств», подчиняя каждый шаг члена семьи верховной воле домовладыки (Кизеветтер; Сперанский).

«Домострой» поучал житейской мудрости, понимая ее в духе своего времени, которое во многом смешивало форму с содержанием, чаще всего довольствуясь ею одной и мало вникая в то, чему она служила внешним выражением. Кротость, терпение и другие христианские добродетели для «Домостроя» не цель сама по себе, а средство для приобретения житейских выгод и материальной пользы. «Предписывая уступчивость,

уклонение от вражды, и основываясь при этом, по-видимому, на христианской заповеди, Сильвестр доходит до того, что предписывает человекоугодничество, столь противное христианству: „Ударь своего, хотя бы он и прав был: этим брань утолишь, убытка и вражды избудешь”. Вот следствие того, что христианство понято не в духе, а в плоти! Сильвестр считает добрым делом освободить рабов, хвалится, что у него все домочадцы свободные, живут по своей воле, и в то же время считает позволненным бить домочадца, хотя бы он и справедлив был: хочет исполнить форму, а духа не понимает; не понимает, что христианство, учение божественное и вечное, не имеет дела с формами преходящими, действует на дух, на его очищение и посредством этого очищения действует уже и на улучшение форм» (Соловьев, ИР, VII, 228).

ТЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКИЕ

Темы политического содержания не всегда трактовались изолированно. Свой взгляд на божественное происхождение царской власти, допускающий, одновременно, возможность царю превратиться в «мучителя» и «слугу дьявола», Иосиф Волоцкий высказывает в «Просветителе» и некоторых отдельных посланиях, равно и его ученик и последователь, митрополит Даниил высказывается на тему о почитании властей, пользуясь своими обличениями общественных нравов. Зиновий Отенский в двух вышеупомянутых сочинениях, изобличая ересь Башкина, одновременно опровергает и его тезис, будто земные власти созданы не Богом, а развращенным человеческим преданием, и, напомнив известные слова апостола Павла о повиновении властям, добавляет: «Царь бо есть верх и глава иже на земли человеком всем».

Пересветов

Иван (Ивашка) Пересветов, выезджий из Литвы, один из первых русских публицистов. Его сочинения писаны в период 1546—1551 гг. Главнейшие из них: 1. «Сказание о Петре, волоском воеводе, как писал похвалу благоверному царю и

¹ См. Приложения. № 36: «Кто был автором Домостроя и в чем его основная идея?»

великому князю Ивану Васильевичу всея Руси» (в другой редакции оно носит название «Челобитной царю Ивану Васильевичу»); 2. «Сказание о Магмете-салтане»; 3. «Сказание о царе Константине»; 4. «Сказание о книгах»; 5. «Предсказания философов и докторов».

Сочинения Пересветова посвящены наболевшим вопросам дня. Царствует неправый суд, произвол; существует рабство; в основу государственного строя должна быть заложена правда, а между тем если в царстве Московском и есть добрая христианская вера, если церковь и блещит своей красотой, то Правды в нем нет! А без Правды непрочен и сам организм государственный. Вон, например, греки: они и Евангелие читали, а правды Божией не блюли и за то попали в неволю турецкую.

Как же достигнуть этой Правды? Первым условием ее — полная независимость царской власти от бояр. В тесной связи с этой мыслью находятся и реформы, предлагаемые Пересветовым: улучшение администрации и суда; отмена кормления; пересмотр Судебника 1497 г.; удовлетворение нужд военнослужилого класса — опереться на них, в противовес боярству, и советует Пересветов царю. Шестилетнее пребывание автора в Польше отразилось на его советах Грозному относительно реформы финансовой: жгучий вопрос о том, как обеспечить государственной казне постоянный приток денег, который позволил бы содержать большое, сильное войско, служил в ту пору предметом забот и разного рода соображений польского правительства.

Пересветов проявляет большой интерес к порядкам Турецкой империи. Турция в ту пору достигла высшей степени могущества, была грозой почти для всей Европы — на сильную власть султана Пересветов постоянно указывает как на пример, достойный подражания. Образцом идеального правителя ему служит Магомет II, завоеватель Константинополя: человек железной воли, грозный и справедливый, он каждому воздавал по заслугам, заботился о благе своих подданных и не отступал перед самыми жестокими наказаниями провинившихся.

Царь, говорит Пересветов, должен быть грозен и мудр. «Как конь под царем — без узды, так и царство без грозы». Царь должен править независимо, не слушая советов вельмож: вельможи ведут страну к гибели; они служат своему государю верой и правдой: крест целуют, а потом изменяют. Чтобы «укоротить» своего царя, они прибегают к ворожбе и чародействам, стараются «уловить» его, подчинить своей воле. Лихоимства и неправедный суд разоряют одних, ведут к нечистому обогащению других. Если дальше так пойдет — Московскому царству грозит гибель,

одобная той, что постигла царство Греческое. Спасение — в еограниченной власти, в том, чтобы она не «укорачивалась», огла охранять правду и справедливость. На кого же должен пираться царь? Военнослужилые люди — вот самая надежная пора и лично ему, и всему государству; чтобы сделать этих юдей верными слугами, необходимо при выборе руководиться е родовитостью, а личными достоинствами. Строгая дисциплина должна идти руку об руку с щедрым вознаграждением а подвиги и службу.

«Государство с неограниченной, грозной царской властью, пиравшейся на верных слуг, воинов и чиновников, — таков деал Пересветова — идеал совершенно новый, до тех пор у ас неизвестный, резко выделяющийся на фоне удельно-отчинных пережитков. Замена боярства дворянством, совервившаяся к концу XVI в., и неудачная попытка произвести эту замену, выразившаяся в знаменитой опричнине Грозного, — чрезвычайно соответствовали идеям Пересветова» (Ржига, 53).

Имеются основания думать, что сочинения Пересветова дошли до царя Ивана и были ему известны. Если царь действительно читал их, то, несомненно, с полным сочувствием: он нашел в них отражение своих собственных мыслей. В пору появления сочинений Пересветова эти мысли еще не вполне сложились и выяснились ему — Пересветов помог им определиться более отчетливо. Конечно, не он привел Грозному его идеал самодержавной, «грозной» власти; бояре и без него стали бы в глазах царя закоренелыми врагами, но сочинения Пересветова укрепляли Ивана в его мыслях, оправдывали их, — и в этом их не только литературное, но и историческое значение.

«Беседа»

«Беседа преподобных Сергия и Германа, валаамских чудо[^]творцев» неизвестного автора написана около 1554 г. Ее точка зрения диаметрально противоположна пересветовской: мудрый царь тот, кто постоянно держит подле себя разумных воевод и воинов, не разлучается с ними; кто «с бояры и с ближними приятели о всем советуется накрепко», ежегодно собирает «всяких людей» от всех городов и уездов и обсуждает совместно с ними «про всякое дело мира сего». Пересветов и «Беседа» — это первое издание тех мыслей и положений, что вскоре найдут свое выражение в желчной полемике Грозного с князем Курбским о прерогативах царской власти, о правах и обязанностях бояр.

Князь Курбский

Князь Андрей Михайлович Курбский (1528—1583) написал в изгнании (в 1575—1578 гг.) «Историю князя великого Московского» — изложение событий царствования Ивана Грозного, доведенное до 1573 г. Это сочинение не столько история, сколько политический памфлет и обвинение, брошенное «новоявленному зверю». Написанное страстным, негодующим пером, оно изображает Грозного извергом и тираном. Страница за страницей перечисляет автор «Кроновы (т. е. кровавые)» жертвы царя, описывая мучения, каким подвергались они. Курбский выступает в своей «Истории» представителем интересов бояр и княжат, противником самовластия, сторонником синклита, участия бояр в управлении и законодательстве. Царь, конечно, глава во всем, но он должен «любить» своих советников — без боярского совета не может быть мудрого управления государством. Кроме синклита необходим и совет «всенародных человек» (земский собор).

Вот почему все шло хорошо, когда царь слушался мудрых указаний «блаженного» Сильвестра, окружил себя «избранной радой», держал подле себя «благородного юношу» Алексея Адашева — и все пошло плохо, когда он удалил их и, «напився от окаянных, со сладостным ласканием смешанного, смертоносного яду, и сам, лукавства, пачеже глупости, наполнился» (70), воздвиг гонение «воистину неслыханное не токмо в Русской земле», но и «у древних поганских царей» (79).

2. Те же гневные, злобные строки читаем мы и в четырех письмах Курбского к самому царю Ивану, посланных из Литвы (в 1564, 1577, 1579 гг.):

«Прочто, царю, сильных во Израили побил еси? и воевод, от Бога данных ти, различным смертем предал еси? и победоносную, святую кровь их во церквах Божиих, во владыческих торжествах пролиал еси? и мученическими их кровьями праги церковные обагрил еси?¹ и на доброхотных твоих и душу за тя полагающих неслыханные мучения, и гонения, и смерти умыслил

Курбский, конечно, имеет в виду описанное им же самим в его «Истории» (гл. VI) убийство князя Михаила Репнина в церкви, за всеобщей, когда царь приказал «заклати его, близу самого алтаря стояща, аки агнца Божия неповинного. И тое же ноши убити повелел синклита своего князя Юрья, глаголемого Кашина, также ко церкви грядуща на молитву утреннюю: и заклан на самом празе церковном, и наполниша помост церковный весь кровию его святой» (81).

еси, изменами и чародействы и иными неподобными оболгаючи православных, и тщася со усердием свет во тьму прелогати и сладкое горько проливати? Что провинили перед тобой, о царю, и чим прогневали тя христианские предстатели? Не прегордые ли царства разорили и подручных во всем тебе сотворили, мужеством храбрости их, у них же прежде в работе быша прастцы наши? Не претвердые ли грады германские тщанием разума их от Бога тебе даны бысть? Сия ли нам бедным воздал еси, всеродно погубляя нас? Или бессмертен, царю, мнишишь? Иль в небытную ересь прельщен, аки не хотя уже предстати неумытному Судии, богонаначальному Иисусу?.. Он есть Христос мой, сидящий на престоле херувимском, одесную Силы владычества во превысоких, судитель между тобой и мной» (132).

Курбский обвинял царя в несправедливых убийствах, в осквернении храмов, в черной неблагодарности: люди дали ему возможность покорить тех, у кого раньше предки наши пребывали в горькой неволе (завоевание Казани и Астрахани), победоносно ройтись по краю Ливонскому, а чем отплатил он¹ им за это? вет превратил во тьму, сладкое сделал горьким!..

Иван Грозный

Такого рода обвинения, брошенные прямо в лицо, задели царя за живое; он был оскорблен и как человек, и, еще более, как государь, небывалым поступком своего «холопа». Он пишет Курбскому два письма, одно на первое его послание (1564), другое — по собственному почину (1577); из них первое, по своим размерам целый обширный трактат, является одним из замечательнейших литературных памятников и исторических документов русской истории XVI в.: это сочетание бурных нападок, язвительных насмешек и самозащиты, глубокой уверенности в правоте своих действий.

Самодержавство русских государей (пишет Иван) досталось нам по преемству от Владимира Святого, царства своего мы ни у кого не отнимали и ради приобретения его единоплеменной кровью себя не обагрjali, «но Божиим изволением и прародителей и родителей своих благословением, яко же родихомся в царствии, тако и возрастохом и воцарихомся Божиим велением,

¹ См. Приложения. № 37: «Кн. Андрей Курбский. Суд истории».

и родителей своих благословением свое взяхом, а не чужее восхитихом». Русские самодержцы не то что другие государи, несвободные в своих действиях: там государством владеют не они, а их подданные; «как им повелят работные их, тако и владеют».

А по-твоему, в том и нечестие, что мы сами владеем свыше данной нам властью? что не захотели быть под властью вашего попа?.., передать управление злодеям-изменникам, а самому быть у них в подчинении?.. Греки погубили свое царство именно потому, что у них не было настоящих самодержцев — такой ли гибели желать и царству Московскому? И может ли называться самодержцем тот, кто не сам устроает?

«Или мниши сие быти светлость благочестивая, еже обладатися царству от попа невежи, от злодейственных, изменных человек, и царю повелеваему быти?.. Нигде же бо обрящещи, иже не разоритися царству, еже от попов владому. Ты же убо почто ревнуеши? иже во Гречех царствие погубивших и турком повинувшихся? сию убо погибель и нам советуеши?.. Ибо убо сие светло, попу и прегордым, лукавым рабом владети, царю же токмо председанием и царствия честию почтенну быти, властью же ни чим же лучше быти раба? А се ли тьма, яко царю содержати повеленная? Како же и самодержец наречется, аже не сам строит?.. (Нет, продолжает царь развивать свою мысль) Земля правится Божиим милосердием, и Пречистыя Богородицы милостию, и всех святых молитвами, и родителей наших благословением, и последи нами, государи своими, а не судьями и воеводы, и еже ипаты и стратиги».

Грозный с негодованием отвергает обвинение Курбского, будто он своих воевод уморил и «победоносную их святую кровь в церквах Божиих» пролил и «мученическими кровьями праги церковные» обагрил, подверг неслыханным мукам, смерти и гонениям, обвинив в измене и чародействах; а если некоторых воевод он и, действительно, предал казни, то (добавляет Иван) у нас Божиею помощью воевод еще много «и опричь вас, изменников. А жаловати есмя своих холопов вольны, а и казнити вольны ж есмя». А что вспомнил ты об измене и чародействах, то «таких собак везде казнят».

Воспоминание о Сильвестре выводит царя из душевного равновесия: этот поп сдружился с Алексеем, вошел с ним в тайный стовор, «мневше нас не рассудных суща»; распустил вас, бояр, поставил чуть не наравне с нами, «молодых же детей

зоярских с вами честью подобяще»; ввел в синклит своего [тиномышленника, князя Дмитрия Курлятева, и

«ни единые власти не оставиша, идеже свои угодники не поставиша, и тако во всем свое хотение улучиша. Посем же с тем своим единомысленником от прародителей наших данную нам власть от нас отыща, еже вам бояром нашим по нашему жалованью честь пред сед ания почтенным быти; сия убо вся во своей власти и в вашей положиша, яко же вам годе, и яко же кто како восхощет: потому же утвердися дружбами, и вся властию всей своей воле имый, ничто же от нас пытая, аки весть нас вся строения и утверждения по своей воле и своих советников хотению творяще. Нам же что аще и благо советующе, сия вся непотребно им учинихомся; они же аще что и строптиво и развращенно советоваху, но сия вся благо творяху... Вся не по своей воле бяху, но по их хотению творяхуся; нам же аки младенцем пребывающим».

Жгучее чувство обиды при воспоминании о том, как в юлодые его годы обращались с ним — великим государем-самодержцем! — точно с малым ребенком, глубоко запало в гушу Ивана, и тринадцать лет спустя, в новом письме к князю Сурбскому, он снова бросает ему тот же упрек:

«И паче вы растленны, что не токмо повинны хостесте мне быти и послушны, но и мной владеете, и всю власть с меня сияете, и сами государилися, как хотели, а с меня все государство сняли; словом аз бых государь, а делом ничего не владел (137, 141, 149, 157, 163, 164, 195).

Ж. ПРОВЕЩЕНИЕ

Невежество народное

В течение периода 1462—1613 гг. просвещение в массе народной не сделало больших успехов. Понятия о явлениях природы, об окружающем мире по-прежнему были искаженные, далекие от истины; знание современной жизни так же бедно реальным содержанием, а историческое прошлое так же смутно и неясно. Точное знание, основанное на фактическом, реальном материале, с трудом пробивало себе дорогу; сказочное, явно нелепое еще не стало «явным» и в среде большинства еще

пользовалось всеобщим признанием. По-прежнему верили в сказку о том, что маленькая птичка научила Адама и Еву похоронить Авеля; и не сделай она этого, еще долгие годы стояли бы они над трупом своего сына; по-прежнему верили, что хмель сотворен не Богом, а дьяволом; что Адам письменно обязался дьяволу вечно работать на него; что по воскресении Иисуса Христа солнце на радостях не заходило целую неделю. Время, казалось, несколько не ослабило народного двоеверия. Напрасно Стоглавый собор старался (см. выше) искоренить поверье, будто святая Параскева-Пятница наложила запрет бабам заниматься по средам и пятницам ручным делом и ночью обходит избы, проверяя, кто исполняет, кто нет ее наказ; в великий четверток попы по-прежнему клали под церковный престол соль и держали ее там семь недель, применяя потом как верное лекарственное средство.

В большом ходу были всякого рода суеверные и гадательные книги: «Альманах», «Шестокрыл», «Рафли», «Воронограй»: по ним вычисляли, какие часы, дни, недели и годы приносят счастье, какие — несчастье; учились заговорам; определяли судьбу человека по звездам. «Аристотелевы Врата» (написанные якобы Аристотелем для Александра Великого) поучали, как управлять народами, как выбирать сановников, вести войну, как узнавать по наружному виду нравы и характер людей.

Однако «Воронограй» и другие подобные ему книги свидетельствовали не об одном невежестве народном: они говорили также и об умственных запросах читателей этих книг, о стремлении невежественного ума выйти из состояния своего неведения, проникнуть в скрытую от него тайну, добраться до истины. Обладал ли он необходимыми для этого средствами?

Школьное образование

1. Вот какую картину рисует в послании к митрополиту Симону (1495—1511) новгородский архиепископ Геннадий (1485—1504), тот самый, что перевел полную Библию: «Приведут ко мне мужика на посвящение, я велю дать ему Апостол читать, а он и ступить по нем не умеет; дам Псалтирь — он и по тому еле бредет. Откажусь посылать его, а они жалуются: „Уж такая земля у нас, господине, не в силах мы достать такого, кто бы в грамоте горазд был“. Просят меня, прикажи учить. Я и прикажу учить ектенью, а он и слов в толк взять не умеет: говоришь ему это, а он совсем иное; велю им азбуку учить, а они поучатся немножко, да и просятся домой, не

хотят учиться; а если кто и учится, так не из усердия, и долго тянут свое учение. Меня бранят за их нерадение, а моей силы, право, нет». Точно так и те, кто учится у мастеров — все равно без пользы: условленную плату за ученье возьмут, а кончится ученье, смотришь, ученик «ничего не умеет, едва по книге бредет, а церковного устава совсем не знает» (Акты Ист., I, № 104, пересказ Макария?).

«Все наши пастыри не только сельские, но и городские, были едва грамотные, малообразованные или вовсе необразованные и круглые невежды: они не понимали как следует ни той веры, которой должны были учить народ, ни священнодействий, которые должны были совершать, ни уставов и узаконений церкви, ни самой важности своего пастырского служения» (Макарий, VIII, 337). Иные до того плохо разбирались в содержании произносимых молитв или церковных возгласов, что, например, крестили детей «в три Отцы, и в три Сыны и в три Духы».

2. Стоглавый собор. С течением времени положение дела, по-видимому, стало еще хуже. На Стоглавом соборе собравшиеся жаловались: «Учиться негде; а прежде в Москве, Новгороде и по другим городам много училищ бывало, писать, петь и читать учили, и грамоте гораздых тогда много было; бывали певцы, чтецы и доброписцы славные по всей земле». Собор принял было меры к заведению училищ, поручил «протопопам и старейшим священникам» озаботиться первоначальным обучением детей, «сколько сами умеют», но результатов больших не достигли: надлежащих мер для выполнения этого предписания принято не было: ограничились, да и то главным образом в одной лишь столице, заведением «кое-каких» школ, где, по свидетельству Антония Поссевина (1581), ученье не шло далее чтения и письма.

Просветительные центры

1. Монастыри вообще. Просветительными центрами и в этот период оставались по-прежнему монастыри. Особенно Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский, Соловецкий, Волоколамский, Андрониевский под Москвой, Чудов в Московском Кремле. Со времени Сергия Радонежского и его друга Кирилла Белозерского многие монастыри стали особенную заботу прилагать к переписыванию книг, к составлению библиотек. Это стало как бы духовным завещанием названных двух святителей. Особенно богат книгами был «Дом святого Сергия», что придало

ему «значение крупного культурного центра в Московском государстве» (Кедров). Монастыри стали «литературной фабрикой» — *officina litterarum*: мысль выковывалась здесь в литературную форму; здесь писались послания, поучения, составлялись жития святых, велась литературная полемика с ересями; монастырской среде обязано большинство и тех публицистических или политических трактатов, которые народились за это время. Из монастырей вышли все именные пастыри церкви. Наконец, здесь же, в монастырях, выработали и воспитали свой литературный талант и проповеднический пафос, ревность по вере и церкви, свои политические и общественные убеждения наиболее знаменитые писатели эпохи: архиепископ Геннадий, митрополиты Даниил, Макарий; Паисий Ярославов, Нил Сорский, Иосиф Волоцкий, Зиновий Отенский; здесь жили, вольно или невольно, Пахомий Логофет, старец Филофей, князь-инок Вассиан Патрикеев, неизвестный автор «Инаго Сказания», Авраамий Палицын — все те, чьими произведениями преимущественно характеризуется оригинальная русская литература за 1462—1613 гг. Вообще монастыри явились «великим рычагом интеллектуального пробуждения народной массы» (Костомаров).

2. Кирилло-Белозерский монастырь в частности. К концу XV в. книжные сокровища Кирилло-Белозерского монастыря численностью уступали разве одному Троице-Сергиеву монастырю (там число книг в это время насчитывалось 300 — цифра очень внушительная для того времени. Сравните библиотеку великого князя литовского Сигизмунда I: в 1510 г. там было всего 78 названий в 99 томах, как рукописных, так и печатных). «В XV в. Кирилло-Белозерский монастырь был центром духовного просвещения Северной России. Трудно теперь составить себе понятие о тех книжных богатствах, которые там находились. Недаром этот монастырь и до сих пор так дорог нашим раскольникам. Здесь сохранились сокровища древней русской литературы и даже древней русской иконописи. Уже в конце XV в. монахи Кирилло-Белозерского монастыря почувствовали необходимость сделать описание своих книжных сокровищ, и результатом этого описания явилось первое по времени, а может быть, и по качеству библиографическое описание памятников Древней Руси. Образованные монахи живо интересовались тогдашними литературными вопросами, умели отличить сборник дорогой от ничтожного. Эти первые русские библиографы XV в. употребляли прием, который позднее вошел в общее употребление среди знаменитых европейских ученых XVI и XVII столетий» (Тихонравов), каковы, например, Ламбеций, Монфо-

кон, Гардт, Бандини, Маттеи и другие. Это показывает, что «мы меем дело не с обычным каталогизатором монастырских библиотек, а с исполнителем выдающегося для своего времени руда» (Никольский). Согласно упомянутой описи, в Кирилло-елозерском монастыре числилось в то время 212 книг.

Геннадиева Библия

1. Значение Библии. В наше время довольно трудно федставить себе, какое громадное значение для людей XV—[VI] вв. имела возможность пользоваться полным текстом Библии, иметь его под рукой. На Библии, как на незыблемом фундаменте, зиждилась вера, вся жизнь христианина: в этой шиге он почерпал основы своей морали, общественности; по ней толковал свои обязанности к Богу и людям. При существовании разных вероисповеданий, каждое искало себе в ней оправдание и точку опоры, могло с большей уверенностью и пониманием дела отстаивать себя. Вот почему любая народность

Европе, принимая христианство, на первых же порах обзаводилась Священным Писанием.

2. Отсутствие в России полной Библии. У нас, в России, Библии как цельного сочинения (полного текста) на русском языке не существовало вплоть до конца XV ст. Давно был в ходу полный текст книг Нового Завета, но Ветхого Завета были лишь отдельные части, да и те не выделенные, а вперемежку с небиблейскими сочинениями рассованные по разным сборникам. Это то же самое, если бы современный писатель, печатая свои статьи в разных журналах и газетах, еще не успел собрать их вместе и выпустить в свет особой книгой — много ли лиц имели бы отчетливое представление о всем, им написанном? Такой пробел особенно почувствовался в конце XV в. в Новгороде, с появлением там ереси жидовствующих. Эта ересь, как бы ни судить о ней, заставила задуматься русских людей, внесла известное оживление в умственную жизнь тогдашнего общества, послужила толчком к самостоятельной работе народной мысли. Еретики сильны были своим образованием, знанием Священного Писания, особенно Ветхого Завета. В борьбе с жидовствующими православные, даже сам Геннадий, не имели под рукой всех необходимых им книг, не всегда находили нужную им точку опоры. Это и вызвало Геннадия на большое дело, которое далеко пережило ближайшие поставленные ему цели и оставило глубокий след в жизни ближайших поколений.

3. Что сделал Геннадий? Он составил полный перевод Библии на славяно-русский язык. Он: а) перевел заново книги, совсем отсутствовавшие на русском языке; б) всему собранию он придал литературную форму: расположил библейские книги в надлежащем порядке, каждую книгу снабдив объяснительным предисловием. Труд подобного рода был первым не только на Руси, но и во всем славянском мире; он лег в основу позднейшего богословского нашего образования, послужил исходным пунктом отправления при издании Острожской Библии 1581 г. и Московской 1663 г. (см. ниже).

4. Какой материал был у Геннадия под рукой для его работы? Отсутствие в Новгороде полного текста Библии на греческом языке вынудило Геннадия обратиться к латинской Вульгате, перевести из нее целиком до десяти книг¹, Предисловие к ней взять из той же Вульгаты и Немецкой Библии. Кроме того, книга Есфирь (окончание) переведена с Вульгаты, первые же девять глав взяты в более раннем переводе с еврейского. Помимо содержания, влияние Вульгаты отразилось и на внешнем облике Геннадиевой Библии: порядок расположения книг в ней такой же, как там; отсутствует Третья книга Маккавеев — ее нет и в Вульгате. Насколько трудно было переводчику справиться с латинским текстом и подыскать соответствующие слова и выражения, даже в Новгороде, покажут следующие примеры:

ab arce — переведено от арсе; contra castra — противу кастрас; lanugo — лануго; pro thorace — за торасе; diasimulas — диссимулас; disertus — дисертус; picturae — пиктуре и пр.

5. Сотрудники Геннадия: Дмитрий Герасимов; католический монах, доминиканец Вениамин, славянин-хорват. Сношения с Западом сказались на Геннадиевой Библии. Запад не только натолкнул на мысль, но и дал средства к ее осуществлению. Труд закончен, вероятно, в 1499 г.

6. Судьба Геннадиевой Библии. Труд Геннадия появился в эпоху, когда уже действовал типографский станок; но ни в ту пору, ни позже, когда в России появились собственные типографии, русским людям не по силам было напечатать эту Библию, что, конечно, значительно умаляло ее значение. Когда же это оказалось возможным (1663), то к тому времени Ген-

¹ «С Вульгаты были переведены книги Паралипоменона, три книги Ездры, книги Неемии, Товии, Юдифь, Премудрости Соломона, две книги Маккавейские и пропуски для книг Исаяи, Иеремии, Есфири и Притч» (Иконников Д. И. М. Грек, 33).

адиева Библия уже устарела, и ей основательно была предпочтена другая Библия, с другим текстом, более исправным и более близким к подлинному, — Библия Острожская (см. ниже, гл. XII).

Первые печатные книги

Первая типография в Московском государстве основана была в Москве в 1553 г.; Печатный Двор закончен постройкой в 1563 г.

1) Апостол. Москва, 1564.

2) Часослов. Москва, 1565.

Эти две книги — первенцы русской печати в Московском государстве. Их печатали Иван Федоров, дьякон церкви Николы Голстунского в Московском Кремле, и его товарищ по работе Петр Тимофеев Мстиславец (родом из города Мстиславля).

• Апостол» по изяществу «может равняться с лучшими, предшествовавшими ему славянскими изданиями типографий югославянских, даже венецианских, владевших типографскими способами несравненно большими» (Румянцев). Откуда такое удивительное совершенство в первой книге, казалось, без всякого предварительного опыта? «Московский Апостол печатан под смотрением копенгагенского уроженца Ганса» (Ровинский). А потом — был ли «Апостол» действительно первой книгой? Некоторые ученые находят основание думать, что в период 1553—1560 гг. были напечатаны: Псалтирь учительная (не дошла до нас) и Евангелие (дошло; оно напечатано без выходного листа, что не позволяет точно определить год издания). Кроме того существует другое Евангелие, тоже без выходного листа (Троицкая лавра) — его относят к 1565—1567 г.: это тоже работа дьякона Федорова и Мстиславца. Наконец, указывают еще на три книги, напечатанные в Москве в 1565 г. (если они и в самом деле были напечатаны, то во всяком случае утрачены): 1) Книга Григория Назианзина; 2) Беседы Иоанна Златоуста на послания ап. Павла; 3) текст мирного договора, заключенного в 1564 г. между Россией и Швецией.

3) Псалтирь. Москва, 1568; печатали Никифор Тарасьев и Андроник Невежа.

4) Псалтирь. Александровская Слобода, 1577.

С 1564 по 1611 г. насчитывается свыше 30 изданий московской печати.

В Смутное время типография (книгопечатные орудия, шрифты, гравировальные доски и т. п.) была уничтожена поляками

(1610—1612), и в царствование Михаила Федоровича книгопечатание пришлось восстанавливать заново.

Бумага в России первоначально была исключительно заграничного производства: XIV в. пользовался преимущественно итальянскими фабрикатами; XV и XVI вв. — бумагой французского изготовления; XVII в. — получали ее с фабрик французских и голландских. Собственные бумажные мельницы начались строиться в XVII в., но на правильную ногу дело поставлено было лишь с Петра Великого (заведенная было бумажная мельница при Иване Грозном выделяла бумагу столь негодную, что фабрику пришлось закрыть и продолжать выписывать бумагу заграничного производства).

3. ИСКУССТВО

1. АРХИТЕКТУРА

Прекращение уделов и возникновение Московского государства открыли новую полосу жизни и в русской архитектуре. Вызванные из Италии мастера (Аристотель Фиораванти, Пьетро Антонио Солари, Марко Руффо, Алевиз и др.) принесли с собой новые познания в строительной технике, новые архитектурные мотивы; старые византийские образцы постепенно вытеснялись, и художественному глазу русских мастеров открылись новые возможности и перспективы. Вместо белого камня начинают класть кирпич, более пригодный к кладке сводов; резьба (по камню) наружных стен заменяется терракотой; вводится новый элемент — карниз, придавший церковным сооружениям вид двухэтажного здания (Архангельский собор в Московском Кремле). С середины XVI ст. карниз — преобладающая черта московских храмов.

Новшества, привнесенные итальянцами, явились для русского зодчества толчком на пути самостоятельного творчества. Свержение татарского ига, объединение Руси уже сами по себе пробуждали народное самосознание. Став политическим центром, Москва привлекла к себе художественные силы из других областей и потому могла использовать архитектурные богатства не только иноземного, но и чисто русского происхождения. Хотя тип, выработанный в храмах Владимиро-Суздальского края и в Москве нашедший свое выражение в величественном Успенском соборе (4 внутренних столба, на них купол, пяти-

или одноглавье; три портала без всяких папертей; деление фасада на три части), отнюдь не затерялся (см. прекрасные образцы его: монастыри Новодевичий и Рождественский в Москве; Старицкий; Пятницкий близ Троицкой лавры; монументальный собор Спаса Преображения в Соловецком монастыре; церковь в с. Вяземах постройки Бориса Годунова), — однако, наряду со старой архитектурой, теперь возникает новая в виде так называемых «столпообразных» и «шатровых» храмов, — тип не византийский и не итальянский, но взявший себе за образец деревянные шатровые церкви русского Севера.

Столпообразные, иначе групповые храмы

В церквях этого типа, кроме главного придела, есть еще боковые, в виде отдельных, самостоятельных церквей, соединенных переходами с главной церковью; причем у каждой церкви, главной и придельной, имеется своя глава. Эти второстепенные главы жмутся около центральной, всегда более высокой, точно дети вокруг своей матери. Образцами таких групповых храмов могут служить:

1. Дьяковская церковь, 1531 г. (Усекновения главы Иоанна Предтечи в подмосковном селе Дьякове): 1 главный «столп» и 4 вокруг него. Это предтеча шатровых каменных церквей. Своим величавым видом она напоминает деревянные церкви Севера.

2. Василий Блаженный (церковь Покрова Богородицы) в Москве. Собор строили русские мастера Барма и Постник. Это не просто церковь, а связка десяти церквей, каждая со своим отдельным куполом: 4 купола повыше, 4 пониже, а девятый, в центре, выше всех остальных; те восемь в форме русской луковицы, а этот последний — в форме пирамиды. Купола соперничают между собой причудливостью изгибов, затейливостью внешней одежды, разнообразием ярких, кричащих красок. В пестроте этих красок чувствуется Восток. Однако, несмотря на всю изощренность своих линий и форм, в целом Василий Блаженный производит удивительно гармоничное впечатление. Это одно из наиболее оригинальных и самобытных проявлений русского народного творчества (см. сказанное выше, гл. VII, отд. «Завоевание Казани»).

Шатровые храмы

Церковь легко и стройно высится вверх; наружные стены образуют башню, которая на некоторой высоте переходит в

восьмигранный барабан, оканчивающийся высоким шатром в виде восьмигранной пирамиды. «По своей грузности шатер не мог появиться на тех основных столбах, на которых легко покоился купол Киева, Суздаля, Новгорода и ранней Москвы. Шатер требовал надежных опор, глухих внешних стен или таких комбинаций сводов и арок, которые передавали бы тяжесть шатра все тем же внешним стенам. Иначе говоря, шатер появился над церквами, не имеющими внутренних столбов» (Грабарь). Таковы, например:

1. Храм Вознесения в с. Коломенском, 1532 г. «Громадная художественная задача выполнена и решена: в камне передана национальная форма храма. Это новый одноглавый каменный памятник. С этого момента московские зодчие упоительно, один за другим, строят шатровые храмы, применяя к их украшению все щедрые дары искусства, собранные Москвой. Создана какая-то каменная гроза искусства бесконечной красоты и величественности, невиданной мощности: выражена народная душа, выхолившая в веках свой художественный образ. Прошли столетия с той поры, появились другие памятники и создания искусства, но они не затемнили, не покрыли собой чудесного каменного шатра Москвы и его ближайших соседей» (Евдокимов). «При сумеречном освещении, когда теряется различие в цветах окраски», родство Коломенского храма с северными деревянными шатровыми церквами выступает особенно сильно; кажется, будто это простой сколок с одной из них» (Грабарь). «В этой постройке есть что-то тоскливое и в то же самое время грозное и величественное, что отлично вяжется с тем далеким, унылым, типично русским пейзажем, среди которого она высится» (Ал. Бенуа). Церковь производила сильное впечатление на современников, людей XVI в.; они так отзывались о ней: «Вельми чудна красотой и лепотой, такова не бывала прежде сего на Руси».

2. Храм Спаса Преображения в с. Острове, под Москвой: строен при Иване Грозном. «Безымянный московский зодчий создал гениальный шатровый храм на берегу р. Москвы. Стройный, прямой, изящный, утонченно-прекрасный, непередаваемой красоты слабым человеческим языком, Преображенский храм есть величайшее достижение не только Москвы, но и всего нашего искусства, даже больше: мирового искусства. Весь в теремках-кокошниках, словно опоясанный легким летящим кружевом их, он удивителен, непостижим, глубоко таинствен и величав, как всякий другой редкий гениальный образ красоты» (Евдокимов).

3. Церковь Покрова в с. Медведково, близ Москвы, XVI—XVII в., с двухэтажной крытой галереей; девятиглавая, подобно Василию Блаженному.

II. живопись: иконопись

1. Направление, выраженное в творчестве Андрея Рублева (см. «Курс». Т. I), в течение еще всего XV в. оставалось преобладающим и на самом рубеже двух столетий (ок. 1500 г.) породило Дионисия Иконника, кисти которого мы обязаны теми фресками, что составляют украшение Ферапонтова монастыря (близ Белоозера), гордость и славу русского искусства. Дионисий — классик по совершенству форм, редкостному чувству меры в наложении линий и красок, в изображении поставленной себе темы. Его фрески посвящены прославлению Девы Марии; от них веет светлой радостью; они переносят зрителя в небесные сферы. Художник сумел, как настоящий артист, сочетать здоровый реализм с одухотворенностью фигур и строгой серьезностью сюжета (см. ниже: Памятники духовной культуры, отд. фрески).

XVI в., после Дионисия, отмечен уже новыми веяниями; живопись вступает на новый путь и при Иване Грозном ярко и выпукло вырабатывает новые формы, вкладывая в них и новое содержание.

2. В XVI в. Москва — это насос, выкачивающий культурные силы из Новгорода: одновременно с отливом литературных сил покидают старое насиженное место и силы художественные. Новгородская школа перестает существовать, и художественная деятельность замирает в Новгороде с такой быстротой, что в конце XVI ст. он сам вынужден выписывать себе иконы из Москвы и посылать туда за мастерами. Разгром 1570 г., произведенный Иваном Грозным; продолжительная война за Ливонию, превратившая Новгородскую и Псковскую области в театр военных действий; такое же положение, создавшееся для них и в Смутные годы, — довершили омертвление новгородского искусства.

3. В иконах и фресках предыдущего периода не было ничего драматичного; их назначение было служить воплощением чистой религиозной идеи; они бедны частностями; они сознательно избегают их; в них даже «частное» перестает быть частным, а оказывается необходимым дополнением и развитием главной мысли, вложенной в изображение. Икона XVI в., наоборот,

начинает повествовать (особенно сильно проявится это в XVII в.); ее интересуют именно частности, эпизоды из жизни святых; она старается передать обстановку события и потому теряет прежнюю отвлеченность.

4. Прежние иконы и фрески никогда не изображали действительности; дыхание жизни никогда не чувствовалось в них; они переносили вас в царство чистейшего идеализма; в них нет движения; в них все проникнуто одной идеей — идеей благороднейшей красоты. Теперь — стилизованные фигуры уступили место фигурам, взятым из реального, действительного мира. Это неизбежно внесло в живопись мотивы национальные. Появились иконы, где все действие разворачивается на фоне типично русских церковных стен, теремов и палат. В какие-нибудь 50 лет совершилось полное перерождение архитектуры в том виде, как она изображалась на русских иконах: нет более стилизованных ступенеобразных гор; нет одиноких деревьев, долженствующих изображать леса. Величественная простота прежних композиций сменилась сложным нагромождением форм. В то же время, своим изображением реальной обстановки, икона стала ценным историческим материалом для ознакомления с современным ей русским бытом.

5. Значит ли это, однако, что старая икона или фреска лишена была национальных черт? Нет, икона и фреска XIV и XV вв. — такие же произведения национального русского гения: их национальность именно в отсутствии у художественной идеи прямой связи с природой, в намеренном отрешении от действительности. Национальная особенность русской иконы или фрески XIV—XV вв. — в стремлении уйти из «мира», всецело погрузиться в мир идеальный, мысленный. Величественный вдохновенный образ русского Христа, конечно, не говорит нам ничего о лице русского человека, но он ярко и отчетливо рисует душу и мир идей человека — тоже русского.

6. На живописи XVI в. отразились также и влияния иноземные, пришедшие с Запада. После пожара 1547 г., спалившего чуть не весь Кремль, новгородские и псковские живописцы расписали, следуя указаниям знаменитого попа Сильвестра, по-новому Благовещенский собор и царские палаты, чем ввели, однако, в смущение думного дьяка Висковатого. Его религиозное чувство было задето резким отступлением от старой православной традиции, от церковных преданий введением символов при изображении отвлеченных понятий и, тем более, бесплотных существ... Нельзя, говорил Висковатый, писать Спасителя в ангельском образе, а Христа Распятого изображать в

зличных положениях тела; большой грех изображать Бога Отца старцем, «ветхим денми»: Его как невидимое божество вообще не подобает изображать в каком бы то ни было виде. Смушала Висковатого и сама сложность избранных тем, стоявших, действительно, в большом противоречии с тем, к чему приучила благочестивый глаз верующего человека скромная, одухотворенная кисть Андрея Рублева и его школы. В царской палате — продолжал указывать Висковатый — написан образ Спасителя и тут же, подле, изображена «жонка, спустя рукава», точно пляшет, а под ней подписано: «блужение, а иное ревность и иные глумления». Все это одно опасное «мудрование». Светские сюжеты вообще недопустимы, особенно символические: добродетели и пороки в виде женщин, тем более что внешностью своей они напоминают языческие изваяния. Однако собор 1554 г., специально созванный по делу Висковатого, признал его обвинения неправильными, а нововведения допустимыми.

7. Перемена наблюдается и в технике письма. Нет более легких воздушных линий, прежних нежных красок, которые придавали изображению такую небесную одухотворенность. Линии стали более «земными», тона ярче и грубее; резче выступает позолота; восточная пышность сменяет прежнюю простоту, часто даже бедность окружающей обстановки.

8. Техническая порча рисунка, невежественность в работе иконописцев вызвали соответственные меры Стоглавого собора: он предписал непременно держаться старых образцов (А. Рублев), установил надзор за иконописанием, запретил руководиться собственной фантазией и измышлением. В эти целях был выработан так называемый Иконописный подлинник — свод обязательных правил, с которыми должен был сообразоваться художник, принимаясь за работу. Такой подлинник составил, однако, не сразу: он вырабатывался постепенно; окончательная обработка его относится к началу XVIII ст. Лицевой подлинник — правила с пояснительными рисунками и образцами; Толковый подлинник — одни правила, без рисунков.

9. Строгановская школа иконописи — связующее звено между школой Новгородской и Московской. Время ее расцвета: 1580—1620 гг. Происхождение названия: значительное число икон этого типа вышло из мастерских, основанных

¹ См. Приложения. № 38: «Старовер или иконоборец был думный дьяк И. М. Висковатый?»

по мысли, при покровительстве и на средства именитых людей Строгановых. Особенности школы:

а) Богатые, сочные краски; любовь к интенсивной, красивой расцветке — черта новгородская.

б) Изящество пропорций и поз — черта тоже новгородская.

в) Строгановская школа любит «повествовать» — это черта московская; только «повествует» она не так увлекательно. Технически она совершенна, но формальная сторона преобладает в ней над всем остальным. Отсюда — ее сравнительная сухость, недостаток живописности.

г) Отсутствие гениальности заменяется долгим, самоотверженным трудом, изощренностью глаза, искусностью руки, богатством украшений — в этом полная противоположность с новгородскими иконами, где внешние приемы всегда на заднем плане.

III. ЖИВОПИСЬ: МИНИАТЮРА, ОРНАМЕНТ

1. Миниатюра. За это время она обычно служила иллюстрацией к тексту Священного Писания, житий или сборников светского содержания. Такие иллюстрированные тексты носили название *лицевых*. В них содержится обильный и ценный материал по истории русской живописи. Таковы, например, за период 1462—1613 гг. жития Бориса и Глеба, Николая Чудотворца, Сергия Радонежского, митрополита Алексея Чудотворца; Четвероевангелие 1507 г., Хождение апостола и евангелиста Иоанна, Сказание о Мамаевом побоище, Царственная книга, годуновская Псалтирь 1592 г. и др. Подробности см. ниже, в «Памятниках духовной культуры».

2. Орнамент. Как и в предыдущую эпоху (862—1462), на протяжении 1462—1613 гг. можно проследить тоже две последовательные смены:

1) Нововизантийский, или южнославянский орнамент: XV—XVI вв. Он сложился под влиянием сербо-болгарским, которое, как мы знаем, сильно сказывалось в ту пору и в литературе русской. Это старый геометрический орнамент, но значительно видоизмененный: преобладают круги и квадраты, а промежутки между ними «заполнены различными вавилонскими, стилизованными цветами и растениями».

2) Цветной, или травный орнамент: с конца XVI в. На этот раз он сложился под влиянием Западной

Европы. Простую линию, рисунок стали заменять живописью. «В орнаменте стараются брать предметы и изображать их так, как они встречаются в природе; цветы рисуют собранными в букеты, ставят их в вазы» (Сперанский). Этот орнамент проходит характерной чертой через весь XVII в.

IV. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЦЕРКОВНОЕ ШИТЬЕ

Художественное церковное шитье — это художественно расшитые шелками, шерстью или бумагой плащаницы, пелены, платы, воздухи. Такое шитье занесено на Русь из Византии; но у нас оно выработало формы более или менее самостоятельные: благородную простоту фигур, уверенность в орнаменте; светлые, радостные тона, как выражение просветленного духа, парящего над земным миром. Первые образцы русского шитья сохранились от конца XIV в. Позже, в XVI в., оно достигает высокой степени искусства по гармоническому сочетанию цветов, по глубине чувства, отражающегося на идеально прекрасных ликах, по силе драматизма, по умению передать божественность содержания. Образцы остались прежние, византийские, но более чем когда в национальной переработке. Еще позже, в XVII ст., характер шитья изменится: драгоценность материала, замена шелка золотом, серебром и жемчугом — эта тяжелая роскошь орнаментом и богатством убьет композицию и вытравит духовное содержание. Перечень главнейших образцов см. ниже, в «Памятниках духовной культуры».

V. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО. БЫЛИНЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

В домосковский период, мы видели («Курс». Т. I), возникли былины киевского и новгородского циклов; в эпоху Московского царства они не только не заглохли, но продолжали обрабатываться, восприняли новые элементы, отразившиеся, конечно, и на самом их содержании. Так, например, черты Ивана Грозного легли на облик Васьки Буслаева; сказочный элемент повести XVI в. «О Василии Златовласом, королевиче чешском», отразился на былине о Соловье Будимировиче. Кроме киевских и новгородских, появилась теперь новая былина — москов-

екая. По художественным достоинствам она неизмеримо ниже прежних. Московская былина возникла в пору упадка былиного творчества; самостоятельное творчество, видимо, в *щй* уже угасает; она чаще и чаще питается источниками книжными, в чем былина киевская и новгородская вовсе не нуждалась. Таковы былины об Иване Годиновиче, о царе Саламане и Василии Окуловиче и др. Чем дальше по времени, тем больше былина как таковая вытесняется исторической песней. Последняя зачалась еще во времена татарщины, но расцвет ее — эпоха Ивана Грозного.

ОТЛИЧИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕСНИ ОТ БЫЛИНЫ

1. Сравнительно с былиной, историческая песня есть как бы вторая ступень в развитии русского эпоса.

2. Историческая песня сложилась одновременно с тем, как сложилось великорусское племя, а вместе с ним и Московское государство. Она «есть прежде всего песня великорусская по преимуществу, затем песня Московской Руси как государства, поскольку последнее обнимало собой племя великорусское» (Сперанский).

3. Подобно былине, историческая песня вполне сохранила черты народные, но в своем сознании она больше, чем былина, отводит места историческому факту, больше придает ему значения.

4. Иной выбор сюжета: историческая песня предпочитает события не столько «народно-племенные», сколько «государственные» (Сперанский).

5. Иное отношение к сюжету:

а) Былина старается воздействовать на чувство и воображение слушателя, самый факт интересует ее мало; для исторической песни, наоборот, ценен прежде всего самый факт.

б) Былина объективнее, бесстрастнее; безымянный же автор исторической песни (т. е. тот же народ), излагая историческое событие, дает нам почувствовать, как сам он относится к нему: сочувствует ли или порицает, осмеивает или негодует.

Вследствие этого:

6. Былина поэтичнее, колоритнее; историческая песня — строже, суше по форме.

7. Былина волнует нас художественными образами; историческая песня — своим содержанием.

СЮЖЕТЫ ГЛАВНЕЙШИХ ПЕСЕН

А. Домосковский период. 1. Татарский царь Калина (еще с большой примесью чисто былинных элементов). 2. Михаил Казаринов (тоже). 3. Князь Роман Дмитриевич и жена его, Марья Юрьевна, взятая татарами в плен. 4. Щелкан Дудентьевич (историческое событие 1327 г.).

Б. Московский период. 1. «Взятие Казанского царства». 2. Смерть царицы Анастасии. 3. Женидьба Грозного (иначе: «Песня о Машрюке Темрюковиче»). 4. Покушение на убиение царевича. 5. Ермак и покорение Сибири. 6. Гришка Отрепьев. 7. Михаил Скопин-Шуйский.

В XVII ст. стали складываться песни казачьи, разбойничьи, солдатские. С Петра Великого историческая песня стала совсем замирать; впрочем, последние отголоски ее можно проследить еще и в XIX в.

ДОПОЛНЕНИЕ

НАИБОЛЕЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ В МОСКОВСКОЙ РУСИ 1462—1613 гг. (сохранившиеся)

/. Памятники вещественные

1. Грамота императора Максимилиана I к великому князю Василию III, 4 августа 1514 г.: в ней Василий назван «von Gottes Gnaden Kayser und Herscher aller Reussen»; подлинник, за собственноручной подписью, на пергаменте, с большой висячей золотой печатью (Москва, Гл. Арх. Мин. иностр. дел). Впоследствии (1718) Петр Великий ссылается на эту грамоту в доказательство того, что «первейший на свете» монарх еще в начале XVI в. признал за русскими государями право на титул императора. Грамота 1514 г., однако, не помешала Максимилиану четыре года спустя (1518) называть того же Василия (в русском переводе) просто «Наияснейший

начальник, господин Василий, Владимирский и Московский, великий князь и великий всея Руси начальник и государь, брат наш дражаший».

2. Пять писем великого князя Василия III — первые по времени дошедшие до нас в подлинниках письма русских государей (Москва. Гл. Арх. Мин. иностр. дел).

3. Царское место (трон Владимира Мономаха) в Московском Успенском соборе. См. о нем выше: «Литература политическая».

4. Первая русская гравюра на дереве: приложение к первой напечатанной в России книге «Апостол». М., 1564 (Древнейшая гравюра на Западе, в Германии, отпечатана была в 1423 г., еще до изобретения книгопечатания: она отпечатана от руки натуркой, без типографского станка).

5. Гравюра на 4 раскрашенных листах, с изображением посольства князя Сугорского и дьяка Арцыбашева, снаряженного Иваном Грозным в 1578 г. к императору Рудольфу II; изображает православное богослужение и процессию, несущую царские дары. Характерны одежды послов и их свиты (единственный полный экземпляр в музее города Висбадена — все четыре листа; неполный экземпляр в СПб. Публичной библиотеке. Но в той же библиотеке и в Моск. Гл. Арх. Мин. иностр. дел имеется по одному экземпляру фотографического снимка в натуральную величину). Пояснительные надписи на немецком языке, приложенные к висбаденскому экземпляру, воспроизведены в Р. Архиве, 1868 г., № 12.

6. Резной деревянный наперстный крест с частицами мощей, так называемый походный; по преданию, Троице-Сергиев монастырь послал его царю Ивану Грозному под Казань во время осады ее. Хранится в серебряном позолоченном ковчеге, украшенном резьбой и сканью (Кабинет Его Величества).

7. Вещи, принадлежавшие Ивану Грозному или членам его семьи, хранящиеся в Псково-Печерском монастыре: 1. Нож. 2. Ложка. 3. Вилка. 4. Кошелек под деньги. 5. Военная труба из жести. 6. Пороховница. 7. Серьги царицы Анастасии. 8. Перстень ее. 9. Серебряный ковш. 10. Цепь червонного золота, вклад царевича Ивана Ивановича. 11. Братина и кубок, пожертвованные царем Федором Ивановичем.

8. Царь-пушка. 120-пудовый дробовик (вес ядра) длиной 2 сажени, 3 фута, 9 дюймов; вес орудия 2 400 пудов; отливал эту пушку (1586) пушечный мастер Андрей Чохов (Москва. Кремль, перед зданием Оружейной палаты). «Дробовик сей, огромное из всех артиллерийских орудий, донныне известных

(писано в 1841 г.), получил в народе прозвание царь-пушки, вероятно, по своей необыкновенной величине, а может быть, и по находящемуся на дульной его части изображению царя Федора Иоанновича» (Висковатый).

9. Церковный колокол в Угличе. Когда убили царевича Дмитрия, 15 мая 1591 г., то в него звонили, сзывая народ; отправленный в наказание в ссылку, он был возвращен позже обратно в Углич (местный Исторический музей).

10. «Иван Великий» — колокольня в Московском Кремле, построенная Борисом Годуновым, 1600 г.; выложена обожженным кирпичом; фундамент на много сажен в глубину сложен из огромных кусков белого отлично притесанного камня. Громадный колокол, отлитый для этой колокольни, более не существует: его перелили в другой подобный.

11—12. Два портрета: Лжедмитрий I и Марина Мнишек; современные (Москва. Историч. музей; перешли туда из Вишневецкого замка).

13—17. Пять картин масляными красками с изображением событий из жизни Лжедмитрия I и Марины Мнишек (первые четыре в Историческом музее, из Вишневецкого замка; последняя в Будапеште, Национальный музей):

13. Въезд Лжедмитрия в Путивль.

14. Обручение Марины в Кракове с дьяком Аф. Властьевым, заменявшим Лжедмитрия.

15. Торжественный въезд Марины в Москву.

16. Коронование Марины в Успенском соборе.

17. Прием Лжедмитрием польских послов в Москве.

18. Собственноручное письмо Лжедмитрия I на польском языке к папе Клименту VIII, 24 апреля 1604 г., из Кракова. Ошибки и промахи в написании (заранее для него приготовленного) текста выдают в писавшем его великорусское происхождение и недостаточное знакомство с польским языком (Рим. Архив Сант Оффицио). Напеч. (фотолитографически), Paris, 1898.

19—20. Две грамоты Лжедмитрия I к папе Павлу V, 17 февраля и 5 марта 1606 г., из Москвы; на латинском яз.; подлинники, за собственноручными подписями Лжедмитрия на латинском же языке; каждая грамота запечатана большой государственной печатью (диаметр ^{см}) > на ободке которой читается: «царь и великий князь Иван Васильевич всея Русин» — видимо, новых печатей, с именем Дмитрия, еще не успели заготовить (Рим. Ватик. Архив).

21. «Tomi tres APPARATUS urbis ac templi Hierosolymitaci J. B. Villalpandi Cordubensis e Societate Jesu collate- studio cum H. Prado ax eadem Societate. Romae MDCIII* — иллюстрированное описание города Иерусалима и его храма; три тома в лист. Экземпляр, посланный из Рима отцами Иезуитского ордена Лжедмитрию I (по назначению не дошел). Переплет из красного сафьяна; на нем вытеснен золотом русский государственный герб с короной; кроме того: изображения Спасителя, Георгия Победоносца, Св. Крест, символы четырех евангелистов, 2 пеликана, 10 польских одноглавых орлов и монограммы ордена Иисуса: IS (СПб., Римско-Католическая духовная академия).

22—23. Две сабли: одна князя Пожарского, другая К. Минина. Изображения их см. в «Древн. Рос. Государства», вып. VI (Москва. Оружейная палата).

24. Воеводское знамя, сопровождавшее князя Пожарского в его походе из Нижнего Новгорода в Москву, 1612 г., из малиновой камки, с изображениями благословляющего Христа и архистратига Михаила, золотом и серебром (Москва. Оружейная палата).

25. Жалованная грамота боярину и воеводе князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому на вотчину Вагу, январь 1613 г., за собственноручными подписями давших эту грамоту 15 духовных и 10 светских лиц, в том числе: ростовский митрополит Кирилл, архимандрит Троице-Сергиева монастыря Дионисий, келарь того же монастыря Авраамий Палицын; князь Дмитрий Пожарский, Михайло Пушкин, Иван Биркин; на пергаменте; края листов разрисованы золотыми травами; четыре восковые печати на шнурах; печати не сохранились (Москва, Румянцевский музей). Напечатано: 1) Древняя Русская Вивлиофика, 1-е издание, ч. VIII; 2-е издание, часть XV; 2) Забелин, Минин и Пожарский. М., 1883.

///. *Церкви* (см. о них выше, отдел «Искусство. Архитектура»)

1. Дьяковская церковь, 1531 г.

2. Храм Вознесения в с. Коломенском, 1532 г.

3. Василий Блаженный, 1555—1559 гг. Некоторые в стиле Василия Блаженного (насколько, однако, основательно?) «соединение в одно целое всех стилей церковной архитектуры, практиковавшихся в разных местностях России», как выраже-

ние идеи объединенной Руси — той самой идеи, которая лежит в основе всех литературных работ митрополита Макария (Четьи-Минеи, Степенная книга), и на основании этого готовы допустить, что самый план, идея церкви принадлежала тоже Макарию (Заусцинский).

4. Храм Спаса Преображения в с. Острове, строенный при Иване Грозном.

5. Благовещенский собор в Сольвычегодске Вологодской губернии, 1560—1581 гг. «Сам по себе и по тем художественным драгоценностям, которые в нем заключаются, это один из самых замечательных старинных храмов эпохи. Уцелевшая гладь стен украшена прелестным, удивительно простым геометрическим орнаментом, где скомбинированы ряды кирпичиков, поставленных под разными углами (обычный на севере орнамент). Внутри замечательный строгановский иконостас с Царскими вратами изумительной работы. Их резной орнамент — как бы богатейшее цветное кружево» (Ростиславлев).

6. Царские врата церкви Иоанна Богослова, на Ишне, в окрестностях Ростова, деревянные, покрытые золотом; работа инока Исаяи, 1562 года (сама церковь построена в 1687 г., врата перенесены сюда из другой церкви). Причудливая, искусно выполненная резьба, богатая узорная фантазия, под сильным влиянием восточных, преимущественно персидских, мотивов. Чудный рисунок переносит зрителя в Тегеран, Каир, в Альгамбру.

7. Церковь Николо-Гостинодворская, в Казани; построена лет 15 спустя после завоевания Казанского царства; высится величавым каменным шатром.

8. Церковь Покрова в с. Медведкове, XVI—XVII в.

Кроме того, две деревянные церкви, самые древние из сохранившихся: одна шатровой формы, другая клетской (см. «Курс». Т. I).

1. Шатровая: Никольская в Панилове, Архангельской губернии, Холмогорского уезда, 1599—1600 гг., «быть может, древнее всех церквей, дошедших до нас в безусловно нетронutom виде. Нет возможности передать то исключительное впечатление, которое она производила. Покрывившаяся, с выпяченными кое-где бревнами, она грозила рухнуть при малейшем порыве ветра, и было жутко стоять в ветреный день подле ее скрипевших стен. Ее необычайная подлинность странным образом манила к себе. Недавно она была разобрана до основания и сложена вновь, причем бывшее ее очарование, в значительной

степени основанное на гипнозе подлинности, неминуемо должно было исчезнуть» (Грабарь).

2. Клетская: церковь в селе Монастырь, Пермской губернии, Чердынского уезда, 1614 г., едва ли не самая древняя этого типа из сохранившихся до нашего времени (Грабарь).

III. Монастыри

1. Новоспасский, в Москве, 1462 г. (первоначально в пределах Кремля); здесь хоронили бояр, состоявших в родстве с великокняжеским и царским домом.

2. Псково-Печерский, у ливонской границы, 1473 г., важный стратегический пункт. Будучи обнесен стеной с бойницами (1570), получил значение военной крепости, выдержал осаду Стефана Батория, атаки Лисовского и Густава Адольфа.

3. Волоколамский, близ Волоколамска Московской губернии, 1479 г., основан преподобным Иосифом Саниным-Волоцким. Культурный центр, унаследовавший традиции своего основателя. Монастырь руководился строгим уставом, который ввел Иосиф. «Пища иноков была самая простая и умеренная, одежда грубая и худая, обувь из лык, несмотря на все средства монастыря. В кельях не держалось ничего, кроме икон, книг и бедных одежд, а потому не было и запоров. В монастырских работах должна была участвовать вся братия одинаково, без всякого различия, был ли кто прежде нищим или богачом, рабом или вельможей. В церковь приходили все по первому звону, и в ней стояли и молились благоговейно; после литургии шли в трапезу и, вкушая пищу, безмолвно внимали назидательному чтению. После повечерия каждый шел в свою келью и потом исповедовал отцу духовному свои грехи протекшего дня. Никто не мог выйти за ворота обители без благословил настоятеля, а женщинам и детям вовсе запрещен был вход в обитель» (митрополит Макарий). В 1573 г. в монастырской библиотеке насчитывалось до 1150 рукописных книг, что делало ее одной из первых в тогдашней России. «В этом монастыре сосредоточивался большой круг ученых, преимущественно консервативного направления; здесь широко культивировалась письменность» (Сперанский).

4. Антониев Сийский, Архангельской губернии, Холмогорского уезда, 1520 г., основан преподобным Антонием иконописцем (умер в 1557 г.); от него здесь повелось иконописное искусство. При монастыре была учреждена типография; в 1670 г. в ней печатались книги. Здесь хранится так называемый

«Сийский иконописный подлинник» второй половины XVII в.; также: знаменитое своими миниатюрами «Евангелие 1692 года». Место заключения боярина Федора Никитича Романова (1601 — 1605); здесь он был пострижен под именем Филарета.

5. Новодевичий, женский, под Москвой, на Девичьем поле, 1525 г., основан великим князем Василием III в память завоевания Смоленска (1514); поставлен на месте, где в 1456 г., 28 июля, чудотворная икона Смоленской Божией Матери Одигитрии, находившаяся в Москве с 1404 г., была отправлена обратно в Смоленск, на прежнее место (в Москву ее привез Юрий Святославич, последний князь смоленский, вынужденный уступить Смоленск Витовту). Сюда удалился Борис Годунов перед избранием на царство. Здесь была заточена царевна Софья Петром Великим; здесь же и погребена. Здесь также могила царицы Евдокии Федоровны Лопухиной, первой жены Петра Великого.

6. Печенгский (Троицкий), на реке Печенге, близ прежней норвежской границы, 1533 г., основан преподобным Трифоном Печенгским, просветителем лопарей. Центр просвещения и культурной деятельности на крайнем севере Русской Лапландии. «В старину монастырь служил важным пунктом для снабжения Москвы с Мурманской окраины и вел обширную торговлю: одной соли он продавал внутрь России до 40 000 пудов».

7. Кольский (Троицкий), на устье реки Колы, 1533 (?) г., основан Феодоритом, другим просветителем лопарей; тоже центр просвещения на крайнем севере Кольского полуострова.

Примечание. Впрочем, новейшие исследователи основание Кольского монастыря относят ко времени более позднему (после 1569 г.) и основателем его не считают Феодорита: последний, как просветитель лопарей, действовал не раздельно, а совместно с Трифоном в Печенгском монастыре (Андреев).

8. Донской, под Москвой, 1591 г., в память победы над крымским ханом Казы-Гиреем, подходившим в тот год к Москве. Здесь чудотворная икона Божией Матери, бывшая с Дмитрием Донским в день Куликовской битвы.

Г7. Фрески

1. Недавно открытые (в остатках старого Успенского собора в Москве, до перестройки его Аристотелем Фиораванти) фрески Похвалы Пресвятой Богородицы, неизвестного мае-

тера, 1459—1466 г. Величавая простота и художественная прелесть композиции и мастерски наложенных красок; еще не замерли традиции античная и византийская (как позже у Дионисия).

2. Тайная Вечеря, фреска в капелле Св. Креста в Кракове (собор на Вавеле), работа русских мастеров, 1471 г.

3. Фрески Ферапонтова монастыря (о самом монастыре см. «Курс». Т. I). Фрески эти, работа иконника Дионисия (ок. 1500 г.), «главное чудо нашей художественной древности. Дионисий, по общему впечатлению, ближе к Джотто, чем к тому, что в его время делалось в Италии. Это прекрасный артист, аристократичный и утонченный мастер (уже предчувствующий упадок, имеющий за собой длинный ряд предшественников, долгую и прочную культуру). Глубоко продуманный, с огромной мерой выполненный ансамбль, с великим изяществом удлиненных пропорций написанные фигуры, могущественно и ласково подобранные краски на глубокой, в зелень, лазури фона. Желалось бы знать, где найдется равное этому в Германии или Франции 1500 года, или, может быть, в Англии?» Сюжет его фресок — радостное прославление Божией Матери. На всем царит женственность и светлая украшенность. Стройные воины-мученики; цветное, нарядное убранство одежд; нежность едва склоненных в легкой задумчивости ангельских ликов. «Ничего подчеркнутого в изображении Богоматери: легкостью и божественной красотой она напоминает рафаэлевских мадонн». Повсюду Дионисий проявляет сладостную, чисто женственную грацию. Чувство меры во всем; полное равновесие отдельных частей. «Движение выражено крайне осторожно. В этой сдержанности Дионисия — залог его классичности. Едва намечен поворот евангелиста Иоанна Богослова, такой подчеркнутый в иных новгородских иконах. Движение всех многочисленных композиций замирает в тонкой и медлительной грации единственного жеста. После Дионисия древнерусская живопись создала еще много замечательных произведений, но Дионисиево чувство меры и стройность уже никогда не были ей возвращены» (Муратов).

V. Иконы.

1. Деисус, середины XV в., еще в духе рублевской традиции, но уже с некоторой утонченной сухостью, удлиненными пропорциями, с более яркими красками (Москва. Собрание

Остроухова). Воспроизведена в красках: Кондаков. Русская икона. Прага, 1928, I, № 23.

2. Вознесение Господне, конца XV в. «Исключительная гармония симметрии. По своему композиционному замыслу и по колористическому решению икона представляет собою высокое достижение в русской живописи» (Беляев. Москва. Собрание Рябушинского). См. Кондаков. Русская икона, I, № 25 (краски).

3. Казанская Божия Матерь, XVI в. (СПб., Русский музей). Кондаков. Русская икона, II, № 72).

4. Благовещение, XVI в., Новгородской школы (там же). Кондаков, II, № 77.

5. Святые митрополиты Петр и Алексей, чудотворцы московские, самого начала XVI в. Икона больших размеров с «житием», т. е. со сценами из их жизни (такие «жития» обыкновенно располагались вокруг главной иконы) (Москва. Успенский собор).

6. Вход Господень в Иерусалим, начала XVI в., в стиле фресок Ферапонтова монастыря (Собр. Остроухова). Кондаков, I, № 36 (краски).

7. Снятие со креста, начало XVI в., школы Дионисия (Собр. Остроухова). Кондаков, I, № 38 (краски).

8. Положение во гроб, начало XVI в., школы Дионисия, полно драматизма (Собр. Остроухова). Кондаков, I, № 39 (краски).

9. Святой Георгий. Чудо о змие, начало XVI в. Считается одним из лучших памятников Новгородской школы, с намеками на Рублевские традиции (СПб., Русский музей). Кондаков, I, № 40 (краски).

10. «Воинствующая церковь», первая половина, а может быть, даже и первая четверть XVI ст. В этой иконе как бы выражена вся мощь той волны искусства, которую поднял в XIV и XV веках Новгород и которая докатилась до Москвы времен Иоанна III и Василия III. «Необычайная грация отличает фигуры всадников в нижнем ряду. Здесь искусство поднимается до непревзойденной идеальности, обращаясь к зрителю нежнейшими ритмами поворотов и поз. Сочетание нежности и строгости, почти женственной сладостности и воинской суровости проведено здесь с тончайшим чувством меры, свойственным только культурам древним и мудрым» (Муратов. Москва. Кремль. Мироваренная палата). Некоторые хотят видеть в этой иконе апофеоз взятия Иваном Грозным Казани (именно ее должен изображать в правом верхнем углу картины пылающий

город, без храмов и крестов). Воспроизведена в журнале «София», 1914, № 2.

11. Святые Флор и Лавр, середина XVI в. Новгородская школа (Собр. Остроухова). Кондаков, I, № 41 (краски).

12. Вход Господень в Иерусалим, середина или вторая половина XVI в. Московская школа (Собр. Остроухова). Сравнение этой иконы с вышеуказанной под № 6 вскроет произошедшую за 50—70 лет перемену в стиле: «Многие черты повторяются, но лишь как схема, застывшая в своих движениях или позах, тогда как в первом случае все позы, жесты и движения имели и свой смысл, и своеобразную гармонию. В особенности неудачным в данной иконе нужно признать поворот Христа; наоборот, в первой иконе того же сюжета одной из наиболее привлекательных ее черт было именно положение и поворот фигуры Христа, восходящий к чертам стиля самого Дионисия и встречающийся неоднократно во фресках Ферапонтова монастыря» (Беляев). Кондаков, I, № 49 (краски).

13. Рождество Христово, конец XVI в. Строгановская школа (Собр. Остроухова). Кондаков, I, № 54 (краски).

14. Портрет царя Федора Ивановича, конец XVI или начало XVII в. (СПб., Русский музей). Кондаков, II, № 106.

15. «Не рыдай Мене, Мати»: Нерукотворный убрus и святые на полях, первой трети XVII в. Строгановская школа (СПб., Русский музей). Кондаков, I, № 62 (краски).

16. Иоанн Предтеча в пустыне, первая треть XVII в. Строгановская школа (Собр. Остроухова). Кондаков, I, № 64 (краски).

VI. Миниатюры.

1. Углицкая псалтирь, 1485 г., лицевая, писана в Угличе. Текст: одни псалмы, без толкований, последние заменены миниатюрами (СПб., Публичная библиотека).

2. Лицевое житие святых Бориса и Глеба, конец XV в. (Собр. Лихачева, СПб., Русский музей). Изд. СПб., 1907.

3. Радзивилловская, или Кенигсбергская летопись, список «Повести временных лет», конец XV в., с продолжением до 1206 г.; 604 миниатюры, копии более древних подлинников. Подлинники эти одни относят к началу XIII в. (Шахматов), другие к концу XIII, даже к первой четверти XIV в. (Кондаков). Ценность миниатюр в том, что они наглядно знакомят нас с домашним бытом русских людей того времени (одежда, вооружение, утварь). В 1671 г. от князя Богуслава Радзивилла рукопись поступила в Кенигсбергскую библиотеку.

В 1717 г. проездом через Кенигсберг Петр Великий обратил на нее внимание, велел снять копию, а в Семилетнюю войну, с завоеванием Восточной Пруссии и присоединением ее к России, летопись, как достояние государственное, вывезена в Петербург (1760), где и хранится доныне в Академии наук. Текст издан: СПб., 1767; миниатюры: СПб., 1890; текст вместе с миниатюрами, полностью, страница за страницей, издан (фотомеханически). СПб., 1902.

4. Лицевое житие Николая Чудотворца, полуустав, XVI в., в листе, на бумаге. Одно «из самых интересных в художественном отношении» (Султанов). Рисунки (их числом свыше 400, по рисунку на листе) замечательны по своей оригинальности и разнообразию, очень важны для истории русской иконописи и живописи, а также для истории русского быта. «Яркость красок и золота и искусно подобранные цвета, манера рисунков, почерк рукописи и общая роскошь исполнения свидетельствуют о высоком назначении рукописи, быть может, для самого царя Иоанна Грозного» (Георгиевский. Москва, Румянцевский музей). Изд.: СПб., 1879 (фотолитографически); первые рисунки хромолитографированы.

5. Лицевое житие Евфросинии Суздальской, написано иноком Григорием; вторая четверть XVI в. Миниатюры дают ценные изображения быта и житейской обстановки. Изд. (фотолитографически): СПб., 1888.

6. Лицевое Хождение апостола и евангелиста Иоанна; 165 миниатюр; работа 1550-х гг.; опытный рисовальщик с большим вкусом. Из библиотеки вел. княжны Натальи Алексеевны, сестры Петра Великого (ум. в 1716 г.), перешла в Академию наук. Изд.: СПб., 1911.

7. Лицевой Летописный свод, или Царственный Летописец — грандиозная попытка поколения Ивана Грозного составить обзор важнейших, как оно понимало их, событий всемирной истории, в тесной связи с историей русской как логическим ее продолжением. Величавая идея «Москва — Третий Рим»; горделивое сознание исторической миссии, самим Богом возложенной на русский народ и его царей; потребность раскрыть и выявить наружу ту духовную, историческую связь, что сближает русское настоящее с самым отдаленным прошлым, лежит в основе этой попытки. Содержание свода: последовательно изложенная история — Библейская, Троянская, Римская, Византийская и Русская. Девять томов (один утерян); свыше 9 700 листов; свыше 16 000 раскрашенных рисунков. В своих миниатюрах художник, казалось, намеренно старался

выявить «всю ту роскошь и блеск, какими Грозный и его советники окружили недавно утвержденное величие царского титула». Миниатюры дают прекрасный материал для знакомства с бытом русского народа, с обстановкой его жизни. Даже те из них, которые рисуют события нерусские, прошли через призму русского понимания. Казалось бы, что общего между русской жизнью и Троянской войной? Между тем «троянские» миниатюры, можно сказать, овеяны духом и образами русских былин. «Мастера, расписывавшие свод, как бы видели перед собой образы родного эпоса, словно голоса разных старин звучали во время их труда. Из-за стен „священного града“ Трои, за Приамом, Гектором, Агамемноном и другими героями древности видны и „стольный Киев-град“, и „княженецкий двор“, и „почестей пир“ с русскими богатырями, и послы какого-нибудь Идолища Поганого или „собаки Калина-царя“, угрожающие ласковому Владимиру-Красное Солнышко» (Шилов). «В художественном и техническом отношении всего выше рисунки библейской части: они должны быть отнесены к совершеннейшим образцам русской миниатюры. Их очерки поражают редкой уверенностью и изяществом». Девять фолиантов хранятся отдельными томами в разных библиотеках и музеях Москвы (Исторический музей; Синодал. библиотека) и Петербурга (Академия наук, Публичная библиотека). Первые три тома охватывают всемирную историю; четвертый том, начало русской истории (до 1114 г.), утерян; тома 5—10 содержат русскую историю за 1114—1567 гг. (впрочем, десятый том, так называемая «Никоновская летопись с рисунками», содержит, кроме русской, изложение также и всеобщей истории). Пятый том, так называемая «Голицынский список» (1114—1252 гг.), напечатан князем М. М. Щербатовым: Царственный Летописец. СПб., 1772.

8. Царственная книга — переработка последней части вышеупомянутого Лицевого Летописного свода: описание первых 20 лет правления Ивана Грозного (1533—1553). В тексте 1 073 рисунка, но не раскрашенных, а лишь обведенных тушью по карандашу, тоже ценных в бытовом отношении: по ним можно наглядно судить о всей обстановке житей-бытья русских государей XVI в.: как они ездили на охоту, как ходили на богомолье, как сидели за обедом и как их сотрапезники пили за их здоровье; на миниатюрах изображена отливка колоколов, чеканка монет, расположение посуды на столах в торжественные дни, принятие схимы, свадебные обряды, выезды царские и

т. д. (Буслаев) (Москва. Синодальная библиотека, № 149). Изд. Щербатовым: СПб., 1769.

9. Лицевое житие Нифонта Новгородского — миниатюры 1550-х гг. (Москва. Исторический музей).

10. Лицевое житие Сергия Радонежского, последняя четверть XVI в. Миниатюры с малейшими подробностями передают биографию преподобного; ими усеян текст рукописи. Ценный материал для знакомства с бытом наших предков. Миниатюры изображают здания, разные экипажи (телеги, колымаги, сани), лодки, мебель, вообще домашнюю утварь; костюмы мужские, женские, детские, воинские, светские, монашеские, царские, боярские, крестьянские. «По этим миниатюрам наглядно знакомимся мы с тем, как в старину пекли хлебы, носили воду, как плотники рубили избу, а каменщики закладывали храмы; как знаменитый Андрей Рублев, сидя на подмостках, писал иконы; как монахи ездили верхом на конях и как в дальний путь боярыни отправлялись в крытых колымагах, а мужчины сопровождали их верхом, и множество других интересных подробностей» (Буслаев, II, 300). Это уже не иконопись, а историческая русская живопись. Действительность начала предьявлять свои права и, кроме того, возбуждает в художнике национальные интересы (Троицкая лавра). Изд. (литографией): М., 1858.

11. Лицевая Псалтирь (годуновская), 1591 г., с 578 (по другому счету: 564) рисунками в красках, из них 58 размером во всю страницу; вклад Дмитрия Ивановича Годунова. Это миниатюры-толкования на текст; замечательное разнообразие иконографических сюжетов; воспроизведены преимущественно события новозаветные: псалтирь доставляет для них множество прообразов и пророчеств. Перед нами «почти цельная евангельская история в лицах» (Покровский. Кострома. Ипатьевский монастырь).

12. Лицевая Псалтирь 1594 г. Вклад того же Дмитрия Ивановича Годунова (Кострома. Ипатьевский монастырь).

13. Лицевое житие митрополита Алексея Чудотворца; миниатюры первоклассных мастеров времени Бориса Годунова (СПб., Публичная библиотека).

14. Устав Церковный 1608 г., «единственный в своем роде»: перед каждым числом месяца раскрашенные изображения святых в медальонах; перед каждым месяцем и перед большими праздниками — иконописные изображения во весь лист (Москва. Румянцевский музей. См. Описание 50-летия музея, с. 46).

VII. Церковное художественное шитье

1. «Святая София» в том виде, как она изображена в Софийском соборе в Новгороде: на золотом троне ангел с огненным лицом и огненными крыльями, в золотом одеянии; над ним в золотых лучах Спаситель, а по бокам Божия Мать и Иоанн Креститель. Один из наиболее совершенных образчиков русского художественного шитья конца XV в. (Москва. Исторический музей).

2. «Успение Богоматери», пелена конца XV в. (Кирилло-Белозерский монастырь).

3. Пелена 1498 г.: ее вышивала Софья Палеолог, «царевна царегородская», как она обозначила себя на этой работе (Троице-Сергиевская лавра).

4. Шитая пелена с изображением св. мученицы Ирины, XVI в., замечательна по тонкости работы (Кирилло-Белозерский монастырь).

5. Плащаница, вклад Евдокии (в иночестве Евфросинии) Старицкой, матери кн. Владимира Андреевича, двоюродного брата Ивана Грозного, вдовы дяди его, 1555 г. Великолепно переданы трагические минуты, переживаемые Божией Матерью и сопresentствующими ей. «В стремительном припадании ко Христу чувствуется испуг и отчаяние, выраженные с такой силой действительности, которая до того совершенно была чужда русскому древнему искусству. В твердо очерченном лике Христа, в суровом обрамлении Его волос и в остропрочувствованном образе Его тяжелых век художник с удивительной силой сумел передать влияние смерти; делается понятной та безудержная скорбь, которая искажает лица святых жен и заставляет Марию Магдалину рвать на себе волосы» (Щекотов) (Кирилло-Белозерский монастырь).

6. Покров на мощи преподобного Сергия Радонежского, 1557 г., вклад царицы Анастасии Романовны (Троице-Сергиевская лавра). «Чем ближе в него всматриваешься, тем сильнее и больше охватываешься его величавой простотой, бесконечным миром, исходящим из него, мучительным и в то же время приятным и грустным настроением. Необычайной тоской и печалью веет от него, не в силах оторвать глаз, а между тем композиция проста, нет ярких красок, нет ничего бросающегося в глаза, бьющего на нервы или зрение. Желтоватого тона крест помещен на темно-гвоздичном фоне. Сверху слетают два плачущих и утирающих слезы своим одеянием ангела. Крест на каменной горе; сзади подножия — „Нерушимая Стена“. Все

шито; темно-гвоздичный фон дает атлас, и все это сочетание шитья и атласа слабых, „смирных" красок в верхней части и более ярких внизу, отсутствие чего-либо лишнего и присутствие летающих сверху ангелов, в полных тоски и грации позах, плачущих над могилой, — дает такое неизъяснимое впечатление, что невольно верится, как много мог вложить мастер в свою работу, когда он ее совершал сам, своими руками, любя ее и молясь» (Трутовский).

7. Воздух, малиновой камки, шитый золотом, серебром и шелками; осыпан жемчугами: Иисус Христос во гробе. Вклад боярина Дмитрия Ивановича Годунова, 1600 г. (Москва. Ризница Чудова монастыря).

VIII. Евангелия

1. Лицевое Четвероевангелие 1507 г.; работа исполнена в Москве, замечательна по художественности своих миниатюр, по богатству и разнообразию заставок и заглавных букв; последние по своему характеру совершенно не похожи на заставки и буквы в рукописях, изготовленных в Новгороде и Пскове (СПб., Публичная библиотека), изд. (не полностью): СПб., 1881.

2. Лицевое Евангелие XVI в. (Киевская духовная академия).

3. Бумажное Евангелие 1567 г., с рисунками (Москва. Румянцевский музей).

IX. Памятники литературные

1. Палея толковая, 1477 г. (Москва. Синодальная библиотека), изд.: СПб., 1892.

2. Геннадиева Библия, древнейший список 1499 г. (Синодальная библиотека).

3. Макарьевские Четьи-Минеи. Их три списка:

1) Новгородский, 1541 г., вклад митрополита Макария в Новгородскую Софийскую библиотеку на помин своих родителей перед отъездом в Москву на митрополию. Из 12 фолиантов сохранилось всего 7 книг, вразбивку: за сентябрь, октябрь, ноябрь, февраль, май, июнь, июль (ныне: СПб., Духовная академия). Описание списка дал преосвященный Макарий в «Летописях» Тихонравова, 1859 г., т. 1.

2) Царский, 1552 г., поднесенный царю Ивану (Москва. Синодальная библиотека).

3) Успенский, вклад митрополита Макария в Успенский собор в Москве. Этот список единственно пол-

ный: сохранились все 12 томов-фолиантов (Синодальная библиотека). Описан архим. Иосифом: «Подробное оглавление великих Четых-Миней всероссийского митрополита Макария, хранящихся в московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеке. М., 1892», церковным шрифтом.

Примечание. Подсчет листов в Успенском списке делается различно: одни считают в нем 13 336 листов, другие — 13 528 л. = 27 057 страниц, причем в самой меньшей книге (октябрьской) 1754 страницы или 877 листов, а в самой большой (за август) — 2992 страницы или 1496 листов. Несходны показания и о Царском списке: по одним, из 12 томов сохранилось всего десять томов (утрачены книги за март и апрель); по другим (позднейшее по времени показание М. Н. Сперанского) — утрачена только одна книга за февраль, и всего в одиннадцати томах насчитывается 11 758 листов.

Х. Памятники юридические

1. Губная грамота Белозерскому уезду, 1539 г., октября 23-го; подлинник за печатью: самая древняя из известных губных грамот. Напечатана первоначально: Акты Археологической экспедиции, I, 163, № 187.

2. Уставная земская грамота посадским и крестьянам Важской земли (что по р. Ваге, притоке Северной Двины), 1552 г., марта 31-го; современный список; обыкновенно считается самой древней из дошедших до нас. Напечатано первоначально: Акты Археологической экспедиции, I, 231, № 234.

Примечание. Есть другая грамота, древнее Важской: она дана крестьянам Плеской волости, Володимерского уезда, 1551 г., февраля 28-го (Дьяконов); но не все признают ее за уставную земскую: по их мнению, это только первоначальный подход, еще незрелый, невыработанный тип будущих уставных грамот.

3. «Грамота, утвержденная об Избрании царем Бориса Федоровича Годунова», 1598 г., августа 1-го, с сотнями подписей; сохранилась в копии (СПб., Публичная библиотека). Напечатана первоначально: Акты Археологической экспедиции, II, № 7.

4. «Утвержденная грамота об Избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова», писана в мае 1613 г.; подлинник на девяти (9) столбцах, за собственноручными подписями архиереев, бояр и выборных из городов, с десятью (10) восковыми висячими печатями; из них семь утрачены, а от остальных трех сохранились одни только обломки; ветхая (Москва. Гл. Арх. Мин. иностр. дел). Есть и другой, кажется, более ранний экземпляр, тоже подлинник (Москва. Оружейная палата). Число подписей на том и на другом списке свыше 230. «Грамота составлена месяца два спустя после совершившегося факта, подписи собирались дольше; кроме того, не все участники избрания могли дать свои подписи, а с другой стороны — давали подписи лица, не бывшие на соборе в период избрания» (Цветаев). Напеч. 1) Др. Российск. Вивлиоф., т. V (1-е изд.), т. VII (2-е изд.); 2) Собр. Гос. Гр. Дог., I, № 203; 3) М., 1904 (фототипически); 4) М., 1906 (без фототипий).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Платонов С. Ф.* Москва и Западный Берлин. 1926. Глава I (XVI век и Смутное время). *Успенский Ф. И.* Сношения Рима с Москвой (по поводу трудов Пирлинга) // ЖМНП. 1884, август, октябрь; 1885, август; *Костомаров Н. И.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII ст. СПб., 1862, 2-е изд., СПб., 1889. *Толстой Ю.* Первые 40 лет сношений между Россией и Англией. 1553—1593. СПб., 1875. *Середонин С. М.* Известия англичан о России во второй половине XVI в. // ЖМНП. 1885. № 12. *Любименко Инна:* 1) История торговых сношений России с Англией. Вып. I: XVI в. Юрьев. 1912 (за 1553—1605 гг.); 2) Московский рынок как арена борьбы Голландии с Англией. Русское прошлое. Книга 6-я. СПб., 1923. С. 3—23. *Собко.* Аристотель Фиораванти. Р. Б. словарь (библ.) (еще — Древности Московского Арх. Общ., IV, вып. II, с. 33—45).

П. *Иконников В. С.* Максим Грек. Киев, 1866 (из Ун. Изв. 1865—1866 гг.), 2-е издание, совершенно переработанное и дополненное: Максим Грек и его время. Киев, 1915 (литература о М. Греке указана была ранее). *Гудзий Н. М.* Грек и его отношение к эпохе итальянского Возрождения. Киев, Ун. Изв., 1911. № 7. *Дунаев М.* Грек и греческая идея на Руси в XVI в. Историческое исследование с приложением текстов дипломатических сношений России с Турцией в начале XVI столетия, по документам Московского Архива Мин. иностр. дел. М., 1916

(отт. из «Древности. Труды Славянской комиссии Московского Археол. Об. т. IV, вып. 2-й). *Щеглов*. К истории изучения М. Грека. В., 1911; *Преображенский П. Ф.* Нравственное состояние русского общества по сочинениям Максима Грека и современным памятникам. М., 1881.

III. *Ключевский В. О.* Псковские споры // Правосл. Обзор. 1872. № 12 (о сугубой аллилуйе) и в «Опытах»; *Панов*. Ересь жидовствующих // ЖМНП. 1877. № 1—3. *Майков Л.* Николай Немчин. Известия, т. V (1900), кн. 2-я. Литературу о жидовствующих см. у Иловайского Д. И. ИР. Т. П. С. 577, 580; примечание 108 и дополнение к нему.

IV. *Розанов В. В.* Спор иосифлян с белозерскими старцами. Странник. 1877. № 2. *Сперанский М. Н.* Идеиные движения в старой Москве (до конца XVII в.). «Москва в ее прошлом и настоящем». М., 1900, часть вторая. И, 44—61. *Довнар-Запольский М. В.* Московские гуманисты и обскуранты XVI в. Там же, часть первая, II, 22—57; *Архангельский С. И.* 1) Паисий Ярославов — наставник Нила Сорского. Р. Б. словарь (библ.); 2) Нил Сорский и Вассиан Патрикеев, их литературные труды и идеи в Древней Руси. Историко-литературный очерк. Ч. 1. Нил Сорский. СПб., 1882 (Памятники Общ. люб. др. письменности, вып. XVI); 3) Нил Сорский. Энциклопедический словарь Брок. и Ефр. XXI, 150—152. *Гречев*. 1) Заволжские старцы в литературном решении спорных вопросов р. церковно-общественной жизни конца XV—XVI вв. // Богослов, вестник. 1907; 2) Преподобный Нил Сорский и заволжские старцы-публицисты. Там же. 1908—1909 (об учении Нила Сорского см. также: Вилинский. Послания старца Артемия, особенно гл. VI). *Милюков П. Н.* Очерки. Т. III. Гл. 2-я; *Ржига*. Из полемики «иосифлян» и «нестяжателей» // Известия Ак. наук. Отд. гуманитар, наук. 1929. № 10.

V. *Хрущев*. Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого. СПб., 1868 (рецензия Невоструева и Костомарова в Отчете о 12 прис. нагр. гр. Уварова. СПб., 1870), *Жмакин*, Иосиф В-й. Р. Б. словарь (библ.).

VI. *Хрущев*. Князь-инок Вассиан Патрикеев. Др. Нов. Россия. 1876. № 3; *Жмакин*. Митрополит Даниил и его сочинения. Чтения. 1881, I—II, и отд. М., 1881 (рец. Голубинского в Отчете о 25 прис. нагр. гр. Уварова. СПб., 1883). *Костомаров Н. И.* Великорусские религиозные вольнодумцы в XVI в.: Матвей Башкин и его соучастники. Феодосии Косой. Исторические монографии и исследования. Т. I. СПб., 1863 и другие издания. *Калугин*. Гомилетические труды инока Зиновия Отенского //

ЖМНП. 1893, февраль и май. *Священник Садковский*. Артемий, игумен Троицкий. М., 1892 (Чтения. 1891, кн. IV). *Вилинский*. Послания старца Артемия. Одесса, 1906 (литература об Артемии у Иконникова; Максим Грек, изд. 2-е, 580—581).

VII. *Павлов*. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Часть I. Попытки к обращению в государственную собственность поземел. владений Русской церкви в XVI в. (1503—1580). Одесса, 1871 (из Записок Новгор. ун.). *Петров*. Соборное уложение 1584 года об отмене тарханов. Сборник статей... Платонову. СПб., 1922.

VIII. *Соболевский А. И.*: 1) Образованность Московской Руси XV—XVII вв. СПб. Два издания: 1892 и 1894; 2) Западное влияние на литературу Московской Руси XV—XVII вв. // Вестник Археологии и Истории, кн. VI и отд. СПб., 1899. Второе издание этой книги под другим названием: «Переводная литература Московской Руси XIV—XVIII вв.» в Сборнике отд. р. яз. и сл. Импер. Ак. наук, т. 74 и отд. СПб., 1903. *Архангельский С. И.* Образование и литература в Московском государстве конца XV—XVII в. Три выпуска (не окончено), с. 1—480. Казань, 1898—1901 (из Уч. Зап. Каз. ун-та за эти годы). Новое издание (завершенное) под заглавием: «Из лекций по истории р. литературы Моск. государства». Казань, 1913. *Пытин А. Н.* // Московская старина. I. Византийское преемство. II. Объем и свойство научных сведений. Вестн. Европы. 1885, январь. *Николаевский П.* Русская проповедь в XV и XVI вв. // ЖМНП. 1868. № 2 и 4.

IX. *Туб-в Н.* Иван Федоров, первопечатник. Р. Б. словарь (библ.). *Мальшевский*. Новые данные для биографии Ивана Федорова, р. первопечатника. Чтения Общ. Лет. Нестора, VII (1893). *Архим. Леонид*. Евангелие, напеч. в Москве в 1564—1568 гг. СПб., 1883. *Чечулин*. О так называемой карте царевича Феодора Борисовича Годунова // ЖМНП. 1903, апрель (ср. о ней еще — *Шмурло*. Русская история на Московской географической выставке 1892 г. Историческое обозрение, т. V. СПб., 1892). *Евсеев*. Геннадиевская Библия 1499 г. М., 1914.

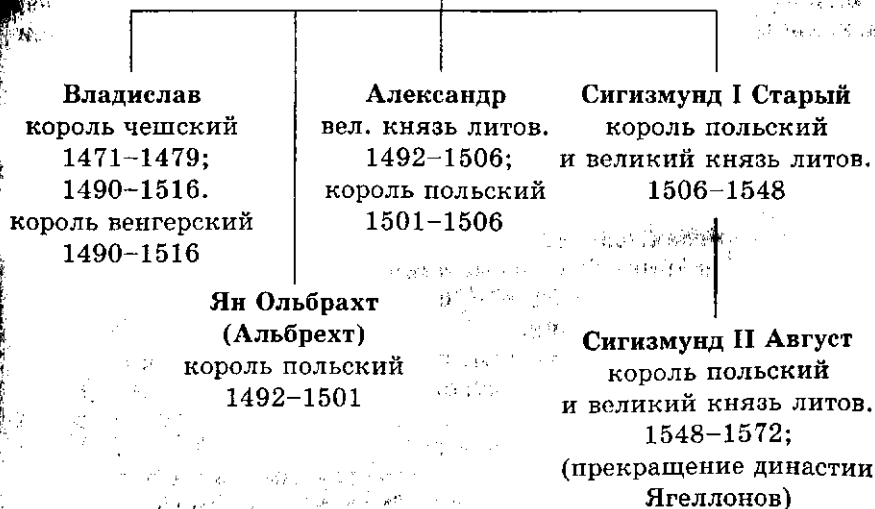
X. *Успенский А. И.* Очерки по истории р. искусства, т. I. Русская живопись до XV в. включительно. М., 1910; *Ровинский*. Обозрение иконописания в России до конца XVII в. СПб., 1903 (раньше в «Записках Археологического общества», 1856 г., т. VIII, с сокращениями, под названием: «История р. школ иконописания до конца XVIII в.»); *Айналов*. Византийская живопись XIV столетия. Записки отд. р. и слав, археологии Русск. Археол. общ. СПб., 1917, т. IX; *Грбавь И.* История р. искусства, т. VI. *L. Reau*, L'art Russe, vol. I. Paris, 1921. *Phil.*

Schweinfurt. Geschichte der russischen Malerei im Mittelalter. Haag, 1930. *Евдокимов Ив.* Север в истории р. искусства. Вологда, 1921. *Андреев Н.* О деле дьяка Висковатого. *Seminarium Kondakovianum*, т. V (1932), с подробным указанием литературы. Новейший свод суждений о древнерусском искусстве (с библи.); См. у *Милюкова*. Очерки. Т. II, ч. 2-я, юбилейное издание 1931 г. *Сперанский М. Н.* Былины. Два тома.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
ЛИТОВСКАЯ И ЛИТОВСКО-ПОЛЬСКАЯ РУСЬ.
(1462–1654)

Родословие литовских князей (1440–1572)

Казимир I Ягеллончик
Вел. князь литовский 1440–1492;
король польский 1447–1492.

Избирательный престол польский. Короли (они же великие князья литовские) (1572—1733)

1. Генрих Валуа (1574).
2. Стефан Баторий (1576—1586).
3. Сигизмунд III Ваза, внук Густава Вазы, основателя династии в Швеции (1587—1632).
4. Владислав IV, сын Сигизмунда (1632—1648).
5. Ян Казимир, другой сын Сигизмунда (1648—1668). Добровольно сложил с себя корону (умер в 1672 г.).
6. Михаил Корибут Вишневецкий (1669—1673).
7. Ян III Собеский (1674—1696).
8. Август II (1697—1733).

1. Из французского дома Валуа.
2. Сын трансильванского воеводы.
- 3—5. Из дома Вазы
- 6—7. Поляки.
8. Родом немец (курфюрст саксонский).

I. ЛИТВА И МОСКВА

Войны. Перемирия и миры (1492—1686)

Нижеследующий перечень наглядно показывает, в какой нездоровой атмосфере слагались отношения Литвы к Москве, насколько сам воздух, каким дышали и та и другая, наполнен был враждой и взаимным недоверием. За 196 лет только 30 (1494—1500, 1508—1512, 1634—1654) были настоящими мирными годами, все же остальные прошли в войнах или были временной передышкой, т. е. годами нервного напряжения, с постоянной мыслью о необходимости быть готовым снова хвататься за оружие и выступать на соперника. Перемирия заключались наспех, зачастую они возобновлялись чуть не накануне того, как истекал срок перемирия возобновляемого; сами сроки эти были чаще всего непродолжительные, однажды даже всего только на два месяца.

Все свидетельствовало о том, что какая-то серьезная причина мешает двум народам сговориться окончательно. Какая же? На пути к вечному миру сперва стоял Смоленск, а позже встал Киев. Обладание этими двумя городами означало господство над течением всего Днепра, Днепр же служил надежным оплотом против врага. Ни Литва (а с 1569 г. и Польша), ни Москва

легко не откажутся от этого барьера, и только безусловный перевес противника в состоянии заставить слабейшую сторону сдаться и опустить руки. Кто же окажется более слабым, кто более сильным? Москва окрепла за эти годы. В национальном подъеме, выношенном в страданиях грозного лихолетья; в сильной самодержавной власти; в централизации управления — нашли первые Романовы необходимые силы одолеть Литву—Польшу и принудить ее принять условия Вечного мира 1686 г. Ослабела Литва—Польша, Речь Посполитая. Этнографически разъединенная, вероисповедно расколовшаяся на два враждебных лагеря, с бессильной верховной властью, с узкоэгоистическими сословными интересами магнатов и шляхты — она всем своим государственным строем и порядками заранее подписывала себе смертный приговор.

1492—1494 гг. Война.

1500—1503 гг. Война.

1503—1509 гг. Перемирие на 6 лет. Нарушено.

1507—1508 гг. Война.

1508 г., 19 сентября. Вечный мир.

1512—1522 гг. Война.

1522—1527 гг. Перемирие на 5 лет.

1527—1533 гг. Перемирие продолжено на 6 лет.

1533—1534 гг. Перемирие продолжено еще на 1 год.

1534—1537 гг. Война.

1537—1542 гг. Перемирие на 5 лет.

1542—1549 гг. Перемирие продолжено на 7 лет.

1549—1554 гг. Перемирие продолжено еще на 5 лет.

1554—1556 гг. Перемирие продолжено еще на 2 года.

1556—1562 гг. Перемирие продолжено еще на 6 лет. Нарушено.

1561—1582 гг. Война.

1582—1592 гг. Перемирие на 10 лет.

1585—1587 гг., 3 июня. Перемирие возобновлено на 2 года (перемирие 1582 г. у Запольского Яма Стефан Баторий считал, после смерти Ивана Грозного, необязательным для себя: смерть царя, по его мнению, освобождала его от принятых тогда обязательств).

1587 г., 3 июня — 1587 г., 3 августа. Перемирие продолжено на 2 месяца.

1587—1602 гг. Перемирие продолжено (после смерти Стефана Батория) еще на 15 лет.

1601—1621 гг. Перемирие продолжено еще на 20 лет.

- 1609—1618 гг. Война.
1618—1632 гг. Деулинское перемирие на 14У² лет.
1632—1634 гг. Война.
1634 г. Вечный мир (Поляновский).
1654—1667 гг. Война.
1667—1680 гг. Андрусовское перемирие на 13 лет.
1680—1693 гг. Перемирие продолжено (в 1678 г.) еще на 13 лет.
1686 г., 21 апреля. Вечный мир.

1. Мирный договор 1494 г.: Литва отступилась от вотчинных земель великих князей Чернигово-Северской области (князя Вельские, Одоевские, Мезецкие, Воротынские, Новосильские, Перемышльские, Вяземские). Женитьба великого князя Александра на Елене, дочери Ивана III, скрепила мирное соглашение.

2. Перемирие 1503 г.: Москва удержала за собой Чернигово-Северскую землю, часть Смоленской, часть Витебской — всего 19 городов, 70 волостей, 22 городища и 13 сел.

3. Вечный мир 1508 г.: окончательная уступка Москве ее приобретений, выговоренных договорами 1494 и 1503 гг.

4. Перемирие 1522 г.: оно, как и последующие (1527, 1533, 1634), есть в сущности взаимная расписка в собственном бессилии: с той поры как Смоленск попал в русские руки (1514), Москва ни за что не хочет расстаться с ним, а Литва ни за что не хочет отказаться от него.

5. Война 1534—1537 гг., окончившаяся для Литвы возвратом утерянного было города Гомеля, велась, конечно, не из-за Гомеля: Литва сделала новую попытку вернуть Смоленск, а Москва добивалась заставить ее совсем отказаться от него.

6. Вторжение московских войск в Ливонию (1558).

7. По договору с Ливонией, 31 августа 1559 г. Сигизмунд-Август, по званию великого князя литовского, обязался защищать земли Ливонского ордена, а тот отдавал себя под его протекторат и опеку. Столкновение Литвы с Москвой стало теперь неизбежным.

8. В 1561 г. Ливония поддалась Польше и Литве, обоим им совместно; а в 1566 г., по особому договору-соглашению, ее земли вошли в состав Великого княжества, как его неотъемлемая часть (т. е. были инкорпорированы Литвой). С этой поры всякое нападение Москвы на Ливонский край являлось, тем более, враждебным актом по отношению Великого княжества Литовского.

9. Люблинская уния 1569 г. ставит Москву в делах литовско-русских лицом к лицу, кроме Великого княжества, также и с Польшей.

10. Деулинское перемирие 1618 г. могло быть только перемирием, отнюдь не миром: признать за королевичем Владиславом право на звание царя Московского (а он не хотел отказаться от него) значило бы собственными руками рыть себе яму и снести насмарку усилия, приложенные к прекращению Смуты.

11. Поляновский вечный мир 1634 г. обе стороны купили ценой жертв: Владислав отказался от царского титула, Москва — от Смоленска и Северной области.

12. Уже через 20 лет Москва нарушила Вечный мир. К этому побудило ее не одно принятие Малороссии в свое подданство, но и трудность примириться с потерей Смоленска.

13. Андрусовский договор 1667 г. стал перемирием и не стал миром из-за Киева: поляки не решались отказаться от него.

14. С заключением Вечного мира 1686 г. оканчивается борьба за пограничные области и стратегические пункты. С этих пор начинается новый период давления России на Речь Посполитую, вмешательства в ее внутренние дела, что подготовит окончательное возвращение земель, некогда составлявших Западную Русь.

Неизбежность столкновения

Литовские Гедиминовичи и московские Даниловичи были одинаково князьями-собирателями: одни собирали северо-восточную, другие юго-западную Русь. В этом коренная причина всей распри. Лишь только обе Руси собрались в два сильных тела, они уже не могли не вступить в ожесточенную борьбу между собой. Как разъединить, как «разнять на две половины страну, единую по своему географическому положению, происхождению народа, его языку, вере, истории? Князья литовские и московские хорошо понимали невозможность дела и потому, принимая оба титула князей русских, тем самым вызвали друг друга на отчаянный бой». Уже Иван III объявил Киев и все русские города своей вотчиной; его сын Василий пошел дальше: потребовал их как свою прародительскую вотчину. «С этих пор это требование сделалось обычным, необходимой формой при всех переговорах с Литвой. Чем бы ни кончались переговоры, на каких бы условиях ни заключен

был мир или перемирие, в Москве считали необходимым всякий раз наперед предъявить права великого князя или царя, потомка св. Владимира, на все русские земли, принадлежавшие последнему, опасаясь умолчанием об этих правах дать повод думать, что московский государь позабыл, отказывается от них». В этом обычае ясно виден характер московских государей: необыкновенная верность отцовскому и дедовскому преданию; что раз усвоил себе отец, от того сын не отказывался, раз назначена была какая-нибудь цель, ее потом уже никогда не упускали из виду, постоянно напоминали о ней себе и другим. Эта-то верность преимущественно и помогла Московскому государству достигнуть своей цели — сделаться Всероссийской империей (Соловьев).

П. ПОЛИТИЧЕСКАЯ УНИЯ

1. УНИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО С КОРОНОЙ ПОЛЬСКОЙ

Давнее обязательство, некогда взаимно принятое Польшей и Литвой: выбирать своего государя непременно совместно, в действительности почти никогда не выполнялось.

1440—1447 гг. У Литвы свой отдельный государь: Казимир, ею самостоятельно выбранный.

1447—1492 гг. Личная уния с Польшей: Казимир литовский выбран поляками в короли польские.

1492—1501 гг. Умер Казимир — литовцы самостоятельно выбрали себе Александра; так же поступили и поляки с Ольбрахтом.

1501—1506 гг. Умер Ольбрахт — это была пора, когда необходимость унии чувствовалась особенно остро и той и другой стороной, преимущественно же Литвою: татары почти не прекращали своих вторжений; впервые появились турки, подвергнув страшному опустошению Подолье и Галицкую землю (1498), в битве при Ведроше (1500) литовское войско потерпело от московитян тяжелое поражение. Поляки, призвав на свой престол Александра, заключили с Литвой унию в Мельнике (1501). По ее смыслу она должна была быть реальной унией: 1) с этой поры у Литвы и Польши всегда один государь; 2) избирает его общий польско-литовский сейм; 3) общая монета; 4) право

поляков занимать государственные должности в Литве, селиться в ней и приобретать земельную собственность. Однако уния 1501 г. не вошла в жизнь: подписанная лишь небольшой частью литовских панов-рады, она была отвергнута остальными, как идущая вразрез с настроением и убеждениями страны, увидавшей в ней посягательство на свою политическую независимость.

1506—1544 г. Избрание Сигизмунда I в великие князья состоялось без малейшего участия поляков. Поляки тоже выбрали его в короли, хотя одновременно, но самостоятельно.

1544—1569 г. Точно так же, не сговариваясь с поляками, литовцы избрали в великие князья Сигизмунда-Августа, причем даже не дожидались смерти его отца (1529). Вслед за ними так же поступили поляки (1530).

С 1569 г. — реальная уния.

Примечание. Личная уния — когда одно и то же лицо занимает два престола более или менее случайно: когда при другом стечении обстоятельств этого могло бы и не быть. Со смертью такого лица кончается и личная уния. Чтобы возобновить ее, необходимо новое избрание или постановление. Например: а) курфюрсты ганноверские с 1714 по 1837 г. были одновременно и королями английскими; б) Карл I Испанский, будучи избран германским императором (с именем Карла V), одновременно носил две короны.

Реальная уния — когда два (или даже три) государства имеют своим государем одно и то же лицо уже не случайно, а в силу постоянного закона: его смерть реальной унии не нарушает; преемник его в одном государстве тем самым становится преемником и в другом. Например: а) Швеция и Норвегия до 1906 г.; Австрия и Венгрия с 1866 по 1918 г.; в) Польша и Россия с 1818 по 1831 г.; г) с 1526 г. императоры из Австрийского (Габсбургского) дома были одновременно королями чешскими и венгерскими.

2. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Паны-рада

Женитьба Ягайло на Ядвиге польской направила историю Литовского княжества по новому руслу и создала высшим

классам Великого княжества влиятельное и привилегированное положение в стране, в ущерб верховной власти государя, который, в силу условий достижения им престола, покупал свой сан ценой далеко немаловажных уступок избравшим его князьям и боярам.

1. Князья и бояре помогли Витовту одолеть Ягайло и стать великим князем.

2. Они принимали деятельное участие в выработке постановления 1401 и 1413 гг. и скрепили их своими подписями.

3. После смерти Витовта (1432) Скиргейло и Сигизмунд, оспаривая друг у друга престол литовский, должны были, каждый, искать себе опоры в тех же князьях и боярах и взамен их поддержки пойти навстречу их требованиям (см. «Курс». Т. I).

4. Казимиру IV можно было удержаться на литовском престоле и одновременно занять польский лишь путем дарования широких привилегий (1447).

5. Право избирать себе государя, отказывать одному претенденту и высказываться в пользу другого необходимо создало исключительно привилегированное положение тех, кто располагал правом этого избрания. Подле великого князя постепенно образуется кружок ближайших его советников, княжеских думцев, панов-рады, как их называли в Литве. Паны-рада не только обсуждают вместе с государем текущие государственные дела, но и решают их совместно с ним.

6. Частые отлучки Казимира из Литвы повели к тому, что паны-рада собирались и делали свои постановления даже и в его отсутствие, что, конечно, еще более укрепляло положение рады и обеспечило ей в дальнейшем новые права. К началу XVI в. рада окончательно сложилась и выросла в центральный правительственный орган — административный, судебный и законодательный. На основании привилегий, выданных Александром и Сигизмундом при избрании их на литовский престол (1492, 1506), ни одно из постановлений великого князя в области законодательства, верховного управления, суда и финансов не имело законной силы без участия и согласия панов-рады.

7. Ограничение великокняжеской власти, и притом ограничение в пользу одного только высшего класса, превращало Литовско-Русское государство в конституционную аристократическую и, даже вернее, олигархическую монархию.

8. Состав панов-рады:

а) Наивысшая, или Тайная рада (сенат) — из самых избранных, для решения наиболее важных (секретных) дел: 1) католические бискупы; 2) высшие правительственные

лица коренной Литвы: воеводы и кастеляны Виленский и Троцкий; староста Жмудский; 3) маршалки (они ведали суд) земский и дворный; 4) подскарбий земский (министр финансов).

б) Сейм панов-рады (рада в полном составе) — ведал дела менее важные. Состав ее: 1) члены Тайной рады; 2) воеводы киевский, смоленский, полоцкий, витебский и др.; 3) староста жмудский; 4) наместники областей; 5) гетман; 6) земские и придворные чины: канцлер, писарь, подскарбий, подचाший, крайчий, кухмистр, подстолий и др.

9. Статут 1529 г. Первый Литовский Статут 1529 г. содержит основные законы Литовско-Русского государства. Он всецело исходит из признания исключительно привилегированного положения княжеских и панских фамилий, т. е. весь построен на аристократическом начале.

Вальные сеймы

1. Состав вального сейма

Параллельно панской раде народилась рада посполи-тая — сейм, обыкновенно называемый вальным (генеральным, всеобщим), или великим вальным сеймом. В состав его входят уже не одни паны-рада, но весь землевладельческий класс, верхние и нижние слои его: вся шляхта-рыцарство (по московской терминологии это: служилые люди, крупные и мелкие помещики, дети боярские, московские и городовые дворяне). Тяжести войны (налоги; личное участие) ложились главным образом на шляхту. Поэтому она тем более считает себя вправе домогаться участия в правлении, а в примере соседней Польши находит себе известную точку опоры. Получив свое начало во времена Казимира IV, вальный сейм, подобно раде панской, окончательно сложился и приобрел значение государственного института в XVI ст., при Сигизмунде I.

Вальный сейм составляли: 1) члены господарской (панской) рады; 2) землевладельческая знать: князья, паны шляхетского звания, так называемые хоругвные (на войне их отряды стояли под собственным стягом-хоругвью, не сливаясь с отрядом своего повета); 3) земские послы — депутаты от мелких землевладельцев, избираемые на поветовых сеймиках; 4) перед самой Люблинской унией на сейм допущены были, в виде исключения, представители мещанства стольного города Вильны (по московской терминологии: посадские люди столицы), в лице его бургомистров.

2. Ведению вального сейма подлежали:

1) избрание великого князя — господаря, как его обычно называли в Литве; 2) заключение унии (вообще всякого рода договоров с Польшей); 3) решение вопроса о войне: начинать ее или нет; 4) сбор податей на военные нужды; 5) определение размера военной повинности: количество ратников, выставляемых шляхтой; 6) издание новых законов, изменение старых; 7) в отдельных случаях участие в административной деятельности центрального правительства.

3. Поветовые сеймики

Они завелись с 1565 г. Повет — судебный и военный округ. На этих сеймиках местная знать и мелкое дворянство совместно обсуждали дела своего повета для доклада о них на вальном сейме.

Политическое значение шляхты

При Сигизмунде Старом решающий голос на вальных сеймах принадлежал тем же сановникам, которые и в раде были ближайшими участниками господаря в делах правления: шляхта еще редко проявляла свою инициативу и самостоятельность. Не то при Сигизмунде-Августе: в его царствование политическое значение шляхты-рыцарства значительно выросло; князья и паны радные отодвинулись на второй план; первенствующее значение на сеймовых собраниях получила шляхта. Выросла новая сила, получившая выражение в новом, переработанном Литовском Статуте 1566 г.: приобщение шляхты к деятельному и влиятельному участию в государственном управлении стало с этой поры коренным законом Великого княжества.

Литовский Статут 1566 г. Он демократичнее Статута 1529 г.; но его «демократичность» относительная: демоса, как его понимали древние греки, Статут 1566 г. совершенно не знает. Народом в Литве, как и в Польше, признавалась одна только знать и шляхта, мещанский же (городской) и земледельческий (крестьяне) классы, равно и инородцы (евреи) «народом» не были. Таким образом, Великое княжество Литовское не было (и никогда не будет) монархией демократической; в начале XVI ст. оно начало складываться в монархию аристократическую и на этой ступени остановилось. «Аристократизм» княжества с течением времени не только не слабел,

но еще более креп и утверждался. Прекращение династии Ягеллонов и наступивший затем период избраний, с их подкупками, домогательствами и интригами открывал панам-раде и шляхте широкую возможность использовать положение и каждый раз заставлять новых королей покупать их голос ценой новых уступок.

3. ЛЮБЛИНСКАЯ УНИЯ 1569 г.

Борьба двух течений

Общая опасность извне на протяжении XV и XVI вв. побуждала Литву и Польшу держаться друг за друга. Уния необходима обеим, и чем теснее она будет, тем лучше для общего дела. Поэтому реальная уния предпочтительнее личной: она прочнее свяжет оба народа. Но каждая сторона слишком дорожит своей государственной самостоятельностью, чтобы принести ее в жертву этому общему делу. Выгоды положения на стороне Польши: ее политический организм однороднее, цельнее; в Литве же два этнографических слоя, два вероисповедания (в раде господарской сидели бискупы католические, но ни одного епископа православного; знать коренного литовского происхождения, имущественно более сильная, преобладала там численно над знатью русского происхождения). Усваивая польские аристократические порядки, Литве трудно было отстаивать свою самобытность.

Чего добивались поляки

1. Полного «втеления» (инкорпорации) княжества в Польшу, полного упразднения его самостоятельности.

2. Литва должна перестать быть Литвою, но превратиться в простую провинцию Польши, потерять даже свое имя: стать «Новой Польшей».

3. Останется один только «король польский»; а «великий князь литовский» существовать перестанет. Один скипетр, одна государственная печать, одни законы для всех, одно войско, одно управление.

Что со своей стороны предлагали литовцы

Вместо самоуничтожения — федерацию на равных правах:

1. Общий государь, совместно выбираемый на границе Короны и княжества.

2. Непосредственно вслед за выбором «короля» происходят выборы «великого князя».

3. В Кракове «король» возводится на королевский престол, коронуется и дает клятву соблюдать все права и вольности польского народа; акт присяги скрепляется польской государственной печатью и хранится в Кракове.

4. В Вильне «великий князь» возводится на престол с соблюдением старинных обрядов и церемоний, дает такую же присягу на соблюдение прав и вольностей литовского народа; акт присяги, скрепленный литовской государственной печатью, хранится в Вильне, в государственном архиве княжества.

5. Общие враги и общая оборона от них.

6. Общий сейм, попеременно в Польше и Литве, по общим делам, каковы: 1) выборы государя; 2) внешняя оборона и установление податей на нее; 3) заключение мира; 4) посольства.

7. Местные дела решаются на отдельных сеймах.

8. Литва сохраняет свое особое законодательство.

9. Правительственные институты и должности в княжестве остаются по-старому, их занимать могут лишь природные обыватели княжества (т. е. неполяки).

10. Взаимное право приобретать оседлость и движимость: поляки в Литве, литовцы в Польше.

11. Общая монета, но особой чеканки и формы, для Литвы с надписью великого князя (вроде того, как до недавнего времени монета в Австрии чеканилась с изображением императора Франца-Иосифа, а в Венгрии — короля, того же Франца-Иосифа).

Борьба на сейме

Созванный в Люблине польско-литовский сейм решил судьбу Литовско-Русского государства. Соглашение было подписано после ожесточеннейшей борьбы, путем давления, даже насилия. Поляки во что бы то ни стало хотели добиться инкорпорации Великого княжества в Корону Польскую; литовцы, со своей стороны, прилагали все усилия отчураться от нее. Слабейшая сторона, литовцы, уступили совокупности неблагоприятно сложившихся для них обстоятельств и скрепя сердце подписали акт об унии. Предварительно они прибегли было к пассивному сопротивлению: отказались от участия на сейме и разъехались из Люблина, но на свою же голову. Поляки давно уже притязали на Подолье и Волынь, доказывая, что обе эти области должны, подобно Галиции, принадлежать Короне, а не княжеству. Те-

перь, пользуясь отсутствием литовских послов, поляки возобновили свои домогательства, а Сигизмунд-Август, в противность данной присяге охранять целостность территории Великого княжества, санкционировал постановление польской посольской избы и потребовал от местных должностных лиц на Волыни и Подолье, чтобы они присягнули Короне, а непослушных лишил земель, которыми они там владели.

Присоединение Волыни и Подляшья произвело сильное впечатление на Литву: оно существенно затрагивало ее материальные интересы: «из состава княжества вырывались земли, дававшие ему весьма значительное количество вооруженных сил и денежных доходов: Волынь была одной из населеннейших и богатейших земель княжества» (Лаппо). Но поляки не остановились на этом: таким же образом у Литвы была отнята Киевская земля с Брацлавщиной. Это, как тогда выражались, совершенно «подрезало крылья» Литве. Самостоятельное существование, с утратой значительной части территории, особенно ввиду длительной и далеко не законченной войны с Москвой, стало невозможным. 1 июля 1569 г. акт о соединении княжества с Короной был подписан — два государства слились в единую Речь Посполитую.

Почему Литва не могла отстоять своей самостоятельности на Люблинском сейме

1. Страна не действовала достаточно единодушно. Шляхта по партийным (сословным) соображениям сама поддерживала поляков: она пожертвовала самостоятельностью родной земли ради тех вольностей, какие закрепляла за ней Уния, дав возможность пользоваться такими же привилегиями, какими пользовалась польская шляхта у себя в Польше.

2. Масса русско-литовского населения еще не доросла до ясного понимания, чем может грозить ей принятие Унии.

3. Магнаты южнорусские сами склонялись к Унии: Киевщина и Волынь с Подольем сильно терпели от татар; географическое положение этих областей давало им надежду, что Польша в состоянии будет быстрее и своевременнее, чем Литва, оказать им, в случае набега крымцев, необходимую военную помощь.

4. Да и патриотизм литовской знати (боролась же против Унии, собственно, она одна) носил в немалой степени характер сословный и узкоэгоистический: усиление шляхты было не в ее интересах.

5. Война с Москвой парализовала русско-литовские силы. Княжество нуждалось в военной поддержке Польши против Ивана Грозного.

Постановления Люблинской унии

Уния явилась компромиссом двух течений взаимонепримиримых: с одной стороны, она провозглашает полное слияние одного народа с другим, создает единое, неделимое государство на месте прежних двух (чистая уния); с другой — признает (хотя бы только *implicite*) самобытность и отдельное существование каждого из них (федерация).

А. Постановления унитарного характера:

1. Королевство Польское («Корона») и Великое княжество Литовское составляют одну Речь Посполитую (*Rzecz Pospolita, Res Publica*), единое государство, один народ (*unum regnum, unus populus*).

2. У них один общий государь: «король польский, великий князь литовский».

3. Его выбирают сообща оба народа, польский и литовский: паны-рада и шляхта.

4. Избрание происходит на избирательном сейме в пределах Польши, не Литвы.

5. Новоизбранный король, принимая корону, присягает на одном листе в соблюдении вольностей обоих народов.

6. Он коронуется в Кракове. Прежняя церемония возведения великого князя на престол отменяется.

7. Сеймы и рады допускаются впредь одни только общие, коронные, под королем польским; прежние специально польские и специально литовские сеймы отменяются.

8. Внешние дела — союзы, договора, посольства — являются делом общим для обоих народов: один без другого ничего впредь решать не должен.

9. Поляки имеют право в Литве, а литовцы в Польше приобретать земельную собственность и пользоваться правами, связанными с обладанием ею.

Б. Тенденция федеративная

Она проявилась уже в самом тексте договора 1569 г.:

1. Хотя литовцы и поляки «образуют один народ», все же о них говорится как о «двух народах».
2. «Втеление» (инкорпорация) в Корону не помешало Литве сохранить свой титул Великого княжества Литовского; сам государь титулуется не только «королем», но и «великим князем».
3. Сословия («станы») Великого княжества и частные лица сохраняют особенности своих прав и привилегий такими, какими их застала Уния, хотя бы эти особенности и не совпадали во всем с особенностями польских станов.
4. Все должности и звания («уряды») Великого княжества остались неотмененными.
5. У Литвы и Польши, у каждой, своя государственная печать.
6. Договор допускал возможность его пересмотра в будущем — самая эта возможность в корне подрывала идею вечной унии.

Таким образом, договор, прежде чем вступить в действие, уже дал непоправимую трещину, а ближайшие десятилетия повели к новым уклонениям, которые еще более исказили унитарную идею, положенную в его основу.

1. Уже Генрих Валуа, при избрании своем (1573), дал присягу отдельно Короне и княжеству в соблюдении их прав и вольностей. Позже этот порядок стал обычным при каждом новом избрании.

2. Когда тот же Генрих Валуа тайком покинул Речь Посполитую, то литовцы, отдельно от поляков, отправляют к нему особое посольство с напоминанием о его обязанностях и приглашая его от имени княжества вернуться обратно.

3. Стефан Баторий избран был одними поляками. Литовцы договариваются с ним особо, и свои обязательства перед ними новый король скрепляет своей подписью на отдельном документе, не на том, на котором он давал свои обязательства полякам.

4. В 1578 г. король скрепляет свои предписания обеими печатями: Коронной и Литовской.

5. «Отдельность польского и литовского народов выражалась и в составе посольств, отправляемых во время войны: в него входили поляки и литовцы, как представители обоих народов» (Лаппо).

6. Вместо прежнего вального сейма возник непредусмотренный актом 1569 г. «головной сейм», своего рода проме-

жуточная инстанция между поветовыми сеймиками и коронным сеймом: он сводил в одно целое постановления поветовые для представления их на сейм спольный.

7. С 1581 г. Княжество добилось учреждения для себя Высшего Судебного Трибунала, отдельного от Трибунала польского.

8. В период бескоролья, от смерти одного короля до выбора другого, забота о внешней и внутренней безопасности открывала особенно широкий простор для самостоятельных съездов. Таковые собирались отдельно от польских. Они обсуждали меры для охраны границ княжества, учреждали чрезвычайные суды на смену обычным, которые, в силу действующих правил, прекращали на время междуцарствия свою деятельность; намечали кандидатов на престол соединенной Речи Посполитой, которых будет проводить Великое княжество на общем избирательном собрании. Они же вырабатывали условия, которые будут предложены новому господарю от имени Княжества для признания его великим князем литовским. В эпоху бескоролья литовско-русский съезд брал в свои руки всю полноту верховной власти своей «Речи Посполитой, своего государства, т. е. Великого княжества Литовского» (Лаппо).

9. Обычным явлением стали протестации литовско-русских послов, отказы от имени своего государства дать согласия на постановления, предлагаемые с польской стороны. Эти протестации не только давались, но и вносились в книги государственной канцелярии Великого княжества.

10. Люблинский сейм 1569 г. постановил переработать Литовский статут 1566 г. Литовцы действительно переработали его, но совсем не в духе соглашения 1569 г., как это имелось в виду со стороны поляков; наоборот, политическая обособленность Литвы закрепилась им еще более. Поляки отказались утвердить его; однако литовцы воспользовались благоприятным моментом — междуцарствием, наступившим после смерти Стефана Батория, и поставили Сигизмунду III утверждение новой редакции с непременным условием признания его королем. Так возник Литовский Статут 1588 г., третий по счету.

Последствия Люблинской унии

1. Создание в Литве привилегированного класса — шляхты, бесправие городского населения, в особенности простонародья («хлопов»).

2. Социальные (сословные, классовые) отношения стали все более принимать характер неравенства между высшим и низшим классом населения, приближая Литву к аристократическому польскому строю и отдаляя ее от исконного демократического.

3. Уния политическая неизбежно вела к унии церковной. Это была пора «католической реакции», борьбы католической церкви с протестантством, вообще с неверием и ересями (Иезуитский орден, 1540; Тридентский собор, 1545—1563; Варфоломеевская ночь во Франции, 1572; Филипп II Испанский, 1556—1598); единство политическое в ту пору не умели мыслить иначе, как при условии единства религиозного (*сuius regio, eius religio*).

III. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Десять воеводств: 1. Виленское, 2. Троцкое (город Троки), 3. Жмудское, 4. Полоцкое, 5. Новогрудское, 6. Витебское, 7. Берестейское (Брестское), 8. Мстиславское, 9. Минское, 10. Смоленское.

Примечание. Жмудским называлось не воеводство, а староство, и управляет им не «воевода», а «староста». Разница была лишь в названии: Жмудская область была коренной литовской землей и по рангу уступала лишь двум первейшим воеводствам: Виленскому и Троцкому.

Раньше, до 1569 г., было не 10, а 14 воеводств, но на Люблинском сейме этого года Польша отторгла у Литвы 4 воеводства: Подляшское, Волынское, Киевское и Брацлавское (см. выше).

IV. ВЫСШАЯ ЧИНОВНАЯ ИЕРАРХИЯ В ЛИТВЕ С 1569 г.

После Люблинской унии чиновная иерархия в Литве сложилась по образцу иерархии польской, заимствовав от нее самые титулы и названия должностей. Разница сводилась к тому, что одни должности назывались «литовскими», а другие — «коронными»: «великому гетману литовскому» в Польше соответствовал «великий гетман коронный»; «великому кан-

плеру литовскому» — «великий канцлер коронный» и т. д. Польское влияние сказалось и в том, что прежние наивысшие гетманы и маршалки литовские стали теперь называться великими, а земские подскарбии и хорунжий тоже превратились в великих.

Министры и ближайшие к ним по положению лица

1. Великий маршалок (*mareschalcus magnus*) — первенствующий в ряду министров Великого княжества. На нем лежала охрана особы великого князя; он ведал полицию и судебные дела в пределах королевской резиденции, ведал порядок заседаний сейма, что делало из него своего рода министра двора и в то же время председателя сейма.

2. Надворный маршалок (*mareschalcus curiae*) — помощник и заместитель великого маршалка.

3. Великий канцлер (*cancellarius*) — заведовал государственной канцелярией, хранил государственную печать, прикладывая ее к государственным бумагам. По своему положению он зачастую оказывался в роли то министра внутренних дел, то министра юстиции.

4. Подканцлер (*vicescancellarius*) — заместитель великого канцлера. Хранил малую государственную печать.

5—6. Великий секретарь (*supremus secretarius*) и великий писарь (*notarius*) — первые сановники после канцлера и подканцлера по делам административным, судебным и сеймовым. Первый заведовал секретной (отсюда и название его), вообще наиболее важной перепиской, второй выдавал дипломы, составлял текст великокняжеских грамот, ведал составление бумаг на иностранных языках и точность перевода их.

7. Референдарь (*referendarius*) — их было два: светский и духовный; они ведали судебные дела.

8. Великий подскарбии (*subtesaurarius*) — министр финансов; ведал государственные приходы и расходы. Срав. польское *skarb* (казна) и старинное русское *скарб*.

9. Подскарбии надворный (*vicetesaurarius curtae*) — заведовал личной казной великого князя и замещал великого подскарбия.

10. Великий гетман (*magnus dux exercituum*) — фельдмаршал, главнокомандующий военными силами княжества. Должность великого гетмана обыкновенно была пожизненной и считалась самой главной во всем государстве. На его обязанности лежала защита границ Великого княжества. Ему подчинялись

все сенаторы без исключения и весь народ-шляхта. Однако в состав сената великий гетман вошел лишь с 1768 г., т. е. почти накануне падения Польши. Но так как в эту должность обыкновенно назначался кто-нибудь из воевод, которые уже по самому званию своему имели право на кресло в сенате, то фактически и великий гетман принимал постоянное участие в заседаниях сената.

11. Гетман польный (*capitaneus campester, campī ductor*) — ведал наемные войска, великий же гетман — и наемные войска, и посполитое рушенье (всеобщее ополчение). Польный гетман был помощником великого и в случае надобности заменял его; но так как посполитое рушенье созывалось лишь в случаях особо важных (упорная война, затянувшаяся или требовавшая особенного напряжения сил страны), то и великий гетман ступал в отправление своих обязанностей лишь в экстренных случаях, так что гетман польный, хотя и стоял на втором месте и во время больших войн находился под начальством великого, пользовался вне этих случаев полной независимостью.

12. Великий хорунжий (*vexilifer Magni ducatus*) — нес государственное знамя Великого княжества.

13. Хорунжий надворный (*vexilifer curiae*) — заменял великого хорунжего.

Б. Областные правители

1. Воевода (*palatinus*) — центральная правительственная власть в воеводстве. Воевод было девять, десятый назывался старостой Жмудским.

2. Кастелян или пан (*castellanus, pan*) — второе лицо в воеводстве. Он ведал преимущественно дела военные.

3. Староста — управлял городом, творил суд над местной шляхтой.

В. Придворные должности

1. Подкоморий (*succamerarius curiae*) — гофмейстер двора.

2. Подचाший (*subpincerna, pocillator*) — обер-шенк, виночерпий. Ниже его по рангу стоял чашник.

3. Чашник (*pincerna*) — мундшенк. Подचाший наливал вино, а чашник подносил его великому князю.

4. Крайчий (*incisor dapum, structor mensae*) — заведовал столом великого князя.

5. Стольник (*dapifer*) — заведовал сервировкой стола.

6. Подстолий (subdapifer) — заместитель стольника.

7. Кухмистр (praefectus culinae) — заведовал великокняжеской кухней.

8. Конюший (praefectus stabili) — шталмейстер великокняжеского двора.

9. Ловчий (venator) — оберерегермейстер, заведовал великокняжеской охотой.

Г. Состав сената с 1569 г.

Из вышепоименованных чинов в состав сената входили: все воеводы, староста Жмудский, все кастеляны, великий маршалок, канцлер, подканцлер, великий подскарбии и маршалок надворный. Кроме того: два католических епископа: Виленский и Жмудский (других католических епархий в Литве после 1569 г. не было).

В. ЛИТОВСКО-РУССКАЯ ЗНАТЬ

Привилегированность ее положения. Ее богатства. Это сливки тогдашнего «дворянства». Если шляхта именовалась на родом по преимуществу, глухой стеной отделяя себя от мещан и холопа-крестьянина, то и паны-магнаты держали себя недосыгаемо высоко по отношению к «простой» шляхте, всегда готовые видеть в ней нечто вроде своей дворни, людей служающих. Наиболее выдающиеся фамилии: князя Вишневецкие, Воловичи, Гаштольды, князя Глинские, Глебовичи, князя Гольманские, князя Заславские, князя Острожские, князя Радивиллы (по-польски: Радзивиллы). Рожинские, князя Слуцкие-Оленьковичи, Сапега, Тышкевичи, Ходкевичи.

В Польской Руси немало земельного богатства принадлежало магнатам также и польской крови: Конецпольским, Замойским, Потоцким и др. Имена Конецпольских были разбросаны по всей Речи Посполитой, и если короли испанские могли когда-то кичиться тем, что в их государстве «не заходит солнце», то и Конецпольские, в свою очередь, имели право похвастаться, что, находясь в пути, где бы им ни пришлось останавливаться на ночлег, они проведут его под крышей собственного дома-жилья. На одном только «татарском шляхе», перед восстанием Богдана Хмельницкого, принадлежащих им городов и селений значилось 170.

Многие из литовско-русских панов были богаче короля; в переписке с ним они подписывались не «верноподданными», а «верными советниками». Стефан Баторий титуловал кн. К. К. Острожского ясноречивым, «что значило много в старой Польше, тогда как прочих князей, родственников его, звал попросту "твоя верность"» (Кулиш, 1/24). Подобно польским магнатам, и литовско-русские «соперничали с королями в постройке замков и городов, которым давали такие вольности, что старые королевские города, как, например, Луцк, по словам самих королей, „пустели“. Они заключали отдельные договоры с крымским ханом и совершенно отдельные мирные трактаты с запорожскими казаками. Они были до того самостоятельны, что заграничные льстецы величали польских государей королями королей, что было похоже на иронию, а украинский народ и польская шляхта с досадой прозвали магнатов королями» (Кулиш, 1/30).

А. ОСТРОЖСКИЕ

Константин Иванович (1460—1530)

Гетман наивысший (великий) (1497).¹ В московском плену (1500—1507). Снова гетман наивысший (1507). Староста Луцкий (1507). Маршалок Волынской земли (1507). Две последние должности были равнозначимы званию наместника великого князя в Волынской области. Кастелян Виленский (1511). Воевода Трокский (1522).

Раненый и взятый в плен после поражения при Ведроше, он перешел на службу великого князя московского (1506) и воспользовался ей, чтобы бежать. Отомстил за свое поражение при Ведроше, разбив наголову московское войско под Оршей (1514). Талантливый полководец — 60 выигранных сражений. Своим большим влиянием при дворе пользовался в интересах русского населения и Православной церкви. «Благодаря заступничеству Острожского, православная иерархия и паства наслаждались полным спокойствием, так что его эпоху можно назвать золотым веком западнорусского православия. Король поручал ему разбор споров между русскими владельцами, и беспристрастие Острожского навсегда закрепило за ним симпатии единоплеменной массы. Литовские и польские летописцы

¹ Здесь и в дальнейшем означает год назначения на должность.

единогласно дают о нем самый восторженный отзыв; легат Пизон признавал в нем единственный недостаток — что он „схизматик“. В частной жизни он оставался скромным шляхтичем» (Храневич).

Константин (Василий) Константинович, сын предыдущего (1526-1608)

Маршалок Волынской земли (1550). Староста Луцкий (1550). Староста Владимирский (1550). Воевода Киевский (1559).

С присоединением Волынской и Киевской земель к Польше (1569) перестал быть сенатором литовским, но стал сенатором коронным.

В исторической литературе заслужил неодинаковую оценку: для одних — это ревнитель православия, могущественный защитник его в борьбе с униатами, меценат и насадитель просвещения; другие же не видят в нем ничего «русского» и «православного»: он-де «отворил настежь католичеству наши последние оборонные ворота на гибель Польши и его собственного дома с ней» (его старший сын Януш перешел еще при жизни отца в католичество, а у жены Януша, тоже католички, духовником был знаменитый иезуит Петр Скарга); «в делах веры и церкви князь Василий беспрестанно переходил из одного лагеря в другой, и никто не знал, которому лагерю он усердствует наиболее» (Кулиш, 1/23, 25).

Майорат князей Острожских охватывал 80 городов и местечек, а сел в нем насчитывалось 2 760. На их землях одних церковей православных стояло свыше 600 и до 10 монастырей. По смерти князя Януша (1620) оказалось наличными: 600 000 червонцев, 400 000 талеров, на 29 миллионов злотых, 50 цугов, 700 верховых лошадей, 4 000 лошадиных маток. По своим доходам Острожские были миллионерами того времени. Богатство порождало чванство: воевода Киевский Константин Константинович платил 70 000 злотых какому-то захудалому пану (говорят, каштеляну, значит, сенатору) только за то, что тот два раза в год на торжественных обедах стоял за его стулом. Знатные паны того времени вообще не допускали, чтобы комнатная прислуга, имевшая постоянное с ними соприкосновение, была не из шляхтичей.

Б. РАДЗИВИЛЛЫ

Фамилия Радзивиллов на положении удельных князей или крупных феодалов в Литве. В 1547 г. император Карл V по-

жаловал Николаю Черному и Николаю Рудому княжеский титул. Н. Черный начал линию Радзивиллов князей на Олыке и Несвижи, Н. Рудый — князь на Биржах и Дубинках. Эта вторая линия пресекалась в мужском колене в 1677 г. Радзивиллам принадлежало 45 городов и 798 деревень на вотчинном праве (как родовая собственность), и сверх того они распоряжались и пользовались доходами с 16 городов и 583 деревень на положении старост в пожалованных им староставах. Два первейших воеводства и два первейших кастелянства, дававшие право на первые места в сенате: Виленское и Троцкое (воевода Виленский считался первым сенатором литовским), стали, особенно в XVI в., благодаря родству с королем Сигизмундом-Августом, как бы наследственными в роде Радзивиллов. В значительной степени то же можно сказать и про первые должности министерские: великого канцлера, земского (великого) маршалка и великого гетмана. Во время войн с Москвой, Швецией или Турцией они выставляли на собственный кошт военные отряды и выходили во главе их на войну. Несметные богатства позволяли им окружать себя поистине царской роскошью. Справляя в 1680 г. посольство при императорском дворе в Вене и при папском в Риме, Михаил Казимир (№ 17) поразил иностранцев небывалым блеском и помпой, какими он обставил свой въезд в эти две столицы: золоченые кареты, сотни лошадей в пышном убранстве, свита из нескольких сот человек, дорогие подарки, щедро раздаваемые направо и налево, и т. д. На официальных приемах и заседаниях Радзивиллы, по обычаю того времени, появлялись обыкновенно окруженные своими шляхтичами и соперничали с другими литовскими магнатами их количеством и убранством. Женитьба Сигизмунда-Августа на Варваре Радзивилл особенно высоко поставила родного брата Варвары, Николая Рудого, и ее кузынка, Николая Черного: последнему король оказывал особую почесть: когда Николай Черный появлялся в заседании сената, то сам король поднимался с трона, делал ему навстречу несколько шагов и, не допуская сестр на первое место передней лавки (оно составляло привилегию его, как первого сенатора), усаживал его подле себя, под свой золотой балдахин. Таким магнатам, как Черный и Рудый, политическая уния Литвы с Польшей была крайне невыгодна, и они оба энергично, хотя и безуспешно, боролись против нее: уния, давая новые права мелкой шляхте, неизбежно должна была заслонить литовскую знать и заставить ее считаться с классом людей, на которых они привыкли смотреть свысока и ждать от них слепого повиновения.

РОД РАДЗИВИЛЛОВ

1. Радзивилл Остыкович: воевода трокский (1466); маршалок земский (1468); кастелян виленский (1475).

2. Николай I: кастелян трокский (1488); воевода виленский (1491); великий канцлер (1491).

3. Николай II: крайчий (1487); подचाший (1495); воевода трокский (1505); воевода виленский (1510); вол. канцлер (1511).

4. Ян, отец Николая «Черного»: маршалок земский (1514); кастелян трокский (1522).

5. Юрий, отец Николая Рудого: подचाший (1510); (1516); воевода киевский (1511—1514); гетман надворный (1521); кастелян трокский (1522); кастелян виленский (1527); маршалок надворный (1528); великий гетман (1531).

6. Ян, сын Николая II: подчаший (1522); староста жмудский (1535).

7. Николай Черный: маршалок земский (1542, 1545); великий канцлер (1550); воевода виленский (1551).

8. Николай Рудый: подчаший (1544—1550); воевода трокский (1550); великий гетман (1553—1566); воевода виленский (1566); великий канцлер (1566); снова великий гетман (1576); гетман инфлянтский (1579).

9. Варвара: в первом браке за Станиславом Гаштольдом, воеводой новогрудским (1537—1542); во втором — за королем Сигизмундом-Августом (1547—1551).

10. Николай Сиротка: маршалок надворный (1569); великий маршалок (1579); кастелян трокский (1586); воевода трокский (1590); воевода виленский (1604).

11. Юрий, брат Сиротки (род. в 1556 г.): кардинал и епископ Виленский (1584).

12. Криштоф Перун: крайчий (1568); подчаший (1569); гетман польный (1572); кастелян трокский (1579); подканцлер (1579); воевода виленский (1584); великий гетман (1589).

13. Ян Юрий: кастелян трокский (1613).

14. Войтех Владислав: кратчий (1622); кастелян трокский (1626); кастелян виленский (1633).

15. Сигизмунд Кароль: крайчий (1633); подчаший (1638); воевода новогрудский (1642, непосредственно перед смертью).

16. Александр Людвиг: крайчий (1630); воевода берестейский (брест-литовский) (1631); маршалок надворный (1635); великий маршалок (1637); воевода полоцкий (1654).

17. Криштоф, сын Криштофа Перуна: гетман польный (1615); кастелян виленский (1633); воевода виленский (1633, через полгода после кастелянства); великий гетман (1635).

18. Михаил Казимир: крайчий (1653); подचाший (1656); кастелян виленский (1661); воевода виленский (1667); подканцлер (1668); гетман польный (1668).

19. Доминик Николай: подканцлер (1681); великий канцлер (1690).

20. Януш: подкоморий (1633); староста жмудский (1646); гетман польный (1646); воевода виленский (1653); великий гетман (1654).

5. Юрий, Геркулес литовский. Много содействовал победе кн. Острожского над русскими войсками в битве под Оршей 8 сентября 1514 г. Участник Московской войны 1534—1537 гг.

7. Николай Черный. Начало славе и выдающемуся положению фамилии Радзивиллов положил, в сущности, он. Заграничное воспитание в Германии отразилось на его религиозных убеждениях. Отступился от католичества, принял кальвинскую веру (1553) и оказывал влиятельную поддержку литовским диссидентам (печатание кальвинских книг). По званию великого канцлера принимал деятельное участие в принятии Литвой под свой протекторат Ливонского ордена, а также в дипломатических сношениях с Москвой.

8. Николай Рудый. 1) В 1564 г. принял кальвинскую веру и по смерти Николая Черного стал главной опорой этого учения в Литве. Устроил съезд в Вильне лютеран и кальвинистов, но настоящего соглашения между ними не достиг (1570). Основал в Биржах высшую школу — гимназию. При его дворе жили ученые-кальвинисты и вели литературную полемику с иезуитами (Волан, Радван и др.). 2) Участие в Московской войне за Ливонию, как при Сигизмунде-Августе, так и при Стефане Батории (Кес-Венден, Полоцк, Великие Луки, Езерише, осада Пскова). Во время двух междуцарствий (1572, 1574), на положении первого сенатора, управлял всем Великим Княжеством и проявил себя горячим противником кандидатуры московского царя, прекратил сношение с Москвой, загородив проезжие пути, чтобы помешать сторонникам Ивана Грозного сноситься с ним.

10. Николай Сиротка. Получил заграничное воспитание (Лейпциг), близко ознакомился с жизнью королевских дворов

РОД

1. Радзивилл,
ум. 1477

2. Николай
«Старый»
1398-1509

3. Николай
1470-1522

4. Ян «Бородатый»
ум. 1522

6. Ян, ум. 1542

7. Николай «Черный»
1515-1565

10. Николай Криштоф
1549-1616
«Сиротка»

11. Юрий
1556-1600

13. Ян Юрий
1588-1625

14. Войцех Владислав
1589-1636

15. Сигизмунд Кароль
1591-1642

18. Михаил Казимир
1625-1680

РАДЗИВИЛЛОВ

сын Остыка

(Priscus)

5. Юрий «Геркулес»
литовский
1480–1541

8. Николай «Рыжий»
(Rudy)
1512–1584

9. Варвара
1520–1551

12. Криштоф «Перун»
(Piarun)
1547–1603

16. Александр Людвиг
1594–1654

17. Криштоф
1585–1640

19. Доминик Николай
1643–1697

9. Януш
1612–1655

русские архипастыри не приняли участия: спасти православие в Великом Княжестве и в Русской Польше выступили почти исключительно одни миряне.

П. ПРОТЕСТАНТСКИЕ УЧЕНИЯ

Протестантское учение проникло в Польшу, а оттуда в Литву очень скоро после того, как Лютер объявил открытую войну Римской церкви. Проложить сюда свободный путь протестантству немало содействовали:

1. Оживленные культурные связи с Германией: много поляков и литовцев (литвинов и русских) из высшего круга получали свое образование в немецких школах и университетах.

2. Широкая веротерпимость короля Сигизмунда-Августа, подчас открытое сочувствие и даже поддержка протестантизма, вызывавшая негодование и упреки Римского престола.

3. Чувство политической независимости и борьба панов и шляхты за свои права и привилегии с верховной светской властью, которую католическая церковь обыкновенно поддерживала своим авторитетом.

В Литве завоевания еще более широкие, чем лютеранство, сделало учение Кальвина. Здесь оно нашло себе мощную поддержку у первенствующих магнатов — Радзивиллов. Радзивиллы вызывали к себе реформатских проповедников из Пруссии, из Швейцарии, строили кальвинские церкви и молельни (так называемые «зборы»), основывали школы, печатали на свой счет книги, составленные или проредактированные в кальвинском духе. Таковы: 1) «Катехизис». Несвиж, 1562. Его составил Будный «для простых людей языка русского». 2. «Библия». Брест, 1563 (по имени издателя и месту издания, обыкновенно она называется «Радзивилловской» Библией, или «Брестской»).

Кроме кальвинства, проникло в Литву и учение антиритритариев и близкое к ним учение Социна — социнианство.

Антиритритарии возрождали учение Ария, отрицающая Св. Троицу: они видели в Иисусе Христе простого человека, не более. Основание социнианству положили Социны, дядя и племянник, итальянские протестанты. Социниане тоже отвергали в Иисусе Христе вторую Ипостась Троицы, однако видели в нем существо, непорочно зачатое, одаренное божественными силами, дающими Ему право на поклонение как Божеству. В отличие от православной и католической церкви, которые учат, что Иисус Христос снизошел на землю для

искупления человечества от первородного греха, социниане отвергали сам первородный грех и утверждали, что, приняв крестную смерть, Спаситель хотел ею лишь прочнее запечатлеть в сознании человечества справедливость своего учения.

Ян Кишка, староста жмудский, очень много сделал для распространения учения социниан и антитринитариев (школы, типографии). Николай Черный Радзивилл под конец жизни тоже стал на сторону антитринитариев.

Главнейшие издания антитринитариев: 1. Унитарная Библия. Несвиж, 1572; 2. Катехизис, так называемый «Раковский», по месту издания: Раков (в Польше), 1609.

В Гощах, на Воьлини, братья Гойские открыли социнианскую школу; впоследствии в ней учился польскому и латинскому языкам Лжедмитрий I.

Кальвинизм и социнианство произвели настоящий разгром как в католической, так и в православной церкви: точно моровое поветрие посетило ту и другую. По подсчету современников, из 700 латинских приходов в Великом княжестве к 1566 г., т. е. лет 12—15 спустя, осталась едва тысячная доля католиков, а на всю Жмудскую епархию осталось только 6 латинских священников. В воеводстве новогрудском до реформации насчитывалось свыше 600 шляхетских православных фамилий — теперь это были жалкие остатки: всего 16 фамилий. Наиболее видные дома в Литве: Сапеги, Ходкевичи, Воловичи, Вишневецкие, Горские, Глебовичи, Пацы, Дорогостайские, Нарушевичи, Пузына, Зеновичи и много других, преимущественно молодое поколение, покинули православие.

Собственных сил для борьбы с протестантизмом не нашлось ни в Польше, ни в княжестве. Ни католическая, ни православная школы не оказались достаточно для того подготовленными. Это были низшие или средние учебные заведения, не всегда с полным курсом; высшая школа была одна — в Кракове, в Литве же еще не было ни одного университета. Иезуиты, наоборот, славились как отличные педагоги и люди большого просвещения — это в значительной степени обусловило не только их появление в Польше и Литве, но и хороший прием, оказанный им здесь.

III. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИЕЗУИТОВ

Факты 1540—1624 гг.

1540 г. Основание Иезуитского ордена. Главная цель: борьба с ересями, возвращение в лоно католической церкви тех, кто

Западной Европы, изучил медицину и географию, окружал себя людьми науки. В 1570 г. иезуит Скарга вернул его и его братьев в лоно католической церкви, в 1573 г. Сиротка участвовал в составе посольства к Генриху Валуа. Ранен московской пулей в голову под Полоцком. Став ревностным католиком, поддерживал Виленскую академию (иезуитскую), издавал сочинения Скарги. Совершил путешествие ко святым местам: в Палестину и в Египет. Описание этого путешествия: Hierosolymitana peregrinatio III. D. Nic. Chr. Radzivillii Epistolis comprehensa. Brunsberge. 1601. folio. — Рус. пер.: «Похождение в землю святую князя Радзивилла Сиротки. 1582—1584». СПб., 1879.

11. Юрий, брат Сиротки. Вместе с ним перешел из кальвинизма в католичество. 18 лет назначен коадьютором епископа виленского (1574), 23 лет — епископом Виленским (1579), 28 лет — кардиналом (1584).

12. Криштоф Перун. 1) Глава литовских диссидентов. Съезды 1585 и 1599 гг. в Вильне лютеран и кальвинистов о соглашении не дали желанных результатов. 2) Уже в молодых годах, вместе с отцом, Николаем Рудым, участвовал в войнах с Москвой (Полоцк, Псков), позже война в Инфлянтах со шведами (1601).

17. Криштоф, сын Перуна. Участник в войне со шведами в 1620-х гг. Под Смоленском во вторую польскую войну (1632—1634).

18. Михаил Казимир. Принимал участие в войнах с Москвой в царствование Алексея Михайловича и с Турцией.

19. Януш. Тоже в борьбе с казаками (Богдан Хмельницкий) и с Москвой.

В. САПЕГИ

Первоначально писались: Сопига, Сопега (от «сопеть»); нынешняя форма вошла в употребление с конца XVI в. Княжеский титул — с XVII в.

Лев Сапега (1557—1633)

Писарь (1581); подканцлер (1585); великий канцлер (1589—1633); воевода виленский (1623); великий гетман (1625).

Крупная государственная личность. Заграничное воспитание (Лейпциг). Сперва был кальвинистом, потом перешел в като-

личество. Письмо Иосафату Кунцевичу: предостерегает его от фанатического отношения к православно́й вере (1622). Деятельное участие в составлении Литовского Статута 1588 г.; издал его на русском языке на собственные средства. Два раза в Москве для ведения мирных переговоров (1584 и 1600). Против участия поляков в походе Лжедмитрия на Москву: мы, поляки, только что заключили 20-летнее перемирие с царем Борисом, и было бы опасно давать Москве повод обвинять нас в вероломстве (заслуга этого перемирия принадлежала именно Льву Сапеге). Содействие королю Сигизмунду в завоевании Смоленска (1611). Вел переговоры, приведшие к заключению Деулинского перемирия.

Ян Петр Сапега, староста увятский (1569—1611)

Знаменитый партизан и участник Русской смуты. Помогал Тушинскому вору против царя Василия Шуйского. 16 месяцев вел осаду Троице-Сергиева монастыря. Сняв ее, снова соединился с Самозванцем. После бегства Вора в Калугу перешел на службу к королю; держал руку Госевского против Ляпунова (Госевский должен был купить его поддержку ценой дорогих вещей, взятых из царской казны, отряду Сапеги); зорил Александровскую Слободу и, вернувшись в Москву на помощь полякам, вскоре там умер. В истории Русской смуты оставил память хищника и грабителя. Оставил свои мемуары (диариуш).

Г. ВИШНЕВЕЦКИЕ

Они также владели десятками городов с тысячью сел.

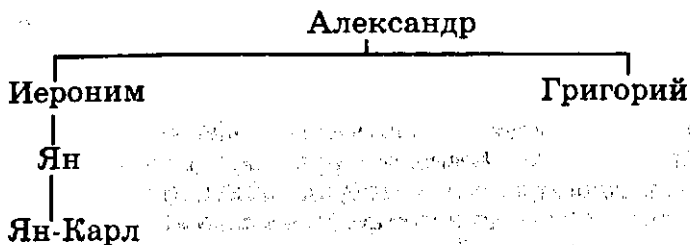
Дмитрий В., умер в 1564 г. Казацкий вождь-авантюрист. В злобе на короля из-за староства, которого не получил, покинул родину; на службе у турок, у Москвы; во главе казаков ходил на татар, на Молдавию. Герой казацких песен под именем Байды.

Адам В. умер в 1627 г. Ревнитель православия; принял у себя в доме Лжедмитрия I.

Иеремия — Михаил В., племянник Дмитрия, умер в 1651 г., принимал деятельное участие в борьбе с Богданом Хмельницким и в подавлении казацкого движения.

Михаил В., его сын, король польский и великий князь литовский.

Д. ХОДКЕВИЧИ

Александр Иванович, умер в 1549 г.

Воевода новогрудский, ревнитель православия, основал Супрасльский монастырь (1500).

Иероним Александрович, умер в 1561 г.

Подचाший (1542); кастелян трокский (1541); староста жмудский (1545); кастелян виленский (1559)

Григорий Александрович, умер в 1572 г.

Воевода витебский (1554); воевода киевский (1555); кастелян трокский (1559); гетман польный (1561); кастелян виленский (1564); гетман наивысший (великий) (1566).

Завел типографию в Заблудове. Вместе с Радзивиллами энергично отстаивал на Люблинском сейме 1569 г. политическую независимость княжества Литовского.

Ян Иеронимович, умер в 1579 г.

Староста жмудский (1563); маршалок земский (великий) (1566); администратор инфлянтский (1566); кастелян виленский (1574).

Последовательно: православный, кальвинист и католик. Подобно дяде Григорию, противник Люблинской унии. Участвуя в войне за Ливонию, нанес на берегах р. Улы поражение войскам московским. По смерти Сигизмунда-Августа всеми силами противился кандидатуре Ивана Грозного на польский престол.

Ян Карл, умер в 1621 г.

Подचाший (1596); староста жмудский (1599); гетман польный (1600); администратор инфлянтский (1603); вел. гетман (1605); воевода виленский (1616).

Заграничное воспитание. Объездил Европу. Ревностный католик, сражался в войсках герцога Альбы против голландцев. Под Полоцком со Стефаном Баторием (1579).

Участвовал в усмирении казачьего восстания Наливайки (1596). Под Смоленском в армии короля (1609—1611). Ходил освобождать Госевского, сидевшего в осаде в Москве. Погиб в битве с турками под Хотинном (не на поле брани, но истощенный трудами и болезнью).

ЛИТЕРАТУРА

Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута. М., 1893 (из Чтений 1892 и 1893 гг.). *Он же.* К вопросу об удельных князьях и местном управлении в Лит.-Рус. государстве // ЖМНП. 1894, август; *Он же.* Очерк истории Литовско-Русского гос-ва до Люблинской унии включительно // Чтения. 1911, кн. I и отд.

Ланпо И. И. Великое княжество Литовское за время от заключения Любл. унии до смерти Стефана Батория. Ч. I. СПб., 1901; *Он же.* Западная Россия и ее соединение с Польшей в их историческом прошлом. Прага, 1924; *Грушевский М. С.* Очерк истории украинского народа. СПб., 1905. Его же восьмитомная История Украины-Руси; *Довнар-Запольский М. В.* Польско-Литовская уния на сеймах до 1569 г. // Древности. Труды славянской комиссии Имп. Моск. Арх. Общ., т. И. М., 1898. *Костомаров Н. И.* Южная Русь в конце XVI в. Монографии, т. III. *St. Kutrzeba:* 1) Unia Polski z Litwa. Krakow, 1914; 2) Historja ustroju Polski w zarzysie. 2 torn. wyd. 2-ie. Lwow. 1920. Для истории Литвы и Западной Руси значение этой книги побочное; р. перевод ее Ястребова (по первому изданию 1905 г.). СПб., 1907. *Wolff J.* Senatorowie i dignitarze W. Ks. Litewskiego. 1388—1795. Krakow, 1885.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

**ПРОСВЕЩЕНИЕ, КУЛЬТУРА
И ОБЩЕСТВЕННОСТЬ В ЛИТОВСКОЙ
И ЛИТОВСКО-ПОЛЬСКОЙ РУСИ (1386—1654)**

**I. ПЕЧАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.
ЧТО ОБУСЛОВИЛО ЕГО**

Неравноправное положение православия

Православная вера ни в Великом княжестве, ни тем более в Короне равноправием с католической верой не пользовалась. Еще Городельская уния 1413 г. плотно заперла перед православными магнатами и шляхтой двери к высшим должностям, и хотя привилей Казимира 1447 г. признал за ними это право, однако это не помешало и в последующие царствования считать постановление 1413 г. еще не потерявшим своей силы. Лишь совсем накануне Люблинской унии король Сигизмунд-Август окончательно и формально отменил его (1563). Но даже и тут двери сената открылись для одних православных мирян — духовенство же православное, в лице своего митрополита и епископов, по-прежнему не имело туда доступа.

Неравенство положения раньше и резче всего проявилось в Галиции, в области, раньше других присоединенной к Польше, и притом по праву завоевания (1349). Киевский православный митрополит имел во Львове, на всю галицкую епархию, своего наместника, и назначение этого-то наместника было предоставлено усмотрению латинского епископа Львовского (1509), православных же священников избирал городской магистрат, состоявший из одних католиков! Уже как милость, православным разрешено было в 1531 г. давать судебную присягу не в костеле, а в православной церкви, быть свидетелями на суде, а духовенству проносить святые дары (к больному) по улице или провожать покойников в церковном облачении, однако без свечей и колокольного звона.

Когда Стефан Баторий вернул от Ивана Грозного Полоцк, он отнял у православного населения города их церкви и монастыри и передал их с приписанными к ним землями и прочим имуществом иезуитам, оставив за православием всего одну церковь на весь город. Не тронуты были имущества одного только архиепископа.

Патронат и право «подаванья» церковных мест

Правом патроната (ктиторство) пользовались: православные паны, городские общины и король — первые двое над приходскими церквями и монастырями своей постройки, король, сверх того, над целым рядом других церквей и монастырей. Первоначальная идея такого патроната была благая. Воздвигая на собственный счет церковь или монастырь, строитель храма, в видах его дальнейшего существования, обыкновенно обеспечивал его каким-нибудь постоянным источником дохода, вообще заботился о нем. Но чтобы блюсти хозяйственное имущество церкви, надо было управлять им, нередко становиться в роли судьи в делах внутренней жизни церковного прихода или монастырской братии. Сказанным, однако, участие патрона в церковной жизни не ограничивалось. Мало-помалу патроны присвоили себе право выбирать по своему усмотрению на священнические или настоятельские места тех, кто был им лично угоден. Села и угодья, приписанные к таким церквям и монастырям, стали рассматриваться как всякая иная частная собственность: их закладывали, променивали, отдавали в приданое; их дарили, продавали. Такое перенесение имущественных прав с одного лица на другое было в то же время передачей ему и самого патроната. Право такой передачи церкви или монастыря в другие руки называлось правом подаванья (*ius donandi*), а так как такое право не было ничем ограничено, то нередко монастыри и церкви получали себе патронов не только из мирян, но и из неправославных. Для таких «патронов» храм Божий являлся исключительно источником материальной выгоды, о духовных же нуждах прихожан или монашествующей братии им мало было дела.

Королевское право подаванья шло еще дальше: оно не ограничивалось церквями и монастырями, но распространялось и на епископские кафедры — и здесь-то зло дало почувствовать себя с особенной силой. Раньше епископ выбирался духовенством совместно с паствою, но постепенно духовенство и миряне были устранены от выбора, и короли присвоили право назна-

чения себе одним. Католики по вере, они мало заботились о чисто религиозной стороне дела; епископская кафедра, особенно если она располагала большими доходами, явилась в королевских руках средством раздавать свои милости тем, кого они желали вознаградить за их заслуги, военные или гражданские. Таким образом монастыри и епископские кафедры так же, как и простые приходские церкви, попадали в управление мирян, правда, под условием управления ими, до своего пострижения, не самим, а чрез наместника-духовного лица, но мало кто условие это выполнял. Нередко король назначал епископом, даже митрополитом светское лицо еще при жизни того, кому предстояло наследовать, и в этом случае, по смерти епископа, его преемник тоже далеко не всегда торопился принять посвящение, но по несколько лет управлял епархией, не принимая духовного сана. Получив епископию в пожалование, он — бывали случаи — передавал ее другому; таким образом кафедра и связанный с ней сан епископа становились предметом самой бесцеремонной сделки, не имеющей ничего общего с интересами церкви. Корыстолюбие, алчность и вообще зазорная жизнь епископов и их заместителей стали обычным явлением. Не довольствуясь кафедрой, они старались увеличить свои доходы припиской к ней богатых монастырей, а по своей жизни мало чем отличались от мирян. Многие священники оказывались двоеженцами, а иные епископы жили со своими женами. Так же как своевольная шляхта и паны, считавшие все для себя дозволенным, епископы, архимандриты монастырей, случалось, производили вооруженные нападения на соседние имения, насильно завладевали ими, производили всякого рода грабеж и разбои. Церковное и монастырское добро расхищалось, переходя в частные руки, к епископским родственникам, как приданое за дочерьми.

Недостойные пастыри

Разительный пример недостойного поведения дал холмский епископ Феодосий Лозовский. Еще при жизни волинского епископа Иосифа король обещался посадить на его место шляхтича Иону Красенского и выдал ему в том соответствующую грамоту. Однако по смерти Иосифа (1563) преемником ему Сигизмунд-Август неожиданно назначил вышеупомянутого епископа Феодосия. Шляхтич, однако, не дремал. Предупредив соперника, он явился с королевским листом во Владимир и вступил в управление епархией. Поехав к королю, он оставил

во Владимире своего сына Василия. Но Феодосии подступил к городу с вооруженным отрядом в 2 500 человек и, «расставив по разным местам 9 пушек, приказал стрелять из них по епископскому замку и соборной церкви, шесть раз посылал свое войско на штурм замка и велел подложить под стены его огонь. Это продолжалось целый день, немало людей было убито, многие здания и соборная церковь были повреждены выстрелами. Пан Василий принужден был ночью бежать из замка, и торжествующий Феодосии вступил в управление и архиерейским домом, и всей Владимирской епархией». Вызов его на суд остался без результата: «Феодосии остался на владимирской кафедре и украшал ее еще много лет» (митрополит Макарий, IX, 339).

Еще не раз совершал он вооруженные наезды на чужие имения, «разбойным образом» нападал на проезжающих и, избитыми, сажал их в свой епископский замок под стражу. Еще задолго до своей смерти, ссылаясь якобы на преклонные годы, он совершил настоящую куплю и продажу своей епархии: уступив ее за деньги, арендовал в ней потом ее епископские имения, т. е., сложив с себя бремя управления, сохранил за собой наиболее доходные статьи.

Не лучшим было и поведение Ионы Красенского. Получив в управление Луцкую епархию, он вымогал у подчиненного ему духовенства подати сверх положенного, а в случае отказа запечатывал церкви; его сын и внуки свободно грабили архиерейские имения, вывозили из церквей образа, колокола, книги, в монастырях разбирали деревянные кельи и тоже увозили к себе. Жидичинский монастырь Иона довел до полного обнищания. У него его отобрали, передав другому епископу, Феофану, но «Иона напал на монастырь с отрядом вооруженных людей, произвел в нем кровопролитие, выгнал из монастыря Феофана и сам поселился там со своими близкими родными. Князь Пронский (назначенный опекуном Жидичинского монастыря) послал на монастырь своих вооруженных людей, чтобы выгнать из него Иону, но на первый раз не имел успеха. Иона проживал в монастыре и владел им еще почти год. Князь Пронский вновь послал на монастырь до трехсот человек пеших и конных, с пушками, с другим огнестрельным оружием, овладел монастырем, выгнал оттуда Иону с его семейством, велел выкопать кости его невестки и сына и выбросить за монастырские стены; а чтобы Красенские вновь не завладели монастырем, окопал его ровом, укрепил и оставил в нем сотню воинов» (митрополит Макарий, IX, 447). Но и Феофан не долго усидел

в Жидичине. Год спустя его «выбил» оттуда львовский епископ Геден Балабан, явившийся туда тоже вооруженный. Жалобы Феофана не помогли, и король утвердил за Балабаном его захват.

Приведенные примеры «пастырского» поведения высших представителей западнорусской церкви, конечно, наиболее яркие и возмутительные, но они не были единичными, к тому же они были явлением времени. Повсюду наблюдалось своеволие сильных, презрение законов, слабость государственной власти; силу приходилось отражать силой же. «Недаром епископские замки были укреплены и вооружены артиллерией; частые столкновения с жадными, сильными и своевольными соседями-иноверцами, и потому не поставившими за грех поживиться на счет имений схизматического епископа, заставляли последнего беспрестанно являться в суды, обвинять и защищаться; и потому, вместо молитвы и приготовления поучений для паствы, владыка должен был сидеть над выписками из законов». «Лозовский и Красенский были люди с сильным характером; их сила искала себе выхода, общество же лишено было возможности направить ее по законному пути. Мало того. Оно терпело эту силу и, не давая ей надлежащего отпора, тем как бы освящало беззаконные действия этих сильных людей» (Соловьев). Во всяком случае зло, на какой бы почве оно ни выросло, конечно, оставалось злом и потому неизбежно должно было принести горькие плоды.

Митрополиты. — не на высоте положения

В эпоху, когда православию грозили, с одной стороны, протестанты, с другой — иезуиты; когда подготавливалась почва для Брестской унии, т. е. когда церковь особенно сильно нуждалась в достойных пастырях-руководителях, митрополичью кафедру занимали люди или неспособные, или прямо недостойные ее.

1. **Макарий** (1534—1555). Не паства выбирала его, а доброжелатели. Он сам выпросил себе митрополию у короля, за него хлопотали королева Бона и виленский воевода Гаштольд: судьбу Макария определили три лица, все трое католики. Таким образом высшая должность в Западно-Русской церкви была приобретена не по личным достоинствам и не по выбору православных, а путем просьб и искательств.

2. **Сильвестр Белькевич** (1555—1567). Человек едва грамотный, он поставлен в митрополиты прямо из мирян, без

обязательного в подобных случаях предварительного служения в сане дьякона и пресвитера.

3. Иона Протасевич (1567—1577). Пастырь ревностный, но его заботы «не простирались дальше материальных нужд церкви и охранения ее прав, имущественных и судебных» (Макарий), значит, и он не в силах был ответить на самые главные нужды: поднять духовный уровень духовенства: его просвещение и нравственность.

4. Илья Куча (1577—1579). Подобно Сильвестру, поставлен было прямо из мирян, за короткое время управления митрополией он не оставил по себе никакого следа.

5. Онисифор Девочка (1579—1589). След оставил, но самый печальный. Шляхтич, он, подобно Сильвестру и Илье, сразу попал на митрополию, не будучи никогда ни дьяконом, ни священником. Вдобавок он оказался двоеженец, за что, когда это раскрылось, и был низложен константинопольским патриархом Иеремией в проезд последнего на обратном пути из Москвы в Грецию. Сильно уронил себя в глазах своей паствы Онисифор в деле о введении нового григорианского календаря в Галиции. Отказ Львовских православных принять календарную реформу вызвал со стороны католиков насильственные действия: по приказанию местного латинского архиепископа Дмитрия Суликовского, все православные церкви в городе были опечатаны, молящихся выгнали, не дав священникам даже окончить богослужение — это пришлось как раз накануне Рождества Христова (1583). Львовские православные граждане подали королю жалобу, но Онисифор проявил полное безучастие к интересам своей паствы, пастве пришлось помимо его хлопотать о восстановлении попранного права, и неудивительно, если миряне города Львова наговорили ему потом много жестокого, заявив, что считают за великое несчастье находиться под его управлением.

Ближайшие последствия

1. Приниженное положение церкви. 2. Упадок церковной дисциплины. 3. Упадок школьного образования и без того очень слабого. 4. Бессилие православного населения, когда ему пришлось стать лицом к лицу с пропагандой протестантских учений и с воинствующим католицизмом (с иезуитами). Характерно, что в борьбе, какую православные повели потом против католиков и протестантов, заводя свои школы и братства, полемизируя литературно, — в этом умственном движении западно-

русские архипастыри не приняли участия: спасти православие в Великом Княжестве и в Русской Польше выступили почти исключительно одни миряне.

II. ПРОТЕСТАНТСКИЕ УЧЕНИЯ

Протестантское учение проникло в Польшу, а оттуда в Литву очень скоро после того, как Лютер объявил открытую войну Римской церкви. Проложить сюда свободный путь протестантству немало содействовали:

1. Оживленные культурные связи с Германией: много поляков и литовцев (литвинов и русских) из высшего круга получали свое образование в немецких школах и университетах.

2. Широкая веротерпимость короля Сигизмунда-Августа, подчас открытое сочувствие и даже поддержка протестантизма, вызывавшая негодование и упреки Римского престола.

3. Чувство политической независимости и борьба панов и шляхты за свои права и привилегии с верховной светской властью, которую католическая церковь обыкновенно поддерживала своим авторитетом.

В Литве завоевания еще более широкие, чем лютеранство, сделало учение Кальвина. Здесь оно нашло себе мощную поддержку у первенствующих магнатов — Радзивиллов. Радзивиллы вызывали к себе реформатских проповедников из Пруссии, из Швейцарии, строили кальвинские церкви и молельни (так называемые «зборы»), основывали школы, печатали на свой счет книги, составленные или проредактированные в кальвинском духе. Таковы: 1) «Катехизис». Несвиж, 1562. Его составил Будный «для простых людей языка русского». 2. «Библия». Брест, 1563 (по имени издателя и месту издания, обыкновенно она называется «Радзивилловской» Библией, или «Брестской»).

Кроме кальвинства, проникло в Литву и учение антитринитариев и близкое к ним учение Социна — социнианство.

Антитринитарии возрождали учение Ария, отрицающая Св. Троицу: они видели в Иисусе Христе простого человека, не более. Основание социнианству положили Социны, дядя и племянник, итальянские протестанты. Социниане тоже отвергали в Иисусе Христе вторую Ипостась Троицы, однако видели в нем существо, непорочно зачатое, одаренное божественными силами, дающими Ему право на поклонение как Божеству. В отличие от православной и католической церкви, которые учат, что Иисус Христос снизошел на землю для

искупления человечества от первородного греха, социниане отвергали сам первородный грех и утверждали, что, приняв крестную смерть, Спаситель хотел ею лишь прочнее запечатлеть в сознании человечества справедливость своего учения.

Ян Кишка, староста жмудский, очень много сделал для распространения учения социниан и антитринитариев (школы, типографии). Николай Черный Радзивилл под конец жизни тоже стал на сторону антитринитариев.

Главнейшие издания антитринитариев: 1. Унитарная Библия. Несвиж, 1572; 2. Катехизис, так называемый «Раковский», по месту издания: Раков (в Польше), 1609.

В Гощах, на Волыни, братья Гойские открыли социнианскую школу; впоследствии в ней учился польскому и латинскому языкам Лжедмитрий I.

Кальвинизм и социнианство произвели настоящий разгром как в католической, так и в православной церкви: точно моровое поветрие посетило ту и другую. По подсчету современников, из 700 латинских приходов в Великом княжестве к 1566 г., т. е. лет 12—15 спустя, осталась едва тысячная доля католиков, а на всю Жмудскую епархию осталось только 6 латинских священников. В воеводстве новогрудском до реформации насчитывалось свыше 600 шляхетских православных фамилий — теперь это были жалкие остатки: всего 16 фамилий. Наиболее видные дома в Литве: Сапеги, Ходкевичи, Воловичи, Вишневецкие, Горские, Глебовичи, Пацы, Дорогостайские, Нарушевичи, Пузына, Зеновичи и много других, преимущественно молодое поколение, покинули православие.

Собственных сил для борьбы с протестантизмом не нашлось ни в Польше, ни в княжестве. Ни католическая, ни православная школы не оказались достаточно для того подготовленными. Это были низшие или средние учебные заведения, не всегда с полным курсом; высшая школа была одна — в Кракове, в Литве же еще не было ни одного университета. Иезуиты, наоборот, славились как отличные педагоги и люди большого просвещения — это в значительной степени обусловило не только их появление в Польше и Литве, но и хороший прием, оказанный им здесь.

III. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИЕЗУИТОВ

Факты 1540—1624 гг.

1540 г. Основание Иезуитского ордена. Главная цель: борьба с ересями, возвращение в лоно католической церкви тех, кто

отпал от нее или с самого рождения исповедовал иную веру. Чем сильны были иезуиты? Самоотверженное служение поставленной цели: они отрекались от родины, от семьи, от личной воли; организация ордена напоминала военное братство: во главе генерал (начальник ордена так и назывался генералом), его слово — закон для всех остальных «воинов Христовых»: строгая дисциплина необходима там, где «воинам» приходится вести постоянную и напряженную «войну» с неприятелем. Прием новых членов производился с большой осторожностью и вниманием: ему предшествовал предварительный долгий искус, который должен был дать уверенность в том, что новый сочлен окажется не только верным задачам ордена, но и деятельным, умелым проводником их в жизнь. Как в армию обыкновенно не принимаются новобранцы с физическими недостатками, так и в орден двери закрыты были тому, кто мог бы оказаться в нем бесполезным и ненужным сотоварищем.

Примечание. 1545—1563 гг. Тридентский собор. Заново формулированы догматы католической церкви. Как основной догмат провозглашено положение: папа выше собора; он есть единый глава церкви, и все обязаны безусловным повиновением ему. Собор положил конец длинному, смутному периоду в истории католической церкви (эпоха Великого Раскола, Гуситское движение, моральное падение высшего духовенства), скрепил расшатавшееся было здание церкви и, в противность новым веяниям, провозгласил: церковь должна идти по прежнему пути, каким шла раньше, в средние века, не поступаясь ничем. Собор резко отмежевался от учений протестантских и занял по отношению к ним позицию непримиримо-враждебную. В этом отношении учреждение Иезуитского ордена и положения, принятые на Тридентском соборе, идейно родственны одно другому.

1564 г. Первое появление иезуитов в Польше: они основывают в Браунсберге свою коллегию для обучения юношества (1565).

1566 г. Основание другой иезуитской коллегии в Пултуске.

1569 г. Появление иезуитов в Литве: здесь, в Вильне, они открывают коллегию (1570) если не в прямой противовес католической школе при виленском кафедральном соборе, то и не для поддержки ее: дело воспитания молодежи иезуиты желали вести самостоятельно и взять исключительно в свои руки.

1571 г. Иезуитская школа в Ярославле.

1573 г. Петр Скарга, талантливый проповедник при королевском дворе, «польский Златоуст», появляется в Польше (из Рима), основывает здесь Братство Тела Господня и начинает свою многолетнюю и успешную полемику с протестантством и православием: литературную и устную (на публичных диспутах). Допуская некоторое преувеличение, можно сказать, что ему одному обязана Польша тем, что католичество взяло в ней верх и борьба с протестантством кончилась для него полным торжеством.

1574 г. Учреждение особой польско-литовской провинции иезуитской.

1578 г. Виленская иезуитская коллегия преобразована на правах университета в академию. Ст. Баторий предоставил ей монополию высшего преподавания во всем Великом княжестве Литовском. В скором времени при ней возникла богатая библиотека, а Радзивилл Сиротка подарил академии ту самую типографию, в которой отец его, кальвинист, печатал свою «Радзивилловскую» Библию.

1581 г. Иезуитская коллегия в Полоцке и в Люблине.

1581—1587 гг. Деятельность А. Поссевина в Польше, Литве и при дворе Ивана Грозного. В Риме при его участии основана еще в 1577 г. Русская семинария — для обучения русской молодежи.

1582 г. Введение в Польше и в Литве григорианского календаря. Противодействие этому новшеству со стороны константинопольского патриарха.

1584 г. Открытие иезуитской коллегии в Несвиже (Николаем Сироткой).

1608 г. То же во Львове.

1609 г. То же в Луцке и в Каменец-Подольске.

1617 г. То же в Перемышле.

1618 г. Тотчас вслед за Деулинским перемирием иезуиты открыли в Смоленске низшую школу из первых трех классов.

1624 г. Открыта коллегия в Остроге, вместо бывшей здесь православной, основанной за 45 лет перед тем Константином Острожским, воеводой киевским, ревнителем православия.

Вообще царствование Стефана Батория и особенно Сигизмунда III есть время наибольшего влияния иезуитов в Польше и Литве. Первый король покровительствовал им из политических соображений, второй — был ревностным, до фанатизма, их поклонником. За это время во всей Речи Посполитой было открыто иезуитами до 20 коллегий.

Приемы иезуитов в борьбе с протестантством и православием

1. Школа, воспитание, диспуты, проповеди — орудие исключительно духовное.

2. Орудия внешнего рода: религиозные церемонии в большие праздники — они устраивались обыкновенно с большой помпой, привлекая массу зрителей; спектакли в стенах учебного заведения; торжественные встречи высокопоставленных особ; учреждение студенческих братств, которые внешне и в малообычных формах проявляли свое религиозное чувство: братчики налагали на себя строгие посты, стояли на молитве по несколько часов без перерыва, в сильные морозы ходили по улице босыми, бичевали себя до кровопролития, в Великий Четверг совершали, в знак своего смирения, омовение ног нищим.

3. Орудия насильственные: сжигали книги, в которых сохранилось учение, противное католической церкви. Так, еп. Юрий Радзивилл, при вступлении своем на виленскую кафедру (1581), подверг в Вильне такие книги публичному аутодафе; нападения на отдельных лиц, разгром церквей и училищ.

4. Однако иезуиты неоднократно давали примеры истинного христианского смирения, всепрощения и любви. В ответ на ругательства и побои Скарга сам хлопочет за обидчика, прося не предавать его суду, и дает ему полное прощение, когда тот, по требованию властей, пришел к нему с извинениями. «В 1571 г. в Вильне свирепствовало страшное поветрие, так что все, кто мог, бежали из города. Уехал и бискуп со своим капитулом, разбежались и все почти ксендзы. Но ректор Варшевицкий с несколькими товарищами не покидал своего коллегиума. Они продолжали совершать церковные службы и проповедовать, посещали и утешали больных, помогали бедным, ухаживали за умирающими, исповедовали их и приобщали. Более двадцати других братьев обходили с той же целью окрестные села и деревни и везде являлись со своей помощью, вещественной и духовной. Некоторые из них сами при этом заразились у одра больных и умиравших и поплатились жизнью. Такие подвиги самоотвержения и христианской любви не могли не подействовать глубоко на местное народонаселение и не возбудить в нем горячей признательности и расположенности к отцам иезуитам» (митрополит Макарий, IX, 359).

Главные побеги протестантского учения (лютеранство, кальвинство, антитринитарианство, социнианство) разбились в Литве на разные секты, в одной Вильне таких протестантских

ект насчитывали 72 в 1592 г. Секты эти враждовали между собой и тем, конечно, значительно облегчали работу иезуитов.

Католики против иезуитов

Принципы Иезуитского ордена и приемы, положенные в основу при проведении их в жизнь, вызвали отпор не только протестантов и православных, но даже самих католиков. Так, Краковская академия (университет) вела долгую и упорную борьбу с иезуитами; коронный канцлер и коронный гетман Ян Замойский, знаменитый сподвижник Стефана Батория, основал (1593) у себя в Замоете академию с университетским преподаванием (три факультета: юридический, медицинский и философский) с тем, чтобы дать населению Русской Польши возможность обходиться в деле образования без иезуитов. Наконец, преемник Сигизмунда, сын его Владислав IV, в противоположность отцу далеко не благоволивший иезуитам, в тех же целях вызвал орден пиаров (они занимались бесплатным обучением). Однако ни академия Замойского, ни школы, основанные пиарами, поколебать первенствующего положения иезуитов в деле воспитания и образования подрастающего поколения не смогли, тем более что на помощь иезуитам явился новый монашеский орден — Базилианский.

Базилианский орден

Он учрежден был вскоре после Брестской унии специально для униатов и действовал в тесном согласии с орденом Иезуитским — католики по вере и православные по обрядам; но православные обряды в чистом виде удержались среди базилиан недолго: в них все более и более стали примешиваться обряды католической церкви, так что к концу XVII в. униатское богослужение с внешней стороны стало сильно отличаться от православного и в глазах православного населения делало униатов настоящими римско-католиками.

IV. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЗЛУ

А. Усилия отдельных лиц

1. Князь Андрей Курбский (1528—1583; в Литве с 1564 г.) — ревностный защитник православия. Ведет в этих

целях оживленную переписку (кн. К. К. Острожский; княгиня Чарторийская; Евстафий Волович, пан Троцкий; виленский бурмистр Мамонич; львовский мещанин Седлар и др.), с большим подъемом и энергией призывает православных людей неустанно и бодро стоять на страже интересов своей веры. Увеличить обращение православных книг в православной среде, заняться переводами — одно из лучших, по его мнению, средств для борьбы. Курбский убедил своего родственника, кн. Михаила Оболенского, пройти курс учения в Краковской академии и потом еще завершить свое образование поездкой в Италию. Сам Курбский выучился на старости лет латинскому языку.

Сочинения Курбского: 1. История Флорентийского собора. 2. Предисловие на «Новый Маргарит». Предисловие к книге И. Дамаскина «Небеса».

Переводы Курбского (при содействии Оболенского):

1. «Новый Маргарит» — это собственно выборка из разных слов Иоанна Златоуста. 2. «Богословие» и «Диалектика» Иоанна Дамаскина. 3. Переводы из творений Григория Богослова, Василия Великого и других отцов церкви.

2. Старец Артемий (бывший некоторое время игуменом Троице-Сергиева монастыря). Обвиненный в Москве в неправоверии и бежавший в Литву, он проявил себя здесь горячим борцом за православие. Оставил ряд писем и статей, в том числе: 1. «К люторским учителям». 2. «Послание до Симона еретика Будного».

3. Князь Константин Константинович Острожский, воевода киевский (1526—1608). Подобно Курбскому, тоже вел деятельную пропаганду в пользу православия, притом в значительно большем размере, чем тот. Общественное положение и громадные богатства позволили ему не только пропагандировать, но и оказывать реальную защиту православию. Он ведет такую же, как и Курбский, оживленную переписку с ревнителями православия по поводу изданий полемических и творений отцов церкви. Отличие от Курбского: тот православное дело проводит исключительно православными руками; ни от протестантов, ни, тем более, от католиков он не хочет пользоваться ничем. Острожский терпимее его: он не отказывался пользоваться услугами иноверцев и даже готов был принять унию с римской церковью, хотя и не в том виде, как она осуществилась в Бресте в 1596 г., но при обязательном условии, чтобы на нее пошла вся Греко-Восточная православная церковь. Деятельность Острожского выразилась в создании школ, типографий и печатании книг.

1) Школа в Остроге. Кроме славянского языка, в ней учили также древним языкам. Одно время в ней преподавал Кирилл Лукарис, впоследствии знаменитый патриарх Константинопольский. Школа ставила себе целью «размножение наук веры православной»; будучи первой православной школой, оказавшейся в состоянии удовлетворить назревшую потребность в просвещении, она не пустовала: в ней много училось и шляхтичей, и молодежи из мещан. Однако трудность обзавестись постоянным опытным педагогическим персоналом затормозила на первых же порах дальнейшее развитие школы.

2) Две типографии: в Остроге и в Дермане, при тамошнем монастыре, где монахи еще раньше занимались переводами церковных и поучительных книг.

3) Новый Завет и Псалтирь. Острог, 1580.

4) Знаменитая Острожская Библия. Острог, 1580—1581.

Оба этих издания печатал Иван Федоров. О Библии см. ниже.

5) Труды, составленные и напечатанные при материальной и нравственной поддержке, частью и по вызову князя Острожского:

а) Герасим Смотрицкий, ректор Острожской школы (отец Мелетия Смотрицкого): «Календарь Римски новы». Острог, 1587.

б) «Ключ царства небесного». Острог, 1587 — против книги иезуита Гербеста: «Выводы веры Римского костела».

в) «Исповедание об исхождении Св. Духа». Острог, 1588.

г) Василий, священник Острожской церкви: «О единой истинной православной церкви». Острог, 1588 — опровержение латинского учения об исхождении Св. Духа, об опресноках и о главенстве папы.

д) «История о листрийском, т. е. разбойничьем Феррарском или Флорентийском соборе». Острог, 1598.

4. Ходкевич, Григорий Александрович, каштелян виленский и великий гетман. Он и его сын напечатали:

1) «Евангелие Учительное». Заблудово, 1569. Печатали Иван Федоров и Петр Мстиславец после бегства их из России. Это сборник проповедей и поучений из отцов церкви и других духовных писателей, для наставления православных в истинах веры и нравственности.

2) «Псалтирь» (и при ней Часословец). Заблудово, 1570. Печатал Иван Федоров.

3) «Апостол». Львов, 1574. Печатал Иван Федоров, на средства Яна Ходкевича-сына (отец к тому времени уже умер).

Это была первая книга на русском языке, напечатанная в городе Львове.

5. Братья Мамоничи (один из них был бурмистром города Вильны). Ими издано:

1) •Евангелие на престольное». Вильна, 1575. 2) «Псалтирь». Вильна, 1577. Обе книги печатал Петр Мстиславец. 3) Сборник переводов кн. А. Курбского (Геннадий Схолярый, И. Дамаскин, И. Златоуст). Вильна, 1585 (уже по смерти Курбского). 4) «Апостол». Вильна, 1591. 5) «Четвероевангелие». Вильна, 1600.

Б. Братства

Два типа братств: первоначальный, древнейший, с задачами более или менее материального характера, и позднейший, с задачами духовно-просветительными.

1. Первоначальные братства — союзы или кружки из мирян данного города или какого-нибудь одного городского цеха: заботы о существовании и благолепии церкви, устройство богадельни, благотворение с характером взаимопомощи и взаимной защиты. Богатые братства имели свою собственную церковь, победнее — свой придел в церкви. Выборный староста заведовал делами братства, отдавал ему отчет в своих действиях. Братства пользовались самоуправлением и даже правом самосуда в делах, касавшихся исключительно самого братства. Члены братства собирались в братском доме для обсуждения братских дел, справляли там свои праздники, варили мед, выпивали его или продавали, а воск шел на церковные свечи. Такие братства нередко назывались медовыми. В больших городах, как Вильна, Львов, братств было по несколько.

2. Опасность со стороны протестантов и католиков вызвала коренное преобразование братств. Цели материальные отступили на задний план перед целями духовными. Теперь это: воспитание юношества, учреждение школ, заведение типографий, издание книг, потребных для церкви, борьба с иезуитами, охрана национальности, поддержка колеблющихся, надзор над слабыми духом. Братства этого нового типа первоначально появились во Львове (1586) и в Вильне (1588). Потом обзавелись ими и другие города: Могилев, Киев, Луцк, Замостье, Брест, Орша, Минск, Пинск, Бельск, Кобрин, Витебск, Полоцк и др., но львовское и виленское братства всегда занимали первенст-

вующее место как по размерам, так и по результатам своей деятельности.

3. Львовское братство. Среди всех братств особенно выдающееся положение заняло львовское братство в силу необычайно широких полномочий, какие оно выхлопотало себе от патриарха: 1) право блюсти благочиние церковное и искоренять всякое его нарушение; 2) право надзора за поведением православных людей, мирян и духовенства, не исключая самого епископа; 3) право обличать тех, кто станет действовать противно закону православной церкви; 4) право отлучать, через братского священника, от церкви, причем ни протопопы, ни епископ не могли благословить такого отлученного, пока тот не примирится с братством.

Широкие полномочия львовского братства выросли, конечно, прежде всего из нестроения церковного; цель была благая: исправить зло; но члены братства тоже были люди своего времени, когда произвол и насилие были обычными и считались явлением нормальным: получив такую силу и власть, всегда ли они используют ее с надлежащим беспристрастием?.. Между братством и львовским епископом сразу установились ненормальные отношения; последний подпал под цензуру и справедливо чувствовал себя задетым в своем достоинстве верховного пастыря своих духовных овец. К тому же епископом во Львове на ту пору был Гедеон Балабан, человек властный и честолюбивый. Кафедру он получил как бы по наследству: перед ним ее занимал родной его отец, Арсений Балабан, и Гедеон готов был смотреть на нее как не неотъемлемую собственность.

Константинопольский патриарх Иеремия подтвердил привилегии братства (1589), даже расширил их, предоставив ему право удалять от должности священников за нехорошее поведение, а епископу поставив в обязанность ставить («благословлять») без отговорок священника, избранного братством. Названное братство состояло при церкви Успения; но кроме него при других церквях в городе Львове были другие церковные братства; недовольные привилегированным положением того, они ставили ему палки в колеса (уговаривали не поступать в его школу), а Гедеон, ссылаясь на то, что успенское братство отказывает ему в епископской чести, в свою очередь, отказывался благословлять для него священников.

V. БРЕСТСКАЯ УНИЯ 1596 г.

Что обеспечило Унии ее успех, хотя бы только формальный?

1. Православным недоставало надлежащего единения. Духовенство уронило себя забвением своих первых обязанностей, обмирянилось, целиком ушло в заботу о «хлебе насущном», материальном. Деятельность братств, несомненно, во многом была плодотворна и полезна, однако несвободна от одного основного недостатка: вмешательство в церковные дела, переходившее за должную грань, давление в вопросах, компетенция в которых должна была принадлежать одной только церкви в лице духовенства. В результате духовенство очутилось между двух огней: миряне-православные (братства), с одной стороны, миряне-католики (правительство) — с другой.

2. Значительная часть православного духовенства к вопросам религии относилось довольно равнодушно.

3. Немало нашлось таких, которые охотно приняли унию из личной выгоды, например, Кирилл Терлецкий или Геден Балабан, — последний, по тем же соображениям, позже снова вернувшийся в православие.

4. Иные видели в унии меньшее из двух зол, надеясь, приняв ее, вдохнуть в православную церковь свежие силы и придать ей больше самостоятельности, очистив ее от мирских наростов, какими она обросла за последнее время.

5. Мысль об унии не пугала даже таких несомненных ревнителей православия, как князь К. К. Острожский, хотя унию он понимал иначе, чем ее понимали в Риме и какой приняли ее будущие униаты: не в подчинении православной церкви Римской, а в равноправном единении обеих половин, всего православного мира с католиками, — не одних только православных, живущих в Литве и Польше. При таком равноправном единении Острожский считал возможным признать примат папы.

6. Были, наконец, сторонники унии и по убеждению (Ипатий Потей).

Подготовка Унии. Главные моменты. Условия соглашения

1589 г. Архимандрит Михаил Рагоза посвящен патриархом Иеремией в митрополиты на место низложенного им Онисифора Девочки. Это был кандидат короля, его ставленник, бесхарактерный человек, мелкий, двуличный себялюбец. До последней

минуты он изворачивался и лживо заверял православных в том, что в унию он не вступит.

1589 г. Тогда же патриарх Иеремия назначил своим экзархом луцкого епископа Кирилла Терлецкого, что поставило митрополита в подчиненное положение по отношению к Терлецкому.

1591 г., 24 июня. Четыре епископа: луцкий — Кирилл, львовский — Геден, пинский — Леонтий Пельчицкий, холмский — Дионисий Збируйский формально, но пока еще не гласно, особой коллективной грамотой заявили королю о своей готовности присоединиться к Римской церкви, при условии сохранения обрядов Восточной церкви и подтверждения королем прежних их вольностей.

1593 г. Адам Потей, брестский кастелян, назначен епископом Волынским (с переименованием в Ипатия). Родился в 1541 г. православным, в молодости стал кальвинистом, с 1574 г. снова православный. «В лице нового владыки Владимирского уния приобрела себе такого поборника, какого прежде не находила между русскими владыками. Он имел пред ними три важных преимущества. Превосходил их своей знатностью: был сенатором и находился в связях с самыми высшими государственными сановниками. Превосходил своим образованием: хорошо понимал и православие, и латинство, владел даром слова и искусством излагать свои мысли, знал язык латинский. Превосходил своей привязанностью к унии: тогда как Кирилл Терлецкий и другие владыки решались принять унию по своекорыстию, искали в ней только собственных выгод, Потей действовал по убеждению, по крайней мере вначале, и показал свою пламенную ревность об унии еще в то время, когда был светским лицом и не мог ожидать себе от нее личных выгод, хотя впоследствии, в сане епископа, и он увлекся тем же своекорыстием. Все эти преимущества, естественно, ставили Потей на одно из первых мест в круге лиц, желавших единения с Римской церковью» (митрополит Макарий, IX, 536).

1593 г., 21 июня. Письмо князя К. К. Острожского к новопоставленному епископу Ипатии Потее: выражает готовность пойти на унию с Римом, уговаривает его съездить к великому князю московскому, рассказать ему о всех гонениях и поруганиях, какие терпит здесь русский народ в церковных порядках, и попросить его позаботиться о прекращении такого разделения церкви. Условия, поставленные Острожским для принятия унии: 1) сохранить обряды Восточной церкви; 2) сохранить за церковью ее имущества: недвижимую собственность — не от-

писывать ее на костелы; 3) принявших унию не принуждать к переходу в католичество и не позволять этого перехода, если бы даже они сами захотели перейти; 4) митрополиту и епископам предоставить сенаторские места в господарской раде и на сеймах; 5) сговориться с восточными патриархами, с московским князем и с валахами, чтобы, если уж принимать унию, то всем сообща.

1594 г., 21 мая. Терлецкий публично заявил, что король посылает его и Потей в Рим договариваться об унии. С этой поры начинаются хлопоты этих двух епископов о получении согласия митрополита и других епископов на унию.

1594 г., 2 декабря. Коллективное заявление 8 епископов и архимандритов о желании присоединиться к Римской церкви, своего рода формальное обязательство (не обращенное ни к кому лично), принятое на себя. В действительности в день 2 декабря подписались только Терлецкий и Потей, подписи остальных собирались постепенно, в течение почти всего следующего 1595 г.

1594 г., после 2 декабря. По инициативе Кирилла Терлецкого три епископа: Гедеон Львовский, Михаил Перемышльский и Дионисий Холмский собрались обсудить об унии: решили принять ее.

1595 г., 28 января. Епархиальный съезд, созванный Гедеоном во Львове, постановил: присоединиться к унии.

1595 г. 1 июня. Митрополит и три епископа: Потей, Терлецкий и Дионисий Збируйский подписали для представления папе и королю условия вступления в унию («артикулы»):

А. Неприкосновенными остаются:

1. Литургии, церемонии и обряды Восточной церкви.
2. Причащение под обоими видами.
3. Крещение через погружение (не через обливание, как у римско-католиков).
4. Порядок празднования Пасхи и других переходных праздников (но григорианский календарь вводится).
5. Брак для духовенства.
6. Праздник Богоявления, 6 января, не существующий в католической церкви.
7. Православных не будут принуждать принимать участие в крестном ходе в день католического празднования Тела Господня (Corpus Domini, Boze Cialo).

Примечание. Этот праздник справляется в ближайший после Троицына дня четверг.

Б. Компромисс в догматах:

1. Дух Святой исходит через Сына, а не от Сына: *per filium*, а не *filio*.
2. О чистилище «не будем спорить».

В. Область юрико-административная:

1. Епископы освобождаются от поездок в Рим за посвящением — их посвящает митрополит на месте, у себя дома.
2. Митрополит если и ездит в Рим, то лишь за грамотой — самое же посвящение совершается русскими епископами у себя дома.
3. Не позволять будущим униатам принимать римский обряд.
4. Разрешить брак униатов с римско-католиками, «так как те и другие станут теперь одной веры».
5. Поставить монастыри в подчинение епархиальных епископов.
6. Церковные имения, отданные мирянам, вернуть церкви.
7. Не возбранять: звонить в колокола, носить по улице, публично, к больным св. дары, совершать, тоже публично, крестные ходы.
8. Отлучение кого-нибудь Униатской церковью считать обязательным и для церкви Римской.

Г. Область мирских отношений:

1. Предоставить митрополиту и епископам место в сенате, т. е. уравнивать их в этом отношении с прелатами католическими.
 2. Разрешить униатам иметь свои семинарии и школы и типографии, поставить их под контроль униатских епископов.
- 1595 г., 12 июня. Соборная грамота на имя папы Климента VIII, с выражением согласия на принятие Флорентийской унии и с просьбой о воссоединении; заявление о посылке в Рим Ипатия Потя и Кирилла Терлецкого, уполномоченных на ведение переговоров. К грамоте приложены были Артикулы 1 июня.
- 1595 г., 24 июня. Окружное послание князя К. К. Острожского ко всем православным Княжества и Короны, мирским и духовным: энергический протест против такой унии. «Весьма

многие из обывателей нашей страны, особенно православные, считают меня за начальника православия, хотя сам я признаю себя не большим, но равным каждому, стоящему в правоверии; опасаясь, как бы не взять на себя вины перед Богом и перед вами, даю знать вашим милостям о предателях церкви Христовой и хочу заодно стоять с вами, чтобы с Божией помощью и вашим старанием они сами впали в те сети, которые тайно готовили на нас. Что может быть бесстыднее и незаконнее их дела?! Шесть или семь злонравных человек злодейски сговорились между собой, отверглись своих святейших патриархов, пастырей, которые их же и поставили, осмеливаются властно, по своей воле, отвергнуть всех нас, правоверных, будто бессловесных, от истины и низвергнуть с собой в пагубу. Какая нам может быть польза от них? Вместо того, чтобы быть светом миру, они сделались тьмой и соблазном для всех». Послание возымело действие; в стране началось движение против унии.

1595 г., 1 июля. Гедеон Балабан обвинил Кирилла Терлецкого в подлоге: я-де выдал ему бланк, а он вписал в него мое согласие на унию, между тем я его совсем не давал.

1595 г., 13 июля. Протест горожан Вильны. Дидаскал виленской братской школы, Стефан Зизаний; горячие нападки на митрополита и его соумышленников. Рагоза отлучил Зизания (1596 г., 27 января), но тот не признал законным отлучения: как униат, Рагоза потерял-де право на него.

1595 г., 24 сентября. Всенародное объявление короля Сигизмунда о соединении церкви Восточной с Западной.

Как вводилась уния

1. Папа Климент VIII принял 23 декабря 1595 г. в торжественной аудиенции Кирилла Терлецкого и Ипатия Потя, и вместе с ними всю западнорусскую церковь, в единение с церковью Римской. При этом оба епископа представили папе свое исповедание веры. Единение, однако, состоялось далеко не на основании «Артикулов» 1 июня. «Исповедание» содержало в себе и признавало:

- а) обязательность постановлений не только Флорентийского собора 1439 г., и но собора Тридентского 1563 г.;
- б) *filioque* не *per filium*;
- в) опресноки наравне с квасным хлебом;
- г) в таинстве причащения: «и под одним только видом тоже принимается весь Христос и истинное таинство»;
- д) чистилище;

е) индульгенции.

2. Собор в Бресте, 6—9 октября 1596 г. Съехавшиеся на него духовные лица и миряне с самого же начала распались на две отдельные группы: униатскую и православную; каждая группа организовалась в особый самостоятельный собор. Один собор провозгласил в Великом княжестве и в Польше унию, другой отрекся от нее. Обе стороны обменялись взаимными проклятиями и отлучением от церкви.

3. Уния нашла влиятельную поддержку короля и правительства. «С православными велено было поступать, как с преступниками, гонение на них было узаконено». Правда, указ королевский провести во всей силе было невозможно: «наказывать за противление унии пришлось бы слишком многих, целый народ, и некоторые из них многих были очень сильны, а правительство очень слабо» (Соловьев, X, 69); все же жить православным стало нелегко. Конечно, в городах и селениях, находившихся под охраной и в ведении таких лиц, как князь Острожский, они еще могли (да и то лишь до его смерти) отправлять по-прежнему православное богослужение; зато «там, где у православных не было таких покровителей и защитников, например, в имениях самого короля, в имениях латинских и униатских панов и епископов, православным священникам приходилось избирать одно из двух: или принимать унию, чтобы сохранить за собой свой сан, место и доходы, или лишиться всего этого и оставаться без всяких средств к жизни. И некоторые священники, поневоле, уступали; соглашались на унию, по крайней мере, наружно, и обязывались насаждать ее в своих приходах. А несогласившиеся на унию и упорно продолжавшие священствовать и утверждать в православии своих прихожан подвергались и более тяжким насилиям. Таких схватывали и бесчестили, заключали в оковы и темницы и т. п.; приходские церкви их запечатывали, а прихожан оставляли без пастыря и богослужения» (митрополит Макарий, X, 251).

Легче было киевлянам: там воеводой был князь Острожский; тяжелее в Вильне: там преобладающее значение имело латинское духовенство и особенно иезуиты. Через 10—15 лет в Вильне у православных осталась всего одна Святодуховская церковь и при ней монастырь — остальные 12 городских церквей перешли к униатам.

4. Униатские митрополиты:

Михаил Рагоза, умер в 1599 г.

Ипатий Потей, умер в 1613 г.

Иосиф Велямин Рутский, умер в 1637 г.

Рафаил Корсак, умер в 1643 г.

Антоний Селява (1645—1655).

Гавриил Коленда (1665—1674, кафедра 10 лет оставалась вакантной).

Киприан Жоховский (1674—1693).

5. Православная церковь оставалась без своего митрополита: 1596—1621 гг. После Брестской унии осталось только две епархии в ведении православных епископов: Львовская и Перемышльская; но по смерти Михаила Копыстенского (1610) и в Перемышле сел униат; только во Львове Гедеона Балабана (умер в 1607 г.) заменил православный Иеремия Тиссаровский, да и то потому, что сумел перед назначением прикинуться униатом.

Смерть Гедеона была крупным событием. Экзарх царградского патриарха, он целых 10 лет заменял Западно-русской церкви православного митрополита и оказал ей незабвенные услуги. «Не привлекательна его деятельность до унии: он был не лучше других тогдашних владык, а некоторых даже хуже. Но он вовремя опомнился, вовремя отрекся от унии и решился действовать против нее всеми силами, хотя это отречение служило для него впоследствии постоянным укором со стороны ревнителей унии. Еще ценнее то, что, решившись стоять за православие против унии, он остался верен своей решимости до конца жизни, несмотря на все проклятия и огорчения, каким подвергался от латинян и униатов: мужественно боролся с двумя митрополитами, Рогозой и Потеем, за свою духовную паству и ни в чем им не уступал. Прискорбна была долговременная неприязнь Гедеона к львовскому братству, хотя отчасти извинительная: это братство существовало в его епархии и однако же не подчинялось его власти, еще считало себя вправе наблюдать за его жизнью и действиями и доносить о них вселенскому патриарху. Но и эту неприязнь, столь естественную, Гедеон, наконец, преодолел, примирился с братством и последние годы своей жизни посвятил исключительно православной церкви, основал на пользу ее училище и две типографии, издал несколько книг» (митрополит Макарий, X, 350).

Успехи католичества

За 1569—1600 гг. в Литве возникло 44 католические церкви и монастыря; за 1600—1655 гг. — 190, иначе говоря, в XVII ст. нарастание их шло почти в два с половиной раза интенсивнее, чем в XVI в.

Два года спустя после Брестской унии, в 1598 г., насчитывалось 58 литовско-русских вельмож и дворян, принявших унию. В 1610 г. в унии состояли (отдельные представители фамилий или целые семьи):

А. Княжеские роды: Вишневецкие, Заславские, Збаржские, Масальские, Острожские, Пронские, Пузыны, Рожинские, Сангушки, Слуцкие, Чарторийские, Четвертинские.

Б. Нетитулованные роды: Воины, Воловичи, Глебовичи, Гулевичи, Гурки, Кишки, Корсаки, Пацы, Поцеи, Сапеги, Сенашки, Терлецкие, Тышкевичи, Ходкевичи, Хребтовичи.

VI. КАЗАЧЕСТВО

Помощь православию пришла с той стороны, откуда ее менее всего ожидали — со стороны казачества.

В XVI ст. из центральных областей Польско-Литовского государства потянулись переселенцы на южные окраины в никому не принадлежащие степи. Привлекаемые плодородием почвы, предприимчивые люди шли сюда искать счастья, а нуждавшиеся в свободной земле легко находили ее. Заселение этих южных окраин вылилось в двух формах заселения — вольно-казацкого и шляхетско-помещичьего.

Колонизация казацкая

Казачество составилось из весьма разнородных элементов. Недовольные порядками в государстве, выбитые из колеи нормальной жизни, под гнетом ли экономических затруднений, или вообще люди беспокойные, которым не сиделось долго на одном месте, они уходили на окраины, слагались в самостоятельные, автономные группы и становились казаками. Сюда шел ремесленный люд из городов и местечек, мелкий торговец-неудачник, недоучившийся школяр, крестьянин, движимый желанием променять помещичью соху на свою собственную; попадались войты и бурмистры, отставленные от должности за отказ принять унию или вообще неугодившие униатам, масса всякого бессемейного и бесхозяйного люда. На вольные земли бежали: кто от крепостной зависимости, от тяжелых податей, кто от произвола и «панского» засилья — все те, кому терять было нечего и оставалась одна только надежда на лучшее.

Основные причины движения на юг были те же, что и в Московской Руси, где люди также оставляли старые гнезда и бежали на Дон или в Заволжье, подальше от старых

порядков, в поисках новой жизни, большей свободы и простора. Только здесь с XVII в., со времени введения унии, прибавились еще две сильные побудительные причины: утеснение православной веры и гнет еврейства. Свои имения паны обыкновенно передавали евреям; шляхетский взгляд на хлопа, как на «быдло» (скотину), как на существо низшей расы, открывал и евреям, в их положении, возможность самой возмутительной эксплуатации низших слоев населения, тем более что евреи как класс пользовались в Речи Посполитой немалыми привилегиями. На арендованных имениях еврей был не только арендатором земли, т. е. пашен, лесов и других угодий, но становился управителем и населения, жившего в этих имениях. Вместе с угодьями пан передавал ему и юридические правомочия, которыми он облечен был в своих городах и местечках. Без разрешения арендатора-еврея — а разрешение давалось лишь за плату — ни один священник не мог, под опасением лишиться своего прихода, ни крестить новорожденного, ни обвенчать молодую чету. Всячески высасывая, правдой и неправдой, побольше дохода из имения, арендатор на положении наместника старосты «чинил суд и расправу над поселянами, и нередко у дверей его жилища можно было видеть повешенных людей. Он мог повесить мужика за что ему угодно, так точно, как и сам пан староста: за грубое слово, за подозрительный вид или за кусок сафьяна, за шкурку дикого зверя или железную вещицу, так как подобные предметы добывались от казаков, ходивших в дикие поля на охоту или в чужие земли на войну, а за придерживание казацкой добычи, еще в 1589 г., закон определил смертную казнь» (Кулиш, II, 358).

Колонизация шляхетская

Наряду с колонизацией казацкой шла и колонизация шляхетская, но в отличие от той она велась в крупном масштабе и более упорядоченно. Паны и шляхта выпрашивали себе обширные пространства, а правительство не скупилось на них и щедро раздавало участки: в полную собственность (сравн. московские «вотчины») или на известных условиях (московские «поместья»). Так возникли обширные владения русско-польских магнатов (Острожские, Вишневецкие, Конецпольские, Потоцкие, Калиновские, Рожинские).

Щедрость правительства понятна: от заселения южных окраин государство только выигрывало — создавался оплот против татарских вторжений. Нужда в рабочих руках породила кон-

курению между новыми землевладельцами; временными льготами старались они привлечь на свои земли крестьянина. Край, действительно, начал быстро заселяться. Правда, зато участились и набеги татар: добыча как будто сама напрашивалась степному хищнику, как бы сама пододвигалась к его рукам. Каждый раз татары уводили в неволю тысячи поселенцев, но взамен из внутренних областей появлялись новые выходцы, заводя на том же месте новое хозяйство, и так иногда по нескольку раз. Очевидно, причины, заставлявшие сниматься со старого места, оставались без изменений и властно влекли на юг, несмотря на все опасности, какие он представлял собой. Это обеспечило постоянный приток сюда свежих сил, и одно время он принял такие внушительные размеры, что множество местечек и сел в центральных областях Речи Посполитой совсем опустели. Характерно, что аналогичное явление наблюдалось одновременно и в Московской Руси. Однородные причины обыкновенно ведут к однородным следствиям. Так возникла и была заселена область, которую и поляки, и русские одинаково называли Украиной, т. е. областью, лежащей на окраине государства.

Противоположность интересов

Таким образом, на южной окраине государства, на Украине, население сложилось из трех элементов: 1) землевладельцы, более или менее крупные, юридически «хозяева» края; их арендаторы-евреи и всякого рода местная «власть», администрация гражданская и военная, в городах и местечках; 2) трудовое население, люди, подчиненные этим «хозяевам» и этой «власти»: мещане-ремесленники, мелкие торговцы, значительный процент крестьянства и дворян панская; 3) вольные казаки. Резко очерченной грани между вторым и третьим слоем не существовало, наоборот, наблюдалось известного рода духовное родство. Тем резче было несходство социальное по отношению первого, господствующего, класса. Казацкий дух проникал в мещанство, сообщался панским поселянам; наиболее отважные бегали из панских сел в казацкие хутора и слободы. Казак и казацкая жизнь становились идеалом человека и вольной жиз-

¹ «Украина», по объяснению польского писателя С. Грондского, XVII в., есть «*ta rra, enim polonice kraу, inde Ukrajna quasi provincia ad fines Regni posita*».

Реестровые (городовые) казаки

Правительство, естественно, старалось урегулировать казаков, ввести их в известные рамки, подчинить местному управлению. Первую попытку сделал Стефан Баторий: известное число казаков (6 000) было переписано, внесено в реестры, наделено землей, приписано к городам, получило автономный суд и управление; зато все остальные должны были перейти на положение хлопков и несвободных. Такие же попытки ограничить казацкую вольницу делались и позже, но всегда неудачно: она не переставала пополняться новыми выходцами, и число казаков *нереестровых* всегда значительно превышало число *реестровых*. Правительству же волей-неволей приходилось смотреть на это сквозь пальцы: во-первых, оно было бессильно бороться против зла путем законов и предписаний, а во-вторых, в самом этом «зле» была своя положительная сторона: та же самая казацкая вольница, ослушница правительственных приказаний, готовая при случае пограбить панское имение и свернуть шею арендатору-еврею, она же, воодушевленная религиозным рвением, вела постоянную борьбу с «неверными» и потому служила хорошим, хотя и не всегда надежным, оплотом на южной границе от татарских вторжений.

Впрочем, уже в это время (конец XVI—начало XVII в.) замечается некоторое расслоение казачества на два слоя: высший и низший. В западной половине Украины, теснее прилежавшей к польским областям, казачество численно было слабее, и под влиянием польских порядков местная казацкая старшина не прочь была занять положение казацкой шляхты; зато в восточной половине, где и количественно казачество было сильнее, среди него преобладал элемент демократический: простые казаки (чернь) и крестьяне (посполитые).

Запорожские казаки

Деление казаков на *реестровых* и *нереестровых* создавало положение ненормальное и для многих невыносимое. Привилегия реестра оплачивалась теми «рамками», в какие она была заключена, на казака же *нереестрового* правительство смотрело как на ослушника закона и преследовало (в той мере, в какой это оказывалось ему по силам). Кто не хотел примириться ни с тем ни с другим положением, те бросали Украину и уходили далее в степь. В полосе, наиболее выдвинутой к югу, на Днепре, за порогами они основали совершенно свободную общину, где законом для них была их собственная воля и выработанные

ими самими правила поведения. Аналогия с донскими казаками: как и те, запорожские казаки признавали правительственную власть лишь номинально и, подобно донскому казачеству, также совершали (даже в больших размерах) самовольные набеги на Крым, Молдавию, на турецкие земли, захватывали турецкие корабли на Черном море, грабили целые области в самой Польше и Литве.

Казацкие восстания

Три основных элемента определили поведение казачества и его отношение к окружающему миру: 1) классовая вражда к господствующему классу; 2) вражда к латинской вере и особенно к униатам; 3) неограниченная свобода, переходившая в произвол; полный разрыв с тем государственным и социальным строем, от которого они бежали. Уже к концу XVI в. казаки представляют собой внушительную силу, с которой надлежало волей-неволей считаться. То и дело они учиняли кровавые расправы с панами, шляхтой (одинаково: польской и русской) и с католическим духовенством. Вожди казацких восстаний: Косинский (1593), Наливайко и Лобода (1596), Павлюк (1636—1638), Острица и Гуня (1638—1641). Все эти восстания — отдельные вспышки народного гнева. Организованная сила государства сравнительно легко подавляла их. Не раньше середины XVII в. казачество поднимется всей массой (Богдан Хмельницкий), да и тут ему придется искать опоры на стороне (Москва).

VII. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ИЕРАРХИИ

Посвящение православных епископов (1620)

В 1620 г. произошло событие, знаменательное в жизни Польско-Литовской Руси. Казацкий гетман Петр Конашевич-Сагайдачный, воспользовавшись проездом через Киев возвращавшегося из Москвы иерусалимского патриарха Феофана (он ездил туда посвящать в патриархи вернувшегося из польского плена Филарета, отца царя Михаила), убедил его посвятить епископов на православные епархии, захваченные униатами, и таким образом восстановить православную иерархию, фактически уничтоженную со времени Брестской унии. За эти годы преемство православных епископов не было нарушено единственно лишь в епархии Львовской. Теперь новых епископов Феофан поставил в Киев (митрополия), Перемышль, Полоцк, Владимир, Луцк и Холм, причем одновременно объявил низ-

ложенными и отлученными от церкви всех униатских епископов.

Дело было рискованное, и Феофан, опасаясь репрессий со стороны польского правительства, согласился не сразу, но Сагайдачный сумел уговорить патриарха, так как чувствовал под собой твердую почву: свои недавние большие услуги, оказанные полякам в войне с московским царем (вместе с войском королевича Владислава он стоял во главе своих 20 000 казаков под стенами Москвы, вместе с ним штурмовал царскую столицу), и бессилие польского правительства помешать осуществлению его плана. Событие совпало как раз с тяжелыми днями для поляков: на полях Цецоры турки нанесли им страшное поражение; из всего войска уцелела лишь небольшая горсточка; в битве пал сам коронный гетман Жолкевский (1620 г., 6 октября).

То, что сделал Феофан, имело громадные последствия. Православная церковь, Брестской унией и последующими мерами правительства, казалось, окончательно разрушенная, теперь восстанавливалась, притом восстанавливалась по властному требованию народа, в противность постановлениям государства. Патриарх произвел своего рода революцию. Король ответил на нее приказанием схватить новых епископов как самозванцев, изменников и бунтовщиков; новым архиереям пришлось скрываться, действовать негласно, однако политическая обстановка заставила Сигизмунда значительно понизить тон, опустить занесенную было карающую десницу и уже через несколько месяцев отменить свой грозный приказ: несчастная битва под Цецорой сделала Сагайдачного хозяином положения: правительство больше, чем когда, нуждалось в казаках. В помощи казаки не отказали, и своим поражением под Хотином (1621 г., 8 октября) турки в значительной степени обязаны казацкому гетману. Зато и король купил свою победу отменой прежних универсалов и обещанием провести в законодательном порядке признание православных епископов. Правда, потом ему удалось затянуть дело; прошла опасность, и начались разные проволочки. К тому же Сагайдачный скоро умер (1622 г., 10 апреля), а убийство полоцкого униатского архиепископа, фанатика Иосафата Кунцевича (1623 г., 12 ноября), подлило масла в огонь и создало новые помехи православным. Формального признания, при жизни Сигизмунда, епископов, поставленных Феофаном, так и не состоялось, все же, где явно, под охраной казаков, где с осто-

¹ В битве казаков участвовало почти втрое более, чем польских регулярных войск: 47 000 на 25 000 человек.

рожкой, путем частных соглашений и уступок, новая иерархия начала действовать наряду с униатской.

Смело и довольно открыто вел себя первое время Мелетий Смотрицкий, архиепископ Полоцкий, но выгоднее всего оказалось положение митрополита Иова Борецкого. В Киеве сила была, безусловно, на стороне казаков, и правительство не смело там его тронуть. Богатейшая лавра с ее громадными доходами снова перешла в руки православных; напрасно униатский митрополит Рутский ссылался на папский декрет, признавший лавру неотъемлемой частью киевского епископата; напрасно хлопотал перед королем об обратной передаче ее униатам: король не осмеливался раздражать казаков, нуждаясь в их вооруженной помощи, и, при всем своем желании, не решался на шаг, грозивший ему открытым столкновением с казаками: предвидя, что отбирать пришлось бы вооруженной рукой, посылать сильное войско, он предпочитал во избежание «шума и беспорядков» утверждать, в звании лаврского архимандрита ставленников православной партии.

«Статьи для успокоения народа русского» (1632)

Смерть короля Сигизмунда (1632) открыла православным новые горизонты; его преемник вступал на престол при трудных обстоятельствах: московская рать облегла Смоленск, в казаках снова являлась неотложная нужда; казацкие и единоверные с ними дворянские депутаты наотрез отказывались выбирать Владислава прежде, чем не будет устранена несправедливость, нанесенная Брестской унией православной церкви; в пользу восстановления ее прав велась сильная агитация, устная и литературная. На конвокационном сейме депутаты предъявили настоящий ультиматум, и хотя их требования удалось несколько сбавить, все же изданные новым королем «Статьи для успокоения народа русского» внесли существенные перемены к лучшему. Православные отвоевали себе:

1. Свободное отправление, наравне с униатами, своего богослужения и совершения таинств.

2. Образование православной митрополии с духовным ее центром в городе Киеве (в сущности, это было узаконение фактического положения дел, как оно сложилось с 1620 г., со времени посвящения патриархом Феофаном Иова Борецкого в митрополиты).

3. Образование трех новых епархий: Луцкой, Перемышльской и Мстиславской, в дополнение к существовавшей раньше

и неоспариваемой правительством епархии Львовской. Таким образом за православными было признано 5 епархий, а тремя: Полоцкой, Владимирской и Холмской им пришлось поступиться. Холмская епархия была возвращена им лишь во времена Богдана Хмельницкого, по Зборовскому договору 1650 г.

4. Софийский собор в Киеве, а по смерти униатского митрополита Рутского, также и земли, приписанные к собору.

5. Киево-Печерскую лавру со всеми ее имениями и все киевские монастыри, кроме Выдубицкого.

6. Ряд церквей в Вильне, Полоцке и в других городах.

7. Право сохранить существующие церковные братства и основывать новые.

8. Право заводить богадельни, семинарии, школы и типографии.

9. Право свободного перехода из унии в православие, обусловленное таким же правом, для желающих, перейти из православия в унию.

Таким образом, выданный на основании этих «Статей» диплом предоставлял православным полную свободу вероисповедания, восстанавливал прежнюю иерархию, вообще создавал правовое положение в государстве, как самой церкви, так и тем учреждениям, что состояли при ней. Сравнительно с прежним положением это было большим завоеванием.

Но одно дело было издать закон, другое — провести его в жизнь. Новый король, с более широкими государственными взглядами, чем его отец, понимал опасность восстанавливать одну часть населения против другой, но его королевская власть фактически была ничтожна, а лиц, сочувствовавших его примирительной политике, он нашел в окружающей среде крайне мало.

В давлении, оказанном казаками на выработку «Статей», впервые достаточно ярко сказались те духовные нити, что связывали польско-литовских «схизматиков» со «схизматиками» московскими. Нити эти предвещали наступление поры, когда Москва, наконец, открыто протянет руку своим зарубежным единоверцам и совместно с ними выступит против унии.

VIII. ПРОСВЕЩЕНИЕ

Типографии

Место и время их основания: Вильна (1525); Несвиж (1562); Брест (1563); Заблудово (1568); Львов (1573); Острог (1580); Дерманский монастырь (1604); Стрятин (1604) (позже переве-

дена в Киев); Почаевский монастырь (1617); Луцк (1635); Кременец (1638).

Школы

Место и время их основания (братствами): Львов (1586); Вильна (1588); Брест (1591); Минск, Перемышль (1592); Бельск (1594); Могилев (1597); Киев, (будущая академия) (1615); Луцк (1617); Пинск (1633); Орша (1649).

Первые печатные книги на славяно-русском языке

1) 1491 г. Краков: Осмогласник, в листе. Часослов, в четверку. Псалтирь, в четверку. Все три напечатаны типографом Швайтпольт Феолем.

2) 1517—1519 гг. Прага: «Бивлин руска» выложена доктором Франциском Скориной». Издание самого Скорины: 20 книг Ветхого Завета, в отдельных изданиях каждая; перевод с чешского перевода латинской Вульгаты (Прага, 1506) на белорусское наречие.

3) 1517 г. Прага. Псалтирь, изданная тем же Скориной, «прототип громадного количества следовавших затем изданий так называемой учебной псалтири, издавна употреблявшейся в Древней Руси и одной из самых любимых книг древнерусских читателей» (Архангельский).

4) 1525 г. Вильна. Апостол. Издание Фр. Скорины. Это была первая книга на церковно-славянском языке, напечатанная на территории, впоследствии вошедшей в состав Русского государства.

5) 1564 г. Москва. Апостол. Печатанием начался 19 апреля 1563 г., окончен 1 марта 1564 г.

6) 1565 г. Москва. Часослов. Печатался со 2 сентября до 29 октября.

Обе эти книги печатали дьякон Иван Федоров и товарищ его Петр Тимофеев Мстиславец.

7) 1568 г. Александровская Слобода. Псалтирь. Печатали Никифор Тарасев и Тимофей Невежа.

8) 1569 г. Заблудово (в Литве, близ Белостока). Евангелие Учительное, в листе. Печаталось с 8 июля 1568 г. по 17 марта 1569 г.

9) 1570 г. Заблудово. Псалтирь, в четверку.

Обе книги печатали дьякон Иван Федоров и П. Мстиславец, на средства виленского воеводы, гетмана Григория Александровича Ходкевича.

10) 1574 г. Львов. Апостол, в лист. Печатал его Иван Федоров с 23 февраля 1563 г. по 15 февраля 1674 г.

11) 1575 г. Вильна. Евангелие Напрестольное, в лист. Типография Мамоничей. Печатал Петр Мстиславец с 14 мая 1574 г. по 15 марта 1575 г.

12) 1577 г. Александровская Слобода. Псалтирь. Другая работа Тарасьева и Невежи (см. выше № 7).

13) 1577 г. Вильна. Псалтирь, в лист, у Мамоничей (печатал Мстиславец? имя его на книге не проставлено).

14) Тяпинское Евангелие, напечатано в 1570-х гг. в кочевой типографии какого-то Василия Тяпинского, в два столбца: славянский текст и русский перевод. Этот перевод обыкновенно называют «малорусским» (Ундольский, Каратаев и др.), «но он не заключает в себе малоруссизмов и написан на довольно чистом белорусском языке, чем только и отличается от богатого малорусским элементом Пересопницкого Евангелия» (Соболевский) (о Пересопницком Ев. см. ниже, в «Памятниках духовной культуры»).

15) 1580 г. Острог. Псалтирь и Новый Завет, в восьмушку.

16) 1580—1581 гг. Острог: Острожская Библия. Это первая полная Библия на русском языке, напечатанная на Русской земле. Издана по мысли и на средства князя Константина Константиновича Острожского, знаменитого ревнителя православия в Русской Польше. Печатаением, в фамильном городке замке Острожского, заведовал Иван Федоров (умерший потом во Львове, 5 декабря 1583 г.). В основу издания положена Геннадиева Библия (список с нее князь получил от Ивана Грозного), но критически проверенная и исправленная по греческому тексту. Таким образом в острожском издании Геннадиева Библия освободилась от латинских примесей, какие неизбежно выросли в ней через Вульгату, и вернулась к типу и канону Греческой Библии. В руках кн. Острожского дело и не могло быть поставлено иначе: как во времена Геннадия Библия служила одним из орудий в борьбе с жидовствующими, так и Библии Острожской предназначалась высокая и ответственная роль служить опорой в защите православия: она печаталась в разгаре католической и протестантской пропаганды среди русского населения Литвы и Польши и потому более чем когда должна была избегать всего, что могло сближать ее с латинской Вульгатой.

Примечания: 1. Когда была напечатана Острожская Библия и во скольких изданиях? Ходячее представление сбивчивое: кто говорит, было два издания, 1580 и 1581 гг.; кто — только одно, да и тут одни относят это «единственное» издание

к 1580, а другие к 1581 г. В действительности же Библия была выпущена из типографии 12 июля 1580 г., затем появились экземпляры с типографской пометкой от 12 августа 1581 г. Была ли Библия этих экземпляров вторым изданием? И да и нет: Библия, помеченная 12 августа 1581 г., «не была напечатана вновь, а осталась та же, но только перепечатаны в ней лист заглавный, лист 276-й, которым оканчивались исторические книги Св. Писания, и лист последний, на котором помещены послесловие от типографа и выход» (митрополит Макарий, IX, 472).

2. Московская Библия 1663 г. есть простая перепечатка Острожской, с ничтожными отличиями (поправки в орфографии, в именах собственных и явных опечаток).

17) 1606 г. Москва. Апостол. Напечатан Иваном Невежиным, «повелением благочестия поборника и божественных велений изрядна ревнителя, благоверного и христолюбивого, истинного государя всея великия России, крестоносного царя и великого князя Димитрия Ивановича, всея России самодержца, в первое лето Богом хранимые царские державы его».

Учебники

Таковыми служили так называемые «Грамматики» и «Буквари». Они содержали славянскую азбуку, правила правописания и первые правила грамматики: «орфографию, просодию, этимологию и синтаксис, сиречь: правописание, припевание, православие и сочинение».

Место и год их издания: Вильна (1586, 1596, 1618, 1621, 1652, 1654). Львов (1596). Евью (1619). Кутеино (1631, букварь). Могилев (1636, букварь). Кременец (1638).

При грамматике Лаврентии Зизании (Вильна, 1596) напечатан «Лексис» — объяснение свыше 1 000 (почти исключительно одних) славянских слов: это первая попытка на русском языке составить словарь. Выше всех по достоинству была грамматика Мелетия Смотрицкого (Вильна, 1618; перепечатана с дополнениями: Евью, 1619). Позже она перепечатывалась в Москве (1648, 1721) и удерживала значение учебного пособия вплоть до появления грамматики Ломоносова (1755), который сам по ней впервые ознакомился с правилами и строем русского языка и многое из нее заимствовал.

Словари

Памва Берында, «Лексикон славяно-росский и имен толкование». Киев, 1627. 2-е изд. 1655. Это первый словарь, достой-

ный этого названия: слова расположены в правильном азбучном порядке; достигнута возможная полнота: около 4 000 слов; слова иностранные, собственные выделены в особую группу; многим словам дано объяснение, а для слов, оставленных без объяснения, указаны источники, откуда они заимствованы. «Это один из самых замечательных памятников нашей старой литературы, драгоценное пособие для изучения нашего старого книжного языка» (Срезневский).

ПРОСВЕЩЕНИЕ ДО ПЕТРА МОГИЛЫ

Братские и частные школы, основанные в конце XVI ст. в Остроге, Львове и в других местах, при всем их положительном значении, служили скорее простым выражением назревших и сознанных потребностей, чем действительным их удовлетворением. Еще не хватало опытных преподавателей, школьных пособий. Недаром острожская школа захирела еще при жизни своего основателя. Но вскоре стали появляться первые учебники, а главное, русская школа стала брать себе за образец, хотя первоначально очень боязливо и осторожно, латинскую иезуитскую школу, в которой вся система преподавания была поставлена неизмеримо выше.

В 1615 г. Галшка Гулевичевна, жена поветового маршалка, пожертвовала «правоверным христианам народа русского» дом и землю для устройства в городе Киеве монастыря, а при нем странноприимницы и школы для детей горожан и шляхтичей. Школа перешла в заведование киевского братства и стала зародышем будущей Киевской духовной академии. Это было едва ли не первое в Киеве правильно организованное училище — другое было открыто при Киево-Печерском монастыре. Впоследствии Петр Могила, став митрополитом, слил их в одну коллегию (по-нынешнему, гимназия), известную под именем Киево-Могилянской.

Братские школы и оживленная литературная полемика с униатами, сочинения свящ. Василия, Стефана Зизания, Филалета Вронского, Мелегия Смотрицкого и многих других воспитали новое поколение с сильными духовными интересами и расчистили почву Петру Могиле, обеспечив ему возможно большую продуктивность его собственной просветительной деятельности. Наиболее выдающиеся работники в этой области:

1. Лаврентий Зизаний, протопоп. Его сочинения: «Азбука», «Славянская грамматика» и «Катехизис» (рассмотрен-

ный и исправленный справщиками патриарха Филарета, напечатан в Москве, 1627 г.).

2. Захарий Копыстенский, опытный полемист, ученый, издатель книг. Его: «Часослов», 1617 г., и знаменитая «Палинодия», 1621 г.; умер в 1627 г.

3. Кирилл Транквилион, архимандрит Черниговский. Два труда: «Зерцало богословия», 1618, и «Евангелие учительное», 1619. «Зерцало» — первый в юго-западной литературе опыт систематического изложения догмы православного учения.

4. Тарасий Земка, иеромонах киево-печерский, автор исследования о литургии; переводы богослужебных книг, проповеди.

5. Памва Берында, исправлял и печатал книги. Ученый лексикограф, он составил «Лексикон славено-русский», 1627 г. (см. выше).

6. Мелетий Смотрицкий, архиепископ Полоцкий (1578—1633). Один из самых талантливых и образованных людей того времени. Учился в Острожской школе и у иезуитов в Вильне (к ним послал его сам кн. К. К. Острожский); образование свое докончил в Лейпциге и Виттенберге. Монашеский сан принял в 1619 г. Архиепископом посвятил его, вместе с другими, патриарх Феофан (1620). Разрыв с виленским братством толкнул его на путь унии: из горячего защитника православия он стал ревностным проповедником единения с римской церковью. Его «православные» и «униатские» сочинения одинаково талантливы и написаны воодушевленным, сильным пером. В защиту православия: «Фринос», 1610 г., «Верификация» и «Оборона Верификации», обе 1621 г. В защиту унии: «Апология путешествия на Восток», 1628 г., «Протестация» против собора, осудившего его, 1628 г., «Экзегетесис, или Расправа», «Паренесис, или Увещание», оба 1629 г.

Едва ли не самым блестящим произведением Мелетия Смотрицкого был его «Фринос», т. е. «Плач единой, кафолической Восточной церкви, с изъяснением догматов веры», — по крайней мере эта книга произвела на современников наиболее впечатления и вызвала всего более шума. Автор скрылся под именем Феофила Ортолога и говорит от лица церкви, которая оплакивает свое положение и, обращаясь к униатам, особенно к митрополиту Потею, опровергает, одно за другим, латинские догматы, разнствующие с православными (главенство папы; учение об исхождении Святого Духа — *filioque*; чистилище; причащение мирян под одним видом), защищая последние. «Это сочинение, проникнутое живым сочувствием к правосла-

вию и неприязню к латинству и унии, наполненное множеством сведений как из древней церковной литературы, так и из позднейших писателей латинских и протестантских, запечатленное светлым умом и тонкой диалектикой и изложенное изящным польским языком, произвело большое движение не только между православными, но и между их врагами. По свидетельству самих униатов, никто из еретиков не порицал так резко папское седалище, как оно порицается здесь; каждое слово здесь есть жестокая рана, каждая мысль — смертельный яд для унии и папства. А потому не одни схизматики, но и еретики-протестанты с радостью приобретали и перечитывали эту книгу. Иные берегли ее, как сокровище, и завещали своим детям, как драгоценное наследие, а из православного духовенства некоторые ставили ее наравне с творениями святого Иоанна Златоуста и готовы были пролить за нее кровь. Смотрицкий вдруг сделался авторитетом. К нему, как к оракулу, обращались православные, просили его наставлений и советов по делам веры» (митрополит Макарий). Что книга произвела сильное впечатление, можно судить по тому, что король Сигизмунд III издал распоряжение изъять ее из продажи и уничтожить, самую же типографию, где был напечатан «Фринос», отобрать у ее владельца.

ПРОСВЕЩЕНИЕ ПРИ ПЕТРЕ МОГИЛЕ

Сын молдавского воеводы, Петр Могила (1596—1647) обучался в Париже и в других университетах за границей; участвовал в битве при Хотине, где поляки и казаки Конашевича-Сагайдачного разгромили турок (1621); с большими связями среди польской и литовской аристократии; архимандрит Киево-Печерского монастыря (1627); митрополит Киевский (1633—1647).

С именем Могилы связано четыре больших дела: Киевская коллегия, школа, ставшая рассадником просвещения для многих поколений; Катехизис, облегчавший православному русскому народу сознательное усвоение своей веры; Жития святых и Библия, обработка ее канонического текста на славянском языке.

1. Киево-Могилянская коллегия. Еще будучи архимандритом, Могила завел при своем монастыре школу с высшим курсом наук, с преподаванием на латинском языке. Став митрополитом, он слил ее с Братской Киевской школой —

¹ Т. е. Папский престол (*Sancta Sedes*).

так возникла коллегия, позже получившая название Киево-Могилянской. Коллегия была устроена по западно-латинскому образцу: оставаясь по направлению строго православной, она орудия своего знания, за неимением собственных, самостоятельно выработанных, заимствовала с Запада. В постоянной борьбе с латинством и униатами защитники православия поневоле вынуждены были вооружиться теми же средствами, какие имелись у их врагов. Знакомство с основами западного просвещения стало необходимым для каждого, кто желал разумно отстаивать свою православную старину. Потребность именно в таком образовании сознавалась многими. Даже люди, стоявшие во главе казацких движений, были, по тогдашним условиям, очень образованны. Например, Богдан Хмельницкий говорил не только по-польски и по-татарски, но и по-гречески, мог объясняться по-латыни и, несмотря на свою энергичную деятельность в пользу православия, учился у иезуитов.

Коллегия имела обычные в иезуитских школах 7 классов: фара, инфима, грамматика, синтаксима, пиитика, риторика, философия (система Аристотеля), богословие (система Фомы Аквината). Все обучение проникнуто было схоластическим духом. Заведены богословские диспуты. Господствовал латинский язык: на нем разговаривали в обыденной жизни ученики, на нем велись диспуты, велось преподавание (одновременно и на малорусском и польском). На греческий язык, даже на славянский, обращалось меньше внимания. Преподаватели для предварительной подготовки посылались учиться в иностранные школы.

2. Катехизис. Другое важное дело Петра Могилы — «Православное исповедание веры» (1640). Эта книга впервые систематически изложила учение православной церкви, впервые растолковала ее догматы и основы, дав православному человеку твердую точку опоры в сознательном понимании того, чему он верил и на чем основывал свое поведение. Книга Могилы ответила на одну из самых насущных потребностей времени: то была пора оживленной борьбы с унией, православную веру приходилось защищать, и защищать оружием духовным. Когда же народ борется за свою веру, то успех борьбы, как всякой борьбы за убеждения, наиболее всего зависит от того, насколько отчетливо сознает само общество, за что именно ведет оно борьбу. Сравни «Аугсбургское Исповедание» Меланхтона (1630): значение его однородно.

«Исповедание» составлено ректором Киевской коллегии Исайей Козловским, рассмотрено и одобрено собором русских иерархов в Киеве (1640), а потом и восточными патриархами.

Печатание книги замедлилось; на греческом языке: Амстердам, 1662; на славянском языке: Москва. 1696. Потребность в книге побудила не мешкая напечатать сокращенное изложение ее, так называемый «Малый Катехизис». Киев, 1645. Львов, 1646. Москва, 1649.

3 и 4. «Жития» и «Библия» остались лишь замыслом; осуществили его, да и то не полностью, другие, и притом много позже: Димитрий Ростовский составил Четьи-Минеи, а Епифаний Славинецкий приступил к новому переводу Священного Писания. Но важен самый замысел Могилы, его широта: бросив мысль, Могила открыл ею новые возможности в области духовного просвещения. Мысль при нем заработала. В Литовско-Польской Руси с Петра Могилы начинается период научных работ и исследований. В созданной им обстановке выросли деятели русского просвещения второй половины XVII в., и такова была качественная сила этих деятелей, что с первых же шагов они могли раздвинуть рамки своей просветительной деятельности, приобщить к ней, кроме Киевской Руси, также и Русь Московскую. Таковы, увлекательный проповедник Иоанникий Галятовский, ректор коллегии; Лазарь Баранович, архиепископ Черниговский, другой такой же талантливый оратор на церковной кафедре; Епифаний Славинецкий, кабинетный ученый; Симеон Полоцкий с его разносторонними способностями драматурга, виршеслагателя, проповедника и педагога; Димитрий Ростовский, завидное сочетание возвышенного сердца, житейской мудрости и педагогического такта.

IX. СПИСОК ПОЛЕМИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ ЗА И ПРОТИВ УНИИ ЦЕРКОВНОЙ (1577—1655)

1. Петр Скарга. «O jednosci kosciola Bozego, i o greckim od tey jednosci odstapeniu, z przestroga y upominecim do narodow Ruskich*». 1577 (О единстве церкви Божией и о греческом от сего единства отступлении, с предостережением и напоминанием русскому народу). Посвящена книга Константину Острожскому и написана с большим талантом и воодушевлением. Книга эта — красноречивый, горячий призыв к принятию Флорентийской унии; она послужила прототипом для позднейших сочинений католиков и униатов в доказательство превосходства Латинской церкви. Ею открылся длинный ряд полемических сочинений на тему: кто прав, католики или православные? следует ли входить в унию с Римом или нет?

2. «Уния альбо выклад преднейших артыкуловъ ку зьод-ноченью греков с костелом рымским належаших». Вильна, 1595. В целях соединения. Рассуждение о пяти пунктах считавшихся наиболее главным препятствием к унии: 1) filioque; 2) чистилище; 3) примат папы; 4) григорианский календарь; 5) антихрист ли папа?

3. Стефан Зизаний. Краткий катехизис (на польском языке). Вильна, 1595. Против латынян.

4. Стефан Зизаний. «Сказанье святого Кирилла, патриарха Иерусалимского, об антихристе и знаках его». Вильна, 1596. Два издания: русское и польское; против латинян. «В отрывках печаталось еще в 1595 г.» (Коялович).

5. Жебровский. *Kokol, story rozsiewa Zyzanj* (Куколь, рассеиваемый Зизанием). 1595.

6. «*Blewu Stephanka Zyzanicy heretyka, z cerkwi Rysskiej wykletaga*». Вильна, 1596; против «Казанья» С. Зизания.

7. Книжка о новом календаре, по-русски. Напечатана в Риме в 1596 г., по почину Терлецкого и Потей, в пребывание их там.

8. Игнатий Потей. *Synopsis. Opisanie dziejow Synedu Brzeskiego*, 1596.

9. Петр Скарга: 1) по-польски: **Synod Brzeskj i iego obrona*». *Krakow*, 1597; 2) по-русски: «Описание и оборона събору русского Берестейского». Вильна, 1597 — в доказательство законности лишь униатского, но не православного собора; призыв к унии.

10. Христофор Филалет (псевдоним протестанта Хр. Вронского). «Апокрисис, албо отповед на книжки о съборе Берестейском, именем людей старожитной релей греческой, через Христофора Филалета». Два издания: польское, 1597 г., и русское, 1598 г.; против Скарги, в опровержение его «Синода».

11. «*Ekthesis, albo krotkie zebranie spraw, ktore sie dzialy na partykularnym, to jest, pomiastnym synodzie w Brzesciu Litewskim**». *Krakow*, 1597. «Ектезис, албо короткое собрание справ, которые ся деяли на поместном Берестейском соборе».

12. Ипатий Потей (?). «Справедливое описание дел и sprawy собора Берестейского». 1597; против «Ектезиса».

13. Петр Аркудий. «*Antirresis, abo Apologia przeciwko Krzystofowi Philoletowiss*». Polemika с «Апокрисисом» Филалета и с «Ектесисом». Три издания: по-латыни, 1598; русский перевод, 1599; польский перевод, 1600.

14. Иоанн из Вышни. Послания (четыре) с Афона в пользу православия; писаны до и после Брестской унии.

15. «Вопросы и ответы православному с папешником». 1603; против латинян.

16. Священник из города Львова (?). «Перестрога» (предостережение). 1605; против унии.

17. Иеродиакон Леонтий. «Сказание о ересьях». Киев, 1603. Перечислены 34 ереси-отступления униатов от православной церкви.

18. Игнатий Потей. «Гармония»: «Harmonia, albo Concor-Cantia wiary, sakramentow i cerkwi Orientalnej z kosciolem Rzymским». Два издания: польское и русское. Вильна, 1608. «Восхваляет все, что содержит римский костел, и порицает все, что содержит Восточная церковь» (митрополит Макарий).

19. Heresiae, ignorantae i polityka popow i mieszczan bractwa Wilenskiego». Вильна, 1608; в защиту унии.

20. *Antigrafi, albo odpowiedz na script uszczypliwy przeciwko ludziem starozytnej religii Greckiej od apostatow cerkwie Wschodniej wydany». Вильна, 1608; против униатских изданий. «Heresiae» и «Harmonia».

21. Мелетий Смотрицкий. Frinos, to jest bament jedynej powszechnej Apostolskiej Wschodniej cerkwie z objasnienniem domiat wiary, prierwiej z greckiego na slowenski, a teraz z slowińskiego na polski przetlomaczony przez Theophila Orthologa, teyze Wschodniej cerkwie syna, w Wilnie roku 1610. См. выше.

22. Петр Скапра. «Na treny y Lamenty Theophila Orthologa do Rusi Greckiego nabozenstwa Przestroga roku 1610». (Предостережение Руси греческой веры против Плача Т. Ортолога).

23. Илья Мороховский. Parigoria, albo utolenie uszczypliwego Lamentu mniemaney cerkwie. S. Wschodniej zmyślonego Thephila Orthologa*. Вильна, 1612. (Утешение или утоление злоречивого Плача мнимой святой Восточной церкви. — Т. Ортолога-псевдонима). Против «Фриноса».

24. Лев Кревза. «Объопа jedności cerkiewnej, abo dowody ktorymi sie pokazuje, iz Grecka cerkiew z Lacinska ma bye zjednoczona». Вильна, 1617. Против православного учения.

25. Кирилл Транквиллион. «Зерцало богословия». 1618. Первый в юго-западной литературе опыт систематического изложения догмы православного учения.

26. Захарий Копыстенский (под псевдонимом: Азария). «Книга о вере». 1619; против латинян.

27. Захарий Копыстенский. «Книга о правдивой бедности православных христиан церкви Восточной, там же и против апостатов и о их лживой унии»; не напечатано.

28. Захарий Копыстенский. «Палинодия, или Оборона кафолической святой апостольской Вхходной церкви». 1621 (напечатано 1878 г.); против книги Кревзы «Оборона церковного

единства» (см. выше № 24) и других противоправославных сочинений, начиная со Скарги 1577 г.

29. Мел. Смотрицкий «Weryficatia niewinnosci». Вильна. 1621 («Верификация, или оправдание невинности и опровержение мнений, унижающих русский народ»). В защиту действующего патриарха Феофана: он есть истинный патриарх и рукополагал русских епископов, не нарушая церковных правил. «Сочинение это очень важно для истории того времени; но по языку своему, в высшей степени темному и неправильно-му, едва ли доступно мало знающим польский язык» (Коялович).

30. Митрополит Рутский (?). *Sowita wina* (т. е. Сугубая вина). 1621; против «Верификации» Смотрицкого.

31. *List do zakonnicow monastera cerkwie Satego Duchy Wilenskiego na ich przedmone u Weryfycatij jakoby niewinnosci ich powtore wydanej polozona odpisanu**. Вильна, 1621. Polemika; против новопосвященных епископов.

32. Мел. Смотрицкий. «Обгопа Werificacii». Вильна, 1621; против «Сугубой вины» и против «Листа».

33. «Ехатеп Обгопу». Вильна, 1621; униатская точка зрения.

34. Мел. Смотрицкий. «Elenchus pism uszczypliwych*» (т. е. Список злоречивых описаний). 1621.

35. Униатский архимандрит Антоний Селява. «Antielenchus». 1621; против «Elenches».

36. Мел. Смотрицкий. «Justificacia niewinnosci*». Киев, 1622; послание нового митрополита Иова Борецкого в оправдание посвящения своего и других епископов.

37. Мел. Смотрицкий. «Замечания о шести (догматических) различиях между церковью Восточной и Западной». 1627. В этом сочинении Смотрицкий придерживается взглядов уже не Греческой, а Латинской церкви.

38. Мел. Смотрицкий. «Апология путешествия на Восток», 1628.

39. Мел. Смотрицкий. «Протестация против Киевского собора 1628 г.». 1628; полемика с собором, осудившим его «Апологию».

40. Андрей Мужилковский. «Антидотум (противоядие) народу русскому против Апологии Смотрицкого». 1629.

41. Мел. Смотрицкий. «Экзегетис, или Расправа между Апологией и Антидотумом». 1629, полемика с Мужилковским.

42. Мел. Смотрицкий. «Паренесис (увещание) к Святодуховскому братству и всему русскому народу». 1629; совет принять унию.

43. Rzyw, albo stolica Rzymska iesli co ma do praw karony Polskiej e Littewskiego politickich, kratrie uwazenie, roku 1633 stanom koronnym na seym koronatiey podane», 1633.

44. Кассиан Сакович. «Перспектива, или Изображение заблуждений, ересей и суеверий греко-русской дезунитской церкви», 1642.

45. Петр Могила «Лифос, или Камень, брошенный на сокрушение лживо-темной Перспективы», 1644. Полемизируя с Саковичем, автор вместе с тем дает полную апологетику православной Западно-Русской церкви.

46. Петр Могила. «Православное исповедание веры», сокращенное издание (так называемый «Малый Катехизис»). 1645; защита православной веры.

47. «Книга о вере». 1648; сборник западно-русских сочинений против латинян и униатов.

48. Лазарь Баранович. «Новая мера старой веры». 1655; полемика; против учения Латинской церкви о главенстве папы и о сошествии Святого Духа (filioque).

ПАМЯТНИКИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИТОВСКОЙ И ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЙ РУСИ (1386—1654) (сохранившиеся)

I. ПАМЯТНИКИ ВЕЩЕСТВЕННЫЕ

1. Русская надпись славянскими буквами, в Ягеллонской часовне в Кракове, на Вавеле, в стене, с указанием на время ее сооружения (при постановке памятника королю Владиславу Ягейле, часть надписи стерта; точное чтение ее не установлено; дату одни читают: 1459 г., другие — 1470; одни — просто «октябрь», другие — «12 октября». Текст надписи (титлы раскрыты): «Благоизволением мудростью Бога Отца всемогущего, пописана бысть сия каплица (повелением?) великодержавного короля пресветлого Казимира за Божией милости короля польского і великого князя литовского і русского и княжати прусского пана і дедича і иных многих земель осподаря, і его королевое пренаяснейшей паней Елизаветы і с поколенья внуоука

пренанезвитажнейшего цесаря Жигимонта пана земли Ракусское и Чеськое вгорьскс-і под леты нароженья божьего «а лет уне (или у и о) лет доконцали сию каплицю писмом месяца октябрь в (12 день)» ауно = 1459; ау и о = 1470.

2. Коллективное заявление 8 епископов и архимандритов о желании присоединиться к Римской церкви, 2 декабря 1594 г., скрепленное восемью собственноручными подписями. Подписались: 1) митрополит Михаил Рагоза; 2) Ипатий Потей, епископ Владимирский; 3) Кирилл Терлецкий, экзарх, еп. Луцкий; 4) Григорий, архиепископ Полоцкий; 5) Леонтий Пелчицкий, епископ Пинский; 6) Дионисий Збируйский, епископ Холмский; 7) Иона Гоголь, архимандрит Кобринский; 8) тот же Иона Гоголь, в звании нареченного епископа Пинского. Подлинник; восемь печатей из красного воска (Рим, Ватиканский архив).

3. Соборная грамота на имя папы Климента VIII, 12 июня 1595 г. (см. выше); подлинник, за 10 собственноручными подписями, при восьми печатях красного воска (Рим, Ватиканский архив).

4. Исповедание веры епископа Ипатия Потей 23 декабря 1595 г., на русском языке, подлинник за собственноручной подписью (Рим, Ватиканский архив).

5. Другое, такое же, Исповедание веры, от того же числа и также на русском языке, епископа Кирилла Терлецкого, подлинник за собственноручной его подписью (Рим, Ватиканский архив).

6. Постановление русских иерархов, на Брестском соборе, о их присоединении к унии, 8 октября 1596 г.; подлинник; на пергаменте; текст (сильно стерся) писан по-русски; при каждой подписи именная печать из красного воска, каждая особо, в коробке. Подписались: 1) киевский митрополит Михаил Рагоза; 2) епископ Владимирский Ипатий Потей; 3) еп. Луцкий Кирилл Терлецкий; 4) архиепископ Полоцкий Георгий Герман; 5) еп. Холмский Дионисий Збируйский; 6) еп. Пинский Иона Гоголь, 7) архимандрит Брацлавский Богдан Годкинский; 8) архим. Лаврашовский Геден Брельницкий; 9) архим. Минский Паисий (Theiner, Monumenta Polon. et Lith. III, 238) указывает не девять, а десять имен, причем три имени не те, что в вышеприведенном перечне. В подлиннике имя Терлецкого представлено два раза, причем в обеих подписях замечается несходство в почерке, да и печати при них не вполне тождественны: на третьем месте стоит: «Кири^л божью мстью ексарка епископ лу^ций и остро^зский рукой вла^ной», а на пятом: «Кири^л Тел^ле^лий епископ лу^ций вла^ной рукой» (Рим, Ватикан).

II. ЦЕРКВИ

1. Церковь св. Николая Чудотворца — первая православная церковь в Вильне, деревянная; построена еще при Гедимине.

2. Пятницкая церковь в Вильне, первая каменная, 1345 г.

Обе церкви перестраивались несколько раз и прежних архитектурных форм своих не сохранили, но они и до сих пор — символ первых успехов в Литве православия и русской народности.

3. Костел св. Станислава в Вильне; построен Ягейлою, 1387 г. — первый католический храм в Литве.

4. Церковь, в которой, по преданию, происходило обручение Марины Мнишек с Лжедмитрием I (местечко Вишневец, Кременецкого уезда Волынской губ.; в местном замке).

III. МОНАСТЫРИ

1. Свято-Троицкий (с церковью), в Вильне, на месте мученической кончины трех литовцев-христиан, убитых язычниками (1347); основан после 1349 г., по почину Юлиании Тверской, второй жены Ольгерда. Самые мощи убитых Антония, Иоанна и Евстафия — в Свято-Духовном монастыре, в Вильне же. В первые годы унии основанное при монастыре Свято-Троицкое братство служило одним из главных оплотов православия (проповеди Лаврентия Зизания). В 1609—1839 гг. находился в руках униатов.

2. Дерманский, в нынешней Польше; раньше: Дубенского уезда Волынской губ., 1453 (?); фамильный монастырь князей Острожских; основан князем Василием (умер в 1461 г.), отцом Константина, знаменитого своими поражениями (при Ведроше, 1500) и победами (при Орше, 1514) в русско-литовской войне. Культурный центр на Волыни; типография (с 1604 г.). Мелетий Смотрицкий был одно время (1627—1631) здесь настоятелем.

3. Бернардинские монастыри в Ковно (1468), Вильне, Троках (1469) и в Полоцке (1498).

4. Супрасльский; до мировой войны: Белостокск. уезда Гродненской губ.; основан около 1500 г. новогрудским воеводой Ал. Ходкевичем в целях защиты православия; с XVII в. культурный центр деятельности униатов-базилиан: типография; напечатание церковных книг: униатских, позже старообрядческих. Здесь хранилась так называемая Супрасльская рукопись (Четья-Минья за март месяц), один из древнейших памятников старославянской письменности (кириллицей), X—XI в.

5. Свято-Духовский, в Вильне; основан перед 1609 г.; в этом году при монастыре возникло Свято-Духовское братство (училище, богадельня, типография), что придало монастырю значение духовного центра на севере Литовско-Польской Руси в борьбе православия с унией (на юге — в этой роли Киев, Львов, Луцк).

6. Почаевский монастырь (лавра), до мировой войны: Волынской губернии, у самой австрийской границы, знаменит чудотворной иконой Божией Матери. Первоначально здесь была обитель киево-печерских монахов, бежавших после разгрома Киева Батыем; в 1597 г. икона Божией Матери, принадлежавшая местной помещице Анне Гойской (умерла в 1617 г.), обозначилась как чудотворная, что побудило Гойскую основать общежительный монастырь и поместить там священное изображение. В течение XVII и начале XVIII ст. монастырь служил духовным оплотом православия против унии и католичества; в 1721 г., с переходом почаевских монахов в унию, превращен в униатский (до 1831 г.). В 1833 г. переименован в лавру. Чудотворная икона в большом почете как у православных, так и у католиков.

IV. ИКОНЫ

1. Минская икона Божией Матери; по преданию, вывезена Владимиром Святым из Корсуня (Минск, Кафедральный собор).

2. Корсунская (Ефесская) икона Божией Матери, по преданию, писана евангелистом Лукой еще при жизни Пресвятой Девы. Греческий император Мануил Комнин и константинопольский патриарх Хрисоверг прислали ее, по просьбе преподобной Евфросинии Полоцкой (Торопец, Псковская губерния, соборная церковь).

3. Остробрамская икона Божией Матери в Вильне, чудесно явившаяся на острых воротах (брамах), 14 апреля 1431 г.; главнейшая святыня города и всей Литвы, чтится одинаково и православными, и католиками.

4. Жировицкая икона Божией Матери, явилась в 1470 г. Подобно Остробрамской в Вильне и Ченстоховской в Ченстохове (в Польше), одинаково чтится как православными, так и католиками (униатами и латинянами). В силу грамоты польского короля Яна Казимира (1649—1668), евреям воспрещалось не только жить, но и переночевывать в Жировицах, а при проезде они обязывались проходить по местечку пешком, с открытой

головой и без обуви. В 1613—1839 гг. в руках униатов (Жировицы, Слонимского уезда Гродненской губ.; Успенский монастырь — в нынешней Литве).

5. Чудотворная икона Божией Матери Одигитрии (Путеводительницы), писана евангелистом Лукой; привезена в Москву Софьей Палеолог. Елена, дочь Софьи и Ивана III, выходя замуж за Александра, великого князя литовского, повезла ее с собой в Вильну, где с той поры она и находится (Свято-Троицкий монастырь). Иван Грозный предлагал было за нее вернуть из плена 50 именитых литовцев, но получил отказ. Вековая борьба с поляками-католиками придала иконе в глазах местного русского православного населения значение иконы специально православной, в противоположность Остробрамской, хотя тоже им чтимой, но все же с опасными чертами полонизации и латинства.

6. Чудотворная Супрасльская икона Божией Матери, копия Смоленской; конца XV в. (Супрасльский монастырь, Белостокск. уезда Грод. губ. — в нынешней Литве).

V. МИНИАТЮРЫ

1. Лицевая псалтирь 1397 г., киевской работы; древнейшая из всех лицевых псалтирей русских (СПб. Общ. Люб. Др. Письменности).

VI. ЕВАНГЕЛИЯ

1. Мстижское, XIV в., уставом, на пергаменте; апракос (Вильна. Публичная библиотека).

2. Оршанское, XIV в., уставом на пергаменте (Киев, музей Духовной академии).

3. Лаврашевское, русской редакции, начала XIV в., апракос, на пергаменте; 18 миниатюр (воспроизведены в «Известиях Академии наук», 1913, кн. I); начальные буквы расписаны киноварью (Краков, Библиотека Чарторийских, № 2097). Лаврашевский монастырь (не существует) близ Новогрудка литовского.

4. Луцкое, XIV в. (Москва, Румянцевский музей).

5. Евангелие 1411 г., так называемое Каменец-Стромиловское, по месту его нахождения (Восточная Галиция; местечко Каменец-Стромилово, близ Жолквы). «В диалектическом отношении оно имеет особенное значение, представляя собой руко-

пись болгаро-русскую с некоторыми особенностями волынского наречия» (Петров) (Киев, музей Духовной академии).

6. Евангелие 1507 г.; вклад князя Константина Ивановича Острожского в Дерманский монастырь.

7. Пересопницкое Четвероевангелие, с рисунками 4 евангелистов; уставом; переписывалось 5 лет (1556—1561). «Пересопницкая рукопись есть старинный перевод Евангелия на малорусское наречие, — перевод с «Азыка Българского на мовоу роускою», как выразился переписчик ее (Житецкий). Напеч.

8. Четвероевангелие 1584 г., в серебряном окладе; вклад в Слуцкий Троицкий монастырь слуцкого князя Юрия Олельковича, который собственноручно писал его (ныне Евангелие в Луцком монастыре, а оклад — в Свято-Духовом монастыре в Минске).

VII. ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРНЫЕ

1. Псалтирь 1397 г.; писана в Киеве (СПб. Общество Люб. Др. Русской Письменности).

2. Патерик Печерский; писан в Киеве; два списка: один 1460 г. (СПб., Публичная библиотека); другой — 1462 г. (Москва. Румянцевский музей).

3. Минея Месячная за март и апрель; писана «при державе короля польского Казимира», 1487 г. (Вильна, Публичная библиотека).

4. Четья-Минея 1489 г.; уставом, на бумаге; список сделан в Каменец-Литовском, Гродн. губ. Значение рукописи не в содержании (Четья и поучения Иоанна Златоуста), а в языке, каким она писана: много слов местных, и донныне сохранившихся в Юго-Западной России, с особенностями белорусского наречия.

5. Супрасльская летопись 1520 г.: хроника западно-русских и общерусских событий. Возникла в Литве, на почве немосковской.

VIII. ПАМЯТНИКИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ

1. Грамота литовского князя Александра Кориатовича, 17 марта 1375 г., доминиканскому монастырю в городе Смотриче (в Подолии), с подтверждением прежних прав его на мельницу; подлинник, на пергаменте; с печатью.

2. Жалованная грамота Владислава-Ягейлы городу Вильне на магдебургское право, 1387 г.; подлинник; на пергаменте (Вильна. Центральный архив).

ЛИТЕРАТУРА

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. X, гл. I; *Митрополит Макарий.* История Русской Церкви. IX; *Антонович.* Очерк отношений Польского государства к православию и православной церкви. См. его «Монографии по истории Западной и Юго-Западной России». Т. I. Киев, 1885; *Чистович.* Очерк истории западнорусской церкви. СПб., 1882; *Коялович.* Литовская церковная уния. Два тома. СПб., 1859—1861; *Любович.* История реформации в Польше. Кальвинисты и анти-тринитари. Варшава, 1883; *Он же.* К истории иезуитов в литовско-русских землях в XVI в. Варшав. унив. Известия. 1888, № 4 и отд. Варшава, 1888.

Эварницкий. История запорожских казаков. СПб., 1895; *Кулиш.* Отпадение Малороссии от Польши (1340—1654). Три тома М., 1890 (из Чтений); *Грушевский.* История украинского казачества. Киев, 1913.

Голубев. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Два тома. Киев, 1883—1898 (отзыв Голубинского о первом томе в Отчете о 27-м присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1885). *Костомаров Н. И.* Петр Могила перед судом исследователей нашего времени. Монографии, XIV (полемика с Голубевым). *Malvy A. et Viller M.* La confession orthodoxe de Pierre Maghila, metropolite de Kiev (1633—1646). Texte inedit. Roma-Paris, 1927; *Голубев.* История Киевской Духовной академии. Киев, 1886; *Иловайский Д. И.* История России. Т. IV, главы 12 и 13-я; *Архангельский.* Очерк из истории западно-русской литературы XVI—XVII вв. Борьба с католичеством и западно-русская литература конца XVI—первой половины XVII в. // Чтения. 1888, I. *Миловидов.* Старопечатные славяно-русские издания, вышедшие из западнорусских типографий XVI—XVIII вв. // Чтения. 1908, I.

Бриллиантов. Библия кн. К. К. Острожского, происхождение и просветительное значение ее в истории Русской церкви. Могилев на Днепре, 1908 (18 с).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ПЯТАЯ. Общий обзор 1462—1613 годов	7
А. Москва. Московское государство	7
Б. Литва. Литовско-Русское государство	18

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ПЕРВЫЕ ПОЛТОРАСТА ЛЕТ 1462—1613

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Создание самодержавной монархии (1462—1584)	20
--	----

I. ВРЕМЯ ПОСЛЕДНИХ КНЯЗЕЙ. 1462—1533

Объединение Северо-Восточной Руси	20
Падение татарского ига	27
Внешние сношения	29
Государство в борьбе с дружинным началом	39
Семейные дела Ивана III и Василия III	41
Личность Ивана III	43
Литература	46

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Создание самодержавной монархии (1462—1584)	48
---	----

II. ВРЕМЯ ПЕРВОГО ЦАРЯ. 1533—1584

Характеристика этих лет. Детство и отрочество Ивана Грозного. Государствование Ивана в детские и отроческие годы	
Избранная Рада и ее правительственная деятельность. Церковные соборы 1547 и 1549 годов и канонизация святых. Царский Судебник. Местничество. Стогла- вый собор. Областное управление	

Завоевание Казани. Наступательная политика на Востоке. Крым или Ливония? Борьба с Ливонским орденом. 1558—1561. Борьба за Ливонию. 1561—1583. Балтийский вопрос. Идейная сторона борьбы за Ливонию. Польский вопрос. Крым и засечные линии. . . .	77
Организация военных сил государства	95
Боярство перед лицом новой народившейся силы — самодержавия. Казни и гонения.	105
Жены Ивана Грозного. Эпоха Ивана Грозного. Связь с прошлым и последующим временем.	125
Литература	129
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Создание самодержавной монархии (1462—1613)	138

III. МОСКОВСКОЕ САМОДЕРЖАВИЕ

Двойное значение термина «самодержец»	138
I. Самодержавие государства	139
II. Самодержавие государя	144
III. Москва — третий Рим	152
IV. Пережиток старины — удельные князья	168
Литература	170

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Государственная разруха (смутное время) 1584—1613	173
I. Царствование Федора	173
II. Царствование Бориса Годунова	183
III. Царствование Лжедмитрия I	192
IV. Царствование Василия Шуйского	195
V. Междуцарствие	206
А. «Царский» период	207
Б. Период народного движения	209
VI. Итоги. А. Что вызвало Смуту и что питало ее. Б. Главные моменты в истории Смуты	221
VII. Земские соборы	222
Литература	228

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Просвещение, культура и общественность в московском государстве в первые полтораста лет. 1462—1613.	239
А. Культурное первенство Новгорода.	239
Б. Культурные сношения с Западной Европой.	243
В. Религия и церковь.	272
Г. Общество и государство.	280
Д. Церковь и государство.	295
Е. Литература как отражение культурных и общественных запросов эпохи.	304
Ж. Просвещение.	323
З. Искусство.	330

ДОПОЛНЕНИЕ

Наиболее замечательные памятники духовной культуры в Московской Руси. 1462—1613 (сохранившиеся).	339
И. Памятники вещественные. II. Церкви. III. Монастыри. IV. Фрески. V. Иконы. VI. Миниатюры. VII. Церковное художественное шитье. VIII. Евангелия. IX. Памятники литературные. X. Памятники юридические.	339
Литература.	355
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Литовская и литовско-польская Русь 1462—1613.	359
Родословие литовских князей.	359
Избирательный престол польский. Короли (они же и великие князья литовские) 1572—1733.	360
I. Литва и Москва.	360
II. Политическая уния.	364
1. Уния Великого Княжества Литовского с Коронай Польской. 2. Государственный строй Великого Княжества Литовского. 3. Люблинская уния 1569 года.	364
III. Административное деление Великого Княжества Литовского.	375
IV. Высшая чиновная иерархия в Литве с 1569 года.	375
V. Литовско-русская знать.	378
Литература.	389

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. Просвещение, культура и общественность в литовской и литовско-польской руси. 1386—1654.	390
I. Печальное состояние Русской церкви. Что обусловило его	390
II. Протестантские учения	396
III. Деятельность иезуитов	397
IV. Противодействие злу	401
А. Усилия отдельных лиц. Б. Братства	401
V. Брестская уния 1596 года	406
VI. Казачество	413
VII. Восстановление православной иерархии	417
VIII. Просвещение	420
IX. Список полемических сочинений за и против унии церковной. 1577—1655.	428

ДОПОЛНЕНИЕ

Памятники духовной культуры Литовской и Литовско-Польской Руси (сохранившиеся) 1386—1654.	432
I. Памятники вещественные. II. Церкви. III. Монастыри. IV Иконы. V. Миниатюры. VI. Евангелия. VII. Памятники литературные. VIII. Памятники законодательные	432
Литература	438

Директор издательства:

О. Л. Абышко

Главный редактор:

И. А. Савкин

Рецензент:

член-корреспондент РАО, доктор исторических наук,
профессор, зав. кафедрой русской истории РГПУ им. А. И. Герцена

В. И. Старцев

Художественный редактор:

Н. И. Пашковская

Корректор:

Л. Ю. Румянцева

Редакторы:

Н. М. Баталова

Н. П. Дралова

Шмурло Евгений Францевич (1853-1934) «Курс русской истории. Русь и Литва», *серия «Библиотека русской педагогики»*.

ИЛ № 064366 от 26. 12. 1995 г.

Издательство «Алетейя»:

193019, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской обороны, д. 13

Телефон издательства: (812) 567-2239

Факс: (812) 567-2253

Сдано в набор 10. 05. 1997 г. Подписано в печать 15. 03. 1999 г. Бумага офсетная.
Формат 60x90У,,. Печать офсетная. Объем 28 п. л. Тираж 2000 экз. Заказ №3164.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Printed in Russia